

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XVIII

ВЫПУСК
XVIII

USSR ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR
D. A. OLDEROGGE

VOL. XVIII

**GEOGRAPHY. ETHNOGRAPHY. HISTORY
IN THE MEMORY OF A. V. KOROLYOV**

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Редакционная коллегия

*Б. А. ВАЛЬСКАЯ, Ю. В. МАРЕТИН,
В. А. РОМОДИН, И. В. САХАРОВ*

Сборник посвящен памяти известного ученого, одного из основателей Восточной комиссии Географического общества СССР, Александра Васильевича Королева. Ряд статей касается вопросов экономической и политической географии развивающихся стран, некоторые посвящены горным народам Индии, народным верованиям в Шри Ланке, интересным эпизодам из истории Ирана, Афганистана, описанию раннего китайского фарфора из Хара-Хото и др.

С 20901-071 — 116-76
013(02)-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА КОРОЛЕВА

15 января 1974 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Александра Васильевича Королева (1884—1968) — известного ученого и педагога, одного из основателей Восточной комиссии Географического общества СССР.

А. В. Королев родился 15 января 1884 г. в г. Лодейное Поле Ленинградской области.

Его отец, выросший в семье крестьянина Олонецкой губернии и не получивший никакого систематического образования, благодаря своим незаурядным способностям, энергии и трудолюбию сумел обеспечить своим детям возможность учиться.

Александр Васильевич поступил в Петербурге в известную Введенскую гимназию (он учился одновременно с Александром Блоком) и окончил ее в 1902 г. с золотой медалью. В этом же году он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где особенно увлекался лекциями Б. А. Тураева и А. И. Соболевского, которых он считал своими главными университетскими учителями.

Уже в студенческие годы обнаружилась разносторонняя одаренность А. В. Королева и проявилась удивительная широта его научных интересов, которую он сохранил в течение всей своей жизни. В университете Александр Васильевич не только получил основательную подготовку по истории и филологии, но и серьезно занимался естественными науками, будучи одновременно слушателем естественного отделения физико-математического факультета, где ему в особенности много дали лекции зоолога А. С. Догеля и В. М. Шимкевича, астронома С. П. Глазенапа, геолога А. А. Иностранцева.

В 1907 г. за работу «Стефан Яворский и его отношение к Петру Великому» А. В. Королев был оставлен при университете для подготовки к профессорско-преподавательской деятельности. Однако кончина отца в 1908 г. вынудила Александра Васильевича покинуть университет и начать трудовую деятельность.

В течение многих лет он преподавал историю, географию, русский язык в ряде мужских и женских средних учебных заведений Петербурга-Петрограда-Ленинграда — Покровской, Василеостровской и Коломенской женских гимназиях, первом Реальном училище. Он принимал также участие в разработке учебных программ по истории и географии, в написании (совместно с Ф. А. Тарапыгиным) учебника по истории России для пятого класса гимназии, редактировал учебник П. А. Васильева по русской истории.

После 1917 г. А. В. Королев преподавал в школах и на вечерних курсах для взрослых, а с 1924 по 1938 г. и в высших учебных заведениях Ленинграда. Он читал лекции и вел занятия в Институте живых восточных языков, в Институте народов Севера, в Промышленной академии, в Ленинградском институте философии, литературы и истории, на северном отделении и на географическом факультете Педагогического института имени А. И. Герцена, в Ленинградском университете (на географическом и восточном факультетах).

В 20-х и 30-х годах Александр Васильевич уделял большое внимание методике преподавания географии. Так, в течение ряда лет он был секретарем объединения географов Ленинграда при Институте научной педагогики. Здесь вместе с известными методистами В. П. Будановым и Г. Г. Шенбергом он принимал активное участие в обсуждении важнейших вопросов методики преподавания географии и выступал за сохранение в полном объеме преподавания географии в средней школе. Придавая большое значение наглядности в обучении, он внес свой вклад в работу методического кабинета школьного кино; по поручению кабинета им были составлены сценарии для научно-популярных и документальных фильмов «Вода на Земле» (совместно с Г. Г. Шенбергом), «Мурманский край», «Камчатка».

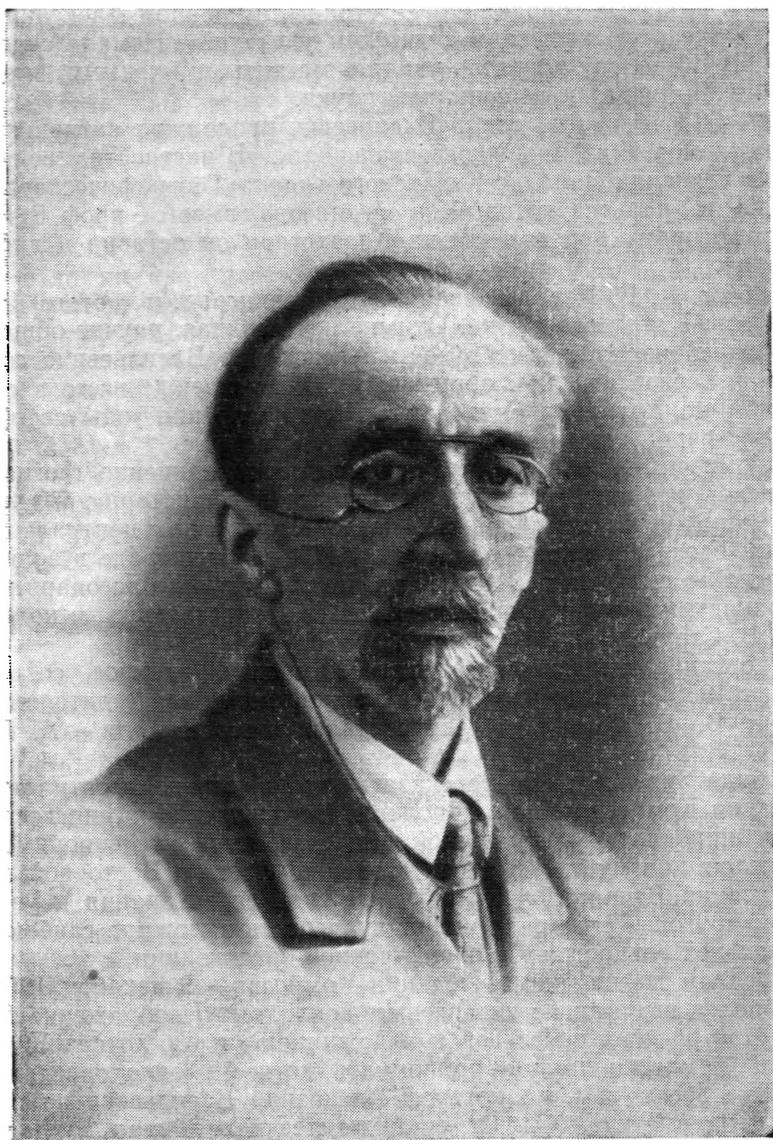
Итогом большого педагогического опыта, накопленного за долгие годы преподавательской работы, стали написанная Александром Васильевичем хрестоматия в помощь преподавателям географии, изданная в 1937 г. под названием «Азия», и ряд статей по истории географии, опубликованных в журнале «Человек и природа».

С 1939/40 учебного года Александр Васильевич — старший преподаватель Уральского педагогического института имени А. С. Пушкина. Он работал на кафедрах истории и географии, преподавая также астрономии и естествознание.

Во время Великой Отечественной войны А. В. Королев провел два года (1942—1944) в Сибири в селе Колпашево Нарымского округа и в Новосибирске, где преподавал географию в Новосибирском педагогическом институте (в 1943—1944 гг. он заведовал кафедрой географии этого института). Ведя там педагогическую работу, он одновременно внимательно изучал особенности тайги Западной Сибири, плавал по Оби и ее притоку Кети, изучал население и природу этого тогда еще труднодоступного края.

В 1944 г. он вернулся в Западный Казахстан и до 1953 г., до ухода на пенсию, снова работал старшим преподавателем Уральского педагогического института имени А. С. Пушкина.

Как и в Сибири, деятельность Александра Васильевича в Западном Казахстане не ограничивалась только преподавательской работой. Вместе со студентами он проводил как кратковременные экскурсии, так и длительные летние экспедиции для изучения природы, населения и хозяйства Западного Казахстана. Особенно следует отметить общественно полезную и воспитательную деятельность А. В. Королева, связанную с осуществлением решения партии и правительства о полесаживании посадках лесов. К этой работе он широко привлекал своих учеников-студентов. В течение одного 1950 г. Александр Васильевич, внося свою лепту в это большое дело, преодолел путь, равный 11 тыс. км. При его участии изучались районы Чажинских разливов, Камыш-Самарских озер, поймы реки Урал. В связи с работами на лесных полосах особенно детально велось исследование животного мира. При этом А. В. Королев широко применял метод сопоставления животного мира Прикаспийской низменности с животным миром западносибирской тайги.

Многообразная педагогическая деятельность А. В. Королева продолжалась почти полвека. За эти годы он воспитал множество учеников — географов, историков, филологов, до сих пор, через несколько десятков лет, с благодарностью сохраняющих в памяти яркий образ Александра Васильевича, его увлекательные уроки и лекции. Многие из его учеников стали преподавателями в школах и высших учебных заведениях в разных городах нашей страны, и недаром Александра Васильевича зачастую называли «учителем учителей». Немало своих учеников А. В. Королеву довелось увидеть маститыми учеными, внесшими большой вклад в развитие советской науки.

В 40—50-е годы Александр Васильевич продолжал активную научную и научно-организационную деятельность. В частности, велика его заслуга в создании Западно-Казахского отдела Географического общества СССР в Уральске, который он организовал вместе с проф. В. И. Ивановым и которому при отъезде из Казахстана он оставил в дар свою библиотеку.

В 1955 г. А. В. Королев вернулся в Ленинград, и с этого времени начался новый этап его жизни. Отныне вся научная, научно-общественная и организационная деятельность Александра Васильевича сосредоточилась в Географическом обществе СССР, и прежде всего в его любимом детище, которому он отдал сполна последние годы своей жизни, — в Восточной комиссии Общества.

Эта комиссия — добровольное творческое объединение географов и востоковедов, изучающих географию, этнографию, историю и культуру стран и народов Азии и Африки, — была создана при центральной организации Географического общества СССР в Ленинграде в значительной степени по инициативе Александра Васильевича и благодаря именно его стараниям и энергии, при поддержке его старого друга и коллеги — акад. В. В. Струве.

На организационном заседании Комиссии, которое состоялось 2 декабря 1955 г., было избрано ее первое бюро, председателем которого стал В. В. Струве, а заместителем председателя — А. В. Королев.

Не будет преувеличением сказать, что в первое десятилетие существования Комиссии А. В. Королев и Восточная комиссия воспринимались в широких кругах научной общественности как синонимы, как единое целое, потому что, с одной стороны, работе в Восточной комиссии Александр Васильевич отдавал все свои силы, знания и увлеченность, а с другой — его яркая индивидуальность наложила глубокий отпечаток на деятельность этой общественной организации.

На первом же научном заседании Комиссии — 9 декабря 1955 г. — А. В. Королев выступил с интересным докладом «Изображение Индии в творчестве русских писателей и художников», и его сотоварищам по Восточной комиссии трудно припомнить хотя бы одно заседание за дальнейшие десять лет, на котором Александр Васильевич не присутствовал и не выступал бы. Он систематически подбирал докладчиков и доклады, давал советы по поводу готовившихся выступлений, организовывал заседания, заботился о том, чтобы на заседаниях было как можно больше слушателей.

Достаточно обратиться к хронике работы Восточной комиссии за первое десятилетие ее деятельности, чтобы увидеть, как часто на повестке дня научных заседаний стояли доклады самого Александра Васильевича. Тематика этих докладов отражала широкий круг его интересов. Так, большое внимание уделял А. В. Королев изучению жизни, деятельности и творчеству замечательного русского художника Н. К. Рериха и его сыновей — крупного ученого-востоковеда Ю. Н. Рериха.

и известного индийского художника С. Н. Рериха. Много докладов Александра Васильевича было посвящено и другим выдающимся отечественным ученым, путешественникам, деятелям культуры — таким, как П. П. Семенов, Ч. Ч. Валиханов, Ф. М. Достоевский, К. М. Бэр и др.

Он не только старался, даже будучи тяжело больным, не пропустить ни одного заседания, но и почти всегда исполнял трудные обязанности председателя, непременно выступал в прениях, причем его импровизированные выступления нередко превращались в своего рода содоклады, никого не оставлявшие равнодушным.

Александр Васильевич в полном смысле этого слова жил интересами науки и по самым различным научным вопросам имел свое мнение, которое всегда горячо и принципиально отстаивал. Он был умелым и страстным спорщиком и в научной дискуссии чувствовал себя в своей стихии.

Немало сил и энергии отдал А. В. Королев делу организации и развития издательской деятельности Восточной комиссии. Вместе с В. В. Струве он был редактором первых томов основного печатного органа Комиссии — сборников «Страны и народы Востока».

В 1957 г. вышло в свет второе, переработанное и значительно расширенное издание книги А. В. Королева, озаглавленной теперь «Зарубежная Азия». Эта книга была высоко оценена не только учителями средней школы, для которых она была в первую очередь предназначена, но и широкими кругами научной общественности и вообще всеми, кто интересуется географией, этнографией, историей стран Востока.

Надо отметить, что Александр Васильевич принадлежал к тому типу ученых, научная деятельность которых находила свое выражение не столько в печатном, сколько в устном слове. Это относится как к его многочисленным выступлениям на заседаниях Восточной комиссии, а также и на различных других научных собраниях, так и к его каждодневному общению с учениками, коллегами и друзьями, с которыми он любил делиться своими обширными знаниями, многочисленными научными идеями, соображениями и фактами.

Он был прекрасным и неутомимым рассказчиком. Человек с необычайно широкими интересами и широким кругом знакомых и друзей, он был поистине неисчерпаемой живой энциклопедией, страницы которой были открыты для всех, кто к нему обращался. Его редкостная память и на девятом десятке лет сберегла многое из того, что хранят в себе сотни старых и новых книг, а также и то, что никогда не было записано и умерло вместе с ним.

Скончался Александр Васильевич в Ленинграде 15 сентября 1968 г., на восемьдесят пятом году жизни.

Человек с живым, вечно кипящим умом и неугасающим интересом к людям и событиям, ученый-эрудит, хотя и не имевший ученых степеней и званий, неутомимый труженик и подлинный энтузиаст науки, всегда готовый прийти на помощь тому, кто в нем нуждался, — таким остался он в памяти всех, кому довелось с ним встречаться. С его уходом Географическое общество лишилось одного из самых оригинальных, ярких и деятельных своих сочленов.

И вот в год девяностолетия со дня его рождения и в год 20-летия Восточной комиссии Географического общества все ее члены и, конечно, в первую очередь друзья и ученики вспоминают Александра Васильевича с любовью и благодарностью.

Ю. Д. Дмитриевский

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН**

Проблемы экономического районирования стран капиталистического мира постоянно были в поле зрения советских географов-марксистов. Классические труды В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» всегда были для советских экономгеографов эталоном марксистского экономического анализа, образцом регионального подхода к изучению экономических проблем, образцом тех работ, которые дают возможность определить правильные исходные позиции при изучении проблем экономического районирования стран капиталистического мира.

В последние десятилетия и особенно в последние годы — после появления на политической карте мира большой группы молодых суверенных государств и образования «третьего мира», остающегося пока в составе капиталистической системы, заметно усилился интерес советских ученых к изучению экономико-географических проблем этих стран, в частности вопросов их экономического районирования.

Об этом интересе говорят и специальные разделы об экономическом районировании той или иной страны в монографиях, посвященных отдельным развивающимся странам, и специальные разделы и главы в кандидатских и докторских диссертациях, среди которых особого упоминания заслуживают работа В. А. Пуляркина «Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран (Анализ исторического опыта Южной Азии)» [7], доклады на различных научных конференциях и научная конференция, посвященная вопросам экономического районирования стран «третьего мира», проведенная советскими географами совместно с экономистами. Ее труды были опубликованы на русском [9] и английском [10] языках. Они получили положительные отклики и в СССР, и за рубежом, в частности на XXI Международном географическом конгрессе в Дели в 1968 г.

Вопросами экономического районирования развивающихся стран занимались в последние годы довольно значительное число экономистов и главным образом экономгеографов, имена которых названы в упомянутых выше и некоторых других сборниках и иных публикациях. Среди этих ученых много научных работников, принимающих активное участие в работе Восточной комиссии Географического общества.

Советские ученые подошли к проблемам экономического районирования развивающихся стран с разных сторон и по некоторым, большей частью второстепенным, аспектам этой проблемы высказывали различные точки зрения. Однако это не помешало советским экономгеографам

в содружестве с некоторыми экономистами прийти к ряду общих принципиальных выводов. Важнейшие из них (подробно аргументированные в названных выше произведениях) вместе с некоторыми своими соображениями мы попытаемся кратко изложить.

Хорошо известно, что процесс формирования экономических районов непосредственно связан с развитием внутреннего рынка и товарно-денежных отношений, с развитием внутрисоюзных и внутрирайонных связей. Не случайно большинство советских ученых придерживается той точки зрения, что экономические районы как социально-экономическая, экономико-географическая категория представляют собой явление, возникшее в эпоху капитализма, хотя процессы районообразования, формирования отдельных очагов будущих экономических районов могли происходить и несомненно происходили ранее.

Высказанные положения особенно важны для развивающихся стран, поскольку формирование капиталистического хозяйства во многих их регионах находится на начальных этапах, когда еще преобладают докапиталистические производственные отношения. В «третьем мире» есть немало не только регионов, но и целых стран, где господствуют докапиталистические отношения.

Однако в эпоху империализма, в связи с проникновением колонизаторов практически во все районы колониальных, полуколониальных, зависимых стран, элементы капиталистических отношений и их воздействие в той или иной форме прослеживались во всех странах и районах «третьего мира». Большую роль в этом сыграла налоговая система, сильно подорвавшая патриархальное хозяйство, его традиционные формы. Однако последние в наши дни занимают еще большое место, хотя постепенно и во все большей мере модифицируются.

В связи с этим в развивающихся странах наряду с более или менее сформировавшимися экономическими районами существуют районы формирующиеся (притом находящиеся на разных стадиях формирования) и территории, где постепенно создаются предпосылки для создания будущих экономических районов.

Крах колониальной системы привел не только к образованию многочисленных новых суверенных государств, но и к важным изменениям в их экономике, включая производственные отношения, производительные силы, специализацию хозяйства, его размещение. Все это позволяет говорить о заметных сдвигах в территориальной структуре хозяйства. Они проявились в развитии его как «вширь» — по территории отдельных стран, так и «вглубь» — в связи с расширением производства в старых хозяйственных очагах и районах. Этот «двудвиный» процесс приводил к постоянной борьбе двух тенденций — уменьшения и увеличения неравномерности в размещении производства, сокращения и расширения диспропорций в территориальной структуре хозяйства.

Развитие экономики «вширь» происходило за счет расширения производства в хозяйственно слабо развитых районах и освоения совершенно новых в экономическом отношении территорий. При этом возникали территории нового сельскохозяйственного, промышленного, инфраструктурного, комплексного освоения.

В целом сдвиги в территориальной структуре хозяйства происходили в результате развития добывающей, в первую очередь горнодобывающей, промышленности, товарного сельскохозяйственного производства, в том числе экспортного направления (в частности, на поливных, в том числе вновь орошенных землях), развития производственной инфраструктуры, иногда обрабатывающей промышленности.

Все названные изменения происходили и происходят в условиях многоукладной экономики. При этом роль тех или иных укладов не-

одинакова в разных развивающихся странах и отдельных внутригосударственных районах. Отсюда — территориальные различия не только в производительных силах, но и в производственных отношениях. В результате возникают социально-производственные типы территориальной структуры хозяйства, территориальные типы производства, которые в условиях многоукладной экономики весьма многочисленны. Эти типы могут быть сельскохозяйственными, промышленными (в том числе горнопромышленными), в отдельных случаях, особенно в районах нового освоения, инфраструктурными. Ныне не редкость типы, в которых совмещается сельскохозяйственное и промышленное производство (иногда сочетающееся с определенными видами производственной инфраструктуры), комплексные типы.

Социально-производственные типы территориальной структуры отражают определенный уровень социально-экономического развития территории. Анализ этих типов дает возможность подойти к выявлению формирующихся экономических районов и стадии их формирования. В общем виде можно утверждать, что более высокий (в социально-экономическом смысле) тип территориальной структуры хозяйства соответствует более высокому уровню и более высокой стадии формирования экономического района.

В большинстве развивающихся стран экономические районы образуются в ходе развития капиталистических отношений, и стадия их формирования, в общем, адекватна уровню развития этих отношений. Закономерно поэтому, что формирование экономических районов далее продвинулось в тех развивающихся странах и тех внутригосударственных районах, где уровень развития капитализма (по современным стандартам развивающихся стран) более высок.

Развитие капиталистических отношений в развивающихся странах, продолжающих идти по пути капитализма, происходит в различных формах, при различной роли иностранного и местного капитала, внутреннего и, в большой мере, внешнего рынка. Поэтому анализ форм развития капитализма, вероятно, столь же важен, как и анализ уровня его развития.

В ряде развивающихся стран экономические районы, представляющие собой определенные хозяйственные общности, формируются одновременно и параллельно с образованием высших социально-этнических общностей — наций. Это, конечно, не случайно, ибо и стадия формирования наций, и стадия развития экономического района зависят от уровня достигнутой общности экономической жизни, в капиталистических странах — от уровня развития капиталистических отношений. Поэтому в развивающихся странах нередко границы формирования наций и границы формирующихся экономических районов в большой мере совпадают.

Особое место среди развивающихся стран занимает группа стран социалистической ориентации. Там — в принципе — идет в тех или иных формах борьба с капиталистическими отношениями, и тем самым они не определяют уровня экономического развития и степени, которой достигли процессы районообразования. В этой группе стран некапиталистического пути развития формирование экономических районов происходит в условиях развития общественных форм собственности, государственного и кооперативного секторов, которые обуславливают формирование адекватных социально-производственных территориальных типов. Последние и представляют собой вещественное содержание экономических районов стран социалистической ориентации. Конечно, в этих государствах сохраняются еще капиталистические и даже докапиталистические пережитки в экономической жизни. Поэтому, вероятно,

правильным будет утверждение, что определяющим при выявлении экономических районов в странах социалистической ориентации является уровень развития общественных форм собственности. Важную роль играют также конкретные формы собственности и пути их развития.

Как показали в своих исследованиях советские ученые, формирование экономических районов в развивающихся странах чаще всего происходит вокруг хозяйственных ядер со специализацией на минеральном сырье или товарных сельскохозяйственных продуктах, реже — вокруг очагов обрабатывающей промышленности, хотя последние десятилетия свидетельствуют об усилении последней тенденции. Таким образом, формируются районы минерально-сырьевого, аграрно-сырьевого, реже — промышленного (с развитием обрабатывающей промышленности) или комплексного типа.

Важной является проблема взаимосвязи социально-экономического лица экономического района и его специализации. Социально-экономическое лицо района — его определяющая черта. Специализация — очень важный, но все же вторичный признак выявления экономического района. В конечном счете ее определяют производственные отношения, их конкретные формы. Нельзя, однако, забывать и об обратном влиянии специализации на производственные отношения. Возникшая при определенных производственных отношениях товарная специализация влечет за собой и дальнейшее углубление и развитие данных производственных отношений или, в определенных условиях, их модификацию, преобразование в адекватную новой специализации форму

Таким образом, в странах, развивающихся по капиталистическому пути, экономический район — это стихийно сложившаяся объективно существующая экономическая общность территории, выражающаяся в примерно одинаковых уровнях и формах развития капитализма и проявляющаяся, в производственной специализации, выделяющей данную территорию среди других частей страны.

В странах социалистической ориентации экономический район — это объективно существующая экономическая общность территории, выражающаяся в примерно одинаковых уровнях и формах развития общественных форм собственности и хозяйства и проявляющаяся в производственной специализации, выделяющей данную территорию среди других частей страны¹.

Общность территории следует понимать, конечно, диалектически. Выявление ее внутренних противоречий, их конкретный анализ, установление таким путем закономерностей развития того или иного района — одна из основных задач экономической географии вообще, экономической географии развивающихся стран в частности.

Одной из особенностей экономического района развивающейся страны является имманентное диалектическое противоречие между его внешней (по отношению к другим районам страны) гомогенностью и внутренней гетерогенностью. Практически это противоречие выливается в существование весьма различающихся по своим экономическим функциям подрайонов внутри экономических районов.

Каждый более или менее сформировавшийся или формирующийся экономический район развивающейся страны имеет обычно свой центральный (в функциональном, а не в формально-геометрическом смысле слова) подрайон, определяющий специализацию и общегосударственную

¹ Приведенные определения по своей формулировке несколько отличаются от определения М. С. Розина [8, 21]: «Экономический район в развивающихся странах — это фактически сложившаяся на данном историческом отрезке времени общность территории и экономической жизни, проявляющаяся во внутри- и межрайонных или внешних экономических связях и имеющая в основе определенную структуру производительных сил и производственных отношений», но принципиально не противоречат ему.

функцию всего экономического района, а также ряд других подрайонов, одни из которых служат поставщиками рабочей силы, другие — продовольствия для центрального подрайона и т. д. Как правило, каждый подрайон имеет свои организующие городские центры, но главные городские центры, обычно полифункциональные, находятся в центральном подрайоне, который они и возглавляют.

Границы экономических районов и подрайонов, конечно, границы социально-экономические. Это не исключает того, что границы экономических районов и подрайонов могут совпадать с границами природных регионов. Один из исследователей, Л. Я. Зиман, отмечал, что «природные рубежи оказывают влияние на экономическое районирование, но это влияние не является определяющим» [5, 145].

Весьма плодотворной представляется мысль В. А. Пуляркина о том, что границы районов «представляют собой своеобразный узловый участок, обладающий собственной спецификой» [7, 427].

Достаточно сложен и дискуссионен вопрос о том, может ли быть районирование развивающихся стран «сплошным», т. е. могут ли экономические районы при современном уровне социально-экономического развития «покрывать всю территорию страны» или должны быть установлены и оконтурены какие-то изолированные сформировавшиеся или формирующиеся районы.

Вероятно, в странах «третьего мира», развивающихся по капиталистическому пути, можно говорить о формирующихся экономических районах там, где капиталистические отношения преобладают или играют заметную роль в хозяйстве. При этом наиболее чутким индикатором будет характер аграрных отношений, степень сохранения и устойчивости докапиталистических отношений.

В странах некапиталистического пути развития формирующиеся экономические районы наиболее четко вырисовываются там, где общественные формы собственности, государственный и кооперативный секторы преобладают или играют достаточно заметную роль.

Что касается остальных районов, то их можно, по-видимому, рассматривать в качестве территорий, где в той или иной мере начинаются процессы районообразования (а процессы эти идут везде, куда только проникли товарно-денежные отношения, т. е. на подавляющей части территорий развивающихся стран). Это — территории будущих экономических районов, где имеются тех или иных масштабов очаги хозяйственной жизни, те или иные ядра будущих экономических районов. Нередко эти очаги и ядра удалены друг от друга на большие расстояния. Вероятно, эти части отдельных стран, где еще не происходят заметные процессы экономического районообразования, можно называть экономическими или хозяйственными территориями [см., например, 4, 93, 121 и др.] или экономическими предрайонами. На карте они будут выделены так же, как и экономические районы. Но в отличие от последних для их хозяйственной структуры характерна внутренняя территориальная гомогенность, являющаяся следствием простоты, а иногда и примитивности хозяйственной жизни, огромной роли натурального и полунатурального хозяйства. В связи с быстрым развитием в большинстве развивающихся стран товарно-денежных отношений, капитализма, а в странах социалистической ориентации — общественной собственности, государственных и кооперативных хозяйств значение таких территорий быстро падает — и не стоит переоценивать степени их распространения. Зато роль и значение формирующихся экономических районов, их удельный вес не только в хозяйственном, но и в чисто территориальном аспекте достаточно быстро растет.

Известно, что среди развивающихся стран социалистической ориен-

тации и стран, продолжающих развиваться по капиталистическому пути, существуют государства различного социально-экономического типа. Страны социалистической ориентации различаются по удельному весу и формам развития общественного хозяйства, по связанной с ними производственной специализации. Страны, развивающиеся по капиталистическому пути, различаются уровнем и формами развития капиталистических отношений и адекватной им специализации хозяйства. При этом социально-экономические типы «накладываются» на конкретный природный и природно-ресурсный фон. В результате возникает своеобразный, во многом специфический ход формирования экономических районов. Иными словами, существует специфика формирования экономических районов в связи с социально-экономическим типом страны и существующими в ней природными, природно-ресурсными предпосылками развития хозяйства.

По мере усиления воздействия человеческого общества на природу происходит расширение и углубление экономико-экологических процессов, адекватных социально-экономическому типу страны (отражающему все стороны уровня ее развития) и зависящих от существующей в ней «природной обстановки». В результате экономико-экологических процессов формируются определенные экономико-экологические районы. Они весьма разнообразны, но при генерализации могут быть сведены в соответствующие типы. Таким образом, следует говорить о формировании различных типов экономико-экологических районов развивающихся стран. Несомненно, что существует явная связь между экономико-географическими и экономико-экологическими процессами, выражающимися соответственно в формировании экономических и экономико-экологических районов. Следовательно, существуют тесные связи между экономическим и экономико-экологическим районированием, которые еще предстоит серьезно изучить.

В монографии «География мирового хозяйства» М. С. Розин поставил вопрос «о крупном экономическом районе, охватывающем территорию нескольких государств» [8, 22—23]. При этом имеются в виду развивающиеся страны. Постановка этой проблемы представляется вполне своевременной, хотя и требующей некоторого уточнения.

Дело в том, что в «третьем мире» образовалось большое число государств, обладающих небольшим по численности населением, ограниченным «набором» природных ресурсов, низким уровнем развития производительных сил [6]. Быстрое и успешное развитие этих стран по пути завоевания экономической самостоятельности вряд ли возможно без объединения их усилий с соседними государствами, без тех или иных форм экономической интеграции. А последняя несомненно может на определенном этапе привести к формированию межгосударственных экономических районов. Эти межгосударственные районы могут включать какие-то смежные территории соседних государств. Очевидно, на всю территорию государств межгосударственные экономические районы распространяться не могут (ибо и внутри государств не существует единых экономических районов, особенно в условиях многоукладной экономики).

Поэтому приведенное в указанной работе определение², как нам представляется, больше подходит для межгосударственной интеграции-

---

² «Крупный экономический район, охватывающий территории разных государств, расположенных по соседству,— это фактически сложившаяся на данном историческом отрезке времени общность экономической жизни, проявляющаяся во внешних экономических связях этих государств и имеющая в основе определенную структуру производительных сил при однотипности производственных отношений, а также при наличии межправительственной договоренности соответствующих государств» [8, 23].

онной группировки. И здесь принцип однородности производственных отношений, как, впрочем, и при формировании межгосударственных экономических районов, конечно, очень важен, ибо только единство избранного входящими в интеграционную группировку государствами социально-экономического пути и соответствующая перестройка производственных отношений и экономических структур могут обеспечить интеграцию и формирование устойчивых межгосударственных экономических районов.

В связи с изложенным, вероятно, в определенной мере устарел тезис (которого придерживался и автор настоящей статьи) о том, что выделение экономических районов возможно только в пределах государственных границ, которые являются рубежами не только политической, но и экономической жизни территории [3]. Жизнь внесла и вносит в теоретические положения поправки.

В последние годы в экономическую географию все шире внедряются различные математические методы. Они могут быть полезными и при выявлении экономических районов, и при определении их границ. К сожалению, при анализе главной, социально-экономической стороны проблемы — выявления особенностей производственных отношений, которые, как показано выше, определяют экономический район и его границы, — формализация анализа (сама по себе очень привлекающая своей «объективностью») может привести к неполным и неверным выводам (особенно при крайне скудной количественной информации о социальных проблемах, производственных отношениях развивающихся стран). В частности, как отмечает В. А. Пуляркин, «математическая правильность приемов формализации еще не гарантирует успеха в определении критических показателей...» [7, 294]. Поэтому за математическими методами в вопросах анализа проблем экономического районирования развивающихся стран, пожалуй, скорее будущее, чем настоящее. Можно надеяться, недалекое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3.
2. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, — Полное собрание сочинений, т. 27.
3. Дмитриевский Ю. Д. К вопросу об определении экономического района в капиталистическом обществе, — «Ученые записки Вологодского пединститута», 1951, т. 8.
4. Дмитриевский Ю. Д., Шахнович К. А., Ягья В. С. Экономическая география стран Северо-Восточной Африки, Л., 1972.
5. Зиман Л. Я. Природные рубежи и границы экономических районов, — «Вопросы географии», сб. 8, М., 1948.
6. Поспелова Н. Г. Социально-экономические особенности малых стран «третьего мира», — «Экономические науки», 1971, № 12.
7. Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран (Анализ исторического опыта Южной Азии), дисс. на соиск. уч. степени доктора геогр. наук, М., 1972.
8. Розин М. С., Василевский Л. И., Вольф М. Б. География мирового хозяйства, М., 1971.
9. Экономическое районирование развивающихся стран, — «Вопросы географии», сб. 76, М., 1968.
10. Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries, М., 1968.

В. С. Ягья

РАЗМЕЩЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА И НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»

В странах «третьего мира» в 60—70-е годы XX в. становится жизненно необходимым разрешение проблем регионального развития [1, 8]: принимаются специальные программы для отдельных районов; в общегосударственных планах выделяются особые разделы, проектирующие хозяйственное освоение их; создаются специализированные правительственные органы, занимающиеся региональным переустройством. В большинстве развивающихся стран региональное планирование стало составной частью государственного регулирования экономики. Это в известной степени связано с тем, что государство в странах «третьего мира», особенно в Азии и Африке, ставшее значительной силой экономического развития, стремится выполнить функции пространственного детерминатора хозяйственного строительства в стране. В основе регионального переустройства лежит прежде всего желание ликвидировать территориально-хозяйственные диспропорции (притом весьма существенные), унаследованные от колониальных времен или возникшие уже в период независимости. Важны также многие политико-географические процессы, свойственные развивающимся странам. В данной статье автор пытается рассмотреть воздействие некоторых из этих процессов на размещение хозяйства стран «третьего мира».

Под политико-географическими процессами автор понимает всю сумму многообразных взаимосвязей политической организации общества, определяемой его экономическим базисом, и пространства, представляющего территориально-природные пределы и в то же самое время основы жизнедеятельности этого общества. Учитывая все это, становится понятным, насколько важен обстоятельный анализ политико-географических факторов в общественно-политической жизни страны, или районов, или группы стран. В результате выявляются политико-географические особенности, тормозящие хозяйственное освоение тех или иных территорий и их природных ресурсов или содействующие ему.

В опубликованных работах, посвященных территориально-производственным проблемам развивающихся стран, политико-географические факторы, влиявшие на возрастание значения региональной политики в «третьем мире», тоже не игнорировались, хотя под таким названием они, как правило, не фигурировали. Обычно авторы ссылались на социально-политические причины, сводя их в политико-географическом плане преимущественно к региональным различиям в социальных отношениях [1, 8]. Разумеется, политико-географические процессы и их воздействие на хозяйственное строительство многообразнее и сложнее.

Они охватывают значительную часть комплекса проблем политической географии развивающихся стран. Недаром вопрос ее серьезного изучения стоял на всесоюзной конференции «География и развивающиеся страны», состоявшейся в сентябре 1973 г. в Ленинграде [9, 176].

Одним из наиболее актуальных политико-географических вопросов «третьего мира» справедливо признается незавершенность процесса территориально-государственного размежевания, который проявляется в трех аспектах. Во-первых, существуют политико-территориально-интеграционные тенденции, направленные на объединение двух или нескольких стран в федеративное или унитарное государство. Во-вторых, имеются политико-территориально-дезинтеграционные тенденции, заключающиеся в действиях центробежных сил, добивающихся выделения той или иной территории из состава государства и образования на ней самостоятельного государства. И, наконец, в «третьем мире» есть еще немало межгосударственных погранично-территориальных претензий и споров, мирное решение которых (например, согласованная демаркация границ) должно уточнить территориальные размеры различных государств. Эти аспекты незавершенного процесса государственно-территориального размежевания своеобразно воздействуют на программы регионального развития. При этом во многих странах все упомянутые тенденции сосуществуют, привнося немало сложностей и противоречивости в организацию территориальной структуры хозяйства, к изменению которой приступили развивающиеся государства.

Реализация первой тенденции возможна, согласно наиболее распространенной точке зрения, на основе разностороннего и широкого экономического сотрудничества. Создание промышленных и сельскохозяйственных предприятий, обслуживающих соседние государства, организация региональных экономических сообществ, строительство общих инфраструктурных объектов — вот конкретные шаги в области дву- или многостороннего (межгосударственного) хозяйственного развития в «третьем мире».

Ряд стран (в том числе и те, между которыми нет стремления к объединению, но имеются добрососедские отношения) уже приступили к интенсивному совместному освоению приграничных районов. Такое хозяйственное строительство вольно или невольно готовит почву для предстоящих политико-территориальных объединений, и даже среди тех стран, которые в настоящее время не склонны к политической интеграции. Здесь будет сказываться также борьба за достижение экономической независимости, добиться которой небольшим странам с ограниченными трудовыми, природными и финансовыми ресурсами представляется весьма трудным делом. Учитывая такие обстоятельства, можно утверждать, что районы совместного приграничного освоения становятся своеобразными переходными политико-территориально-интеграционными зонами.

Такие зоны создаются даже вдали от границы, если одно или несколько государств принимают участие в разработке природных ресурсов другого государства в общих интересах. И чем больше будет переходных политико-территориально-интеграционных зон, тем значительней окажется фундамент для реализации объединительной тенденции. Такими зонами являются, в частности, район Липтако-Гурма площадью 470 тыс. га, расположенный в Верхней Вольте, Мали и Нигере; район железорудного месторождения Тиндуф в Алжире, разрабатываемого совместно с Марокко, и др.

Политико-территориально-дезинтеграционная тенденция в «третьем мире» связана с центробежными силами, представляющими интересы тех или иных этноконфессиональных групп населения в полиэтноконфес-

сиональном государстве (а во многих случаях даже отдельных их кругов)¹.

Названная тенденция реализуется сепаратистскими движениями, возникающими в результате самых многообразных и сложных причин, в том числе вследствие обострения межэтнических и межрелигиозных различий. Территориальные аспекты сепаратизма, а также межэтнических и межконфессиональных отношений оказывают самое непосредственное влияние на выполнение развивающимся государством своей функции хозяйственно-пространственного детерминатора. В целях большей эффективности в борьбе с вооруженными отрядами сепаратистов в районах боевых действий правительства интенсифицируют дорожное строительство военного назначения, а также (но заметно реже) сооружение гражданских хозяйственных объектов. Последнее осуществляется для того, чтобы экономически теснее связать «мятежную» территорию с другими частями страны. Показательна в этом отношении в известной степени позиция эфиопского императорского правительства в вопросах хозяйственного освоения Эритреи, где в 60-е — начале 70-х годов действовал нелегальный Фронт освобождения, добивавшийся отделения этой провинции от Эфиопии. В ряде государств (Пакистане, Иране, Нигерии и др.) усиливается экономическое развитие потенциально сепаратистских районов во избежание развертывания там вооруженной борьбы.

Политико-территориально-дезинтеграционная тенденция в «третьем мире» связана не только с сепаратистскими движениями, но и с национально-освободительной борьбой народов в полиэтническом государстве, которые подвергаются национальной дискриминации со стороны одной (подчас самой многочисленной) или нескольких других этнических групп, занимающих господствующее положение в государстве. При этом оно, как правило, рассматривает территорию с дискриминируемой этнической группой населения как колонию привилегированных частей страны. В результате усиливаются территориальные диспропорции социально-экономического развития страны; увеличивается социально-этническая напряженность; дискриминируемым народам приходится браться за оружие, чтобы защитить свои права и добиться национального и политического освобождения. Судьба бывшего Восточного Пакистана (ныне Республика Бангладеш) — тому подтверждение.

Наличие в «третьем мире» межгосударственных погранично-территориальных споров и претензий, наряду с осложнением экономических и политических отношений с соседями, приводит, как правило, к очень ограниченному хозяйственному освоению спорных территорий, а порой к полному игнорированию их экономического развития, за исключением строительства там военно-инженерных сооружений. Таким образом, из пространственной сферы хозяйственной деятельности государства фактически изымаются обширные по площади ареалы, зачастую богатые разнообразными природными ресурсами. Эти спорные районы превращаются в своеобразные политико-территориальные зоны противоборства между государствами-соседями.

Нерешенность погранично-территориальных вопросов между странами-соседями ограничивает возможности экономического развития даже территорий, сопредельных со спорными районами. Это особенно ха-

---

¹ Не всегда, однако, центробежными силами выдвигаются требования выделения и образования самостоятельного государства. Известны случаи, когда они добиваются изменения государственного статуса страны (например, объявления ее федерацией) и одновременного расширения политико-административных и хозяйственных прав (в ее пределах) для различных территорий с гомогенным этноконфессиональным населением. Здесь уже речь не идет о дезинтеграции государства.

рактенно для областей, связанных общими водными артериями, разделенными государственными границами. Пространственные параметры экономической деятельности государств при наличии общей реки бывают сужены, даже если между ними нет территориально-пограничных разногласий. Дело в том, что государство, где расположено нижнее течение реки, от использования вод которой во многом зависят судьбы ее сельскохозяйственного производства, очень настороженно, а порой просто враждебно относится к любым планам гидротехнического строительства в верхних частях этой реки, находящихся в соседнем государстве или соседних государствах. Вследствие такой реакции последнее очень часто откладывает на неопределенное время осуществление предусмотренного гидропроекта. К этому его, кстати, нередко принуждают также западные державы, отказывая ему, по своим неокOLONиалистским соображениям, в предоставлении технической и финансовой помощи, на что рассчитывало развивающееся государство.

Имеется, однако, немало фактов, когда заинтересованные страны, проявляя добрую волю, успешно решали сложные проблемы использования общих водоемов. Свидетельство тому — работа межправительственного технического комитета по использованию вод Нила и озер нильского бассейна, в состав которого входят Судан, Египет, Танзания, Эфиопия, Уганда, Кения, Руанда и Бурунди [2], а также распределение вод бассейна Инда между Пакистаном и Индией.

Есть примеры, когда крупные державы пытаются выступить в качестве арбитра между странами, имеющими значительные разногласия по поводу использования водных ресурсов [3]. Их воздействие на развитие и размещение производительных сил афро-азиатских и латиноамериканских стран, с которыми они непосредственно граничат, в корне отличается от влияния, оказываемого друг на друга самими освободившимися странами-соседами. Оно находится в русле глобальной неокOLONиалистской стратегии мирового империализма в «третьем мире», хотя и имеет немало специфических черт, что обусловлено отчасти национальными особенностями отдельных империалистических держав, отчасти характером территориальной близости с развивающимися странами (проходит ли граница по суше, либо соседей разделяет сравнительно небольшое морское пространство и т. д.).

Именно фактором ближайшего соседства можно объяснить в известной мере усиление проникновения американского империализма в Мексику, а японского² — в страны Юго-Восточной Азии. Ближайшее соседство с империалистическими державами содействует усилению аграрно-минерально-сырьевой направленности хозяйства развивающихся стран. Так, закрепление скотоводческой специализации хозяйства в северных районах Мексики связано со всевозрастающими потребностями США в мясе.

Совершенно иной характер носит воздействие Советского Союза и других государств социалистического содружества на развитие и размещение производительных сил стран «третьего мира» — ближайших соседей социалистических стран. Строя свои отношения с развивающимися странами на основе уважения территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодности и в интересах создания независимой национальной экономики, социалистические государства осуществляют совместно с развивающейся страной-соседом строительство крупных хозяйственных комплексов в ее приграничных районах. При этом социалистическая страна ведет освоение своих при-

---

² Например, организация Японией так называемых грязных производств в ЮВА и т. д.

граничных районов, ориентируя их в определенной мере на экономические связи с соседом. Особенно это характерно для Советского Союза в его отношениях с Афганистаном и Ираном [5].

Разностороннее освоение природных богатств приграничных районов развивающейся страны с помощью соседей — социалистических государств должно облегчить ей не только решение задач экономического освобождения, но и осуществление мероприятий по совершенствованию системы ее административно-территориального деления [6].

Реорганизация административно-территориальной структуры — явление, присущее большинству развивающихся стран. Оно отражает незавершенность политико-географического процесса формирования политической карты государств «третьего мира», который обусловлен стремлением покончить с колониальным прошлым, когда административно-территориальная система предназначалась лишь для утверждения господства метрополии, слабостью политико-территориальной консолидации страны, а также этническими, религиозными, регионалистскими, политическими и хозяйственными факторами.

Особое внимание административно-территориальному членению развивающейся страны следует уделить потому, что оно представляет собой пространственную форму регионального планирования в большинстве государств «третьего мира». Взаимосвязь регионального развития и приспособления административного деления к экономическим задачам, решаемым государством в целом и в ходе регионального планирования в частности, отчетливо прослеживается при выяснении причин изменения административно-пространственной структуры в некоторых государствах «третьего мира». Так, в Мавритании к созданным в 1969 г. по экономическим соображениям восьми районам, в 1974 г. в целях повышения эффективности управления экономикой и снабжения внутренних областей добавился еще один, выделенный из пятого, самого большого³; в Марокко в соответствии с политикой децентрализации власти и улучшения административного, экономического и социального управления страной количество основных административных единиц (провинций) увеличилось с 16 в 1965 г. до 22 в 1972 г.; в Гане времен Второй Республики правительство Кофи Бусиа в качестве меры по стимулированию роста экономики, и прежде всего сельского хозяйства, вместо девяти существовавших областей намеревалось разделить страну на 26 провинций и т. д. В некоторых развивающихся странах (например, в Нигерии) одна из причин изменения административно-территориального деления состояла в том, чтобы ликвидировать экономическую (а на ее основе и политическую) доминацию одного района над другим и вместе с тем как-то уравнять в социально-экономическом отношении административные единицы, т. е. перераспределить территориально-административный аспект экономического потенциала страны.

С административно-территориальным делением и унифицированием уровня социально-экономического развития отдельных районов во многих государствах «третьего мира» тесно переплетается проблема роста регионализма (межрегиональных отношений), понимаемого как межрайонный антагонизм (термин предложен Я. Г. Машбицем и М. Б. Горнунгом на одном из заседаний географической секции второй Всесоюзной конференции африканистов в октябре 1974 г. Этот политико-географический процесс связан, во-первых, с ростом общественной активности населения (независимо от его этнической принадлежности) по отношению к проблемам своего района и, во-вторых, с ростом автори-

³ В Мавритании районы обозначаются порядковыми числительными.

тета районной власти как во внутренних, так и во внешних делах района. Происходящая, таким образом, по выражению польского ученого С. Завадского, общественная консолидация региона сопровождается усилением «регионального патриотизма», представляющего собой «существенную силу, влияющую на развитие региона» [4, 185]. Материальная основа регионализма — резкие диспропорции в хозяйственном развитии административных районов. В связи с тем что региональное планирование строится, как правило, на базе административно-территориальной сетки, на выбор местоположения хозяйственных объектов, предусмотренных отраслевыми планами, оказывают непосредственное влияние, причем большей частью негативное, географические аспекты межрегиональных отношений. Это обстоятельство было проанализировано, в частности, на примере Индии [10]. Именно регионализм лежит в основе распространенных в Индии требований: «каждому штату — свой комбинат химических удобрений», «каждому штату — свой станкостроительный завод», «каждому штату — свой металлургический комбинат» и т. д. и т. п. Сходные тенденции наблюдаются в Нигерии и ряде других афро-азиатских стран [8].

Межрегиональное противоборство особенно обостряется вследствие этнической конфронтации между различными народами, но оно может существовать и усиливаться даже между районами с этнически однородным населением. В этом случае рост регионализма стимулируется прежде всего экономическими и историческими факторами (например, в Эфиопии прошлое и современное положение провинции Годжам — основа обострения регионалистских конфликтов ее населения с населением провинции Шоа).

Из-за межрегиональной напряженности и для ускорения развития слабоосвоенных территорий в Пакистане, Бразилии, Танзании и некоторых других освободившихся странах осуществлен или осуществляется перенос столицы в глубинные районы. В результате основания новой столицы происходят заметные сдвиги в экономической и политической географии страны. Новая столица, при определении места строительства которой учитывается фактор центральности ее положения в сочетании с необходимостью обеспечения ее тесного контакта со всей территорией страны, и особенно с крупными, жизненно важными центрами, удобством внешних сношений, а также пространственные аспекты этнических и регионалистских отношений, порождает новые черты в политико-географической ситуации страны, в том числе в размещении политических сил.

Возникшие, таким образом, изменения в политико-географической обстановке государства, в свою очередь, так или иначе воздействуют на региональное развитие, углубляя или, наоборот, сглаживая (но не устраняя!) диспропорции в территориальной структуре хозяйства развивающейся страны. Не исключена возможность того, что с созданием новой столицы появятся новые межрегиональные конфликты, которые осложнят политико-географическую ситуацию в стране. Словом, еще раз подтверждается наличие определенной связи между политико-географическими процессами и региональным развитием в «третьем мире».

Взаимодействие размещения хозяйства и политико-географических процессов указывает на необходимость обстоятельного изучения политической географии развивающихся стран, а также комплекса проблем, касающихся, по мнению ряда советских ученых, региональной экономики [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. А л а е в Э. Б. Региональное планирование в развивающихся странах, М., 1973.
2. «Аль-Айям», Хартум, 28.XI.1972 (на араб. яз.).
3. «Аль-Мухаррир», Бейрут, 20.XII.1973 (на араб. яз.).
4. З а в а д с к и й С. Основы регионального планирования, М., 1973.
5. З е в и н Л. З. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран, М., 1970.
6. «Кейхан», Тегеран, 28.II.1973 (на перс. яз.).
7. К р о т о в В. А. Экономическая география и региональная экономика,— «Теоретическая география. Материалы симпозиума по теоретическим проблемам географии», Рига, 1973.
8. Региональные исследования за рубежом, М., 1973.
9. Резолюция научной конференции «География и развивающиеся страны»,— «Известия ВГО», 1974, т. 106, вып. 2.
10. С д а с ю к Г. В. Некоторые особенности формирования экономических районов в Индии,— «Вопросы географии», № 76, М., 1968.
11. С е м е в с к и й Б. Н. Экономическая география на новом этапе,— «Теоретические вопросы экономической географии», Л., 1973.
12. «Le Monde diplomatique», Paris, 1973, novembre.

Г. И. Чуфрин

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ АЗИИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ИНДИИ

Для Индии торговля с азиатскими развивающимися странами всегда имела большое значение. Однако в начальный период ее независимого развития эти страны представляли для нее интерес в первую очередь как рынки сбыта традиционных индийских товаров (хлопчатобумажные ткани, чай, джутовые изделия) и источники получения сельскохозяйственного сырья (джут, а также продовольствие и пр.).

По мере роста экономического потенциала Индии и существенного изменения ее импортных потребностей и экспортных возможностей менялись и ее взгляды на роль азиатских развивающихся стран в индийском внешнеторговом обороте. Они стали одним из основных рынков сбыта продукции новых или, как их еще иногда называют, «инженерных» отраслей индийской обрабатывающей промышленности и одновременными поставщиками уже не столько сельскохозяйственного, сколько минерального сырья (в первую очередь нефти) для нужд национального производства Индии.

Политика жестких импортных ограничений, проводящаяся Индией на протяжении всего послеколониального периода, привела к падению темпов ввоза из азиатских стран, в результате чего к началу 70-х годов произошло не только относительное, но и абсолютное сокращение размеров индийского импорта из этих государств по сравнению с концом 40-х — началом 50-х годов. Так, в 1970/71 г. Индия закупила в развивающихся странах Азии товаров на 1787 млн. рупий, т. е. 11% общей стоимости ее импорта, тогда как в 1951/52 г. эти показатели равнялись соответственно 2199 млн. рупий и 16,0%.

Эти ограничения осуществлялись с учетом развития внутреннего производства отдельных видов сырья и продовольствия, но в то же время происходил рост импорта других видов сырья. Как следствие этого, в течение 60-х годов индийский импорт из азиатских стран претерпел серьезные изменения не только в своей структуре, но и в географическом распределении. Усилилось значение стран Западной Азии при заметном сокращении роли государств Южной и Юго-Восточной Азии.

Заметное падение доли Южной и Юго-Восточной Азии в индийском импорте к началу 70-х годов произошло отчасти в связи с уменьшением ввоза в Индию продовольствия из стран этого региона. Особенно эти изменения отразились на импорте из Бирмы и Таиланда — традиционных поставщиков риса на индийский рынок.

Главной же статьей индийского импорта из азиатских стран стала нефть, что, в свою очередь, привело к повышению доли азиатских экспортеров ее, важнейшими из которых стали страны Западной Азии, а среди последних — Иран, Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт и Катар.

Более того, постоянно увеличивающиеся расходы Индии на закупку нефти в этих государствах обусловили в начале 70-х годов изменение господствовавшей на протяжении предыдущих двух десятилетий тенденции к падению удельного веса азиатских стран в индийском импорте. В 1974/75 г., например, общие размеры индийского ввоза из этих стран достигли 12 004 млн. рупий, причем 11 227 млн. из них было израсходовано на оплату импорта товаров из Западной Азии.

Индия заинтересована также в импорте других видов минерального и сельскохозяйственного сырья из азиатских стран (например, цветных металлов, серы, джута-сырца, хлопка), причем масштабы ее потребностей, видимо, будут возрастать и в дальнейшем благодаря растущим объемам производства и структурным сдвигам в основных отраслях национальной экономики. Но вместе с тем для закупок в азиатских странах особо важных сырьевых товаров не хватает валютных средств. Поэтому развитие импортной торговли Индии происходит весьма неустойчиво как со всем азиатским регионом, так и с отдельными его частями.

Так, в связи с валютными трудностями Индия была вынуждена с конца 50-х годов перенести основной объем закупок цветных металлов в США, где ей были предоставлены соответствующие кредиты. Одновременно резко сократился индийский импорт (с оплатой наличными) цинка и олова из Бирмы, Малайзии и Таиланда, хотя цены на цветные металлы в этих странах были значительно ниже (до 30%) цен американского рынка [1, 49].

После того как в конце 1973 г. резко выросли мировые цены на нефть, проблема финансирования ее импорта превратилась для Индии в одну из наиболее острых. Достаточно сказать, что, по подсчетам, сделанным экспертами МБРР, Индия при сохранении неизменного уровня ввоза нефти должна затрачивать на его оплату втрое больше, чем она это делала ранее, т. е. 1,3—1,5 млрд. долл., что составляет около половины всех ее экспортных доходов.

В результате переговоров с правительствами Ирана и Ирака, проведенных в срочном порядке в начале 1974 г., Индии удалось получить кредиты для оплаты импорта нефти из этих стран и тем самым временно несколько ослабить проблему своего платежного баланса.

Вместе с тем обострение энергетического кризиса и связанный с ним рост мировых цен на нефть в очередной раз подчеркнули необходимость для Индии найти не временный, а радикальный способ разрешения противоречий ее торгового и платежного балансов.

Важным условием разрешения противоречия между необходимостью обеспечения потребностей народного хозяйства Индии в нефти, цветных металлах, хлопке и некоторых других сырьевых товарах и ограниченностью ее валютных возможностей является достижение сбалансированности индийской внешней торговли с развивающимися государствами Азии. Как было показано выше, попытки Индии сбалансировать торговлю с ними за счет существенного сокращения импорта имеют лишь ограниченный успех, ибо в значительной степени нейтрализуются ростом потребностей национальной экономики в одних видах сырья и сохранением зависимости от ввоза других его видов, важными, а иногда монопольными поставщиками которых на мировой рынок являются именно развивающиеся государства азиатского региона. В результате на протяжении большей части послеколониального периода размеры индийского импорта из азиатских стран были заметно выше стоимости закупаемых ими индийских товаров. Эта тенденция имеет все основания укрепиться в связи с увеличением цен на нефть и нефтепродукты. Поэтому для того, чтобы сбалансировать свою торговлю с

развивающимися странами Азии, не только ни снижая при этом, но по возможности и расширяя закупки различных видов минерального и сельскохозяйственного сырья, на которые существует высокий спрос на внутреннем рынке, Индии необходимо развивать свой экспорт в этот район земного шара быстрыми темпами.

Значение азиатских развивающихся стран в индийском экспорте определяется, разумеется, не только импортными потребностями Индии в этом регионе, но и в не меньшей степени их ролью одного из основных рынков сбыта индийских товаров. На протяжении всего послеколониального периода доля этих стран в экспорте Индии находилась, несмотря на имевшиеся колебания, в среднем на уровне 15—16%. Еще выше удельный вес этих стран в индийском экспорте таких важных его статей, как хлопчатобумажные ткани (25—30% их общей стоимости) или продукция машиностроения, металлообработки, черной металлургии, химии (45—50% их общей стоимости).

В четвертом и пятом пятилетних планах Индии поставлена задача обеспечить рост экспорта в 70-х годах ежегодными темпами не менее 7%, что, в свою очередь, требует поиска и освоения наиболее перспективных и устойчивых рынков сбыта индийской продукции. Анализируя развитие индийского экспорта в предыдущие годы и изменения в его объеме, структуре и географическом направлении, индийские плановые органы, практические и научно-исследовательские внешнеторговые организации пришли к выводу, что к числу таких рынков относится рынок развивающихся стран Азии. Принимая во внимание совокупность внутренних и внешних факторов, воздействующих на динамику индийского вывоза в эти страны, был подготовлен прогноз, согласно которому ежегодные темпы экспорта Индии в этот регион должны быть намного выше средних показателей на 70-е годы.

Так, среднегодовые темпы роста экспорта в Шри Ланку должны составить 27%, в Индонезию — 25, Таиланд — 29, Саудовскую Аравию — 21, Малайзию — 16% и т. д. [6, 220].

Относительная доступность рынка азиатских государств для индийских экспортеров возникла в результате географической близости, наличия традиционных торговых и культурных связей, особенно с индийскими меньшинствами в ряде этих стран. К факторам более позднего времени относятся такие, как принадлежность Индии и абсолютного большинства стран, входивших в состав бывшей Британской колониальной империи, к Британскому содружеству наций и стерлинговому блоку. Наконец, в самые последние годы на характер торгово-экономических отношений между Индией и другими азиатскими развивающимися странами стал все сильнее влиять разрыв в уровнях их экономического развития, возникший и прогрессирующий под влиянием процесса индустриализации индийской экономики.

Однако благоприятные предпосылки для индийского экспорта в развивающиеся азиатские государства отнюдь не означали, что перед индийскими товарами открыта «зеленая улица» на их рынках.

Трудности реализации экспортной продукции в странах азиатского региона обусловлены для Индии в первую очередь тем, что конкурентоспособность ее товаров сравнительно с товарами из промышленно развитых государств слаба. Низкое органическое строение капитала в промышленности и особенно в сельском хозяйстве, большой удельный вес неквалифицированного труда, применяемого в общественном производстве, а также моральный и физический износ значительной части станочного и машинного парка обуславливают заметное отставание Индии от промышленно развитых стран. Это приводит к гораздо более высокому уровню издержек производства в экспортных отраслях ин-

дийской экономики и к относительно низкому качеству индийских товаров по сравнению с товарами из высокоразвитых стран.

Серьезным препятствием на пути индийских товаров является также взаимная конкуренция между самими азиатскими странами, будь то товары традиционного экспорта Индии, с которыми конкурирует Пакистан (текстильные изделия), или Шри Ланки (чай), либо новые индийские товары, с которыми конкурируют товары Тайваня, Южной Кореи, Сингапура.

В таких условиях возрастает роль государства в осуществлении внешнеэкономической программы Индии в целом и в расширении экспорта на рынки азиатских развивающихся государств в частности. В своей экспортной политике индийское правительство придерживается тех же принципов, что и во всей национальной экономике, а именно развития ее на «смешанных» началах силами как частного, так и государственного предпринимательства. На разных этапах послевоенного развития Индии реализация этих общих принципов в конкретных формах определялась соотношением и расстановкой классовых сил в стране в данный исторический момент, в свою очередь обуславливая содержание экспортной политики индийского государства, механизм экспортного стимулирования и масштабы его воздействия.

Формы, в которых государство осуществляет стимулирование экспортных усилий частнопредпринимательских кругов Индии, весьма разнообразны и могут быть разделены на три основные категории. К первой из них относятся рупийные финансовые и фискальные льготы. Они включают в себя отсрочку или же освобождение от уплаты экспортных налогов, предоставление налоговых льгот предприятиям, работающим на экспорт, выплату экспортных премий, прямое и косвенное субсидирование экспорта, его страхование, предоставление кредитов и т. д.

Вторая категория включает в себя валютные льготы, как, например, предоставление права на использование части валютных средств, полученных от экспорта, на дальнейшее его расширение, импорт сырья и материалов для экспортного производства, предоставление премий в свободной валюте и т. д.

Третья категория включает в себя сбор и обработку информации о зарубежных рынках, проведение рекламной работы, организацию выставок, торговых ярмарок и т. п.

Вопросами оказания помощи частным экспортерам и стимулирования их деятельности занимается весьма широкий круг государственных и полугосударственных организаций. Так, вопросы государственного кредитования и страхования экспорта входят в компетенцию Резервного банка Индии, Государственного банка Индии, Корпорации по вопросам экспортного кредитования и страхования, Государственной торговой корпорации и Банка промышленного развития Индии. Исследование перспективных рынков, организация выставок и демонстрационных залов, направление за рубеж торговых делегаций проводится Всеиндийским советом по вопросам торговых ярмарок и выставок, Советами по развитию экспорта отдельных товаров (Export Promotion Councils) и специальными товарными комитетами (Commodity Boards). Большую разностороннюю помощь индийским экспортерам оказывают официальные государственные торговые представительства и миссии в зарубежных странах.

Государственное стимулирование экспорта частных предпринимателей адресовано самым различным слоям и группам национальной буржуазии — от монополистической ее части до мелких предпринимателей.

Так, в интересах крупной буржуазии правительством создана система «экспортных домов», т. е. таких объединений, которые торгуют или могут торговать широким ассортиментом товаров в больших объемах, обладают значительными собственными технико-экономическими возможностями и солидным опытом внешнеторговой деятельности [5, 95]. Создание «экспортных домов», число которых к концу 60-х годов достигло 80, всячески поощряется правительством путем предоставления им первоочередных и наибольших фискальных, валютных и прочих льгот. Для «экспортных домов» предусматриваются особые дополнительные льготы, как, например, рефинансирование экспортных кредитов, осуществляемое Корпорацией по вопросам экспортного кредитования и страхования [4, 15]. Для обслуживания «экспортных домов» создана также специальная государственная организация «Маркет девелопмент фонд».

Значительное внимание в индийской государственной внешнеторговой политике уделяется защите интересов чрезвычайно многочисленной группы мелких производителей и ремесленников. Поддержание мелкого производства является одним из краеугольных камней государственной политики, ибо в условиях многоукладной национальной экономики по своему масштабу и значению мелкое производство уступает только сельскому хозяйству. Весьма существенна роль мелкого производства в экспорте, особенно таких товаров, как изделия из кожи, шелковые ткани, продукция кустарно-художественных промыслов, изделия из койры и керамики. В целях увеличения экспортного потенциала мелкой и кустарной промышленности индийское правительство оказывает ему финансовую помощь через Государственную торговую корпорацию, Государственный банк Индии и 14 коммерческих банков, национализированных в 1969 г. Поощряется также объединение мелких и кустарных предприятий в экспортные ассоциации. Поскольку же самостоятельная деятельность мелких производителей и торговцев на мировом рынке, как правило, сопряжена для них с труднопреодолимыми препятствиями, то зачастую государственные внешнеторговые организации берут непосредственно на себя функции сбыта продукции мелкого производства за рубежом. Так, экспорт Государственной торговой корпорации более чем наполовину состоит из продукции мелкого производства, а ее дочерняя компания «Хэндикрафтс энд хэндлум корпорейшн» торгует исключительно изделиями кустарно-художественных промыслов.

Индийское законодательство по внешнеторговым вопросам формально не включает в себя каких-либо положений, специально направленных на стимулирование экспорта в развивающиеся страны Азиатского континента, его действие распространяется на всех экспортеров в любые государства земного шара. Вместе с тем им предусматриваются особые льготы для экспортеров некоторых товаров, которые фактически составляют значительную часть индийского вывоза в азиатские страны, а следовательно, в основном используются индийскими фирмами, торгующими с этими государствами. Речь идет о продукции машиностроения, металлообработки, химии и металлургии, около половины которой реализуется на рынках азиатских стран, причем ее удельный вес в индийском экспорте в эти страны составляет его четвертую часть и является наиболее динамичным элементом. Так, рефинансирование экспортных кредитов, производимое Банком промышленного развития на срок от 6 месяцев до 5 лет, распространяется главным образом на экспорт «инженерных» товаров, тогда как в отношении других товаров необходимо специальное решение государственных органов валютного контроля [4, 15]. Аналогичным образом используется система прямого финансового субсидирования экспорта, предусматривающая

предоставление экспортеру денежных субсидий в размере от 10 до 25% цены фоб на его товары. Отмененная во время девальвации индийской рупии в 1966 г., эта система была затем восстановлена, а ее действие распространено в первую очередь на экспорт «инженерных» товаров, металлов, изделий из бумаги и картона [5, 69]. При создании «экспортных домов» наибольшими льготами пользуются те из них, которые занимаются торговлей новыми товарами [5, 95]. Наконец, деятельность некоторых государственных и полугосударственных организаций, оказывающих помощь частным экспортерам, как, например, Советов по развитию экспорта «инженерных» и химических товаров, также в основном связана с развитием индийской торговли с азиатскими развивающимися странами [2, 1].

Правительством санкционируется также экспорт частного капитала в азиатские развивающиеся страны, принявший организованные формы со второй половины 60-х годов. В результате за весьма короткий промежуток времени в 8—10 лет индийский частный капитал получил разрешение на создание около 80 промышленных предприятий в развивающихся государствах Азии, или свыше 50% их общего числа в различных странах земного шара. Иными словами, азиатские государства явились основным объектом экспорта индийского частного капитала, а среди них важнейшие — Малайзия, на долю которой приходится 33 предприятия, создаваемых или намеченных к строительству с участием Индии; Шри Ланка — 15, Индонезия — 7 предприятий.

Из их числа в азиатских странах к началу 1974 г. 21 было уже пущено в эксплуатацию, а на 44 велись строительные и монтажные работы [3, 49, 51]. По различным причинам внутреннего и внешнего характера, в том числе таким, как отсутствие политической стабильности в некоторых странах, недостаточные льготы, предоставляемые местным законодательством, а также нехватка собственных средств у индийских фирм и их недостаточная конкурентоспособность, 22 заявки на создание промышленных предприятий были аннулированы.

Продукция, которую должны выпускать или уже выпускают эти предприятия, весьма разнообразна. Это текстильные, джутовые и шерстяные изделия, пищевые концентраты, швейные машины, электровентиляторы, дизельные и электродвигатели, грузовики и запчасти к ним, радиоприемники, транзисторы, трансформаторы, медикаменты, химические изделия и т. д.

Индийское законодательство предусматривает экспорт частного капитала по преимуществу в натуральной форме (станки, машины, оборудование, строительные материалы и т. д.), тогда как вывоз капитала в денежной форме разрешается только «в небольших количествах для покрытия предварительных расходов по созданию зарубежных компаний» [8, 3]. Это положение дополняется требованием экспортировать оборудование лишь индийского производства.

Введение указанных правил, регулирующих вывоз индийского частного капитала за рубеж, вызвано несколькими причинами. В известном смысле запрет на вывоз капитала в денежной форме был продиктован беспокойством правительства по поводу бесконтрольной утечки капиталов за границу при острой нехватке их внутри страны [1, 136]. Немалую роль в принятии этого решения сыграло также стремление правительства Индии использовать экспорт частного капитала в натуральной форме как важное средство вывоза на внешний рынок индийской «инженерной» продукции и тем самым способствовать успешному созданию общей программы расширения внешнеторговых и экономических связей, осуществляемой совместными усилиями частного и государственного секторов индийской экономики.

Важную роль в подготовке благоприятного «климата» для укрепления торгово-экономических связей с азиатскими развивающимися странами играет оказание им государственной технико-экономической помощи, несмотря на ее ограниченный объем, определяемый возможностями Индии.

Крупнейшим получателем такой помощи на протяжении двух с лишним десятилетий был Непал, которому Индия оказала существенную поддержку в финансировании национальных программ и планов развития: в 1950—1973 гг. она предоставила Непалу кредитов на сумму около 1 млрд. рупий.

После образования в конце 1971 г. на территории бывшего Восточного Пакистана независимой Республики Бангладеш основной объем индийской экономической помощи переадресовывается этому государству. За короткий промежуток времени — с декабря 1971 по апрель 1974 г. — Индия предоставила Бангладеш даров и кредитов на сумму свыше 2,5 млрд. рупий. Во время переговоров на высшем уровне в Дели в мае 1974 г. Индия взяла на себя обязательство выделить новые кредиты по программе оказания экономической помощи Бангладеш еще на сумму 790 млн. рупий [10].

Важную роль в расширении экспорта индийских товаров в азиатские развивающиеся страны играют индийские государственные займы. В 1966—1968 гг. Индия предоставила Шри Ланке 120 млн. рупий в виде кредитов, которые были израсходованы им на оплату импорта индийских «инженерных» товаров, текстильных изделий и сухой рыбы. Аналогичным целям служило предоставление в 1966 г. кредита Индонезии на сумму 100 млн. рупий. Через механизм государственной помощи в 1971—1973 гг. Индия финансировала практически весь свой экспорт в Бангладеш.

Предоставление Индией технической помощи азиатским развивающимся странам обеспечивает ей освоение перспективных рынков. Основная часть этой помощи осуществлялась в рамках «Плана Коломбо», к середине 70-х годов она достигла 58 млн. рупий [7]. В счет этих средств Индия командировала своих специалистов в азиатские страны для оказания им технической помощи по развитию ирригации, рыболовства, мелкой промышленности, железнодорожного, морского и авиационного транспорта, по созданию сети образовательных учреждений, налаживанию статистики и т. д. Кроме того, Индия предоставила развивающимся странам Азии 6 тыс. мест для обучения специалистов, в том числе около половины мест было отдано Непалу, а остальные — Шри Ланке, Малайзии, Таиланду, Филиппинам, Афганистану, Индонезии, Бирме и Камбодже.

* * *

Решение проблем национального развития Индии тесно связано с обеспечением потребностей экономики современным оборудованием и дефицитными видами сырья. Развитие торгово-экономических отношений с развивающимися странами Азии должно сыграть важную роль, ибо эти государства являются одним из самых перспективных рынков сбыта индийских товаров и соответственно важным источником валютных поступлений для закупки в промышленно развитых странах новейшей технологии, а также непосредственным источником необходимого сырья. В этой связи, как показывает анализ господствующих тенденций в развитии индийских внешнеэкономических связей, роль развивающихся стран Азии во внешнеторговом обороте Индии во второй половине 70-х годов должна еще больше возрасти (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Удельный вес азиатских развивающихся стран в импорте Индии *

Государство	1951/52 г.		1955/56 г.		1965/66 г.		1970/71 г.		1974/75 г.	
	млн. руп.	%								
Южная и Юго-Восточная Азия . . .	1238	9,0	660	6,4	1474	6,7	416	2,6	777	1,7
в том числе:										
Бангладеш . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	92	0,2
Бирма	370	2,7	151	1,5	148	0,7	96	0,6	—	—
Малайзия	67	0,5	71	0,6	201	0,9	58	0,4	112	0,3
Сингапур	282	2,0	218	2,1	—	—	12	0,1	72	0,2
Непал	—	—	—	—	118	0,5	94	0,5	193	0,4
Шри Ланка	88	0,6	149	1,5	63	0,3	30	0,2	—	—
Прочие страны	431	3,2	71	0,7	944	4,3	126	0,8	308	0,6
Западная Азия . . .	961	7,0	833	8,1	854	3,9	1371	8,4	11 227	25,1
в том числе:										
Ирак	57	0,4	36	0,3	36	0,2	31	0,2	2 513	5,6
Иран	456	3,3	228	2,2	537	2,4	916	5,6	4 727	10,6
Саудовская Аравия	158	1,1	239	2,3	137	0,6	242	1,5	2 976	6,7
Прочие страны	290	2,1	330	3,1	144	0,7	182	1,1	1 011	2,2
Итого азиатские развивающиеся страны	2199	16,0	1493	14,5	2328	10,6	1787	11,0	12 004	26,8

* [9, 1951—1973 гг.].

Таблица 2

Удельный вес азиатских развивающихся стран в экспорте Индии *

Государство	1951/52 г.		1955/56 г.		1965/66 г.		1970/71 г.		1974/75 г.	
	млн. руп.	%	млн. руп.	%	млн. руп.	%	млн. руп.	%	млн. руп.	%
Южная и Юго-Восточная Азия . . .	1242	12,7	1113	12,0	1078	8,6	1381	9,1	3317	10,1
в том числе:										
Бангладеш	—	—	—	—	—	—	—	—	422	1,3
Бирма	309	2,8	195	2,1	56	0,4	140	0,9	46	0,1
Малайзия	58	0,5	69	0,7	198	1,6	117	0,8	281	0,9
Сингапур	188	1,7	125	1,4	—	—	175	1,1	364	1,1
Непал	—	—	—	—	309	2,4	242	1,6	424	1,3
Шри Ланка	260	2,4	319	3,5	202	1,6	318	2,1	268	0,8
Прочие страны . . .	427	4,5	405	4,3	313	2,6	389	2,6	1512	4,6
Западная Азия . . .	476	4,2	522	5,2	634	5,0	1097	7,2	5028	15,2
в том числе:										
Ирак	49	0,4	34	0,3	68	0,5	90	0,6	723	2,2
Иран	65	0,6	81	0,9	94	0,7	266	1,7	2145	6,5
Кувейт	60	0,6	55	0,5	74	0,6	157	1,0	381	1,2
Саудовская Аравия	28	0,3	95	1,0	62	0,5	145	0,9	354	1,1
Прочие страны . . .	274	2,3	257	2,5	336	2,7	439	3,0	1425	4,2
Итого азиатские развивающиеся страны	1718	16,9	1635	17,22	1712	13,6	2478	16,3	8345	25,3

* [9, 1951—1975 гг.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Седов И. А. Экономические связи Индии с развивающимися странами Азии и Африки, М., 1971.
2. Aggarwal C. P. Export Methods and Services in India, New Delhi, 1969, pt 11.
3. Commerce. Annual Number 1973, Bombay, 1973.
4. Credit Facilities for Indian Exporters, New Delhi, 1968.
5. Export Strategy of India, New Delhi, 1969.
6. India's Export Potential in Selected Countries, New Delhi, 1970, vol. I.
7. «Financial Express», 23.VIII.1975.
8. Indian Investment Centre, Service to Investors, New Delhi, 1971.
9. Monthly Statistics of the Foreign Trade of India, New Delhi.
10. «National Herald», 17.V.1974.

И. В. Сахаров

БЕНГАЛЬЦЫ В АССАМЕ

(Этнодемографический анализ языковых данных
переписей населения)

Хотя за годы независимости административно-политическое деление Индии неоднократно реорганизовывалось, для того чтобы привести его в большее соответствие с национально-языковым составом населения страны, во многих индийских штатах значительную часть жителей составляют этнические меньшинства. К числу таких штатов принадлежит расположенный на крайнем северо-востоке страны Ассам.

Об этом свидетельствуют данные о языковом составе его населения.

Самый многочисленный народ Ассама — ассамцы. Однако доля этого народа во всем населении штата сравнительно невелика. По данным переписи 1961 г. [10, 2]¹, когда общая численность населения Ассама составляла 11 873 тыс. человек, язык ассами в качестве родного указали 6784 тыс. человек, т. е. лишь 57,1% населения (причем эти данные, как будет показано ниже, преувеличены).

Группа хиндиязычного населения объединяла 524 тыс. человек (4,4%). Однако в действительности значительная часть тех, кто отнес себя к говорящим на хинди, — это, с одной стороны, бихарцы (говорящие на бходжпури и других языках Бихара), а с другой стороны, многие представители так называемых зарегистрированных племен (адиваси), и те, и другие — переселенцы из Бихара или их потомки, занятые в основном на чайных плантациях, этнический состав рабочей силы на которых отличается большой пестротой.

В то же время около 200 тыс. бихарских адиваси в Ассаме указали в качестве родного свой национальный язык, в том числе 90 тыс. — язык мунда, 69 тыс. — сантали и 33 тыс. — ораон.

Из 2068 тыс. жителей Ассама, относящихся к категории адиваси, подавляющее большинство составляют местные народности и племена — кхаси (свыше 360 тыс.), бодо (почти 350 тыс.), гаро (около 300 тыс.), лушай, или мизо (около 215 тыс.), и т. д., населяющие в основном горные районы и в этнолингвистическом отношении сильно отличающиеся от адиваси Бихара и Западной Бенгалии.

К другим национальным меньшинствам Ассама относятся народности Непала (в 1961 г. к говорящим на непали отнесли себя 215 тыс. человек, т. е. 1,8% всего населения штата и 21,1% всех непалиязычных жителей Индии), ория (146 тыс. человек) и т. д.

---

¹ Здесь и ниже мы рассматриваем Ассам в тех границах, которые он имел в момент переписи 1961 г., т. е. до выделения из его состава штата Мегхалая и союзной территории Мизорам.

Наиболее многочисленную группу среди этнических меньшинств Ассама образуют бенгальцы. Даже по явно преуменьшенным данным переписи 1961 г., бенгалиязычное население штата насчитывало 2089 тыс. человек (17,6% всех жителей); кроме того, 369 тыс. человек указали бенгали в качестве своего второго языка [10, 438].

Важной особенностью этногеографии Ассама является тот факт, что два наиболее многочисленных народа этого штата — ассамцы и бенгальцы — живут в одной и той же экологической обстановке и населяют почти исключительно низменные равнинные районы штата (долину Брахмапутры и равнину Сурмы), составляя там — порознь или вместе — подавляющее большинство жителей, тогда как прочие национальные меньшинства сосредоточены в основном в горных или предгорных районах, где, вместе взятые, они тоже составляют подавляющее большинство населения.

По данным переписи 1961 г. [10, 2], соотношение между теми, кто отнес себя к говорящим на ассами, и теми, кто указал бенгали, в дистриктах долины Брахмапутры — от границ с Западной Бенгалией на восток — таково: Гоалпара — ассами 1021 тыс. человек (66,1% всего населения дистрикта), бенгали 185 тыс. (12,0%); Камруп — ассами 1666 тыс. (80,8%), бенгали 204 тыс. (9,9%); Дарранг — ассами 840 тыс. (65,1%), бенгали 127 тыс. (9,9%); Наугонг — ассами 930 тыс. (76,8%), бенгали 210 тыс. (17,3%); Сибсагар — ассами 1289 тыс. (85,5%), бенгали 46 тыс. (3,1%); и, наконец, крайний северо-восточный дистрикт Лакхимпур — ассами 985 тыс. (63,0%), бенгали 128 тыс. человек (8,2% всех жителей дистрикта).

Следовательно, бенгальцы составляют значительную часть населения по всей долине Брахмапутры, однако, судя по приведенным выше данным, преобладающей национальностью здесь везде являются ассамцы.

Главный район концентрации бенгальцев находится на границе с Бангладеш. Это ассамский дистрикт Качар, а также соседний с ним штат Трипура. В Качаре в 1961 г. бенгали был указан в качестве родного языка 1086 тыс. человек (78,8% всех жителей этого дистрикта), тогда как ассами лишь 4,5 тыс. (0,3%). Бенгальцы составляют и подавляющее большинство населения Трипуры: по данным 1961 г., язык бенгали является здесь родным для 745 тыс. человек (65,2% всех жителей этого штата); на долю следующей по численности за бенгальцами коренной народности Трипуры — типера, говорящей на языке трипури, приходится лишь 284 тыс. человек (т. е. 24,9% всего населения).

В горных районах численность как бенгальцев, так и ассамцев невелика. Так, в дистрикте «Объединенные горы Микир и Северный Качар» указали в качестве родного языка бенгали 24 тыс. человек (8,4% всех жителей дистрикта), а ассами — 22 тыс. (7,8%); в дистрикте «Горы Мизо» (ныне союзная территория Мизорам) — соответственно 19 тыс. (7,0%) и 0,3 тыс. (0,1%). В двух других дистриктах — «Горы Гаро» и «Объединенные горы Кхаси и Джайнтиа», которые в 1968 г. образовали новый штат Мегхалая, — бенгали назвали соответственно 29 тыс. (9,4% всего населения дистрикта) и 33 тыс. (7,1%), а ассами 16 тыс. (5,2%) и 10 тыс. (2,2%). Почти повсеместно в указанных горных районах подавляющую часть населения составляют адиваси.

К сожалению, разные переписи населения Ассама дают разноречивые сведения о языковом составе его жителей, и, в частности, данные переписи 1961 г., равно как и данные предшествующей ей переписи 1951 г., вызывают большие сомнения в той их части, которая каса-

ется численности ассамцев и бенгальцев и соотношения между этими двумя национальностями.

На этом вопросе мы ниже и остановимся подробно.

Для выяснения реальной этноязыковой ситуации, имеющей место в Ассаме в настоящее время, необходимо совершить краткий экскурс в прошлое этой области.

До 1826 г., когда Ассам был присоединен к Британской Индии, равнины этой отдаленной индийской окраины были населены в основном ассамцами, бенгальцев же здесь было сравнительно мало. После 1862 г. эта окраинная и относительно редко заселенная область, включенная в состав провинции Бенгалии и остававшаяся в ее составе до 1874 г., когда Ассам был конструирован в самостоятельную провинцию, превратилась в место притяжения иммигрантов из других частей страны.

Так, быстрое развитие здесь крупного чайноплантационного хозяйства повлекло за собой массовый приток в Ассам рабочих рук как из других районов Индии (в первую очередь адиваси из Бихара), так и из Непала.

Однако еще более интенсивной и крупной по масштабам стала иммиграция бенгальцев из собственно Бенгалии.

Прежде всего, сразу после того как Ассам попал под власть британских колонизаторов, началось переселение сюда представителей бенгальских образованных кругов, по религии главным образом индусов. Англичане сделали бенгали единственным официальным языком Ассамы (это положение сохранялось вплоть до 1882 г.), и бенгальцы — чиновники и разного рода специалисты (юристы, преподаватели и т. д.) — захватили в свои руки влиятельные и привилегированные позиции в местной администрации и других сферах общественно-политической жизни Ассамы.

Еще более массовый характер приняла бенгальская крестьянская иммиграция. Наличие в относительно редко населенном Ассаме обширных и плодородных незанятых земель стимулировало наплыв из близлежащих перенаселенных дистриктов Восточной Бенгалии бенгальцев-крестьян, по религии преимущественно мусульман. Этот процесс начался в первом десятилетии XX в. — как раз тогда, когда английские колонизаторы расчленили Бенгалию и объединили восточную ее часть и Ассам в новую единую провинцию. Вскоре в некоторых районах Ассамы доля бенгальцев во всем населении превысила половину.

В 1911 г. колониальные власти были вынуждены воссоединить Бенгалию. Однако границы новой воссоединенной провинции были проведены таким образом, что некоторые периферийные районы, населенные бенгальцами, отошли к другим провинциям. В частности, Бенгалии не были переданы не только восточные районы Бихара, в которых бенгальцы составляли значительную часть или даже более половины населения, но и некоторые обширные бенгальские районы на востоке, доставшиеся Ассаму. Так, в составе Ассамы оказались Гоалпара и Качар, хотя, по данным переписи 1911 г., в первом из этих дистриктов бенгалиязычное население составляло 57,8% всех жителей, а во втором — 69,6%, говорящие же на ассамы — лишь 14,2 и 0,2% всех жителей указанных дистриктов соответственно [5], а также чисто бенгальский дистрикт Силхет, который в 1947 г. отошел к Пакистану.

После отделения Ассамы от Бенгалии приток бенгальцев в Ассам не только не прекратился, но, напротив, еще более усилился. По приблизительным подсчетам, за 25 лет, предшествовавших переписи 1931 г., в Ассамскую долину из Бенгалии переселилось свыше полумиллиона человек [6, 49—50]. Бенгальцы стали заселять в Ассаме все новые и

новые территории, распространились по всей долине Брахмапутры, и, что особенно важно, их доля во всем населении провинции еще более возросла.

Этот наплыв чужеродного пришлого населения вызвал самую отрицательную реакцию среди ассамцев.

Еще в XIX в. засилье выходцев из Бенгалии в различных сферах общественно-политической жизни Ассамы и презрение, с которым многие из них относились к ассамскому языку (считая его просто испорченным диалектом бенгали) и ассамской культуре, стали вызывать возмущение складывающейся ассамской интеллигенции и посеяли семена ассамско-бенгальского межнационального конфликта. Ассамская интеллигенция возглавила движение в защиту своей национальной культуры, своего языка, принявшее антибенгальскую окраску.

Массовая иммиграция бенгальских крестьян повлекла за собой еще большее распространение среди ассамцев антибенгальских настроений. Характерным отражением этих настроений и в то же время красноречивой характеристикой значительных масштабов развернувшихся здесь миграционных процессов могут служить высказывания уполномоченного по проведению переписи 1931 г. в Ассаме, в официальном отчете которого переселение бенгальцев в Ассам сравнивается с нашествием «орд завоевателей, с массовым перемещением крупных скоплений муравьев», а сам текст соответствующих абзацев отчета напоминает не что иное, как сводку о боевых действиях с неприятелем [6, 49].

Независимо от того, какую оценку давать этому явлению и какую при этом употреблять лексику, факт остается фактом: за сравнительно короткий период границы бенгальского национального района сдвинулись далеко на восток, существенно «потеснив» при этом национальный район ассамцев.

Эти сдвиги были четко зафиксированы и подтверждены переписями. К 1911 г. численность бенгалиязычного населения в Ассаме (здесь и ниже штат Ассам берется в границах 1961 г.) составила 1116 тыс. человек (26,9% всего населения Ассамы), в 1921 г. достигла 1423 тыс. (27,6%), а в 1931 г.— 1699 тыс. (27,6%) [10, XXXV—XXXVI].

Главный сгусток бенгальского населения по-прежнему оставался в Качаре: в 1911 г. бенгалиязычное население составляло здесь 497 тыс. человек (69,6% всех жителей дистрикта), в 1921 г.— 528 тыс. (70,3%), в 1931 г.— 564 тыс. (70,2%).

Но особенно быстро шло заселение бенгальцами долины Брахмапутры. Так, в Наугонге число тех, кто считал бенгали своим родным языком, возросло с 13 тыс. (4,2% всех жителей дистрикта) в 1911 г. до 72 тыс. (18,1%) в 1921 г. (рост численности более чем в 5,5 раза!) и до 193 тыс. (34,4% всего населения Наугонга) в 1931 г. (численность увеличилась еще более чем в 2,5 раза).

Весьма заметно росло число бенгальцев и в соседнем с Западной Бенгалией дистрикте Гоалпара, где в 1911 г. бенгалиязычного населения было 348 тыс. (57,9% всех жителей дистрикта). В дальнейшем доля бенгали несколько сократилась, однако абсолютный прирост был очень велик: в 1921 г. к говорящим на бенгали отнесли себя 406 тыс. человек (53,2% всего населения Гоалпары), а в 1931 г.— 476 тыс. (54,0%).

Очень высокой стала доля говорящих на бенгали в соседнем с Качаром небольшом дистрикте «Объединенные горы Микир и Северный Качар»: в 1911 г. бенгалиязычные жители составляли здесь 57,8% населения (15,8 тыс. человек), в 1921 г.— 59,5% (15,9 тыс.) и в 1931 г.— 59,4% (19,5 тыс.).

Быстро росла и численность бенгальцев в Трипуре: от 98 тыс.

(42,7% населения этого района) в 1911 г. до 128 тыс. (42,2%) в 1921 г. и до 171 тыс. (44,7%) в 1931 г.

Иммиграция бенгальцев в Ассам и Трипуру продолжалась и после 1931 г. Более того, ряд обстоятельств вызвал ее усиление.

Так, во время страшного голода, разразившегося в Бенгалии в 1943 г., тысячи людей устремились из пораженных бедствием районов этой провинции в соседние районы Ассама.

Но особенно важным фактором, сильнее всего повлиявшим на направление, размах и состав миграционных потоков в этом районе, стал раздел Индии в 1947 г.

Прежде всего, как известно, расчленение этой британской колонии на два независимых государства — Индию и Пакистан — повлекло за собой массовую встречную миграцию религиозных меньшинств — мусульман из Индии в Пакистан и индусов — в обратном направлении. При этом миграция между Восточным Пакистаном (ныне Бангладеш) и Индией существенно отличалась от миграции между Западным Пакистаном (ныне Пакистан) и Индией.

На западе наблюдались два встречных потока беженцев, по численности более или менее уравновешивавших друг друга. Здесь, по сути дела, произошел стихийный «обмен» примерно равными по численности группами населения, причем этот «обмен» произошел в очень короткий срок, в течение нескольких месяцев сразу же после раздела, и быстро прекратился, так как в Западном Пакистане индусов и сикхов почти не осталось.

На востоке дело обстояло иначе.

Во-первых, число беженцев из Восточного Пакистана в Индию — в основном в соседние Западную Бенгалию, Ассам и Трипуру — резко превосходило число переселенцев в обратном направлении, а в некоторые годы, по существу, наблюдалось одностороннее движение населения.

Во-вторых, миграция населения между Восточным Пакистаном и Индией представляла длительный процесс. В зависимости от политического «климата» в Восточном Пакистане, который, в свою очередь, определялся состоянием отношений между Пакистаном и Индией, этот миграционный поток то усиливался, то ослабевал, но не прекращался вплоть до возникновения независимого государства Бангладеш.

Почти все переселенцы из Восточного Пакистана — района чисто бенгальского — были бенгальцами, и большинство их направлялось в Западную Бенгалию. Однако значительная часть их — особенно из восточных районов Восточного Пакистана — переселялась и в соседние Ассам и Трипуру. По данным переписи 1951 г., с середины 1947 по март 1951 г. в Ассам из Восточного Пакистана переселилось 275 тыс., а в Трипуру 101 тыс. беженцев [2, 11].

Более того, даже после 1947 г., наряду с вызванной разделом иммиграцией беженцев-индусов, традиционная миграция переселенцев-мусульман не прекратилась; она лишь стала нелегальной. По приблизительной оценке, уже после раздела только за период между 15 августа 1947 г. и ноябрем 1949 г. из Восточного Пакистана в Ассам перешло около 450 тыс. мусульман [15].

Миграционные процессы между Бенгалией и Ассамом в первые десятилетия XX в. неизменно находили свое отражение в данных всех индийских переписей, вплоть до переписи 1931 г. включительно, причем сведения о миграционной структуре, говорившие о наплыве в Ассам переселенцев из Бенгалии, вполне соответствовали сведениям о языковом составе населения Ассама, показывавшим значительный абсолютный и относительный рост бенгалиязычного населения.

Эти данные не вызывали сомнения, и казалось, перепись, которая была проведена в 1951 г. (напомним, что во время переписи 1941 г. материалы о родном языке не собирались), должна была не только подтвердить прежнее положение вещей, но и — в связи с тем, что говорится выше, — показать еще больший рост численности бенгальцев в Ассаме и еще больший сдвиг численного баланса между ассамцами и бенгальцами в пользу последних.

В Трипуре так оно и было: в 1951 г. здесь был зафиксирован необычайно высокий рост численности бенгалиязычного населения — со 171 тыс. в 1931 г. до 387 тыс. в 1951 г. (т. е. более чем в 2 раза) — и его доли во всем населении этого района — с 44,7 до 60,5% [10, CLVI].

Что же касается Ассамы, то перепись 1951 г. дала самые неожиданные результаты, противоречившие объективной этноязыковой ситуации в этом штате. Несмотря на значительный естественный прирост, который не мог не произойти между 1931 и 1951 гг., и на массовую иммиграцию не только бенгальцев-мусульман, но и бенгальцев-индусов, значительно превосходившую миграцию в обратном направлении, перепись 1951 г. показала прирост бенгалиязычного населения Ассамы за указанные 20 лет лишь на 2,1% — с 1699 тыс. до 1734 тыс., причем доля говоривших на бенгали жителей штата во всем населении даже уменьшилась — с 27,6 до 19,6% [10, XXXVI].

В то же время обращает на себя внимание ненормально высокий рост численности тех, кто относил себя к говорящим на ассамы, — с 1992 тыс. в 1931 г. до 4971 тыс. в 1951 г. (т. е. в 2,5 раза!) — и их доли во всем населении штата — с 32,3 до 56,3%! [10, XXXV].

В некоторых районах Ассамы сдвиги были еще более разительными. В особенности это относится к Гоалпаре — дистрикту, который расположен на границе с Западной Бенгалией. Здесь численность бенгалиязычных жителей упала с 476 тыс. в 1931 г. до 193 тыс. в 1951 г. (т. е. более чем в 2,5 раза), а их доля в общем числе жителей — с 54,0 до 17,5%! Ассамцы же в этом дистрикте словно поменялись с бенгальцами ролями: в 1931 г. ассамы были указаны в качестве родного языка 161 тыс. жителей Гоалпары (18,3% всего населения), а в 1951 г. — 687 тыс. (рост более чем в 4 раза), т. е. 62,0% всего населения. Ненормально высоким был рост численности ассамиязычного населения за 1931—1951 гг. и в других дистриктах долины Брахмапутры: в Наугонге — с 237 тыс. человек (42,2% всего населения) до 613 тыс. (69,1%), Камрупе — с 650 тыс. (66,5%) до 1178 тыс. (79,0%), Дарранге — со 194 тыс. (32,9%) до 714 тыс. (77,4%), Лакхмпуре — с 237 тыс. (30,4%) до 722 тыс. (64,1%) и Сибсагаре — с 504 тыс. (54,0%) до 1024 тыс. (84,4%). Единственным дистриктом, где прирост бенгалиязычного населения оказался близок к «нормальному» или, вернее, ожидаемому, был Качар: с 564 тыс. (70,2% всех жителей) в 1931 г. до 861 тыс. (77,1%) в 1951 г. [10, XXXV—XXXVI].

Как раз в начале 50-х годов XX в. на повестку общественно-политической жизни Индии встал вопрос о реорганизации административно-территориального деления страны по национальному (языковому) принципу. Правительство Западной Бенгалии, в частности, выдвинуло требование о передаче этому штату большей части территории ассамского дистрикта Гоалпара, а западнобенгальский комитет партии Индийский национальный конгресс (ИНК) выступил даже с претензиями не только на всю Гоалпару, но и на весь дистрикт «Горы Гаро», часть дистрикта «Горы Кхаси и Джайнтиа» (узкую полосу, соединяющую «Горы Гаро» с дистриктом Качар), дистрикт Качар и союзную территорию Трипура.

Языковые данные переписи 1951 г. — поскольку им, как более но-

вым, придавалось большее значение, чем данным переписей 1931 г. и предшествующих лет,— нанесли удар по планам бенгальских националистов. Правильны были новые данные или нет, но правительство Ассама получило возможность апеллировать к материалам официальной статистики и подвергать сомнению правильность данных всех прежних переписей, а ассамский комитет ИНК даже выдвинул, в свою очередь, территориальные контрпретензии на всю Северную Бенгалию.

В сложившейся ситуации Комиссия по реорганизации штатов признав, что расхождения между переписями 1951 и 1931 гг. в Ассаме «не могут быть удовлетворительно объяснены», сочла за лучшее отказаться от поддержки той или иной стороны и рекомендовала сохранить границу между Западной Бенгалией и Ассамом, как она есть [14, 183—195].

Вполне понятно, с каким большим интересом ожидалась публикация итогов переписи 1961 г. Однако данные этой переписи не только не рассеяли прежние сомнения, но, напротив, усилили их еще больше.

За период 1951—1961 гг. приток беженцев-индусов и нелегальных иммигрантов-мусульман из Восточной Бенгалии в Ассам и Трипуру не только продолжался, но и был весьма значительным. Так, к концу 1957 г. численность беженцев достигла в Ассаме 487 тыс. человек (прирост по сравнению с 1951 г. на 212 тыс.), а в Трипуре — 374 тыс. (прирост на 273 тыс.) [12, 26]; к 1961 г. она еще более возросла.

Не прекращалось и нелегальное переселение из Восточного Пакистана в Ассам иммигрантов-мусульман. По официальным данным Генерального регистратора Индии, за период 1951—1961 гг. в Ассам из Восточной Бенгалии проникла 221 тыс. мусульман [4]. Но значительная часть их была выслана обратно. По официальным подсчетам, общее число нелегальных переселенцев в этом штате (включая и тех, кто перешел границу между 1947 и 1951 гг.) оценивалось в начале 60-х годов приблизительно в 250—300 тыс. человек [3; 11]. Однако в официальных подсчетах сильно занижено число нелегальных иммигрантов-мусульман, так как многим из них удавалось избежать регистрации; по некоторым другим оценкам, в Ассаме в начале 60-х годов их насчитывалось свыше 700 тыс. [16].

Так или иначе, как и следовало ожидать, в районах Индии, граничащих с Бангладеш, в 1961 г. были зафиксированы необычайно высокие темпы роста численности населения. В то время как в Индии в целом прирост за 1951—1961 гг. составил 21,5%, а в Восточной Бенгалии — 25,3%, в Западной Бенгалии он достиг 32,8%, в Ассаме 34,5% (с 8831 тыс. человек в 1951 г. до 11 873 тыс. в 1961 г.; это самый высокий темп прироста среди всех штатов Индии), а в Трипуре (в то время союзной территории) даже 78,7% (первое место в Индии — с 639 тыс. до 1142 тыс. человек) [8, 8—9; 13]. Особенно высокими здесь были темпы роста численности мусульман: если в Индии в целом они составили за 10 лет 25,6%, а в Пакистане 30%, то в Западной Бенгалии они достигли 36,5%, а в Ассаме даже 38,6% [9, IV]. Несомненно, эти цифры отражают факт массового перемещения населения в рассматриваемые районы Индии из Восточной Бенгалии (ныне Бангладеш).

Поскольку подавляющую часть переселенцев из Восточной Бенгалии составляли бенгальцы (и поскольку в то же время естественный прирост среди основных этнических групп Ассама и Трипуры должен был быть примерно одинаковым), то эта массовая иммиграция должна была бы привести к некоторому изменению этнолингвистической структуры этих районов, а именно опять-таки к увеличению доли бенгальцев во всем населении.

Действительно, в Трипуре бенгальцы показали наиболее высокий темп роста: за 1951—1961 гг. численность бенгалиязычных жителей

здесь резко возросла — с 387 тыс. до 745 тыс., а их удельный вес во всем населении территории тоже заметно увеличился — с 60,6 до 65,2% [10, CLVI]. Однако в Ассаме снова была зафиксирована картина, противоположная ожидаемой.

Доля бенгалиязычного населения здесь не только не возросла, но еще более сократилась. При росте общей численности населения этого штата за 1951—1961 гг. на 34,5% численность тех жителей штата, кто отнес себя к говорящим на ассаме, возросла необычайно сильно — на 36,5% (с 4971 тыс. до 6784 тыс.), а их доля во всем населении Ассамы увеличилась с 56,3 до 57,1%, тогда как численность бенгалиязычных жителей возросла лишь на 20,5% (с 1734 тыс. в 1951 г. до 2089 тыс. в 1961 г.), в результате чего их доля во всем населении штата уменьшилась еще более — с 19,6 до 17,6% [10, XXXV—XXXVI].

В пограничном с Западной Бенгалией дистрикте Гоалпара этот процесс имел еще более контрастный характер. Ассамиязычное население за 10 лет (1951—1961) выросло с 687 тыс. до 1021 тыс. человек (темп прироста +48,6%), а его доля во всем населении дистрикта увеличилась с 62,0 до 66,1%. Что касается численности бенгалиязычных жителей, то она, и без того резко упавшая за период 1931—1951 гг., опять сократилась: со 193 тыс. до 185 тыс. человек (сокращение еще на 4,3%), и его доля во всем населении уменьшилась с 17,5 до 12,0% [10, XXXV—XXXVI].

Совершенно очевидно, что изменения в численности двух названных крупнейших языковых групп жителей Ассамы, зафиксированные переписями 1951 и 1961 гг., невозможно объяснить какими либо реальными сдвигами в национальном составе населения этого штата. Нет сомнения также и в том, что ускоренный рост числа говорящих на ассаме и замедленный рост (или даже сокращение) численности говорящих на бенгали представляют собой тесно взаимосвязанные процессы: первый протекал за счет второго. Иными словами, значительная часть тех жителей Ассамы, которые вплоть до 1931 г. (а некоторые — и до 1951 г.) регистрировались переписями как говорящие на бенгали, а также многие новые переселенцы из Восточного Пакистана (в подавляющем большинстве — бенгальцы) в 1951 и в 1961 гг. оказались записанными как говорящие на ассаме.

Эти изменения нельзя объяснить и сдвигами в этноязыковом самосознании местного населения. В отличие от этноязыковой ситуации, наблюдаемой, например, в дистрикте Пурния (и в некоторых других пограничных с Западной Бенгалией районах Бихара), которую можно определить как *переходную* (и в результате объективно неустойчивую), ситуацию, имеющую место в Гоалпаре некоторых других дистриктах Ассамы, можно назвать *смешанной* [1, 137—139]. Здесь, в отличие от Пурнии, не сложился переходный, гибридный этнос. Бенгальцы остались бенгальцами, а ассамцы — ассамцами, тем более что смешанные браки между представителями этих народов крайне редки. Если многие полубенгальцы-полумайтхильцы в Пурнии действительно затрудняются четко определить свой язык и свою национальность, то в Гоалпаре (как и повсюду в Ассаме) и бенгальцы, и ассамцы четко осознают языковую и национальную разницу между собою.

Поэтому остается признать одно из двух: либо искаженную картину давали все ранние переписи (включая перепись 1931 г.), ложно квалифицируя родной язык многих ассамцев как бенгали, либо неправильные сведения содержат переписи 1951 и 1961 гг., «превращающие» бенгальцев в ассамцев. Данные о массовой миграции населения Бенгалии в Ассам, о которой говорилось выше, заставляют нас отдать предпочтение второму из двух названных предположений.

Остается ответить на вопрос: как могло случиться, что такое большое число бенгальцев — представителей народов, который как в Индии, так и в Бангладеш является носителем обостренного национального самосознания, — по-видимому, «отреклось» от своей национальности и своего языка и стало называть себя ассамцами?

Для того чтобы в этом разобраться, необходимо принять во внимание характер отношений, сложившихся в Ассаме как между разными народами, так и между разными религиозными общинами.

Как известно, отношения между ассамцами и бенгальцами в Ассаме, как это нередко отмечается в индийской прессе, в целом нельзя назвать дружественными, а временами национальный вопрос обостряется и принимает форму открытых межнациональных столкновений.

К настоящему времени ключевые позиции в политической жизни и, в частности, в администрации (в том числе в правительстве) Ассамы перешли в руки ассамцев, составляющих большинство населения штата, причем правящие круги Ассамы иногда применяют по отношению к бенгальцам меры дискриминационного характера.

Если до 1947 г. ассамцы не могли воспрепятствовать притоку бенгальских переселенцев из соседних районов Бенгалии, то после раздела Индии, когда пришельцы из Восточной Бенгалии, вошедшей в состав Пакистана, превратились в иностранцев, да еще представителей страны, отношения Индии с которой оставляли желать лучшего, положение изменилось. В 1950 г. был принят закон, запрещающий иммиграцию в Ассам из-за границы и разрешавший правительству выселить любого иммигранта, пребывание которого в Ассаме противоречило интересам штата [15]. Этот закон, по существу, был направлен именно против восточнопакистанских бенгальцев и сделал положение новых иммигрантов в Ассаме весьма неустойчивым.

Кроме того, надо учесть, что перепись населения 1951 г. проводилась в Ассаме одновременно с переписью «коренных жителей» этого штата и их земельных владений. К числу «коренных» могли быть отнесены лишь лица, живущие в Ассаме и говорящие на ассамском или на одном из языков местных ассамских племен (лишь в Качаре бенгальский язык признавался в качестве «коренного»). В отчете переписи 1951 г. в Ассаме признается, что это обстоятельство побудило многих бенгальцев-иммигрантов замаскировать свое неместное происхождение и указать в качестве родного языка именно ассамским [7, 414].

Примером дискриминационных действий ассамских властей по отношению к бенгальцам может служить также политика в языковом вопросе. Так, несмотря на то что бенгальцы составляют весьма значительную часть населения Ассамы, Законодательное собрание этого штата приняло в 1960 г. закон, согласно которому официальным языком штата был объявлен только ассамским; бенгали же в статусе официального языка было отказано. Этот закон вызвал среди бенгальцев большое недовольство, и они стали выступать за признание равноправия бенгали с ассамским. На этой почве ассамско-бенгальские отношения резко обострились. В результате провокаций шовинистических элементов дело несколько раз доходило до погромов и кровопролития, что заставило бежать десятки тысяч бенгальцев из Ассамы в Западную Бенгалию.

Казалось бы, одним из возможных выходов из этого положения было отделение дистрикта Качар от Ассамы и присоединение его к Западной Бенгалии. Однако, во-первых, Качар не имеет с Западной Бенгалией общей границы, во-вторых, бенгальцы в Ассаме живут не только в Качаре и, в-третьих, как это ни парадоксально, против такого решения выступила часть самих бенгальцев — бенгальцы-мусульмане.

В последнем случае мы сталкиваемся с примером того, как этно-

языковые противоречия самым неожиданным образом переплетаются с противоречиями религиозными. Как уже говорилось выше, значительная часть бенгальцев в Ассаме исповедует ислам. Напряженность в отношениях между индусами и мусульманами, усилившаяся в результате раздела Бенгалии в 1947 г. и превратившаяся в важный фактор политической жизни как в Индии, так и в Пакистане, приняла в Ассаме своеобразную форму. Многие бенгальцы-мусульмане в Ассаме стали опасаться того, что если они станут указывать в качестве родного языка бенгали (и в результате перепись покажет, что в ряде районов Ассам бенгальцы составляют большинство населения), то это приведет либо к присоединению населенных бенгальцами районов Ассам к Западной Бенгалии, где преобладают индусы, либо к тому, что власти Ассам осуществят массовую депортацию бенгальцев — мусульман в Восточную Бенгалию. Поэтому значительная часть бенгальцев-мусульман, особенно недавних (в первую очередь нелегальных) переселенцев из Пакистана, заняла по ряду вопросов (в том числе и по вопросу об официальном языке) проассамскую позицию [17]. В частности, некоторые из них во время переписей как в 1951, так и в 1961 г. отнесли себя к говорящим не на бенгали, а на ассамии.

В то же время не исключено, что и в 1951, и в 1961 г. в Ассаме имели место не только открытый нажим на бенгальцев с целью заставить их назвать своим родным языком ассамии, но и прямая преднамеренная фальсификация языковых данных некоторыми счетчиками. Однако о количественных масштабах этого явления судить, конечно, трудно.

Итак, с нашей точки зрения, данные переписей 1951 и 1961 гг. о численности бенгальцев и ассамцев в Ассаме не внушают доверия, и более репрезентативной и достоверной в этом отношении (разумеется, с поправкой на миграцию, происшедшую после раздела Бенгалии в 1947 г.) следует считать перепись 1931 г.

Приведенные выше факты и соображения дают основание полагать, что бенгальский национальный район в пределах штата Ассам занимает не только дистрикт Качар, но и некоторые другие районы этого штата (в частности, большую часть дистрикта Гоалпара), хотя это в настоящее время и не находит подтверждения в официальной этноязыковой статистике.

В то же время между бенгальским и ассамским национальными районами (как и между Бенгалией и Митхилой) нет четкой границы — линии. Там, где они непосредственно граничат друг с другом (особенно это характерно для Гоалпары), между ними расположена довольно широкая промежуточная (но в данном случае — в отличие, например, от Пурнии — не переходная, а смешанная) зона, да и сам ассамский район на значительной части своей территории представляет собой скорее двунациональный ассамо-бенгальский, чем мононациональный ассамский район, впрочем, при почти повсеместном преобладании ассамского компонента².

² Во время пребывания в Индии в сентябре—октябре 1975 г. (уже после того, как настоящая статья была набрана) автор, благодаря любезному содействию д-ра Ашиша Боса, смог ознакомиться с исследованием американского социолога М. Винера, незадолго до этого опубликованным в журнале, издаваемом в Дели Индийской ассоциацией по изучению населения (M. Weiner, Assam and Its Migrants, — «Demography India», vol. II, 1973, № 2, стр. 314—349). Не имея возможности использовать здесь материалы этой весьма интересной и содержательной работы, автор считает своим долгом отослать читателя к ней, так как она посвящена примерно той же теме, что и настоящая статья, и обе работы взаимно дополняют друг друга. Винер рассматривает вопрос о бенгальцах в Ассаме на другом материале и под другим углом зрения, и ознакомление с его статьей поможет читателю пополнить свое представление об этноязыковой ситуации в Ассаме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров И. В. К типологии этнически промежуточных районов (районы смешанные и переходные).— сб. «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-летию члена-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге», М., 1973.
2. Abstract of Economic and Social Statistics of East India, Shantiniketan, 1957.
3. «Amrita Bazar Patrika» (bi-weekly), 17.VI.1965.
4. «Amrita Bazar Patrika» (bi-weekly), 31.III.1966.
5. Census of India 1911, vol. III, Assam, pt II, Tables, Shillong, 1912.
6. Census of India, 1931, vol. III, Assam, pt 1, Report, Shillong, 1932.
7. Census of India, 1951, vol. XII, Assam, Manipur and Tripura, pt 1-A. Report, Shillong, 1954.
8. Census of India 1961. Paper № 1 of 1962. Final Population Totals, Delhi, 1962.
9. Census of India 1961. Paper № 1 of 1963. Religion. Delhi, 1963.
10. Census of India 1961, vol. I, India, pt 11-C(ii), Language tables, Delhi, 1964.
11. «Indian Information», 1.XII.1963.
12. K h a n n a M. C. Rehabilitation of displaced Persons,— «AICC Economic Review», vol. IX, 1958, № 17—18.
13. Population Census of Pakistan, 1961,— «Census Bulletin № 1, Karachi, 1963.
14. Report of the States Reorganisation Commission, Delhi, 1955.
15. «Statesman», 2.II.1950.
16. A Tribune Feature, 11.XII.1963.
17. Ugly Head of Communalism,— «The Economic Weekly», 1.VII.1961.

С. А. Маретина

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

Народности и племена, населяющие горные районы Ассама и сопредельных территорий, совокупно составляющих географическую область Северо-Восточной Индии, образуют в пределах Индийской республики особую группу¹. Ряд обстоятельств вызывает интерес к этим народам: 1) задержавшись в силу специфики экологических условий на ранних этапах развития, они позволяют проследить эволюцию социальных форм, исчезнувших у более развитых народов; 2) разбросанные в горах, они сохраняют специфику своей социальной организации и культуры, в отличие от равнинных народов, которые уже испытали на себе нивелирующее влияние капитализма; 3) особенность этих народов заключается в том, что они по происхождению связаны с Восточной Азией и по своей социальной структуре во многом ближе к горным народам Юго-Восточной Азии, чем к своим индийским соотечественникам; 4) в то же время эти народы представляют собой одну из групп адиваси (так называют в Индии народы, которые не вполне адекватно определяются в русском языке как «малые») и, проживая в течение столетий в Индии, испытывают на себе воздействие проходящих в ней процессов; 5) и, наконец, сейчас, в связи с общим подъемом национального самосознания и развитием движения за автономию, для районов национальных меньшинств особенно остро встает вопрос о развитии самостоятельной экономики.

В пограничном Ассаме (и соседних территориях) население формировалось в основном за счет многочисленных переселенцев, которые на протяжении веков искали пути к плодородным равнинам великих индийских рек. В результате смены переселенческих потоков на равнине в конечном счете складывалась единая этническая общность, в то время как в горах, куда оказались оттесненными осколки ранних популяций, им удалось сохранить и даже развить в условиях длительной изоляции свою «особость». Такая картина характерна именно для горных районов. Горный Ассам вместе с соседними горными областями Бирмы и Индокитая образует один из узлов, в котором переплетаются многие фрагменты разных этносов, языков, культур. Многообразие этнического состава очень велико: даже в пределах одного народа наблюдается множество культурных и языковых вариантов. Это усложняет изучение данного района, но в то же время повышает интерес к нему и выводит его изучение далеко за чисто индологические пределы.

¹ К основным горным народам Северо-Восточной Индии относятся (с запада на восток): гаро, кхаси, микиры, многочисленные народности куки-чин, народности нага (районы пограничные с Бирмой), группа пригималайских племен.

Генетические связи горных народов тянутся не столько к соседним большим народам индийских равнин, с которыми они начали интенсивно контактировать лишь в последние десятилетия, сколько к многочисленным горным народам Юго-Восточной Азии. Таким образом, с горными народами Восточной Индии оказывается связан ряд проблем, характерных для этногенеза Юго-Восточной Азии. Такова проблема мон-кхмеров, касающаяся происхождения этой группы народов, их роли в этногенезе Юго-Восточной Азии,— проблема, которую связывает с Северо-Восточной Индией проживающая на территории последней народности кхаси, принадлежащая к семье мон-кхмеров. Восточноиндийский материал представляет неоспоримую ценность и для решения вопроса о направлениях древних путей миграций тибето-бирманцев, многие из которых пролегли именно в рассматриваемом регионе.

С решением указанных этногенетических проблем непосредственно связана и такая историческая загадка азиатского континента, как удивительное, доходящее в некоторых сферах культуры до полного тождества сходство ассамских нага и даяков с острова Калимантан (Индонезия). Это сходство проявляется прежде всего в области материальной культуры (формы и особенности конструкции домов, кухницы с своеобразным устройством поршневых мехов, техника земледелия, тип ткацкого станка и т. д.), а также в антропологическом типе и во всем облике (вплоть до манеры носить одежду и украшения); вместе с тем в социальной структуре, хотя оба народа и стоят на одном уровне развития, наблюдаются кардинальные отличия, проявляющиеся прежде всего в отсутствии у даяков признаков родовой организации, в то время как последняя у нага достигла высокого развития [2]. А главное — обе группы народов принадлежат к различным языковым семьям (нага — к тибето-бирманской группе китайско-тибетской семьи, даяки — к малайско-полинезийской), что, казалось бы, должно исключать гипотезы об их генеалогическом родстве.

Возможно, дальнейшая разработка этногенетических проблем всего крупного региона Восточной и Юго-Восточной Азии позволит выявить возможности длительных соприкосновений (которые только и могут объяснить отмеченные совпадения) на том или ином отрезке истории. Необходимо отметить, что аналогичные совпадения (хотя и не в столь полном объеме) отмечены также у ряда других горных народов Юго-Восточной Азии, как материковой, так и островной [12; 15, 115—178]. Материалы Северо-Восточной Индии должны быть привлечены и для решения еще одной этногенетической проблемы — проблемы определения и идентификации древнейшего аборигенного пласта этого района (в самых общих чертах негро-австралоидного) [4, 31], что является частью общей проблемы первичного этнического слоя, с одной стороны, всей Юго-Восточной Азии, с другой — всей Северной Индии.

Все эти вопросы для своего решения требуют комплексного подхода, причем веское слово должно принадлежать археологам, успехи которых для рассматриваемого региона пока нельзя считать достаточными. К сожалению, ни на какие письменные источники, которые могли бы помочь пролить свет на историческое прошлое изучаемых народов, рассчитывать не приходится. Сами горные народы своей письменности не имели, индийцы познакомились со своими восточными соотечественниками настолько поздно, что классические памятники индийской литературы — богатейшая сокровищница знаний — содержат о них лишь самые поверхностные и недостоверные сведения. Старейшими историческими источниками являются хроники на языке пали, так называемые буранджи, авторами которых были ахомы — представители таи-язычных бирманских шанов, которые стали проникать на территорию

Ассама в XIII в.— время, которым датируются сами буранджи [14, 12—27]. От того же периода остались медные блюда со списками ахомских царей. Но эти данные практически для нас недоступны. Публикация их отсутствует, ссылки на них поступают из вторых рук, причем цитирующие их европейские исследователи не уточняют библиографические данные источника.

Итак, первая группа задач по изучению горных народов Северо-Восточной Индии связана с этногенетическими проблемами. При всей сложности их решения постановка этих проблем необходима, ибо они являются звеньями в общей цепи задач восточноазиатского этногенеза.

Другая группа задач, представляющая, как и первая, интерес и в общетеоретическом плане, связана с современной этнографией. В последние десятилетия успешно продолжает развиваться направление, начатое еще в начале нашего века, — монографическое описание отдельных народов региона; сейчас в центре внимания находятся народы, которые до сих пор достаточно не исследовались, такие, как, например, большинство народов Аруначала — бывшего Северо-Восточного Пограничного Агентства, на территории которого живет несколько десятков племен и народностей ассамских Гималаев [13; 10]. Такого рода задачи стоят в первую очередь перед теми исследователями, которые располагают возможностями для стационарного изучения этих народов; это касается прежде всего самих индийцев. В последние годы происходит интенсивное накопление фактов по этнографии многих народов, чем продолжается традиция создания этнографических монографий, начатая еще британскими этнографами.

Наиболее реалистичным и представляющим особый интерес аспектом работы для нас является теоретическое осмысление и обобщение тех явлений социальной жизни, которые имеют место у многочисленных этнических групп, составляющих население восточноиндийских гор. Интерес этот стимулируется спецификой условий, в которых протекало развитие горных народов на протяжении последних десятилетий. С начала XX в. в социальной организации всех народов региона получили развитие сходные процессы, но шедшие с разной интенсивностью и во многих локальных вариантах. Суть их заключается в том, что архаичная организация, в течение многих веков развивавшаяся автохтонно, на рубеже XX в. стала подвергаться все усиливающемуся влиянию внешнего мира, точнее — населения ассамской равнины, где ведущими уже стали отношения капиталистического типа.

В результате процессы изменения традиционной структуры, исторически нередко принадлежавшие к различным этапам развития, оказались ускоренными и сближенными во времени.

Это дает редкую возможность проследить на сравнительно коротком отрезке времени динамику смены социальных отношений у горных народов. Раз начавшись, изменения продолжают идти нарастая. Диалектика современного развития состоит в том, что традиционные явления еще бытуют и зачастую являются определяющими, но одновременно находятся в состоянии трансформации. Поэтому любая сфера социально-экономического строя — будь то права собственности или формы брака — неизбежно включает в себя комплекс многообразных и нередко противоречивых явлений. Здесь для исследователя возникает множество сложных проблем, представляющих тем больший интерес, что в мировой теоретической этнографии ассамский материал почти не представлен. Между тем многие из отмеченных здесь явлений могли бы дать ценные сравнительные данные по ряду важнейших общих проблем. Остановимся на наиболее перспективных направлениях таких исследований.

Прежде всего следует отметить, что сама множественность народов горного Ассама (мы имеем в виду и сопредельные горные территории, административно выделившиеся теперь из этого штата), которая так затрудняет его комплексное изучение (несколько десятков народов, часто очень специфичных в культурном отношении), для анализа развития различных социальных институтов имеет неоспоримые преимущества. У этих народов мы получаем возможность сравнивать параллельные социальные процессы и явления, больше того — такое сопоставление нередко позволяет наблюдать явления в развитии, синхронно фиксируя различные стадии одного и того же процесса у различных народов. В результате, если по каждому народу не всегда имеется материал, необходимый для анализа генезиса того или иного явления, то дополнить отсутствующие звенья помогут материалы по соседнему племени.

Прежде чем перейти к перечислению конкретных проблем, стоящих перед исследователем социальной структуры горных народов, необходимо сказать несколько слов об уровне их изучения [подробнее см.: 1]. Основная масса позитивных сведений по горным народам содержится в уже упоминавшейся превосходной монографической серии, принадлежащей в основном перу английских этнографов. Ввиду консервативности общественного строя малых народов вплоть до начала XX в. (когда, как было отмечено, началось интенсивное нарушение их изоляции) данные, содержащиеся в этих монографиях, в целом фиксируют традиционные институты не только на конкретный момент написания монографий, но и на более длительный предшествующий период и позволяют бросить ретроспективный взгляд на ход общинной эволюции. При этом сами авторы этих описаний дают статическое изображение традиционного общества без попыток отразить тенденции социальных изменений. Но эти материалы, собранные и классифицированные на высоком научном уровне, дают исходные данные для анализа развития общественной структуры, так как именно процесс развития и изменений представляет наибольший интерес для исследования. Дальнейшее же развитие этих процессов позволяют зафиксировать отдельные статьи и издания последних лет (в том числе проблемные исследования Р. Берлинга [6] и Ч. Накане [11] по двум матрилинейным народам Ассама — гаро и кхаси). Важнейшим источником информации, констатирующим состояние фактического материала в последние годы, т. е. через несколько десятков лет после первых публикаций, является монографическая «деревенская серия» индийской переписи 1961 г. [7].

Таким образом, состояние изученности общественного строя малых народов Северо-Восточной Индии позволяет поставить задачу общего (более или менее полного) исследования эволюции социальных институтов в конце XIX — начале XX в. Есть исходная констатация состояния общества, практически еще не тронутого внешними влияниями, и есть современный материал, который позволяет судить о направлении и характере социальных изменений в ходе форсированной эволюции малых народов на протяжении XX в.

Из конкретных проблем социальной организации горных народов первостепенная роль принадлежит вопросу об общине. У всех малых народов Северо-Восточной Индии отсутствует племенная организация, т. е. племя выступает только как этнический, но не как социальный коллектив; в роли этих последних выступают община, род и семья. При этом, в силу рассредоточенности рода, который у рассматриваемых народов присутствует (да и то не у всех) в своей дисперсной форме, основной экономической и локальной ячейкой общества оказывается община. Именно в составе общины реально проявляется значение и ак-

тивность локализованных здесь частей рода, в пределах общины функционирует другая важнейшая социально-экономическая ячейка — семья.

Исследование собственно общины у горных народов Северо-Восточной Индии началось лишь несколько лет назад. Во всей имевшейся массе публикаций по общественному строю горных народов Ассама слово «община» отсутствует; речь идет исключительно о деревне и роде. Впервые термин «община» появляется в работе Ч. Накане о гаро и кхаси [11], т. е. в 1967 г. Такое положение в значительной степени затрудняет анализ общинной организации, но тем самым и повышает необходимость ее изучения. Сам факт существования общины у всех горных народов Северо-Восточной Индии не является дискуссионным. Трудность состоит в другом: в определении типа общины; в отнесении общины ассамских горных народов к конкретной стадии ее развития в пределах общей типологии. Дело в том, что община у горных народов, при всем многообразии ее конкретных форм, принадлежит к одному типу, которому надо найти место в бытующей у нас в настоящее время трехчленной периодизации общины: родовая — большесемейная — соседская. Между тем этот тип общины трудно с уверенностью отнести к одной из перечисленных стадий: она уже не является родовой, ибо ведущими в социально-экономической сфере стали у всех народов соседские отношения; к тому же у ряда народов родовая организация уже практически прекратила свое существование, хотя общий уровень их развития не отличается от тех, которые сохраняют родовую структуру. Нельзя общину горных народов отнести и к стадии большесемейной (хотя по своему уровню она приближается к ней), ибо в качестве основного типа семьи в ней выступает малая, а единичные большие семьи являются поздними образованиями, порожденными изменившимися в последние годы социально-экономическими отношениями внутри общины.

Таким образом, скорее всего рассматриваемая община должна быть отнесена к стадии сельской соседской общины. Но здесь мы сталкиваемся с недостаточностью общинной периодизации: в разряд соседских общин оказываются отнесенными практически несопоставимые организации, разница в уровнях развития которых нередко является большей, чем между некоторыми из этих общин и большесемейными. Достаточно вспомнить, что к числу соседских общин относятся и такие высокоразвитые структуры, как общины индийская, русская, балийская, которые знаменуют высший этап развития общинной организации.

Необходимость дальнейшей детализации общинной типологии усугубляется тем обстоятельством, что тип общины, подобный рассматриваемому, присущ не только горным народам Северо-Восточной Индии, а имеет (особенно в последние десятилетия) широкое распространение среди многих в прошлом колониальных народов, которые в силу ускоренного исторического развития быстро теряют старые родовые связи, не будучи в то же время в силах столь же быстро достичь уровня развитых народов.

При рассмотрении общины горных народов следует иметь в виду, что, хотя эта община у разных народов этого региона стадийно сопоставима (при единичных исключениях — например, кхаси, которые достигли уровня развитой сельской общины), она представлена во множестве локальных вариантов, которые могут быть объединены в самом общем виде в две основные группы: для общин одних народов характерно сохранение родовой структуры и старых общинных порядков (большая часть нага, гаро), в то время как у других старая организация подверглась значительной ломке, вплоть до полного исчезновения у некоторых народов родовых и части общинных институтов (на-

родности чин, часть бодо). У ряда народов этой группы получили развитие уже процессы феодализации. Видимо, причины различий следует искать в историческом прошлом этих народов, в степени развития у них ранней государственности и вовлечении их в бурные события политической жизни средневекового Ассама. К сожалению, исторические данные об ассамских народах весьма скудны и пока позволяют ограничиться лишь самыми общими предположениями.

Как было указано выше, в связи с тем что община, как таковая, до недавнего времени не была специальным объектом исследования в горных районах Северо-Восточной Индии, а описывались в первую очередь родовая организация и семья, ряд общинных аспектов полностью выпал из поля зрения исследователей. К их числу относятся такие важные вопросы, как динамика развития общины, ее экономическая характеристика (формы собственности, сочетание различных норм землевладения), соотношение общинных и родовых институтов. Сама специфика типа общины, которая была отмечена выше, способствовала усложнению отношений собственности, прежде всего на землю, где постоянно приходится разграничивать различные пласты этих отношений (права общинные, родовые, семейные, сочетание различных правовых категорий); вместе с тем все эти права ограничены рамками «малых группировок» и не выходят за пределы общины и локальных родовых подразделений. В вопросах землевладения очень важным представляется учет экологического фактора.

При выделении разновидностей общин у горных народов бросается в глаза условность некоторых представлений об уровнях развития отдельных народов; в частности, речь идет о наличии или исчезновении черт и институтов родовой организации, которые обычно рассматриваются как признак низкого уровня развития. Между тем материал Северо-Восточной Индии убеждает в том, что сохранение не только родовых пережитков, но даже целого комплекса институтов не всегда является свидетельством отсталости народа, который, напротив, может стоять выше других, лишенных родовых черт (например, кхаси).

Несомненный теоретический интерес представляет такой специфический вопрос, как сопоставление обществ патрилинейных и матрилинейных, в частности сопоставление уровней развития их производительных сил. Северо-Восточная Индия для подобной постановки вопроса представляет наилучшие условия, ибо здесь в непосредственном соседстве на протяжении ряда веков живут народы с различной филиацией, живут в сходных условиях и сходном географическом и социальном окружении, так что сравнение их систем облегчено. Проблема патри- и матрилинейных народов имеет различные аспекты. С одной стороны, встает неизбежный вопрос о причинах сохранения у части народов (в данном случае у гаро и кхаси) матрилинейной структуры. Нельзя сказать, что этот вопрос не привлекал внимание исследователей. Наиболее настоятельно звучит он в работах О. Эренфелса [8; 9], который выдвинул дискуссионную гипотезу о заимствованном характере «матриархата» у гаро. Однако знакомство с особенностями родовой структуры гаро и кхаси, на наш взгляд, свидетельствует об искусственности и несостоятельности выдвинутого предположения: слишком различны принципиальные основы обеих организаций, не говоря о сомнительности самого факта заимствования целой социальной системы.

Пример гаро и кхаси свидетельствует о необоснованности привычной точки зрения, согласно которой сохранение матрилинейной структуры выглядит как показатель отсталости народа. Как видно из этнографического материала, гаро не уступают по своему развитию большинству своих горных патрилинейных соседей, что же касается

кхаси, то их уровень развития настолько выше окружающих народов, что они скорее могут быть сопоставимы с равнинными ассамцами, чем с другими народами гор. Ситуация у горных народов Ассамы показывает еще раз, что филиация не является показателем общего уровня развития народа.

Матрилинейные народы интересны еще и тем, что они позволяют представить всю меру многообразия социальных форм. Как показывает материал мировой этнографии, в то время как у патрилинейных народов линейность и локальность дают ограниченное число вариантов, у матрилинейных народов наблюдается несравненно большее разнообразие социальных форм, причем у каждого народа появляется своя специфика в их реализации. Достаточно назвать такие своеобразные институты, как «система нокром» и «закон акима» у гаро, разновидности домохозяйств у кхаси, особенности деревенской структуры у тех и других. Все эти вопросы представляют немалый интерес для теоретической этнографии, кардинальные проблемы которой могут быть решены лишь на базе комплексного изучения материалов народов мира.

Важную сферу исследований составляет проблема классовообразования и расслоения внутри общины. Ассамский материал позволяет достаточно наглядно проследить изменение характера такого расслоения. Если в ранний период в условиях изолированной эволюции расслоение общины проходило (традиционно для горных народов рассматриваемого региона) как трансформация родовых групп в группировки типа «социальных классов» или ранних сословий, то начало проникновения товарно-денежных отношений, развитие товарного хозяйства вызывает к жизни принципиально новые формы расслоения — формы имущественного неравенства. Подобная последовательность этапов классовообразования (от раннего чисто социального к имущественному) имеет достаточно широкие параллели в мировой этнографии (примеры Африки, Юго-Восточной Азии), и на этом фоне ассамский материал выглядит очень убедительно. Как явствует из самого определения этапов классовообразования, эта проблема у ассамских горных народов соприкасается, с одной стороны, с вопросом о судьбах родовых групп, с другой — с проблемой модернизации общественной структуры у горных народов, связанной с проникновением в их жизнь принципиально новых явлений.

Эта тема — аккумуляция изменений в социально-экономическом строе горных народов Северо-Восточной Индии под влиянием контактов племен с развитыми народами равнин — включает ряд моментов, имеющих самостоятельное научное значение. Должны быть изучены те перемены, которые затрагивают сферу хозяйства, откуда цепная реакция изменений проникает во все сферы социальной жизни. Подобный процесс идет у всех малых народов Индийской республики, но в каждом из географических массивов племен он имеет свои особенности [3]. Так, в Центральной Индии, которая включает очень сложный в этническом отношении комплекс горных народов, контакты с развитыми народами имеют значительно более давнюю историю, а интенсивность их в последние десятилетия особенно велика (горные районы Центральной Индии — один из промышленных центров республики), в связи с чем нарушение традиционной структуры этих народов зашло дальше, чем в других районах. В Южной Индии, которая представляет собой другой важный центр сосредоточения горных племен, эти последние в общей своей массе находились на более низком уровне развития (большинство доземледельческих народов зафиксировано именно здесь), и поэтому воздействие индустриального общества оказалось для них особенно разрушительным. Что касается горных районов Северо-Восточной Индии, то здесь контакты народов с различными обществен-

ными укладами протекали более спокойно. Собственная организация ассамских национальных меньшинств оказалась достаточно сложившейся и стойкой, чтобы сохранить свою специфику и при прогрессирующем вовлечении этих народов в общеиндийскую орбиту. Заимствования элементов новой, более высокой культуры носят у них выборочный характер. Конкретные их формы представляют актуальную задачу для исследователя.

К числу основных вопросов, связанных с социально-экономическими последствиями контактов горных и равнинных народов, относятся следующие: модификация хозяйственных форм под влиянием развития товарно-денежных отношений; изменения в сфере материальной культуры (поселения, одежда, пища); последствия внешних воздействий для институтов общественного строя. Последняя проблема наиболее сложна, ибо здесь воздействия дают о себе знать не столь наглядно, как в других сферах.

Если в отношении хозяйства можно отметить повсеместный рост товарности производства, вовлечение горных народов в экономику развитых наций, если в сфере материальной культуры отчетливо проявляются процессы аккультурации (хотя и идущие с разной степенью интенсивности), то изменения в социальных институтах не поддаются столь же очевидным обобщениям [5]. Особая сложность здесь заключается в том, что необходимо различать те изменения, которые накапливались в обществе в ходе естественной последовательной эволюции последнего, и те перемены, которые обязаны своим возникновением в первую очередь новым условиям, сложившимся после нарушения изоляции племенных территорий. Однако на практике такого рода размежевание не всегда осуществимо, ибо многие изменения, которые в традиционном обществе уже назревали (а иногда и начинали осуществляться), после выхода из изоляции оказались под усиленным воздействием извне и приобрели иной темп, а зачастую и новые формы развития. В то же время ряд процессов обязан своим появлением исключительно воздействию товарного общества.

Задача исследователя состоит в первую очередь в том, чтобы проследить, как сочетаются все эти процессы — иногда совпадающие, нередко противоречивые, как они трансформируют традиционное общество в целом и как проявляются в отдельных его социальных сферах. Комплексный анализ этой проблемы и даст представление о динамике общественного строя горных народов Северо-Восточной Индии.

Мы перечислили лишь часть задач исследования структуры общества горных народов, в первую очередь те, которые имеют общетеоретический интерес. В заключение хотелось бы коснуться еще одного аспекта, очень актуального, который этнограф не в праве миновать. Это вопрос о судьбах горных народов и их культуре в современном мире, о перспективах и направлении их дальнейшего развития. Конкретными задачами этого направления исследования являются проблема языка (каким должен быть язык официальный, язык обучения, общения, каковы принципы выбора письменности для бесписьменных народов и т. д.), проблема национальных территорий и местной автономии (эти две проблемы, по существу, означают решение национального вопроса), пути усовершенствования хозяйства и быта племен, пути сохранения их культурных ценностей при необратимом процессе приобщения племен к общей жизни страны. Все эти вопросы помимо чисто научного имеют и большой политический интерес. Решаются они практически правительственными и общественными организациями Республики Индии, однако направление решения этих задач и последствия избранных путей должны быть предусмотрены этнографами. Помощь правительству

в решении проблемы национальных меньшинств является почетной задачей индийских этнографов, общественное значение которых в республике весьма велико и рекомендации которых в отношении практических вопросов национального и культурного строительства являются предметом обсуждения на самых высоких уровнях. Сейчас в Индии районы национальных меньшинств, в частности горные территории Северо-Восточной Индии (особенно учитывая их пограничное положение), привлекают постоянное внимание правительства. Свидетельством тому являются интенсивные административные преобразования, в результате которых на северо-востоке Индии немногим более чем за 10 лет на месте одного штата Ассам возникло пять штатов и две союзные территории центрального подчинения. Все эти обстоятельства — и политическая острота вопроса, и стремительность перемен, и необходимость определения перспектив развития — свидетельствуют о важности изучения малых народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А. Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии.— «Советская этнография», № 6, М., 1968.
2. Маретина С. А. К вопросу об общности происхождения нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан (Борнео).— «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», ЛГУ, 1964.
3. Маретина С. А. Социально-экономические последствия контактов раннеземледельческих и доземледельческих племен с развитыми народами Индии.— «Краткое содержание докладов годичной сессии ИЭ АН СССР», Л., 1972.
4. Чебоксаров Н. Н. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история.— «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
5. Bhowmik K. L., Gupta S. N. and Bhowmik A. Impact of Agricultural Development on the Social Structure of the Naga Village Community.— «Journal of Social Research», vol. XII, 1961, № 2.
6. Burling R. Rengsanggri. Family and Kinship in a Garo Village, Philadelphia, 1963.
7. Census of India 61.— «Monograph Series», pt VI, Delhi, 1962.
8. Ehrenfels O. Mother-Right in India, Hyderabad, 1941.
9. Ehrenfels O. Three Matrilineal Groups of Assam.— «American Anthropologist», vol. 57, № 2.
10. von Fürer-Haimendorf Ch., The Apa-Tanis and their Neighbours, London, 1962.
11. Nakane Chie, Garo and Khasi. A Comparative Study in Matrilineal Systems, Paris, 1967.
12. Peal S. E. Identical Cultures of the Dyaks and the Races around Assam.— «Nature», LVI, 1978.
13. Roy S. Aspects of Padam-Minyong Culture, Shillong, 1960.
14. Shakespear L. W. History of Upper Assam, Upper Burmah and North-East Frontier, London, 1914.
15. Smith W. S. The Ao Naga Tribe of Assam, London, 1925.

В. А. Пуляркин

ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ (географический очерк)

Краткая общая характеристика кочевников региона. В пределах Южной Азии кочевое хозяйство распространено преимущественно в засушливых северо-западных областях, включая их горное обрамление. На протяжении многовековой истории субконтинента скотоводческие племена неоднократно вторгались на его территорию, волна за волной накатываясь из внутренних районов Азиатского материка. По мере движения в сторону долины Ганга они как бы растворялись среди огромной массы земледельческого населения.

Подобная картина наблюдалась еще на заре цивилизации. Уже нашествие скотоводов-ариев и процесс арианизации, окончание которого датируется для севера субконтинента серединой I тысячелетия до н. э., завершились синтезом хозяйственно-культурных традиций. Причем доиндоевропейское земледельческое население сыграло важную роль в формировании древних индоарийских народностей отнюдь не только благодаря своей численности, но и потому, что оно определило производственный базис сложившихся народностей, а именно оседлое земледелие.

И в более поздние времена кочевники-степняки много раз организовывали развернутое наступление из Внутренней Азии на юг. Но государства, которые они там основывали, вскоре почти сливались с побежденным, теряли связь со степью, откуда вышли кочевники [4, 26—27]. Завоевание земледельческих оазисов способствовало ускоренному разложению родо-племенных отношений у кочевых народностей и вело к неуклонному росту элементов феодализма. Рядовые кочевники оседали на землю, смешивались с коренным земледельческим населением и лишались былой самостоятельности. Родовая знать превращалась в господствующую прослойку правящего класса в тех государствах, которые возникали в ходе победоносных походов [2, 53, 80].

Поэтому, несмотря на частый приток «свежих сил», кочевому хозяйству в Южной Азии редко удавалось существенно расширить сферу своей пространственной локализации. Тесная зависимость от природной среды усложняла, даже при самых успешных вторжениях, проникновение кочевников в глубь более влажных районов субконтинента. Линия, проходящая приблизительно от Матхуры по Джамуне выше Агры и вдоль гор Аравали к Камбейскому заливу (т. е. линия, сравнительно близко совпадающая с изогией 500 мм), стала важным разделительным рубежом, который ограничивал с юга зону, открытую культурным и политическим влияниям из Центральной и Юго-Западной Азии [9, 166], носителями которых выступали по преимуществу

кочевые народности. Особенно четко прослеживался этот рубеж в мусульманский период истории Индии.

Но и в территориальных рамках данной зоны соотношение кочевого скотоводства и оседлого земледелия, будучи подвержено действию комплекса сложных факторов, не оставалось неизменным. При этом периоды подъема кочевого хозяйства относились не только к далекому прошлому — они отмечены даже в XVIII в. Так, в Синде бесконечные военные набеги белуджей и вторжения афганских войск (они тоже следовали одно за одним — в 1779, 1781, 1783, 1786, 1794, 1808 гг.), феодальная анархия и разрушения ирригационных систем привели к резкому уменьшению площади обрабатываемых земель — приблизительно с 850 тыс. га в середине 50-х годов XVIII в. до 240 тыс. га к концу столетия, а также к упадку городов и сокращению торговли [2, 122]. В результате в местной экономике заметно окрепли позиции кочевого и полукочевого скотоводства. Видимо, этими изменениями в хозяйственной сфере объясняется и политическое возвышение знати белуджских племен, которая в конце XVIII в. сумела захватить верховную государственную власть в Синде.

На протяжении XIX и XX вв., однако, на северо-западе субконтинента, под воздействием прежде всего общих социально-экономических причин и в непосредственной связи с происшедшей в стране централизацией политической власти, наблюдалось постепенное ослабление роли номадизма. Усиливалась тенденция перехода мигрирующего населения к оседлости. К сожалению, имеющиеся статистические материалы слишком скудны, чтобы позволить в полной мере охарактеризовать процесс седентаризации.

Все же данные переписей населения по Белуджистану подтверждают, что кочевое скотоводство медленно вытеснялось земледелием как более надежным источником существования: в 1911 г. оседлое население составляло здесь 54,3%, в 1921 г. — 59,9, а в 1931 г. — 62,7%. Возможно, что оседание шло быстрее, чем отражают приведенные цифры, так как улучшение от ценза к цензу статистического учета проявлялось в первую очередь в более полном охвате подвижной части населения. Тяга к оседлому образу жизни свойственна всем важнейшим этническим группам Белуджистана; особенно она выражена у белуджей, менее ярко проявляется у брагуи и пуштунов.

В начале 30-х годов XX в. отмечалось, что кочевое и полукочевое хозяйство оставалось в Белуджистане преобладающим лишь там, где земледелие или очень затруднено, или совсем невозможно вследствие захвата всех земель, годных под пашню, верхушкой ранее осевших племен, а также помещиками и ростовщиками. Само же массовое стремление к сочетанию скотоводства с земледелием представлялось очевидным и не вызывало сомнений [6, 88]. Последующие переписи населения провинции не содержат интересующих нас сведений, но приведенные в них косвенные данные свидетельствуют о продолжающемся процессе оседания: так, за 1931—1951 гг. численность скотоводов в Белуджистане увеличилась на 11%, тогда как все его население выросло почти на треть [14, табл. 11—15].

Общее число кочевников и полукочевников в Южной Азии остается практически величиной неизвестной. Трудность оценки усиливается, во-первых, из-за сезонных миграций номадов через государственные границы, в результате чего в зимние месяцы их насчитывается в пределах Пакистана значительно больше, чем летом, и, во-вторых, из-за сезонных перемещений крестьян-земледельцев, что усложняет их обособление от полукочевников на территориях с развитым пастбищным скотоводством. Пуштуны, например, часто имеют пашню в разных местах.

На лето они перебираются ближе к обрабатываемым участкам в горах, где строят временные хижины, в которых и живут до окончания жатвы, осенью же возвращаются в долину, где находятся их постоянные, зимние жилища. С собой в горы в подобных случаях пуштуны забирают весь скот, и, таким образом, на летнее время долинные селения остаются покинутыми.

В целом для Южной Азии численность кочевников можно определить более чем в 1 млн. человек. Обращает внимание богатство форм, свойственных кочевому хозяйству субконтинента, — от чистого номадизма, когда скотоводы совершенно не владеют пахотными землями, до стадий, непосредственно предшествующих окончательному переходу к оседлости. Характер миграций также отличается большим разнообразием: пуштуны-повинда, прибывающие на зимние пастбища Индской равнины из Афганистана, проделывают путь протяженностью до 1,5 тыс. км, тогда как в Раджастане перегоны скота нередко ограничены радиусом 10—20 км. При этом повинда кочуют большими караванами, тогда как другие, в частности белуджи и брагуи, передвигаются в поисках пастбищ преимущественно мелкими группами.

Меньшинство кочевников перемещается только между равнинными пастбищными участками, остальные же используют вертикальную компоненту, поднимаясь к лету в горы и спускаясь к зиме в низины. Подобный тип миграций отчетливо прослеживается в Белуджистане, где весной и осенью создается впечатление, что все жители находятся на марше. Брагуи из центральных районов Белуджистана, или брагуи сараванские, совершают осенью отход через Боланский перевал на низменность Каччи, чтобы избежать суровой зимы (в Калате на высоте 2150 м зарегистрированы морозы до $-21,3^{\circ}$); в трудные годы они появляются и в Сийде. На лето же сараванские брагуи, спасаясь от жары, достигающей в родных котловинах $+40^{\circ}$ и более, движутся высоко в горы Центрального Брагуи.

Джалаванские брагуи, расселенные южнее, устремляются осенью по многочисленным проходам через хребет Киртхар на равнину Синда. Зажиточные скотоводы владеют плодородными участками пашни в долинах и на низменностях, но остальным приходится совмещать выпас скота с работой по найму у синдских помещиков. Однако отнюдь не все скотоводы-брагуи (причем это относится к представителям обеих ветвей — и джалаванской, и сараванской) откочевывают на зиму далеко; многие группы базируются на местные пастбища, переходя из одной долины в другую, по мере потепления смещаясь в горы. Ограниченны по протяженности и миграции белуджей. Они кочуют близ оазисов, которые служат центрами племенных поселений и резиденциями племенных вождей, и лишь на жаркий сезон отгоняют скот на высокие пастбища Северного Белуджистана [13, 36—37; 12, 1; 7, 24].

Различие природных условий, в которых протекают миграции тех или иных этнических групп, и культурно-хозяйственные традиции населения относятся к числу важнейших причин, определяющих состав и своеобразие структуры стада у тех или иных кочевых народностей. Преимущественное значение у большинства из них имеет мелкий рогатый скот (в особенности овцы), который дает разнообразную продукцию — как потребительскую, так и товарную. Но у гуджаров, проводящих зиму у подножий Сиваликских гор, а на летодвигающихся на альпийские пастбища в Гималаи, главное животное — буйвол, у банджара, которые кочуют по Раджастану, — вол, широко используемый в транспортных целях, а кочевников брагуи и белуджей трудно представить без верблюда. Мнение, что именно скотоводы из числа брагуи и белуджей, возможно, первые занялись разведением верблюдов в пу-

стыне [16, 193], достаточно показательно, даже в том случае, если оно и ошибочно.

Скот у кочевников, как известно, неприхотлив, непритязателен, способен переносить трудности длительных перегонов и нередко выпадающее на его долю голодание. Типичны, например, овцы породы балучи — очень выносливые, пригодные как к пастбищному, так и стойловому содержанию. Вес балучи достигает 40 кг, в день она дает 1,5—2 л молока, но ее шерсть грубая, с большой примесью мертвого волоса, и используется на месте для изготовления кошм, веревок, мешков [28, 607]. В условиях Пакистана, несмотря на низкую продуктивность, при даровых кормах экстенсивное животноводство вполне оправдывает себя экономически. Шерсть, овчины, кожи и другие товары кочевого хозяйства составляют важную часть экспорта страны.

Конкретные географические примеры. Рассмотрим детальнее некоторые типы кочевого хозяйства, которые нагляднее покажут всю сложность и многообразие кочевничества в Южной Азии.

Белуджи-марри, расселенные на крайнем юго-востоке Белуджистана, обладают сбалансированной экономикой, направленной на максимально полную утилизацию скудных природных ресурсов ареала обитания [11; 26; 35]. Племенная территория марри включает расположенные на высотах 700—1000 м сухие широкие долины, разделенные труднопроходимыми горными цепями, которые на севере достигают 3 тыс. м. Дождей выпадает 75—125 мм в низинах и до 300 мм в горах, но они очень неустойчивы год от года и от места к месту. С скромными осадками обуславливают бедность растительного покрова. Лишь кое-где вдоль речных русел и по горным склонам встречаются заросли колючих кустарников и рощицы карликовой пальмы.

Часть марри ведет оседлый или очень близкий к нему образ жизни в деревнях, занимаясь поливным земледелием при помощи кяризов, колодцев, родников или лиманного орошения и богарным полеводством в расчете на удачный дождливый сезон. Другая часть марри сочетает животноводство с земледелием и по крайней мере несколько месяцев в году живет мелкими группами в шатрах, мигрируя поблизости от деревни и прилежащих к ней обрабатываемых участков. Когда же в стаде у одного хозяина становится более ста животных, агрикультура и промыслы (сбор меда и диких плодов, заготовка топлива и др.) теряют свою былую ценность, и пастбищное скотоводство выходит на первый план.

Разнообразие занятий у марри определяется в большей мере широким набором видов домашних животных. Важнейшие среди них в кочевом хозяйстве — овцы и козы, продукция которых (шерсть и мясо) в первую очередь идет на продажу. Для перевозки тяжестей используют ослов, верблюдов, а также крупный рогатый скот (хотя преимущественно он работает на полях). В престижных целях содержат верховых лошадей. Каждый член племени марри обладает формальным правом свободного выпаса скота на племенной территории.

Наиболее примечательна у марри разная география кочеваний для отдельных социальных групп, что создает сложный миграционный рисунок. Остро стоит у местных скотоводов, видимо, проблема обеспечения их летними пастбищами, поскольку именно для летнего сезона отмечены особенно интенсивные миграции. Богатые кочевники, имеющие много скота и не заинтересованные в земледелии, движутся на север, в ареал расселения оседлых пуштунских племен — какаров и луни. Последние, будучи оседлыми землепашцами, сами не используют принадлежащие им горные пастбища. Зимой на них содержат свои стада повинда, приходящие из Афганистана, летом же — марри, которые вно-

сят определенную плату за пользование этими пастбищами. Несмотря на ее довольно высокий размер (минимально — одна голова с 25 выпасаемых животных), богатым скотоводам марри более выгодно пригонять стада на малозагруженные пуштунские угодья, отличающиеся высокими кормовыми достоинствами, чем оставаться в пределах своей племенной территории, где пастбища явно перегружены.

Бедняки, стремящиеся «продать» прежде всего свои рабочие руки, направляются на Индскую равнину, где в конце весны и летом можно наняться на уборку урожая и на ремонт ирригационной сети. Свой малочисленный скот они выпасают по стерне: поиндские крестьяне не обладают достаточным поголовьем, чтобы полностью использовать жнивье как пастбищное угодье, и поэтому охотно разрешают выпас пригоняемого марри скота на своих полях с целью их удобрения. Полевые работы на равнине совпадают по времени с земледельческой активностью в ареале обитания марри, и потому на заработки уходят именно беднейшие скотоводы, которые не располагают зерном и другими ресурсами для проведения сева на своей земле.

Средние по зажиточности марри на лето перемещаются с северных и южных окраин своей племенной территории в центральные долины, где выпадает больше осадков, чтобы заняться здесь земледелием в сочетании с выпасом скота на окрестных склонах. Местные пастбища перегружены и истощены, так как «средний» марри стремится по возможности не слишком удаляться от своих посевов. Таким образом, летом у марри отсутствует движение лишь непосредственно на юг — там живут враждующие с ними белуджи-бугти, имеющие аналогичный тип хозяйства, который не допускает сотрудничества с марри в использовании природных ресурсов территории.

В последние десятилетия марри постепенно несколько продвинули границу ареала своего расселения далее на север за счет пуштунских земель. Частично это связано, видимо, с сокращением притока повинда на зиму в Пакистан, так как силой потеснить их сплоченные отряды вряд ли бы марри удалось. Однако численность марри за сто лет, с 1850 по 1950 г., увеличилась, как полагают, в 3 раза — с 20 тыс. до 60 тыс. человек [11, 18], и отмеченный небольшой прирост территории не снимает проблем, вытекающих из растущей плотности населения (ныне около 6 чел./км²). Они решаются прежде всего путем расширения запашки, но это суживает возможности для ведения экстенсивного животноводства и для отходничества.

Кочевники-повинда чаще рассматриваются на афганском фоне, но им принадлежит видное место и в экономической жизни Пакистана. Под названием «повинда» объединяют ряд скотоводческих пуштунских племен, прежде всего из племенных групп лохани и гильзай, которые занимаются также транзитной торговлей. Их большие вооруженные караваны осенью отправляются с афганскими товарами на равнину Инда (а в прошлом и далее на юг), а весной возвращаются в Афганистан, закупив мануфактуру, разные промышленные изделия, пряности и т. п. Выделение повинда произошло уже в XIII—XIV вв., когда они стали обслуживать караванные пути, ведущие из Индии в Персию и Среднюю Азию.

В начале осени повинда собираются на плато в районе Газни (Южный Афганистан). Хели и племена повинда, часто враждующие между собой и потому избегающие друг друга на марше, спускаются с нагорий в определенном порядке, закрепленном вековыми обычаями: часть отрядов повинда движется в полном составе — с семьями, часть состоит только из мужчин, оставивших женщин и детей где-то по дороге. Крупные караваны повинда насчитывают по несколько тысяч чело-

век. Включающие нескончаемые вереницы верблюдов, ослов, а также крупного рогатого скота, овец и коз, эти караваны находились под тщательной вооруженной охраной. Меры защиты раньше были необходимы, так как путь к равнине Инда проходил через малоплодородную страну воинственных вазиров, постоянно совершавших нападения на богатые торговые караваны.

Главный путь повинда пролегает по Гумальской долине, выводящей к Инду у г. Дераисмаилхана. Во второй половине XIX в. ежегодно по нему следовали в одном направлении по несколько десятков тысяч кочевников-скотоводов, купцов и воинов и до 70 тыс. груженных верблюдов [29, 397]. Зимние стоянки всегда располагались около источников воды, которые в дальнейшем стали использоваться и для орошения. На предгорной равнине по правобережью Инда в округе Дераисмаилхан—Дамане повинда удалось также захватить много пахотной земли. Здесь они устраивали свои укрепленные зимние становища (кирри), которые одновременно служили складами товаров. Со временем некоторые кирри превратились в города; таково, например, происхождение г. Кулачи [3, 194; 8, 58]. Повинда, пришедшие с караванами, но без семей, обычно не имеют фиксированных лагерных стоянок.

Из центров своего сосредоточения в Дамане и Восточном Белуджистане (район Эхоб-Лоралай) часть кочевников-мужчин, оставив членов семей со стадами под охраной в местах зимних пастбищ, растекается более мелкими группами по близлежащим долинам и Индской равнине вплоть до Синда, чтобы найти работу или продать свои товары. Крупные рынки скота, возникшие в Синде на границе пустыни и оазисов, прежде всего в Джакобабаде и на низменностях Качхи, в большой мере обязаны своими операциями именно повинда [27, 315], хотя, конечно, много скота пригоняется на продажу и «собственными» кочевниками из Белуджистана. В январе—феврале здесь организуются знаменитые на всю страну ярмарки скота. В последующие месяцы повинда, вновь собравшись в караваны, по традиционным маршрутам возвращаются в пределы Афганистана.

В конце прошлого столетия торговля повинда начала приходить в упадок. Этот процесс вызывался многими причинами, в числе которых—ускорившееся оседание пуштунов в Северо-Западной пограничной провинции и увеличение распаханности ее территории, что усилило противоречия между местными пуштунскими племенами и повинда, повышение налогов за пользование пастбищами и, наконец, растущая конкуренция современных видов транспорта, в результате чего некоторые племенные подразделения повинда вынуждены были оставить торговую деятельность.

После образования Пакистана условия для перехода кочевников из одного государства в другое еще более усложнились. Напряженные политические отношения между соседними странами периодами приводили к официальному закрытию границы, как это было в зиму 1961/62 г. И все же по настоящее время через Гумаль, Куррам, Хайбер, Точи и сотни менее известных проходов и перевалов многие тысячи повинда каждой осенью снова приходят на территорию Пакистана. Перепись населения 1961 г. зарегистрировала в стране более 70 тыс. афганцев-повинда, но, конечно, она не могла учесть всех прибывших кочевников. Ориентировочно численность повинда в Пакистане выражается цифрой 100—300 тыс. человек [37, 117].

В последние десятилетия среди повинда нарастают имущественное неравенство и экономическая дифференциация. Некоторые племенные группы сумели приспособиться к изменившимся условиям и, накопив денежные средства, пересели на грузовики и почти целиком переключились

чились на торговлю. Поскольку в Афганистане норма прибыли в сфере обращения еще во много раз больше нормы прибыли в сфере производства [5, 5], для этой части повинда скотоводство становится второстепенным занятием. Но вывоз кочевниками товаров в Пакистан все более сводится к грубовыделанным шкурам и дровам, и постепенно торговцы-повинда переключаются с внешнего рынка на преимущественное обслуживание столичного Кабульского района. На территории же Пакистана повинда сосредоточиваются ныне преимущественно в Восточном Белуджистане, глубинные местности которого лежат еще в стороне от дорог и не обеспечены современными видами транспорта; по переписи 1961 г., в административной области Кветта насчитывалось 26,9 тыс. афганцев-повинда, тогда как в области Дераисмаилхан, включающей Даман, — только 10,4 тыс. человек.

Некоторые богатые повинда выступают в роли ростовщиков, предоставляя пакистанским крестьянам небольшие ссуды под очень высокий процент. Но основная масса мигрирующих в Пакистан кочевников — настоящие бедняки; по сравнению с их стоянками «даже бивуаки цыган в средневековой Европе не выглядели так бедно» [38, 119]. Эта часть повинда ходит по деревням, где нанимается на уборочные и другие полевые работы за скромную плату натурой, включающей корм для их немногочисленных животных. На долю повинда, которые уже совсем лишились скота, выпадает самый тяжелый, неквалифицированный труд: строительство дорог, рытье арыков, работа в карьерах и т. п.

Передвижение кочевников через государственные границы не встречает одобрения властей по обе их стороны. При таком положении дел неизбежно встают или должны возникнуть вопросы подданства, налогообложения, воинской повинности. Повинда фактически ведут значительную контрабандную торговлю, поскольку перевозимые ими из страны товары не облагаются таможенными пошлинами. Мигрирующие номады могут стать также переносчиками болезней; на границе Пакистана и Афганистана пришлось создать контрольные пункты с целью опрыскивания имущества кочевников инсектицидами против анофелеса и обеспечения людей противомаларийными средствами [22, 136]. Другая серьезная опасность — эпизоотии; в 1959/60 г., например, занесенная повинда эпидемия вызвала в Пакистане сильный падеж скота [10, 104]. Успех карантинных мероприятий при большой протяженности афгано-пакистанской границы и ограниченной численности медицинского и ветеринарного персонала в обеих странах не может быть полным.

Бесспорно, однако, что миграции повинда имеют и положительный экономический эффект, способствуя углублению территориального разделения труда (ибо только торговцы-кочевники добираются до многих «глухих углов»), а также лучшему использованию трудовых и естественных, прежде всего пастбищных, ресурсов. И справедливо высказывание, что необходима экономически обоснованная оценка хозяйственной деятельности повинда, прежде чем вырабатывать целесообразную политику по отношению к ним [15, 169].

В заключение обратимся к экстенсивному животноводству, базирующемуся на миграциях по горизонтали и достаточно хорошо представленному в области Тар, Раджастан.

Правда, собственно кочевое хозяйство в Раджастане развито слабо. Преимущественно представлены своеобразные формы пастбищного скотоводства. Наиболее удачное его описание дано одним из немецких географов, который с определенной долей условности, им оговариваемой, прибегает к термину «полукочевое пастбищное хозяйство» [34, 415]. Оно свойственно засушливым внутренним районам Тара, полу-

чающим 150—200 мм осадков в год. Поливное земледелие в таких условиях крайне ненадежно, и имеющиеся небольшие посевы тяготеют к низменностям, куда отводятся дождевые воды из временных потоков. Под пастбищами нередко находится свыше 90% территории.

Естественные ландшафты области Тар, именуемой обычно пустыней, можно охарактеризовать как преимущественно сухую саванну, в древесном ярусе которой почти всюду господствуют колючие деревья — мескиты и акации. Разреженный травянистый покров, образуемый в основном однолетними злаками, зеленеет в период редких ливней, приходящихся на июль — начало сентября. На песчаных дюнах доминируют пустынные типы растительности, во многом сходной с флорой курстарниковых пустынь Средней Азии [1, 28—29].

Население центральной части Тара почти целиком зависит от животноводства. Но последнее, хотя и ведется на обширных территориях, замкнуто твердыми общинными границами, а население привязано к постоянным деревням. Именно здесь расположена крупнейшая по площади община во всей Индии — Саттасар, занимающая 18,3 тыс. га [34, 415; см. также: 31; 32; этими работами, в особенности первой из них, мы ниже и пользуемся]. В пределах подобных обширных общин насчитывается лишь по несколько мелких селений. В Саттасаре, например, они объединяют суммарно около 70 дворов, которые в совокупности располагают примерно 7 тыс. голов скота. Типичное стадо «среднего» хозяина состоит, таким образом, приблизительно из сотни голов и включает обычно около 60 овец, 10—12 коз, 20—25 голов крупного рогатого скота и трех-четырех верблюдов, служащих вьючными и молочными животными.

Перегоны скота ведутся в радиусе 10 км от селений. При использовании пастбищ основная проблема — водопой. Она решается в Саттасаре за счет разбросанных по территории общины прудов, вырытых группами крестьян, которые ими распоряжаются. На прилегающие к этим водоемам пастбища в муссонные месяцы отправляются из деревень все жители со своими стадами и остаются там до осени. При прудах строятся хижины, а селения в это время года практически пустуют.

Когда в конце осени пруды пересыхают, большая часть жителей вместе с крупным рогатым скотом возвращается в деревни, а еще через месяц пригоняются также стада овец и коз. На зимние и ранневесенние месяцы скотоводы располагают только колодезной водой и близлежащими к деревне пастбищами, до того щадившимися. В октябре собирается небольшой урожай просяных и бобовых культур. В хорошие годы, когда выпадает более 200 мм осадков, среднее хозяйство засеивает 3—5 га, получая урожай по 2—3 ц/га. В засушливые годы не окупаются даже семена. Крестьяне постоянно вынуждены в значительных размерах прикупать зерно и зернобобовые.

Главная угроза местному животноводству — это опасность засухи. Как правило, в десятилетие случаются один-два сильно засушливых года, когда выгорают не только посевы, но и травы, а главное — истощаются запасы воды в колодцах и прудах. Поэтому крестьяне начинают двигаться (в первую очередь со стадами крупного рогатого скота, который наиболее страдает от засухи) на северо-запад, на расположенные примерно в 50 км государственные резервные пастбища в районе Анопгарха, близ индо-пакистанской границы. Эти пастбища в обычные годы отдыхают в продолжение двух-трех лет; при сильной засухе скот содержится на них до конца марта — начала апреля, а затем ресурсы кормов и воды исчерпываются. Животных приходится перегонять далее на 100—200 км, в орошаемые районы бассейна верхнего Ганга. Здесь

стада пасутся по стерне, а прикочевавшие скотоводы живут под открытым небом, перевоза взятое с собой имущество на верблюдах. С наступлением в пустыне Тар сезона дождей жители возвращаются в родные места с заметно поредевшими стадами: в прошлом отмечалась гибель до $\frac{3}{4}$ всего поголовья.

Вместе с тем в пределах Раджастанхана представлено и чисто кочевое население. В его число входят, в частности, скотоводы из этнической группы райка. Они широко рассеяны по пустыне Тар; в области среднего и нижнего течения Луни райка составляют почти 8% всех хозяйств. Проведенное в бассейне Луни обследование показало, что около 27% райка совсем не владеют землей [25, 221]. Таким образом, располагая значительным поголовьем овец, но преимущественно лишённые собственных пастбищных угодий, райка зависимы от крестьян, на пустующих землях которых они содержат свои отары.

Согласно исторически сложившейся в Таре практике использования пастбищных земель, последние (включая залежь и поля после снятия урожая) открыты для выпаса скота, принадлежащего любому из крестьян или скотоводов. Развитие земледелия в Раджастанхана (увеличение площади пахотных земель за 1951/52—1965/66 гг. на 41%) и сокращение сроков перелога тяжело отразились на экономике райка. Они вынуждены или совершать дополнительные переходы в поисках свободных кормовых угодий, что отрицательно сказывается на показателях овцеводства, или уменьшить поголовье. Часть райка уже забросила традиционное занятие и перешла к продаже по найму своей рабочей силы.

О перспективах эволюции кочевого хозяйства на субконтиненте. Многообразные процессы, вызывающие кризис кочевого скотоводства, которые свойственны всему ариднему афро-азиатскому поясу, достаточно отчетливо выражены и в Южной Азии. В то же время своеобразии отдельных категорий и групп номадов в зависимости от всего комплекса их хозяйственной деятельности и природно-экономических особенностей тех местностей, где совершаются миграции, требует учета конкретных ситуаций. Мы видим, что разные причины обуславливают те трудности, которые испытывает ныне кочевое хозяйство в тех или иных географических районах субконтинента: рост численности скотоводческого населения, не «умещающегося» в границах исконной племенной территории; модернизация в сфере транспорта и торговли; давление оседлого населения, связанное с увеличением запасов, и т. д.

Реакция скотоводов на отмеченные процессы тоже не является одинаковой: помимо перехода на оседлость, она включает смещение акцентов в экономической активности и поиск новых занятий, совместимых с подвижным образом жизни, изменение миграционных маршрутов и даже усиление черт номадизма, как это наблюдается в пустыне Тар, откуда участились отгоны скота на дальние расстояния в Пенджаб и Хариану. Поэтому попытка трактовать кочевников как верхнее, завершающее звено природного биоценоза [4, 27] представляется слишком огрубленной, недостаточно учитывающей возможность маневра внутри скотоводческого хозяйства.

Оценить ближайшие перспективы и тенденции развития номадизма в Южной Азии весьма сложно. По кочевому хозяйству региона велись лишь немногочисленные разрозненные исследования; особенно же слабо изучены пастбища — естественная основа экстенсивного животноводства. Правда, в Индии в последние годы постановка дела улучшилась благодаря работе Центрального института аридной зоны Индии (в г. Джодхпуре, Раджастанхан), но срок его деятельности еще не позволяет обоснованно судить о долговременных процессах.

Можно полагать, что наиболее трудное положение в регионе складывается у скотоводов равнинных областей, испытывающих острую конкуренцию со стороны земледельческого населения.

Прежде всего кочевое хозяйство не исчерпало еще свои потенции в Пакистане; многие районы страны (в первую очередь расположенные в горном поясе) по-прежнему характеризуются слабой освоенностью и отличаются низкой плотностью населения. Их ограниченные природные ресурсы не позволяют надеяться на широкую аграрную колонизацию в скором будущем. Следует согласиться, что экстенсивное скотоводство с сезонными перегонами стада остается для аридных горных районов экономически наиболее оправданной отраслью [15, 169]. Вероятно, приток повинда в Пакистан с течением времени будет и далее сокращаться, а это открывает дополнительные возможности для местных кочевников.

Продолжающаяся распашка зимних пастбищ в бассейне Инда, конечно, усиливает существующие диспропорции в обеспечении скота номадов кормами по сезонам; но частично избытки компенсируются выпасом по стерне и закупками фуража в поливных хозяйствах в обмен на продажу рабочих рук. Поскольку именно использование в течение года различных природных ареалов обуславливает целесообразность ведения кочевого скотоводства, предохранение от распашки части пастбищных угодий на Индской равнине представляется актуальной задачей; в противном случае из оборота могут выпасть и летние пастбища, не имеющие зимнего «эквивалента». Но угрозу не нужно, видимо, и преувеличивать: для полного освоения имеющихся в бассейне Инда (на территории Пакистана) пахотнопригодных массивов требуется в 2,7 раза больше воды, чем ее можно получить даже при полном урегулировании стока пакистанских рек [21, 175—178].

Пожалуй, более существенно то, что значительная доля зимних пастбищ (в частности, в пустынях Тхал и Пат) сильно выбита и подвержена энергичной эрозии. Поэтому их предлагали даже закрыть для использования. Немногие имеющиеся по Пакистану примеры [20, 361] свидетельствуют, что кормовая ценность семиаридных земель может быть заметно повышена периодическим или сезонным их изъятием из оборота с последующим контролем за интенсивностью выпаса. Но вряд ли страна располагает в настоящее время достаточными возможностями для проведения в жизнь подобных мероприятий.

В Индии номады пустыни Тар принуждены сталкиваться с еще более сложными проблемами. С ростом земледельческого населения под плуг идут даже маргинальные земли, приносящие нередко лишь один урожай в пять лет, хотя с экономической точки зрения их выгоднее оставлять под пастбищами или отводить под кормовые культуры. Численность поголовья скота тоже увеличивается, поэтому нагрузка на пастбищные угодья постепенно повышается как бы с обоих концов: в засушливой, северо-западной части Раджастхана из-за расширения пахотного клина площадь пастбищ сократилась за 1951—1961 гг. с 13,1 млн. до 11,0 млн. га, а поголовье содержащихся на них животных увеличилось за то же десятилетие с 9,4 млн. до 14,4 млн. [24, 250].

Уже давно в Таре отмечено нарушение экологического равновесия. Часть земель вышла из строя вследствие ветровой эрозии и образования песчаных дюн, засоления и заболачивания низколежащих поливных участков, разрушения растительного покрова. Это, в свою очередь, заставляет (с все меньшим экономическим эффектом) интенсифицировать производство на остающихся площадях и в конечном счете отрицательно отражается на наиболее отвечающей местным условиям отрасли — пастбищном скотоводстве. Показателен вывод: «В Западном

Раджастхане деградация пастбищных ресурсов столь заметна, что ставит главную отрасль хозяйства — животноводство — под угрозу» [17, 24].

В Индии весьма популярны воззрения — они нашли отражение даже в материалах первого пятилетнего плана страны — об антропогенном происхождении пустыни Тар, а также о наступлении пустыни, со средней скоростью около 0,8 км в год, на северо-восток — в сторону плодородной равнины Ганга [см. 23, 238—239; 33, 18—24]. Против подобных взглядов выдвинуты весьма серьезные, по нашему мнению, возражения, базирующиеся на привлечении широкого круга данных и наблюдений: климатических, геоморфологических, почвенных, археологических и др. [36, 331—334], так что ситуация, возможно, излишне драматизируется.

Но независимо от справедливости тех или иных научных теорий общепризнано, что область Тар нуждается в комплексе мероприятий, направленных на преодоление разрушительных антропогенных влияний, связанных с избыточным и бесконтрольным выпасом скота и вырубкой древесно-кустарниковой растительности. Немногие исследования, проведенные Центральным институтом аридной зоны, показали, что окультуривание пастбищ позволяет повысить сбор зеленой массы в несколько раз. Так, экономические оценки ряда мелиоративных приемов дали весьма обнадеживающие результаты: соотношение затрат к стоимости дополнительно полученной продукции кормов составило 1:3,5 при принятом сроке окупаемости в 20 лет [24, 254; 19, 15]. Справедливости ради надо отметить, что экономический эффект большинства ранее проведенных экспериментальных мелиораций был гораздо ниже.

В оптимизации нуждается отраслевая структура стада. Интересы потребительского хозяйства заставляют скотоводов содержать разные виды домашнего скота. Между тем на местных пастбищах, особенно в аридной части Раджастхана, получающей до 350—400 мм в год, экономически оправдана специализация на овцеводстве (см. расчеты = [39, 293]). Овца, требующая в 6 раз меньше пастбищ, чем нужно одной голове крупного рогатого скота, значительно лучше переносит засуху. Но в том же источнике отмечено, что заставить население увеличить в стаде долю овец за счет крупного рогатого скота окажется долгосрочной задачей.

Номады аридной зоны Индии в прошлом тоже широко прибегали к дополнительным занятиям (торговле, транспортировке грузов, производству кустарных изделий) и имели устойчивые хозяйственные связи с оседлым населением. Но с развитием сети путей сообщения их теснят городские купцы, все глубже проникающие в раджастханскую деревню, и крестьянство становится менее заинтересованным в услугах и товарах кочевников.

Обследование кочевников-банджара [32], занятых преимущественно продажей по деревням соли с государственной солеварни Пачпадра, показало, что они выдерживают конкуренцию грузового транспорта только ввиду отсутствия автодороги, подводящей непосредственно к солеварне, и то лишь в радиусе примерно 100 км от последней. Но и в этой округе всего 15% оседлых жителей покупают соль у банджара, и только 31% высказался в пользу их посещений. Любопытна статистика причин, выдвинутых остальными сельскими жителями в объяснение их отрицательного отношения к визитам банджара в местные деревни: скот кочевников травит посевы — 80%, истощает местные пастбищные ресурсы — 79, ухудшает положение с водными ресурсами — 36, распространяет болезни — 10% и т. д. (сумма превышает 100%, поскольку дозволялось указывать несколько причин).

Доходы банджара очень низки, примерно треть их находится в долговой кабале у ростовщиков. Неудивительно, что при опросе большинство банджара высказалось в пользу перехода на оседлость, хотя огромный перевес, полученный этим большинством, все же представляется сомнительным; требуется анализ условий проведения опроса и знание формулировки вопросов, чтобы судить о достоверности пропорций. Все банджара желают осесть в сельской местности, а не искать работы в городах, и сохранить возможность заниматься скотоводством. У них отчетливо проявляется свойственное кочевникам стремление к оседанию родовыми группами.

Индийское правительство поощряет процесс седентаризации nomadов. Банджара, в частности, выделялись земли для организации на них сельскохозяйственных кооперативов, которые объединяют членов родовых групп, и предоставлялись ссуды и субсидии на строительство домов, сооружение водоемов, обзаведение овцами и покупку племенного быка. За ними даже сохраняется разрешение на торговлю солью. Меры, направленные на ускорение оседания, осуществляются и в Пакистане, где кочевники расселяются на новоорошенных государственных землях. Но размах всех этих мероприятий в обеих странах невелик, и в основном оседание кочевников происходит стихийным путем.

В процессе оседания кочевого населения важной задачей остается сочетание земледелия с экстенсивным скотоводством, чтобы не оставить вне использования ценные пастбищные угодья. Далеко не везде эта задача решается без трудностей. Так, исследование в Мавритании свидетельствует, в частности, о том, что единственный тип хозяйства, приспособленный к природным условиям сахельской зоны,— это кочевое скотоводство небольшими группами. Вокруг оседлых поселений, где возрастает концентрация людей и скота на единицу площади, развиваются процессы опустынивания [18, 3—12]. Между тем Западный Раджастхан, по растительности представляющий собой переходную зону от пояса саванн к поясу пустынь, является в определенном отношении аналогом сахельской зоны Африки. В травянистом покрове субсахельских акациевых саванн, широко распространенных на границе Сахары и Судана, господствуют не только те же роды, но часто даже те же виды, что и в мескитовых саваннах Индии [1, 29—30]. Можно предполагать, что во многом сходны и проблемы, связанные с хозяйственным использованием этих территорий, и опасности, подстерегающие человека при интенсивном их освоении. Поэтому встает вопрос об организации отгонного животноводства как формы, более отвечающей требованиям современного социально-экономического развития.

В советских республиках Востока были найдены удачные, полностью себя оправдавшие методы сохранения экстенсивного пастбищного скотоводства как отрасли производства при одновременном переводе трудящегося кочевого населения на оседлость. Этот процесс сочетался с существенными изменениями быта и материальной культуры. В среднеазиатских пустынях СССР исчезли кочевья и становища и возникли постоянные населенные пункты с домами современного типа, клубами, школами, лечебными учреждениями, обслуживаемые автомобильным транспортом, а в отдельных случаях и авиацией. Животноводы только периодически покидают свои поселения, сохраняя с ними и своими семьями устойчивые связи. Таким образом, скотоводы по условиям материального быта и социально-культурного обслуживания все более сближаются с земледельцами оазисов. Изменились условия жизни и работы и на самих пастбищных станах. Внедрение новых технических средств для обеспечения водопоя скота, заготовки и создания стра-

ховых запасов кормов для внутрихозяйственных перевозок облегчило труд животноводов, сделало его более производительным и резко уменьшило зависимость отрасли от неблагоприятных природных явлений.

Исторический опыт среднеазиатских республик Советского Союза по трансформации бывшего кочевого хозяйства представляет в настоящее время значительный научный и практический интерес для развивающихся стран, строящих свою независимую национальную экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благовещенский Э. Н. Сухие саванны Северо-Западной Индии,— «Проблемы освоения пустынь», 1967, № 1.
2. Ганковский Ю. В. Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории), М., 1964.
3. Гордон Л. Р. Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947), М., 1953.
4. Гумилев Л. Н. Понски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»), М., 1970.
5. Гуревич Н. М. Очерк истории торгового капитала в Афганистане, М., 1967.
6. Маздур И. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Северо-Западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан), М., 1933.
7. Пикунин М. Г. Белуджи, М., 1959.
8. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
9. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан, М., 1957.
10. Яковлев М. Аграрный Пакистан, М., 1968.
11. Barth F. Competition and Symbiosis in North East Baluchistan,— «Folk», 1964, vol. 6, № 1.
12. Brau D. The Brahui Problem, Delhi, 1934.
13. «Census of India, 1921», vol. IV, Baluchistan, pt I.
14. «Census of Pakistan, 1951», vol. II, Baluchistan.
15. Choudhri I. I. Future of Arid Regions of West Pakistan,— «Pakistan Journal of Forestry», 1966, vol. 26, № 2.
16. Соон С. С. Caravan. The Story of the Middle East, New York, 1951.
17. Das R. B. Grazing Capacity Studies in Grasslands of Western Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1963, vol. 2, № 1.
18. Daveau S. Vie pastorale, vie urbaine et végétation en Mauritanie sahéenne,— «Geographica», 1967, vol. 3, № 9.
19. Desert Reclamation in Rajasthan,— «Asia and Africa Review», 1968, vol. 8, № 8.
20. FAO Staff. Nomadic Pastoralism as a Method of Land Use,— «Arid Zone Research», vol. XVIII, Paris, 1962.
21. «First Five Year Plan 1956—1960», vol. II, Karachi, 1956.
22. Fisher L. Nomaden und Tropenkrankheiten,— «Nomadismus als Entwicklungsproblem», Bielefeld, 1969.
23. Jodha N. S. The Scarcity-Oriented Growth Pattern of Arid Agriculture,— «Indian Journal of Agriculture Economics», 1966, vol. 21, № 4.
24. Jodha N. S. Cost-Benefit Analysis of Pasture Improvement in the Arid Regions of Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1968, vol. 7, № 2.
25. Jodha N. S. Agricultural Development and Problems of Nomadic Tribals in Rajasthan Desert,— «Indian Journal of Agricultural Economics», 1970, vol. 25, № 3.
26. Johnson D. L. The Nature of Nomadism: a Comparative Study of Pastoral Migrations in Southwestern Asia and Northern Africa, Chicago, 1969.
27. Krebs N. Vorderindien und Ceylon, Stuttgart, 1939.
28. Lall H. Some Common Breeds of Indian Sheep,— «Indian Farming», 1947, vol. 8, № 12.
29. McMahon H. The Southern Borderlands of Afghanistan,— «Geographical Journal», 1897, vol. 9, № 4.
30. Malhotra S. P., Bharara L. P. & Joshi P. L. Impact of Land, Water and Vegetation Resources on the Economy of the Cattle Breeders of a Desert Village,— «Annals of Arid Zone», 1966, vol. 5, № 2.
31. Malhotra S. P., Bharara L. P. & Joshi P. L. Comparative Socio-Economic Factors of Inhabitants of Anupgarh-Pugal Region and in Luni Basin of Western Rajasthan,— «Annals of Arid Zone», 1967, vol. 6, № 2.

32. Malhotra S. P. & Bose A. B. Problems of Rehabilitation of Nomadic Banjaras in Western Rajasthan,—«Annals of Arid Zone», 1963, vol. 2, № 1.
33. Misra D. K., Prasad R. & Bhan S. Reclamation of the Rajputana Desert,—«World Crops», 1968, vol. 20, № 3.
34. Nitz H. Ju, Regionale Formen der Viehwirtschaft zwischen der Thar und dem oberen Ganges,—«Geographische Rundschau», 1968, Bd 20, № 11.
35. Pherson R. N. The Social Organization of the Marri Baluch, New York, 1966.
36. Roy B. B. & Pandey S. Expansion or Contraction of the Great Indian Desert,—«Proceedings of the Indian Natural Sciences Academy», 1970, vol. 36, № 5.
37. Spain J. W. The Way of the Pathans, London, 1962.
38. Spain J. W. People of the Khyber. The Pathans of Pakistan, New York, 1963.
39. «Techno-economic Survey of Rajasthan», New Delhi, 1963.

А. Д. Дридзо

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИЙЦЕВ ТРИНИДАДА
(вторая половина XIX — начало XX в.)

Первая группа законтрактованных рабочих из Индии прибыла на Тринидад 30 мая 1845 г. Корабль «Фатель Розак» доставил в главный город острова — Порт-оф-Спэйн — 212 пассажиров. Ввоз рабочих на Ямайку начался чуть раньше — пароход «Бланделл» вошел в гавань Кингстона 3 мая того же года. На его борту находился 261 пассажир.

По архивным данным, собранным английской исследовательницей Кампстон, в первые годы иммиграции на Тринидад прибыло: в 1845 г. — 225 человек, в 1846 г. — 2456, в 1847 г. — 2077, в 1848 г. — 634 человека. Иммиграция на Ямайку была несколько меньше: в 1845 г. — 261 человек, в 1846 г. — 1851, в 1847 г. — 2438 человек [4, 140, 102].

Но этого было мало для вест-индских колоний. Тринидадские и ямайские плантаторы требовали все новых и новых пополнений. Однако через несколько лет положение изменилось. В 1846 г. британский парламент отменил пошлины на сахар, охранявшие права и прибыли вест-индских плантаторов, и ввел новые, поставившие последних в равное положение с производителями свекловичного сахара, а также с плантаторами других карибских островов, где еще сохранялся рабский труд. Плантаторы Британской Вест-Индии, не выдержав этой конкуренции, начали свертывать производство. Особенно быстро последствия закона 1846 г. сказались на Ямайке, которая уже на следующий год отказалась от дальнейшего ввоза рабочих из Индии. В тяжелом положении оказалась и тринидадская сахарная промышленность. Ввоз индийских рабочих на остров после 1848 г. также был прекращен¹. Возобновился он только в 50-х годах (в 1851 г. — на Тринидад и в 1858 г. — на Ямайку), так как стало ясно, что сахарная промышленность британских колоний не могла существовать без постоянного притока рабочих.

Механизация и иные способы совершенствования производства не прельщали плантаторов, «одурманенных, — как писал Д. Вуд, — мечтой о дешевой рабочей силе» [18, 130], резерв которой по мере усиления колониального гнета в Индии все увеличивался. Кроме этого, значительная часть индийцев, находившихся на Тринидаде, уже заканчивала обусловленные контрактом сроки, и, таким образом, проблема обеспечения плантаций рабочими снова требовала своего разрешения.

В 1851 г. на Тринидад из Калькутты прибыл первый после перерыва корабль с иммигрантами. Их было 173 человека. С тех пор вплоть до 1917 г. ввоз рабочих из Индии не прекращался. За 1851—1859 гг. ввезли 12 037 человек, за 1860—1869 гг. — 20 261. К концу 1869 г. общее число иммигрантов достигло 37 690 [там же, 130—131].

¹ Мы не рассматриваем здесь историю «сахарного кризиса» второй половины 40-х годов, так как она имеет лишь косвенное отношение к нашей теме.

Более наглядное представление о динамике иммиграции на Тринидад дает табл. 1. Характер приведенных в ней данных определил и то обстоятельство, что в этой статье основное место уделено именно Тринидаду.

Таблица 1

Данные о иммиграции на Тринидад *

Год	Численность индийцев, человек	Среднегодовой прирост, %	Примечания
1851	3 993	—	Данных нет
1861	13 488	12,94	
1871	27 425	7,35	
1881	48 820	5,94	
1891	70 218	3,70	
1901	86 383	2,10	
1911	110 120	2,46	
			По другим данным, 110 911

* [14, 131].

Интересно сравнить эти данные с материалами по Ямайке (табл. 2).

Таблица 2

Данные о иммиграции на Ямайку *

Год	Численность индийцев, человек	Среднегодовой прирост, %	Примечания
1861	2 262	—	Данных нет
1871	7 793	13,7	
1881	11 016	3,52	
1891	10 805	0,19	
1901	—	—	
1911	17 380	2,41	
1921	18 610	0,68	

* [14, 131].

Весьма показательны и цифры, характеризующие долю индийцев в населении Тринидада (табл. 3).

Таблица 3

Доля индийцев-иммигрантов в Тринидаде *

Год	%	Примечания
1851	5,82	У Вуда [18, 158] — 6% и цифра не 3993, как у всех остальных, а 4169
1861	15,97	
1871	25,01	Вуд указывает, что индийцы становятся крупнейшей группой иммигрантов
1881	31,82	
1891	35,10	У Вуда — 25,1%, причем 16,5% индийцев отмечены как уроженцы Тринидада
1901	33,82	
1911	35,42	
1921	35,41	

* [6, 248].

Столь подробных данных по другим островам у нас нет; известно лишь, что там доля индийцев была незначительна.

Иммиграция на Малые Антилы была разрешена только со второй половины 50-х годов. Так, Гренада получила такое разрешение в сентябре 1856 г., Сент Люсия — в ноябре 1858 г., Сент Винсент — в апреле 1860 г., Сент Киттс — в октябре того же года. До 1870 г. туда въехало 6700 индийцев (2759 — на Гренаду, 1943 — на Сент Люсию, 1637 — на Сент Винсент, 361 — на Сент Киттс). Такие незначительные цифры рабочих объяснялись, во-первых, упадком сахарной промышленности на малых островах, во-вторых, высокими накладными расходами.

Примерно тогда же начался ввоз индийцев и в вест-индские колонии других европейских государств: по договорам 1860 г. — во французские и датские, по договору 1870 г. — в голландские [8, 144—145].

* * *

Сев на корабль, индийцы следовали к месту назначения (Порт-оф-Спэйн, если судно шло на Тринидад, или Кингстон, если оно направлялось к берегам Ямайки). Их будущее было еще неясно; для большинства был неизвестен ни характер работы, ни маршрут и т. п. То, что происходило с ними на корабле, в литературе почти не освещено. Известна только одна книга [16], специально касающаяся этого вопроса. К сожалению, ее нет в наших библиотеках.

В порту после выгрузки иммигрантов собирали в «депо», где проверяли документацию, вычеркивая погибших. Затем, по словам одного из местных чиновников, им читали на хиндустани законы, регулирующие их пребывание и работу на острове [7, II, 407]. В это время на пристани собирались плантаторы, сделавшие заранее заявки на индийцев и заплатившие соответствующий налог. Происходило распределение иммигрантов по плантациям, куда их и доставляли. На следующий день индийцы выходили на работу.

При формировании бригад (или команд) администрация руководствовалась правилами, согласно которым родственников следовало направлять в одну и ту же команду. Обеспечить выполнение этих правил должен был, во-первых, иммиграционный аппарат в порту и затем лица, назначенные из индийцев на две должности, положенные для каждой команды (так называемый *headman* — во главе каждых 25 человек и *sirdar* — во главе каждых 50). Пожалуй, для первого термина более всего подойдет русское слово «десятник». Второй же, как нам представляется, точно перевести невозможно; поэтому мы сохраняем его английскую транскрипцию (сирдар). Обозначает он человека, в круг обязанностей которого входило помимо руководства командой еще и посредничество между ней, плантатором и колониальными властями. По-видимому, он был и толмачом. Власть его над командой была абсолютной, особенно потому, что все его подчиненные без исключения не знали английского языка.

В нашем распоряжении нет точного описания рабочего дня на тринидадской плантации, но имеется материал по Британской Гвиане; приводящий его американский исследователь Мортон Класс считает, что существенных и даже несущественных различий между обеими колониями в этом отношении не было [9, 16].

Вставали в 6.15 утра. Старший надсмотрщик (*overseer*) и рядовые надсмотрщики (*drivers*) обходили бараки, будили рабочих (один наблюдатель говорил о применении при этом силы) [там же, 18], всем давали задания, больных направляли в больницу. В 7 часов приходил управляющий, он обходил плантацию, проверяя, как идет работа. Надсмотрщики совершали такие обходы постоянно, в течение всего дня.

Перед началом работы рабочих кормили (пищу готовили женщины еще на рассвете, с 4 часов утра). Дети находились под присмотром одной из женщин, получавшей заработную плату от плантации (10 центов в день).

Все работавшие на плантациях входили в бригады, выполнявшие различные задания. Так, существовали: бригада рубщиков тростника (shovel gang), бригада прополки (weeding gang), строительная и т. п. В каждой из них было от 200 до 1000 человек, и каждую из них возглавлял надсмотрщик — чаще всего негр, индеец, китаец [там же, 16—17]. Как правило, надсмотрщика выбирали в соответствии с национальным составом рабочих; по этому же признаку каждая бригада делилась надвое — на «креольскую» и «бригаду кули»². Можно предполагать, что в роли надсмотрщика над последней выступал сирдар [7, ч. II, 252].

Изложенное выше касалось лишь официального положения дел. Столь же «благополучным» (с внешней стороны) выглядел и вопрос о продолжительности рабочего дня, начинавшегося с 6 часов и завершавшегося к 14 часам [9, 17].

На самом же деле все обстояло гораздо хуже.

Во время сафры работать приходилось столько, сколько укажет хозяин, и только в другое время — с 6 до 9 утра и затем с 10 до 16 часов [18, 112]. При заключении контракта был обещан девятичасовой рабочий день или работа по выполнению определенного задания (task). Фактически же $\frac{9}{10}$ работы приходилось именно на «задания», объем, продолжительность, нормы и оплата которых совершенно бесконтрольно определялись плантатором [9, 18]. Обычно как за рабочий день, так и за задание плата была одна — 25 центов [9, 17; 7, 295]. Однако задание могло растянуться на несколько дней и даже недель, и достаточно было надсмотрщику заявить, что данный человек работал плохо, как это время вообще не оплачивалось. Сделать это было тем легче, что условия задания не объяснялись, плата за него также, никаких расчетных документов надсмотрщик, как правило, не заполнял [9, 18], а рабочие, как уже говорилось, английским языком не владели.

Допустим, однако, что каким-то чудом индеец разобрался в обчете и стал жаловаться (мы не касаемся сейчас вопроса о жалобах в целом — он будет рассмотрен ниже). Допустим, далее, что разбирательство будет происходить совершенно беспристрастно. Но и в этом случае плантатор сможет доказать свою правоту. Для тринидадцев не было секретом наличие на плантациях двух вариантов приходо-расходных и прочих книг. Один предъявляли для отчета, другой, отражавший действительное положение вещей, хранился у хозяина под замком. Об этом не раз писала местная печать, об этом же заявлял комиссии Сэндерсона (1909 г.) дававший ей показания Элфред Ричардс, председатель Ассоциации трудящихся Тринидада [7, II, 228].

Но приведенные факты приоткрывают завесу лишь над одной стороной жизни индийцев на Тринидаде. А их не только обсчитывали, не только эксплуатировали. С ними обращались не лучше, чем с рабами.

Конечно, представители администрации, люди из плантаторских кругов и нанятые ими «деятели науки», вроде выступавшего перед комиссией Сэндерсона некоего профессора из Ливерпуля [там же, 250 и сл.], не пожалели слов для описания «райской жизни» индийцев на

---

² Креолами в Вест-Индии называли местных уроженцев-негров. Унизительное прозвище «кули» закрепилось за индийцами с легкой руки колонизаторов.

плантациях. Так, бывший иммиграционный чиновник Уорнер подчеркивал, что плантаторы обращаются с индийцами «очень хорошо». Надсмотрщики и сирдары — «очень хорошие и мягкие люди», вторит ему ливерпульский профессор [там же, 26, 252]. Один автор 70-х годов прошлого века приводит слова управляющего, который якобы не знал ни одного случая, когда надсмотрщик ударил бы кого-нибудь, да и вообще никогда не слышал о плохом обращении с рабочими на плантациях. Правда, во время сафры, добавляет он, надсмотрщики «должны быть более строги к ним, чтобы они выполнили работу в срок» [11, 15—18].

Эта «строгость» при ближайшем рассмотрении оборачивается грубостью, жестокостью, избиением. Достоянием гласности стал, например, случай, когда надсмотрщики-индийцы и переводчик сначала избили рабочих, а затем втерли в раны соль, причем в числе истязателей оказался... плантационный врач. Большинство преступников вообще не было наказано, а тех, кого уже никак нельзя было оправдать, подвергли штрафу от нескольких шиллингов до нескольких фунтов или аресту от недели до месяца [там же]. Правда, описанный случай происходил не на Тринидаде, а в Британской Гвиане, но условия жизни и труда иммигрантов в обеих колониях были очень схожи.

Обращение к архиву колониального ведомства позволило обнаружить документы, полностью это подтверждающие. Так, уже осенью 1846 г. разразился скандал с владельцем плантации «Клайсдэйл Коттедж Эстэйт» в тринидадском округе Южная Напарима. Этот плантатор с таким упоением предавался «привычке бить и пинать индийцев», что власти сочли за благо вообще убрать иммигрантов из его поместья. Но оказывается, что только за год с начала ввоза рабочих из Индии это был не первый, а уже второй такой случай! Дональд Вуд, выявивший цитированные документы, добавляет, что, несомненно, были и другие случаи жестокого обращения, но они «не привлекали внимания суда» и потому не получили отражения в архиве [18, 115].

Выразительной иллюстрацией к этим словам служит происшествие, свидетелем которого уже в начале XX в. оказался индеец — юрист Фитцпатрик. Избивая индийцев на одной из плантаций, надсмотрщик ударил и подвернувшуюся ему под руку женщину. Женщина оказалась беременной, удар пришелся по животу — произошел выкидыш. Инспектор попытался замять дело, но Фитцпатрик обратился к начальству. О скандале заговорил весь остров. Надсмотрщика и его товарищей привлекли к суду и в избиении индийцев признали виновными. Но случай с женщиной был вопиющим, и непосредственного виновника приговорили к 2 фунтам штрафа и 3 фунтам компенсации и уволили с плантации...

Как видим, если бы не присутствие Фитцпатрика, и этот случай не стал бы достоянием гласности и виновный не был бы наказан (пусть даже так снисходительно) ³.

Обстановку угнетения и эксплуатации, в которой оказались индийцы, можно полнее представить себе, если учесть еще один ее аспект — то, что приходилось терпеть рабочим от своих же соотечественников, оказавшихся на должностях десятников и сирдаров.

Мы не касаемся сейчас только что упомянутых избиений. Речь пойдет об экономической стороне. Сирдары с самого начала стали обманывать и попросту грабить рабочих, находившихся под их началом. Они обсчитывали их, вымогали у них определенный процент заработка. Кроме этого, сирдары выступали в роли ростовщиков, и бывали слу-

³ Все материалы по этому поводу, включая две статьи из тринидадских газет см.: [7, III, 141—145].

чаи, когда попавшему в их сети человеку приходилось отрабатывать долг в течение 10 и даже 15 лет [7, II, 91—92]. Не случайно первые сирдары, вернувшиеся на родину, привезли с собой немалые капиталы. Так, в 1852 г. на корабле, вошедшем в калькуттский порт, оказалось 20 сирдаров, и каждый из них вез домой по 50 ф. ст. Общая же сумма, которой располагали несколько сот вернувшихся с Тринидада пассажиров, составила немногим более 3 тыс. фунтов. Таким образом, на долю горсточки сирдаров пришлось одна треть привезенных денег. Однако и это еще не было пределом. Мадрасские сирдары привозили на родину до 1117 фунтов каждый, не считая драгоценностей, одежды и прочего [4, 154—155].

Можно полностью согласиться с мнением губернатора Тринидада лорда Харриса, который кратко, но выразительно характеризовал их как больших мошенников [18, 113]. Лорд не добавил, правда, что эти мошенники были главной опорой британской администрации и потому-то они и могли невозбранно грабить своих соотечественников...

Кратко остановившись на экономическом положении первых групп прибывших на плантации рабочих, на условиях их труда, обратимся теперь к административно-юридической стороне вопроса.

Для того чтобы обеспечить контроль над индийцами, введена была должность специального уполномоченного. Ее в 1846 г. занял майор Джеймс Фэган, бывший офицер англо-индийской армии, владевший языком хинди. Официально он именовался судьей, но функции его были значительно шире. Фэган должен был не только разбирать дела индийцев, но и вообще заниматься «индийской проблемой» на Тринидаде в целом. Он горячо взялся за дело, разработав и введя в действие целый ряд драконовских правил. Некоторые из них подтверждали ранее принятые, но большая их часть появилась впервые. Целью Фэгана было создать такие условия, при которых рабочие должны были отдавать все свои силы и все свое время плантации, исключить или свести до минимума возможность «дезертирства». Для этого вводились пропуска, без предъявления которых ни один индеец не мог находиться за пределами плантации; пропуск следовало предъявлять по первому требованию полицейского. Даже отработав положенные годы, индеец не мог уйти с плантации, пока не получал увольнительного свидетельства, а новый хозяин не имел права принять его на работу без этого документа.

Деяствия Фэгана вызвали критику и слева и справа. Местная радикальная печать, прежде всего газета «Тринидад Стандарт», и особенно лондонские аболиционисты оценивали введение пропусков как «новый рабовладельческий кодекс». Газета «Тринидад Спектэйтор» писала о «наемнике сторонников рабства», который «нарушает права британских подданных» [там же, 119]. Разразился скандал, охвативший не только колонию, но и метрополию.

Министерство колоний, и без того не очень довольное слишком энергичными действиями Фэгана, решило немедленно его дезавуировать, тем более что, как выяснилось, он превысил свои полномочия. Правила, принятые им, не обсуждались в Законодательном совете, они не были оформлены в виде ордонанса (местного закона). Но отставной майор из Индии не посчитался со стоящими выше властями, позволив себе бросить вызов британской бюрократии, да еще поставил правительство под огонь критики. Ему, равно как и губернатору, сурово указали на это. Так начался конфликт Фэгана и с Лондоном и с местной администрацией.

Майор разгорячился. Он перессорился со всеми коллегами, вконец испортил отношения с начальством, много писал в Индию о тяжелом

положении индийцев, которыми управляют без учета его опыта и вопреки его советам. Письма его стали проникать в печать. Особенно рассердило министерство письмо от 11 марта 1848 г., где говорилось о его «преступном пренебрежении к людям» и т. п. Все это опять завершилось скандалом совершенно неприличного с административной точки зрения свойства. Некий индиец, принесший жалобу на то, что ему и его товарищам не платят уже восьмой месяц, был очень неласково встречен помощником колониального секретаря Томасом Джонстоном. Реакция этого деятеля на жалобу была такой, что рабочий бросился к Фэгану, демонстрируя синяки, полученные непосредственно на ступенях губернаторского дворца. Фэган увидел в этом случае удобный предлог для мести колониальным властям. Пользуясь своим положением судьи, он немедленно отдал Джонстона под суд, публично предложил оплатить адвоката, нанятого для индийца, и приговорил одного из самых высокопоставленных чиновников колонии к штрафу в 20 фунтов. «Его поведение вызвало бешенство белых», — пишет Вуд. А публикация Фэганом своей переписки с губернатором по этому поводу привела его в конце концов к увольнению. В 1851 г. строптивого майора отстранили от должности [там же, 114, 131; 4, 153; 8, 141].

В литературе, включая книгу Вуда, укрепилось убеждение, что Фэган выступал в защиту индийцев и что именно здесь и находились корни его конфликта с Порт-оф-Спэйном и Лондоном. Однако знакомство с конкретными его делами заставляет серьезно усомниться в такой оценке. Майор действительно критиковал колониальные власти за неверные, по его мнению, шаги, за непонимание индийской специфики и т. п. Но это была критика с колониалистских позиций, и разногласия были только по поводу методов управления индийцами. Принципиального характера они не носили и носить не могли. Что же касается утверждения, будто индийцы жалели об устранении Фэгана, то стоит только вспомнить о введенной им системе пропусков, и сразу станет ясно, насколько такое утверждение беспочвенно.

Ко времени отставки Фэгана на Тринидаде уже действовало надлежащим образом оформленное «индийское законодательство».

Первый закон, регулирующий пребывание и работу индийцев на Тринидаде (так называемый ордонанс IX, принятый в 1847 г.), был озаглавлен «Поощрение иммиграции в колонию Тринидад и экономической деятельности иммигрантов». Если раньше индиец должен был провезти на острове пять лет, но законов, регулирующих его жизнь и труд, не существовало, то по IX ордонансу работа вменялась ему в неперемennую обязанность. За каждый «нерабочий» месяц индиец должен был платить штраф (5 шиллингов), официально — для оплаты расходов за проезд на Тринидад. Работать надлежало только по письменным контрактам, иначе это время «в стаж» не засчитывалось. Если контракта не было и штраф также не вносился, рабочий подлежал тюремному заключению с использованием на тяжелых работах. Существовало в ордонансе и такое положение, как право индийцев, предупредив хозяина за месяц, прервать работу. Но практически оно не применялось и в более позднем законодательстве уже не фигурировало. Наконец, подтверждалось право индийцев на бесплатный проезд в Индию по истечении срока контракта. Но это право было поставлено в прямую зависимость от пятилетнего рабочего «стажа». Тем, кто хотел бы остаться на острове, взамен бесплатного проезда предлагался участок земли [18, 120; 4, 120].

В ордонансе IX впервые появился термин, надолго затем оставшийся в тринидадском законодательстве. Речь пошла как мы уже говорили, не просто о пребывании индийцев на острове, но о пребыва-

нии экономически полезном (industrial residence). Ниже мы увидим, сколь расширительно истолковывали его в дальнейшем колонизаторы.

И еще важный момент. В рассматриваемом документе впервые нашел отражение некоторый поворот во взглядах администрации на индийцев. До 1847 г. вопрос о закреплении иммигрантов в Вест-Индии не ставился. Теперь же этот вопрос был поставлен. Мы имеем в виду выделение участков тем, кто отказывался от возвращения.

Правда, ордонанс IX появился на свет в не совсем удачное для колонизаторов время. Начался спад, а затем и кризис в сахарной промышленности. Ввоз индийцев прекращался. Плантаторы стремились к одному — выйти из кризиса, и, разумеется, прежде всего за счет рабочих. В 1848 г. зарплата на плантациях упала до 10 пенсов в день, а кое-где рабочим вообще перестали платить. Оказавшись под угрозой санкций, предусмотренных ордонансом IX, индийцы потребовали вмешательства властей (к сожалению, подробности этого эпизода, обнаруженные Вудом в архиве министерства колоний, в литературе почти не получили отражения). Губернатору пришлось отменить положение о санкциях, в частности о пятишиллинговом штрафе. Достигнуто это было, по-видимому, ценой больших усилий со стороны индийцев. Что же касается плантаторов, то они не посчитали ордонанс таким уж для себя обязательным. К весне 1848 г. его положения выполняли лишь немногим более 50% землевладельцев.

В 50-е годы ввоз индийцев на Тринидад возобновился. В начале января 1851 г. губернатор лорд Харрис доносил министру колоний, что в графстве Виктория, где была сосредоточена половина сахарных плантаций, основную часть рабочей силы составляли индийцы (и ввезенные в эти же годы африканцы; однако их иммиграция была незначительна) [18, 125, 127, 132].

Поняв, сколь выгоден для колонизаторов труд индийцев в сахарной промышленности Тринидада, администрация стала их закреплять за плантациями — если не навсегда, то хотя бы на более длительный срок. К тому же еще именно с 1850 г. настало время возвращения на родину самых первых групп иммигрантов. Поэтому уже к 1850 г. Законодательный совет принял решение о вознаграждении в 50 фунтов для тех, кто решит остаться на Тринидаде еще на пять лет после обусловленного контрактом срока. Затем это решение вошло в ордонанс XI (1851). Однако такое добровольное продление срока работы плантаторов не устраивало. Уже в следующие годы Тринидад, Британская Гвиана и Вест-Индский комитет в Лондоне обратились к правительству с просьбой продлить срок работы по контрактам до 10 лет. В 1853 г. такое разрешение было дано, но с поправками — вторые пять лет индеец не обязан был заключать контракт, он мог, отслужив пять лет, вернуться за свой счет на родину; впрочем, и через 10 лет ему надлежало внести плату за проезд. Практика показала, однако, что ликвидация права на бесплатное возвращение препятствует вербовке. В 1854 г. это право было восстановлено для некоторых категорий рабочих, а через 2 года — для всех остальных [там же, 134; 4, 159, 163].

В связи с изменениями в 1850—1852 гг. были изданы пять ордонансов, дополняющих, отменяющих и повторяющих друг друга. В 1854 г. их объединили в один, новый, ордонанс, основные положения которого сводились к следующему. Контракт заключался на три года и подлежал затем продлению. Каждый рабочий, ввезенный позже 1 января 1854 г., получал право бесплатного проезда на родину после «экономически полезного пребывания» в течение 10 лет или компенсацию в размере 7 ф. 5 шилл. 10 пенсов. В рабочее время индеец не мог отлучаться с плантации без специального пропуска [13, 298—304].

Мы потому так подробно останавливаемся на этих ордонансах, что они затем (с незначительными изменениями) регулировали жизнь и работу тринидадских индийцев на протяжении многих десятилетий. Последствия ордонанса 1854 г. и его влияние на иммигрантов нужно, как нам представляется, рассматривать в двух планах. С одной стороны, он (и некоторые дополняющие его постановления) привел к сокращению числа индийцев, возвращавшихся на родину, с другой — к такому ограничению прав индийцев, что положение их можно сравнить с жизнью рабов.

И если, подчеркнем это еще раз, иммиграция все-таки продолжалась, то перед нами отнюдь не подтверждение некоей изначальной покорности или «послушности» индийцев, о которой писали и продолжают писать буржуазные авторы.

Продолжение иммиграции из Индии свидетельствовало лишь о дальнейшем ухудшении положения народных масс этой британской колонии. Индийцы готовы были отслужить несколько лет на тринидадской плантации даже в обстановке, приближающейся к рабству, коль скоро только контракт давал им возможность спастись от голодной смерти. И не о покорности говорит это обстоятельство, а о тех невыносимо тяжелых, бесчеловечных условиях, которые им создали колонизаторы.

В свете всего сказанного следует рассматривать и проблему возвращения первых иммигрантов.

Из 2112 индийцев, привезенных в 1845 и 1846 гг. на Тринидад, решило вернуться около половины. В Индии очень большое внимание общественности привлекли их рассказы о жизни на острове. Так, пассажиры первых же кораблей жаловались на климат, на условия труда, на плохое обращение и на «постоянные преследования с целью обратить в христианство». К маю 1853 г. с Тринидада вернулись еще 1185 индийцев, и только 664 предпочли, получив деньги, остаться на острове. До определенного времени эта тенденция оставалась неизменной. Так, подавляющее большинство индийцев с двух кораблей, пришедших на Тринидад в 1855 г., не имело намерения остаться там по истечении срока контракта.

В общем, по двум островам, получившим до середины 50-х годов основную массу законтрактованных рабочих, положение сложилось такое. На Ямайку было ввезено 4550 человек. Из них до 1854 г. включительно вернулось 1596 (чуть больше 30%). На Тринидад ввезли 5392 человека, из них вернулось 1218 (22,5%) [4, 145, 154, 178]. Процент значительный, но в действительности он должен быть еще выше, если мы примем во внимание большую смертность индийцев на вестиндских плантациях. Так, из 4550 ямайских индийцев «умерло или исчезло» 1806. По другим же данным, число погибших достигло более 3 тысяч! [5, 105]. Подобных цифр по Тринидаду за это время нам найти не удалось, но вряд ли они были намного ниже. Уже в 1847 г. губернатор вынужден был создать два новых временных стационара, так как колониальная больница была переполнена. Вместо 90 пациентов, на которых она была рассчитана, там лежало более 200. «Единственным признаком того, что существовали и другие [больные], были их скелеты, разбросанные по плантациям и по лесам». И в 60-е годы смертность была значительна. В 1865 г., например, умерло 13% прибывших иммигрантов [18, 155, 277].

Но и в Индии вернувшихся ожидали условия не менее тяжелые. Все, от чего стремились они спастись, уезжая на Тринидад, — безработица, нищета — полностью сохранилось. К этому прибавились и другие обстоятельства: значительная часть вернувшихся индийцев теряла ка-

сту из-за переезда через море и могла быть восстановлена в правах только после прохождения очистительных обрядов, требовавших больших денег. Многим из них пришлось покинуть те места, где они жили до отъезда, и переселиться в Калькутту (здесь в трущобном районе возник целый поселок репатриантов). Мудрено ли, что многие из них, оказавшись в безвыходном положении, снова подписывали контракт! Таких людей становилось все больше. Если в 1871 г., например, их было среди ввезенных на Тринидад 5%, то в конце XIX — начале XX в. уже около 30% [там же, 277; 7, II, 181].

При оценке этого обстоятельства (равно как и при оценке того факта, что иммиграция с начала 50-х годов продолжалась без всякого перерыва более полувека) надо иметь в виду следующее. С одной стороны, положение иммигрантов в первые годы после прибытия стало, пожалуй, еще хуже, чем раньше, с другой — появилась реальная перспектива хотя бы после отработки трех (а затем пяти) обязательных лет на плантации получить клочок земли или заняться ремеслом либо мелкой торговлей. Жизнь на Тринидаде тоже была нелегкой, но, во всяком случае, голодная смерть там труженикам все-таки не угрожала.

О системе пропусков, предусмотренных ордонансом 1854 г., уже упоминалось выше. Но именно теперь уместно рассмотреть эту систему во всех деталях. Индеец не только должен был иметь пропуск, отлучаясь с плантации в рабочее время, но, даже отслужив срок, был обязан иметь при себе «свидетельство об экономически полезном пребывании» и предъявлять его по первому требованию суперинтенданта (об этом чиновнике у нас еще пойдет речь), полиции, наконец, любого плантатора. При отсутствии документа его задерживали и предавали суду, где ему и надлежало удостоверить свою личность.

Если кто брал на работу выходца из Индии, не имевшего этого документа, или допускал его на корабль, покидавший Тринидад, то за это такой человек подлежал строжайшей ответственности.

Отсутствие на работе больше 6 дней вызывало вмешательство суперинтенданта, и рабочему надлежало затем отработать соответствующий срок [13, 298; 18, 136; 7, II, 199—200].

Изложив все эти данные, Дональд Вуд делает следующий вывод: «Эти меры отделяли законтрактованного рабочего от остального населения. Он один должен был носить с собой пропуск, и он один становился объектом подозрения, если его видели не за работой, а на дороге или в деревне. Он легко оказывался жертвой придиры-полицейского, которому, может быть, просто хотелось покрутиться перед толпой креолов. „Эй, раб, где у тебя вольная (free paper)?“ — о таких насмешках негров по отношению к индийцам сообщалось даже в столь позднее время, как 1873 г., когда многие иммигранты стали добросовестными налогоплательщиками» [18, 136].

В этих строках неплохо подмечены некоторые характерные черты «индийской» политики колонизаторов на Тринидаде — прежде всего предельное ущемление прав индийцев и затем противопоставление их неграм. Однако Д. Вуд тем не менее не дает надлежащего представления о тех железных тисках, в которые был зажат каждый индеец, о полном бесправии и беззащитности его перед представителями «закона», перед плантатором, перед колониальной администрацией.

Мы только что упоминали о суперинтенданте — чиновнике, ведавшем «индийскими делами» после увольнения Фэгана. Эта должность теперь не была связана с отправлением правосудия. Задачи суперинтенданта стали значительно уже. Но даже в начале XX в., когда суперинтендант был переименован в протектора (т. е. защитника), весь его аппарат состоял из него самого, заместителя и двух его помощников,

уполномоченных по южной и по центральной части острова, с местопребыванием в Сан-Фернандо и Кува [7, II, 294, 200]. К защите одного из этих четырех чиновников и должен был прибегнуть индеец, если у него возникала такая необходимость.

Но прежде всего до местопребывания протектора или его заместителей надо было добраться. Опрошенный по этому поводу комиссией Сэндерсона протектор заявил буквально следующее: ничего, что далеко, индийцы очень хорошие ходоки, два-три дня пути для них пустяки [там же, 294].

Главное, однако, было в другом. Для того чтобы обратиться к протектору с жалобой, надо было уйти с плантации, а для того чтобы уйти с плантации, надо было получить пропуск, и именно у того хозяина, на которого индеец собирался пожаловаться! Уход же без пропуска автоматически влек за собой арест на неделю и возвращение на плантацию. В самом начале XX в. с плантации «Колониэл Компани» в округе Напарима ушло 50—60 индийских рабочих, направившихся с жалобой к протектору. Их арестовали, посадили на две недели в тюрьму, затем вернули обратно, и плантатор заявил, что жалоба не обоснована. Протектор этим удовлетворился и даже в судебные отчеты никаких упоминаний об указанном эпизоде не включил [там же, 199—200].

Иначе говоря, уход без пропуска считался уже преступлением.

Но даже если каким-то чудом жалобу удавалось принести, то исход был всегда один и тот же. Приезжал протектор или его помощник — инспектор, опрашивал обе стороны, однако, как правило, «показаниям плантатора отдавалось предпочтение»: симпатии протектора всегда на стороне землевладельца. У жалобщика не находилось никаких свидетелей: рабочие боялись показывать против хозяина. Наконец, незнание языка тоже было важным барьером; переводчиками обычно были надсмотрщики или сирдары, а инспекторы даже в начале XX в. лишь немного владели хинди.

Изложенное выше основано на показаниях, данных комиссии Сэндерсона членом Законодательного совета Тринидада Сайрусом Прюдомом Дэвидом — негром по происхождению, участником движения за автономию [там же, 194; 17, 171—172]. Через несколько дней в комиссию был вызван протектор Уильям Хирон Кумбз, проведенный на этом посту 13 лет.

Кумбз явно ставил своей целью ослабить впечатление от сведений Дэвида. Он стремился доказать, что в последнее время благодаря новому закону положение существенно изменилось. Хотя У. Х. Кумбз ни разу не называет этого закона, речь, несомненно, идет об ордонансе 1899 г., вобравшем в себя все предыдущие и определенным образом подведшем итоги за столетие.

Однако обращение непосредственно к указанному ордонансу позволяет прийти к совершенно иным выводам.

Ордонанс от 17 июля 1899 г. представляет собой объемистый том (52 страницы и 276 параграфов). В нем наиболее существенны разделы: первый — о структуре и деятельности иммиграционного департамента; третий — о приеме и распределении иммигрантов; пятый — о жилище; шестой — о пище; седьмой — о больницах; восьмой — о работе иммигрантов и плате за нее. В этом разделе определялись продолжительность рабочего дня (9 часов с получасовым перерывом) и минимальные размеры зарплаты.

Сразу же следует сказать, что постановление это было далеко не первым. О том, как выполнялись предыдущие, нам приходилось уже говорить. Не лучше обстояло дело и в конце XIX в.

В 1892 г. был принят закон, запрещавший предоставлять новых законтрактованных рабочих тому хозяину, у которого 15% занятых на плантации зарабатывают меньше 6 пенсов в день. Однако при проверке в 1895 г. оказалось, что из 69 плантаций, расположенных на острове, только 10 удовлетворяло этому требованию. На плантации Карони, в частности, рабочих, получавших менее 6 пенсов, было 30%, на Вудфорд Лодж и Бриган Касл — 35, на крупнейшей среди них — Сен-Мадлен — 43, а на Ватерлоо — даже 54% [17, 103—104, 107—108]⁴. Не мудрено, что закон 1892 г., практически так и не применявшийся, был вскоре отменен.

Зато система наказаний, изложенная в восьмом или девятом разделах ордонанса 1899 г., проводилась в жизнь неукоснительно.

Состояла она в следующем. За отказ от работы в первый раз — штраф 4 долл. 80 центов или 2 недели ареста, за повторный отказ — штраф 9 долл. 60 центов и месяц ареста. За пьянство, уклонение от работы, плохую работу, «за оскорбление словами и действиями хозяина или назначенных им лиц», а также «намеренное неподчинение» — тоже наказание, что и в первом случае. Серьезнее наказывались «угрозы», небрежное обращение или повреждение хозяйского имущества, действия, мешавшие работать другим рабочим, агитация за отказ от работы или бегство — штрафом в 24 долл. или арестом до 2 месяцев.

Девятый раздел специально трактовал вопрос о бегстве с плантации. За нахождение вне ее территории индеец мог быть остановлен без ордера протектором, лицами, им уполномоченными, плантатором или его уполномоченными и при отсутствии пропуска арестован и направлен в суд, который приговаривал мужчину к штрафу в 9 долл. 60 центов; для женщины штраф был вдвое меньше [17, 105].

При этих условиях заявление Кумбза о том, что без ордера полицейский арестовать теперь не имеет права, может вызвать только улыбку. Столь же лишены оснований и заверения его, что уйти с плантации, для того чтобы подать жалобу, можно и без пропуска [7, II, 194].

Во-первых, девятый раздел предусматривал выдачу пропуска лишь тем, кто зарабатывает не менее доллара с четвертью в неделю. Пропуск можно было получить раз в 14 дней (не более чем 26 раз в году или семи дней подряд). Во-вторых, отсутствие на плантации в течение трех дней считалось «дезертирством» и наказывалось штрафом в 24 долл. или двумя месяцами ареста. В-третьих, «рецидивиста» могли наказать и заключением до 3 месяцев [17, 105—106]. В-четвертых, сам же Кумбз отмечал, что если жалобу признают необоснованной, то управляющий может подать на индийца в суд. И, наконец, в-пятых, коллективная жалоба, по его же признанию, автоматически влекла за собой арест [7, II, 294, 408].

Дорисовывают эту картину показания индийца Д. Фитцпатрика, с которыми он выступал после Кумбза. Власти, заявил он, «считаются только с плантаторами... Это мнение всех индийцев». Доказательств же этому более чем достаточно. Плантатора снабжают готовыми бланками, куда нужно вписать только имя «нарушителя». Бланк сам по себе уже служил основанием для ареста. Но арестовать индийца можно и по телефонному звонку. Наконец, плантатор может сделать это и сам. «90% ордонансов предназначено для того, чтобы защищать плантатора», — заключает Фитцпатрик.

Рабочий оказывается беззащитным перед плантатором, «у которого гораздо больше возможностей нарушить закон». Рассчитывать же

⁴ Такое положение оставалось характерным и для начала XX в. [см. 7, II, 119—122].

на протектора не приходится: он далеко, доступ к нему, как мы видим, связан с получением пропуска, за отказ выдать пропуск еще не был наказан ни один плантатор. Посещая поместье, протектор, как правило, даже не встречается с рабочими, да и приезжает он, когда от $\frac{1}{2}$ до $\frac{9}{10}$ их находится в поле. Но даже если встреча происходит, он не спрашивает их, есть ли жалобы. Однако самый убийственный факт произвола колонизаторов состоял в другом: оказывается, даже поданные жалобы никем и никогда не регистрировались [там же, 385—388].

Трудно не согласиться с тринидадским историком Эриком Уильямсом, заметившим, что «протектор для иммигрантов был на самом деле протектором против иммигрантов» [7, 106].

Не случайно, конечно, что число осужденных за нарушение законов все время росло. Если в 1898 г. их было 30% общего количества, то в 1902—1903 гг. — 45%, а в 1905 г. и позже — 46% [7, II, 38, 224, 229, 273].

Э. Уильямс проанализировал данные за несколько последующих лет. Так, в 1909 г. к суду было привлечено 7899 индийцев, из них 1668 (21%) — за «дезертирство», 1466 (18%) — за отсутствие на работе, 1125 — за отказ от работы и т. п. Особо выделим 603 человек, обвиненных в отказе повиноваться хозяину или надсмотрщику, и 52, которые агитировали других прекратить работу или бежать с плантации.

Анализ приговоров приводит к выводу, что наказан был 3541 человек, т. е. примерно половина. Остальных вернули на плантации, где, очевидно, управляющий и надсмотрщики расправились с ними уже без всяких экскурсов в область права [17, 108].

Таким образом, положение индийцев за полвека практически изменилось очень мало. Лишь в 1916 г. после протестов и индийской, и британской, и тринидадской общественности было отменено тюремное заключение за «трудовое нарушение» [2, 39].

Все тяготы полурабского существования неизменно приводили индийцев к борьбе против колонизаторов. Методы ее были различны. Прежде всего укажем бегство с плантации, переходящее затем в то, что в ордонансе называют «бродяжничеством». Бегство, правда, особенно вначале, не приносило индийцам ожидаемого результата. Не зная ни страны, ни языка, они либо попадали в руки полиции, либо гибли от голода и болезней. Нам приходилось уже упоминать о сотнях скелетов, найденных в лесах Тринидада. Помощи беглецам ждать было неоткуда, а найти новую работу было невозможно, так как брать на работу индийца без документов никто не имел права (в первые годы иногда такое случалось, но после издания соответствующих законов плантаторы не решались их нарушать) [18; 115; 7, II, 199].

С появлением первых индийских поселков положение несколько изменилось. Беглецы получили возможность найти там кров и пищу. Один из историков Тринидада сообщает даже о хорошо организованной там сторожевой службе [12, 19].

Возникли также товарищества по снабжению беглецов документами, в частности свидетельством об окончании срока контракта. По видимому, товарищество снабжало беглеца и пищей (разумеется, как и документами, за плату). По миновании надобности свидетельство возвращалось товариществу и затем продавалось другому беглецу [там же].

Эти интереснейшие данные, к сожалению, отличаются краткостью, крайне затрудняющей их анализ. Думается, однако, что в такого рода организациях участвовали и уже появившиеся среди индийцев ростовщики (может быть, те же сирдары).

Другие методы предполагают уже не просто бегство. Мы только-

что говорили о немалочисленных случаях открытого отказа от работы, более того — о случаях агитации за это. Иногда индеец отказывался работать с первого же дня, но чаще это происходило не сразу. Наиболее многочисленными были эпизоды, связанные не только с отказом от работы, но и с бегством. Беглеца ловили, водворяли обратно, он снова бежал, его опять ловили, в конце концов сажали в тюрьму, возвращали затем на плантацию, он опять бежал, и так до бесконечности. Таким образом, срок контракта индеец на плантации отбывал, но большую часть этого времени все-таки не работал. Таких рабочих было немало. На плантации Сен-Мадлен, к примеру, в первые годы XX в. они составляли 17% общего состава [17, 110].

Происходили и такие случаи, когда рабочие не бежали, но работать тем не менее отказывались категорически, ссылаясь на обман вербовщика [7, II, 293]. Дальнейшая судьба их не совсем ясна, очевидно, часть заставляли подчиниться, другая же часть так и не сдавалась до конца.

Наконец, в архиве сохранились и документы об отпоре рабочих хозяевам и надсмотрщикам. Так, в первые же годы после прибытия индийцев на Тринидад произошло столкновение на плантации «Каролина». В 1847 г. плантатор, сидевший на лошади, ударил хлыстом рабочего-индийца. Тот схватил лошадь под уздцы. Хозяин, никак не ожидавший этого, в испуге отшатнулся. На помощь ему бросились надсмотрщики. Хотя никто из участников стычки серьезно не пострадал, эпизод получил широкую огласку. О нем, в частности, писал в своем донесении министру колоний губернатор Тринидада Харрис. Любопытно, однако, что тон донесения Харриса был очень миролюбивый. Губернатор явно стремился обосновать случайный характер стычки, подчеркнуть, что со стороны индийца это был просто естественный жест протеста, что он хотел лишь «обратить на себя внимание». По-видимому, такое объяснение имело целью показать, что все на острове благополучно, никаких беспорядков нет, власти находятся на высоте положения. Можно и впредь посылать все новые и новые партии рабочих из Индии.

Но дело обстояло совсем не так просто. «Ощущение, что взбешенная толпа может стащить его с лошади, не просто привело всадника в замешательство. На сахарной плантации лошадь была символом самых высоких ступеней командной иерархии... В 1847 г. ...дернуть коня англичанина за уздечку значило нанести престижу и авторитету всадника удар столь же ужасный, как если бы в наши дни пешеход во время уличной стачки схватился бы за баранку автомашины, — особенно будь пешеход из социальной или расовой группы, которую водитель считает низкой» [18, 116].

Это тонкое замечание Вуда вскрывает второй план эпизода на плантации «Каролина», говорит о беспокойстве, охватившем колониальные власти в связи с ним, беспокойстве, вызванном соприкосновением с силами протеста, накапливавшимся в массе индийских рабочих.

Через 10 лет после этого события в Индии началось народное восстание 1857—1859 гг., причем основной его базой оказались именно те районы, откуда шел поток иммигрантов в Вест-Индию. «Битвы происходили в округах, которые были центрами иммиграции в колонии», — пишет Вуд [там же, 148]. Большую часть бенгальских сипаев составляли раджпуты и брахманы из Аудха и Северо-Западных провинций. И сами военные действия, и их экономические и политические последствия с особой силой сказались на населении именно этих районов.

Отмеченные обстоятельства не могли не вызвать беспокойства колонизаторов и в карибских владениях Англии. Из Порт-оф-Спэйна до-

носили в Лондон, что владельцы многих плантаций «живут как... на вулкане». Этим сообщениям вторила печать. Например, «Порт-оф-Спэйн Газетт» писала 18 января 1860 г., что индийцы представляют собой «чудовище Франкенштейна, которое в один прекрасный день может выйти из-под контроля» [там же, 155]. Предполагалось мобилизовать полицию, а попытка военного министерства заменить тяжело пострадавший от желтой лихорадки 41-й пехотный полк негритянскими солдатами из вест-индского полка вызвала резкие протесты губернатора (очень характерно, что перепуганные восстанием индийцев колонизаторы перестали доверять и неграм).

К сожалению, данных об участниках восстания среди иммигрантов в нашем распоряжении пока нет. Вуд извлек из газет и отчетов 1864 и 1865 гг. сообщения о прибытии среди новых партий законтракованных также и бывших сипаев. Но вряд ли это были активные участники восстания — они либо погибли в бою, либо были в тюрьме или казнены. С другой стороны, не лишены интереса и предложения некоторых тринидадских плантаторов, опубликованные в сентябрьских и октябрьских газетах 1857 г., о переброске на сахарные плантации острова индийцев, осужденных за участие в восстании [там же].

И все-таки нельзя считать, что народное восстание совершенно никак не повлияло на тринидадских индийцев. По-видимому, Вуд был прав, отмечая именно в связи с этим грандиозным народным выступлением изменившийся характер так называемого Хосейна (мусульманского праздника Мохаррама).

Касаясь этого аспекта, Вуд, в частности, пишет: «В 19 столетии, когда в обоих (в карнавале и Хосейне.— А. Д.) действовали исключительно низшие классы, празднества имели терапевтическое значение. Их бурный характер давал возможность выразить негодование, подавленное на протяжении всего года» [там же, 152].

Иначе говоря, если перевести с колониального жаргона то, что говорит западный автор, власти рассматривали праздник как своего рода громоотвод, помогавший им держать в подчинении и негритянских и индийских трудящихся. Последние же, со своей стороны, неоднократно использовали как карнавал, так и Хосейн для выступлений против колонизаторов.

Характерно, что обстановка во время Хосейнов обострилась именно в период индийского восстания. Уже в 1859 г. произошли беспорядки в Сен Джозефе. На следующий год они повторились, и в этот пункт были направлены полицейские подкрепления [там же].

Довольно скоро в Хосейне стали участвовать индуисты и даже негры. Тем не менее объединенных негритянско-индийских выступлений история Тринидада не знает. Негры и индийцы поднимались против колонизаторов порознь.

Следует особо отметить, что у негритянских трудящихся существовала уже многолетняя традиция антиколониальных выступлений. Правда, в силу ряда причин освободительное движение на некоторых других островах, например на Ямайке, было развито гораздо значительнее, но тринидадские негры также активно боролись против порабитителей и до и после отмены рабства. Так как не только монографий, но даже и статей на эту тему пока нет, представляется целесообразным уделить ей место, ограничившись, правда, материалами XIX в. Это интересно не только само по себе, но и для выяснения некоторых существенных деталей социального климата тогдашнего Тринидада.

Так, в 1806 г. здесь произошло восстание негров — солдат и рабов. В 1819—1825 гг. по острову прошла волна побегов и выступлений ра-

бов. В лесах Тринидада укрылись многочисленные отряды беглых. Подавить это движение удалось лишь с помощью регулярных войск. В 1837 г. восстал вест-индский полк, сформированный из африканцев, находившихся на невольничьем корабле, который был захвачен британским флотом в открытом море. Поскольку работорговля была запрещена, африканцев «освободили», включив их в английские колонизаторские войска, расквартированные на Тринидаде. Бывшие рабы подняли восстание, требуя возвращения на родину. Восстание это было подавлено. Несколько человек, в том числе вождь его Данга, убиты [1, 593, 634]. Прошло чуть больше 10 лет, и против негров в Порт-оф-Спэйне снова были брошены войска (октябрь 1849 г.) [18, 152].

В 80-х годах в связи с кризисом в сахарной промышленности, выход из которого колонизаторы увидели в снижении заработной платы на плантациях, положение вновь обострилось. Недовольство народных масс нашло выход во время карнавала и Хосейна, для участия в которых собрались многие тысячи людей, чтобы хотя бы ненадолго почувствовать себя свободными от надзора хозяев и полиции. Уже в 1881 г. положение обострилось настолько, что стало предметом обсуждения в Законодательном совете. В 1882 г. был принят даже специальный закон, «регулирующий индийские празднества». В 1882—1884 гг. карнавалы проходили в не менее напряженной обстановке.

А во время Хосейна 1884 г. в Сан-Фернандо произошли уже более серьезные события. Еще за несколько лет до этого были приняты меры, чтобы ограничить праздник сельскими районами, не допуская процессию на дороги и тем более в города. В 1884 г. она, однако, двинулась к Сан-Фернандо. Полиция, брошенная против участников празднества, начала стрелять. 12 индийцев было убито, более 100 ранено (несколько человек из них потом умерло).

Власти решили применить оружие (впервые после 1849 г.), потому что почувствовали в праздновании Хосейна социальную опасность. «Хотя,— писал тогдашний губернатор,— эта церемония чисто мусульманская, на самом деле большинство ее участников — индусы, и весь праздник становится своего рода индийской национальной демонстрацией, общей для индуистов и мусульман, и притом довольно бурного характера». Судя по этому документу, особый страх у колонизаторов вызвало и то обстоятельство, что индийцы знали о запрещении идти в город и, следовательно, сознательно это запрещение нарушили. Губернатор писал даже, что никто не в состоянии повлиять на индийцев, что «на острове не существует власти, которая имела бы такое влияние», и сетовал на плохую подготовку чиновников, работающих в аппаратах протектората, и даже у него самого⁵ [7, III, 127; 17, 107—108; ср. 18, 152; 1, 679].

Наконец, очень интересны, хотя и носят беглый характер, упоминания о том, что на плантациях происходили забастовки индийских рабочих, «доведенных,— по свидетельству плантатора .П. Эбла,— до крайности» [7, II, 414].

Как видим, все эти эпизоды происходили изолированно друг от друга, и когда следующий раз против трудящихся было пущено в ход оружие (так называемый «водяной бунт» в Порт-оф-Спэйне, 1902), это оказались негры. 16 человек было убито, 43 ранено.

Так или иначе, борьба индийских рабочих на Тринидаде в исследуемое время не достигла высокой степени развития. Причин тут, на наш взгляд, несколько. Назовем прежде всего новую, незнакомую об-

⁵ У Вуда указан почему-то 1885 вместо 1884 г. Есть некоторый разнобой и в цифровых данных.

становку, оторванность от родины. Немаловажную роль играл и крайне низкий уровень политического и общего развития индийцев, отсутствие контактов с негритянскими трудящимися. Во второй половине XIX в. (и несколько позже) важную роль сыграло и то обстоятельство, что крестьянство и рабочий класс острова были многонациональны по своему составу и британским колонизаторам, имевшим большой опыт проведения политики по принципу «разделяй и властвуй», удалось этим воспользоваться.

Очень характерен и еще один аспект колониальной действительности в Тринидаде второй половины XIX — начала XX в. На острове существовал так называемый Законодательный совет при губернаторе. Большинство членов этого совета назначались губернатором, избирали лишь немногих, причем к выборам допускалась только незначительная часть населения. Постепенно среди избирателей и затем среди избираемых членов совета появились первые представители нарождавшейся мулатской и негритянской буржуазии и интеллигенции. Об одном из таких немногочисленных деятелей мы уже упоминали — это Сайрус Приюдом Дэвид. Но вплоть до третьего десятилетия XX в. в Законодательном совете не было ни одного индийца [7, II, 25].

Иногда для видимости на заседание Законодательного совета или его комиссий приглашали кого-нибудь из индийцев или рабочих-негров. Делалось это для того, чтобы придать работе административного механизма «демократический» глянец. Один из таких индийцев, некто Джаппи (Jurru), в 1889 г. выступал в таком совете. Однако говорил он на таком диалекте, который трудно было понять, судя по протоколу, даже присутствовавшим на заседании тринидадцам. Однако основное содержание сказанного Джаппи достаточно ясно: он был за введение выборных органов власти, за возможность таким, как он, проинести свое слово при определении судеб страны. К сожалению, никаких подробностей о нем не сообщается. Мы узнаем только, что он бывший законтрактованный рабочий и прожил на Тринидаде 34 года [17, 193], т. е. принадлежал к одной из первых групп, ввезенных после возобновления иммиграции в 50-х годах.

* * *

Анализируя законы, принятые в 60-е годы XIX в., мы должны прежде всего выделить Ордонанс о предоставлении отработавшим срок иммигрантам участков «коронных», т. е. государственных земель в обмен на их отказ от возвращения на родину. Собственно, некоторые из наиболее ранних иммигрантов и до принятия закона занимали пустующие земли (которых на Тринидаде было немало). Но только с вступлением этого закона в силу началось создание индийских деревень и поселков, сыгравшее важнейшую роль как для иммигрантов, так и для всего острова Тринидад.

Сама проблема предоставления (и продажи) пустующих «коронных» земель выходит за рамки нашей темы. Но она довольно подробно рассмотрена Вудом [18, 273—275]. Следует, однако, отметить, что до принятия закона (1868) продажа этих участков была крайне незначительной: в 1847—1856 гг. она достигла лишь 3423 акров, а в 1856—1865 гг. — всего 1895 акров. В законе 1868 г. были предусмотрены снижение цен и другие льготы. В итоге за 1868—1887 гг. площадь проданных (и предоставленных индийцам) участков достигла 71 тыс. акров.

Для индийцев, остающихся на Тринидаде, «коронные» земли выделялись взамен платы за проезд. Каждая семья получала 10 акров

[9, 30—31] ⁶. Однако утверждение этого закона всеми соответствующими инстанциями заняло очень много времени. Известно, что самые первые просьбы такого рода относились еще к августу 1856 г. [13, 332, 288—289], но только в мае 1869 г. губернатор Тринидада Гордон, не дожидаясь одобрения министерства колоний, предоставил 25 индийцам по 10 акров в двух местах близ Кува и Пуант-а-Пьер, где находились соответствующие плантации.

Такое решение сразу же стало известно многим оканчивавшим и уже окончившим срок индийцам. Администрация оказалась буквально засыпанной все новыми и новыми заявлениями. За несколько дней их было получено сорок пять. Выделенные по ним участки находились в районе Монтсеррата и западнее этого пункта. Следующая группа расселилась на прибрежных равнинах в районе Чагуанас.

Сразу же стало ясно, что индийцы предпочитают местности близ плантаций. Обычно после уборки урожая на собственных участках женщины занимались текущими делами в хозяйстве, а мужчины нанимались на плантации, причем работа, которая им поручалась, была наиболее грязной и неквалифицированной (в частности, прополка и т. п.) [7, II, 205].

К концу 1870 г. участки получили 180 индийцев и еще 96 приобрели участки за деньги (в общей сложности 1000 акров) [18, 274—275]. В это время уже 64% индийцев не были связаны с работой по контрактам [3, 130].

Вначале индийские семьи жили хуторами, но продолжалось это недолго. Очень быстро хутора начали объединяться, и уже в самом начале 70-х годов стали создаваться индийские деревни по образцу негритянских (Тортуги и Монтсеррата). Первые из них возникли на окраине Монтсеррата в 1870 г., получив название Калькутта и Кули Таун, затем в 1871 г. по специальным проектам создались еще две — Оропуче Лэгун и Чагуанас. Особо отметим, что проект предусматривал участки также для индуистского и мусульманского кладбищ.

В последующие годы число деревень стало неуклонно расти.

Механизм их образования еще не изучен. Единственной доступной нам работой, в которой этой проблеме уделяется внимание, является книга Мортон Класса. Автор ее, однако, оговаривается, что, во-первых, описанная им деревня фигурирует под «псевдонимом» Эмити. Во-вторых, он констатирует полное отсутствие каких бы то ни было документов, и единственный его источник — это беседы с крестьянами старшего и среднего поколения. Достоверность полученных сведений Класс в ряде случаев подвергает сомнению.

Деревня, о которой идет речь, находилась в графстве Карони. Возникла она, в отличие от некоторых других деревень, после того, как начались продажа и предоставление индийцам «коронных» земель. В памяти жителей сохранилась дата поселения здесь основателя Эмити, фигурирующего у Мортон под псевдонимом Бехарри. Затем стали покупать участки и другие индийцы. Через некоторое время нахлынула вторая волна поселенцев, как правило уже арендовавших землю у односельчан «первого призыва». Это повлияло на рост деревни, на формирование отдельных ее частей.

Расселение Эмити определялось, как считает Класс, расовой и кастовой принадлежностью, местом рождения (в Индии), достатком и занятием крестьянина. К началу XX в. в Эмити было четыре района. В первом из них — Бехарри Роуд — поселились представители высших каст, прежде всего брахманы; большинство их стало владельцами рисовых

⁶ Затем размер участка был снижен до 5 акров.

полей, а также небольших сахарных плантаций (но если рисовыми полями владели все, то плантации имели лишь немногие, остальные их арендовали). Второй район (Касеку) был населен чамарами и дусадху. Ни один брахман здесь никогда не жил. Основное занятие жителей этой части деревни — свиноводство считалось в глазах бехарцев низким. В третьем районе (Джангли Тола) жили баури и макла; последние по кастовому занятию были рыболовы, и здесь также ловили рыбу и крабов. Иногда люди из этого района нанимались на уборку урожая, но сами земледелием не занимались. Наконец, здесь жили и мадраси — выходцы с юга Индии.

Таким образом, во втором и третьем районах сосредоточились индийцы низших и неприкасаемых каст.

Подобного рода расселение характерно для ряда районов Северной и Центральной Индии.

Наконец, четвертый район был населен неграми [9, 29—97].

Вначале дома ставились непосредственно на участках, затем их стали строить вдоль дороги. Если участок данного крестьянина к дороге не выходил, то арендовалась земля у тех, кто ее имел в этом районе.

Индийские деревни быстро стали источником продовольственного снабжения городов и плантаций, тем более что значительная часть выделенных земель не подходила для выращивания сахарного тростника. Уже в 1873 г. Монтсеррат, например, дал 6 тыс. мешков риса, 18 тыс. баррелей кукурузы, 1000 баррелей гороха. Особенно широко распространились посевы риса. Распространение этой культуры на Тринидаде было первостепенным вкладом индийцев в экономику страны.

Правда, еще до этого небольшие рисовые поля существовали в некоторых негритянских поселках. Но обширные орошаемые плантации были созданы только индийцами. Уже в течение 70-х годов они составляли важнейшую часть ландшафта от болот Карони вплоть до окраины Оропуче Лэгун. Ввоз риса на остров (между прочим, именно из Индии) начал сокращаться.

Первый канадский миссионер среди индийцев Тринидада отметил в своем дневнике, что к 1889 г. восточная часть равнины Карони была в основном под рисом; организовались уже компании, поставившие дело на капиталистическую ногу. Индийцам принадлежала теперь только часть земли, и часть была взята ими в аренду. В 1890 г. тот же миссионер еще раз отметил такую существенную деталь пейзажа, как ступенчатые рисовые поля [там же, 31—32].

Наконец, к 1896 г. по всему Тринидаду посевы этой культуры достигли 6 тыс. акров и обеспечивали $\frac{1}{6}$ потребности острова в этом продукте [15, 87].

Перед первой мировой войной распределение культур было уже несколько иное. Из 90 314 акров земли, находившихся во владении индийцев по переписи 1911 г., 62,5% приходилось на какао, 10,7% — на огородные культуры, по 10% с небольшим — на рис, сахар и т. п. [17, 217].

Помимо перечисленных культур индийцы выращивали перец, бетель и т. д. Занимались они и скотоводством, впервые разведя, в частности, зебу, составляющих ныне значительную часть поголовья скота на острове.

Стало расти число молочных и огородных хозяйств, рассчитанных на снабжение городов, и прежде всего Порт-оф-Спэйна; вскоре практически все молочные продукты (очень дорогие в то время) и овощи, потребляемые городским населением, стали поставлять индийские фермеры [7, II, 25, 313].

Поселки поглотили большой процент осевших на Тринидаде иммигрантов. Мы не касаемся сейчас уровня их жизни, хотя проникновение капиталистических компаний в производство риса, необходимость арендовать часть земли, наконец, то обстоятельство, что многим индийцам, даже имевшим собственные участки, пришлось искать дополнительного заработка на плантациях,—все это говорит само за себя.

Однако значение появления на территории Тринидада индийских деревень отнюдь не исчерпывается перечисленными моментами. Их возникновение и развитие знаменовало собой, во-первых, начало классового расслоения среди индийцев острова. Если до принятия закона о бесплатном выделении земель все индийцы принадлежали к рабочему классу, были плантационными рабочими, то теперь все большая и большая часть их становилась крестьянами. Во-вторых, это изменение классовой структуры коснулось не только индийского, но и всего населения Тринидада. Э. Уильямс не вполне прав, связывая появление там «мелких землевладельцев» только с законом 1868 г. [17, 120]. Этот класс существовал на острове даже до отмены рабства и только значительно увеличился после нее. Однако мнение тринидадского автора в определенной степени справедливо. Только после 1868 г. начался бурный рост крестьянства, за короткое время численность его необычайно возросла, причем происходило это в период, когда домонополистический капитализм как раз проходил высшую точку своего развития.

Вуд отмечает, что плантаторы относились к этому процессу в целом положительно, так как поселения индийцев представляли собой резервуар рабочей силы — правда, в определенные месяцы, после уборки риса и после того, как в традиционное время (май — июнь) заканчивались все деревенские свадьбы данного года [18, 275]. Такого же мнения придерживается и Класс, считая, что плантаторам было выгодно использовать индийцев во время сафры и в то же время не содержать их после ее прекращения [9, 22].

С этим утверждением, однако, трудно согласиться. Значительная часть землевладельцев была недовольна необходимостью привлекать все новых и новых иммигрантов взамен отслуживших и расселившихся по деревням. Никакого энтузиазма не встретил у плантаторов и сам факт появления на острове индийских крестьян. Началась борьба против закона. Рост индийских деревень раздражал землевладельцев. В 1878 г. Тринидадская ассоциация плантаторов даже выступила с официальным протестом против организации индийских поселков в Чагуанасе и в районе нижней Карони [12, 19].

Правда, власти не могли сразу и полностью удовлетворить эти требования, но они пошли по линии постепенной ликвидации предоставленных индийцам льгот. Так, уже в 1872 г. была предложена альтернатива — 10 акров или 5 ф. наличными. С 1878 г. уже предлагались 5 акров или 5 ф., с 1881 г. — только 5 ф., а в 1890 г. и эти выдачи были отменены [2, 42—43]. Таким образом, желающим предоставлялась лишь возможность покупать землю, причем по все более возрастающей цене.

В первом десятилетии XX в., когда $\frac{1}{4}$ «коронных земель» еще составляла целина, стоимость 1 акра вместо прежней (1 ф.) поднялась уже до 2 ф. 10 шилл. Колониальный секретарь Тринидада откровенно заявил комиссии Сэндерсона, что это сделано для обеспечения плантаций рабочей силой. По его же подсчетам, чтобы кое-как прокормить небольшую семью, нужно не менее 5 акров, стоимость которых соответственно составляла 12 ф. 10 шилл. [7, II, 274—275]. Неудивительно, что рабочие, окончившие срок на плантациях, были вынуждены снова поступать туда, если хотели обзавестись участком земли, более или

менее соответствовавшим прожиточному минимуму (и это даже при наличии бесплатно полученных 5 акров). Именно так пришлось поступить отцу одного из тех, кто давал показания в комиссии [там же, 313].

Очень показательны в этой связи данные о динамике роста той части рабочих, которые уезжали с острова по окончании срока контракта. Так, если за 1851—1861 гг. вернулось в Индию 15,6% общего числа, то в 1861—1871 гг. лишь 8,8, в 1871—1881 гг.—11,1 а в 1881—1891 гг., на которые падает окончательная ликвидация земельных льгот, уже 20% [7, I, 63—64].

Однако и в начале XX в. плантаторы усиленно пропагандировали и пытались провести в жизнь проект создания деревень не на собственных крестьянских участках, а на арендованной у них земле по контрактам на 5 лет. Глашатаем таких взглядов выступил перед комиссией Сэндерсона член парламента Ламонт, происходивший из семьи, которая владела плантациями на Тринидаде с 1819 г. [7, II, 300, 304—306].

В определенной степени это удалось, и часть иммигрантов, оставшаяся на Тринидаде, поселялась и на таких землях.

Все описанное выше не могло не повлиять, конечно, и на рост городского населения. Порт-оф-Спэйн, Сан-Фернандо и другие города стали интенсивно поглощать бывших плантационных рабочих, не располагавших средствами для покупки земли (а также, возможно, просто связывавших свои дальнейшие планы именно с городом, а не с деревней).

Определенная доля становилась здесь люмпен-пролетариями (колониальный секретарь Тринидада заявил в комиссии Сэндерсона, что в начале XX в. в одной только столице их было 1000 человек) [7, II, 273].

Значительная прослойка делала черную работу. «Это категория людей,— говорится в показаниях,— которые делают то, чего другие не хотят делать» [там же, 183, 312]. В начале XX в. все носильщики на Тринидаде были уже индийцы. В Порт-оф-Спэйне можно было, например, видеть, как прачка идет полоскать белье, а бельевую корзину несет за ней индеец. Продавец дичи тоже не нес своего товара сам, это делал индеец [там же, 283].

Некоторые нанимались в услужение, хотя большинство слуг в Порт-оф-Спэйне было негритянского происхождения, но не местные, а иммигранты с острова Барбадос [там же, 276].

Часть рабочих занималась ремеслом. Первые индийцы-ремесленники обслуживали индийцев же. Одно из самых ранних свидетельств такого рода — сообщение о создании в 1862 г. индийской ювелирной мастерской в Порт-оф-Спэйне, причем в другом городе, Сан-Фернандо, такие мастера уже в это время работали [18, 157].

Довольно рано распространенным занятием индийцев стало выжигание древесного угля, и поэтому снабжение этим топливом, которым пользовалась каждая городская семья, целиком оказалось в их руках [7, A, 313].

Стали появляться индийцы-возчики, положившие начало традиции, характерной для потомков иммигрантов до сих пор; многие из них уже из поколения в поколение — работники транспорта (сначала гужевого, теперь автомобильного).

Промышленности (кроме сахарной) на Тринидаде в XIX в. практически не существовало. Какая-то часть индийцев находила себе работу на больших сахарных заводах, первый из которых возник в 1872 г. Когда началось строительство железных дорог, плантационных и государственных (1876 г.), то основную массу рабочих по прокладке путей

составили индийцы. Много было их и на работе по благоустройству городов, особенно среди дорожников [там же, 93, 157, 158, 313]. Так начали возникать на Тринидаде первые группы индийского рабочего класса.

Постепенно шло и формирование индийской городской и сельской буржуазии. В деревне особенно наглядно этот процесс происходил именно после того, как контингент тех, кто был в состоянии купить землю, сократился.

Сразу покупали землю в основном состоятельные люди. Сравнительно рано были сделаны попытки организовать даже плантационное хозяйство по колониальному образцу. Так, уже в 1874 г. пять лавочников из Сан-Фернандо купили довольно значительных размеров плантацию «Корайэл Эстэй» (260 акров), уплатили за нее 18 тыс. вест-индских долларов, наняли управляющего и обратились к администрации с просьбой предоставить им... законтрактованных рабочих! Вуд, обнаруживший этот документ в архиве министерства колоний, не сообщает, каков был результат ходатайства. Он отмечает лишь, что опасения, как бы значительная часть земли не попала в руки индийцев, были лишены оснований: «В действительности их ресурсы не шли ни в какое сравнение с тем, чем располагали фирмы, поддерживаемые британским капиталом, и для предположений, что этому примеру последовали другие, нет никаких доказательств» [18, 277].

Он, однако, не совсем точен. За следующие несколько десятилетий, по показаниям Дэвида, был зафиксирован случай, когда индеец (бывший законтрактованный рабочий, вероятно сирдар или десятник, по фамилии Будосингх) добился предоставления ему иммигрантов для работы в его имении близ Оропуче Лэгуна. Вместе с ними работали и «батраки вест-индцы», т. е. негры [7, II, 200]. Выступая перед комиссией, колониальный секретарь говорил, однако, уже не об одном, а о нескольких таких хозяйствах [там же, 273], а один из плантаторов, некто Питер Эбл, пролил дополнительный свет на эту проблему. Из его слов можно заключить, что от индийцев-плантаторов требовалось скрупулезнейшее выполнение всех без исключения «требований закона», но долгое время у них не было возможности строить больницы, бараки и пр. [там же, 417]. Это не позволило им, как и рассчитывали колонизаторы, конкурировать с плантаторами-англичанами. Во многих таких хозяйствах работало немало индийцев, но не по контракту, а по вольному найму [там же, 276].

Одновременно наблюдался и рост индийской буржуазии, действовавшей вне сельского хозяйства. Уже в 70-е годы XIX в. вся мелкая торговля и какая-то часть более крупной находилась в руках индийцев (и китайцев, но последних на Тринидаде было во много раз меньше). В показаниях комиссии Сэндерсона особо отмечалось, что ни одного негра-лавочника в конце XIX — начале XX в. на острове уже не было. Не менее важен и другой приведенный там же факт: очень многие торговцы занимались также и ростовщичеством [там же, 26].

Можно с уверенностью предположить, что первыми и самыми крупными торговцами стали сирдары и десятники ранних партий иммигрантов, занимавшиеся ростовщичеством еще на плантациях [48, 158, 135].

Именно из этой среды вышли богатые индийские буржуа, появление которых зафиксировано официальной перепиской и газетными материалами уже в 60-е годы XIX в.

Нам приходилось упоминать о первых ювелирах-индийцах, начавших свою деятельность в первые годы указанного десятилетия (хотя есть данные, что золотые украшения из переплавленных монет стали

изготавливать еще в конце 40-х годов). Сам факт существования таких мастеров говорит о наличии более или менее значительного круга заказчиков. В записках первого миссионера, начавшего свою деятельность среди индийцев именно в 60-е годы, встречаем подробное описание украшений, которые носила в конце этого десятилетия жена богатого лавочника: «На каждой руке у нее было 17 серебряных и по одному золотому браслету, в большинстве своем массивные, а два очень тяжелые и прекрасной работы. На шее — тринадцать массивнейших серебряных украшений, некоторые из них размером до трех четвертей дюйма, квадратные спереди и суживающиеся сзади. Добавьте 15 ручных колец и четыре тяжелых кольца в каждом ухе...» [там же, 156—157].

Даже с учетом того, что по индийскому обычаю украшения составляли основной и неприкосновенный капитал семьи,—перед нами семья явно не бедная.

Уже в конце 60-х годов среди индийцев были владельцы крупных магазинов, один из которых мог, например, позволить себе в 1869 г. вояж на пассажирском корабле в Англию, а оттуда — на 6 месяцев в Индию. В 1871 г. подобное путешествие совершили уже четверо. Они везли с собой почти 9 тыс. ф. наличными и золото на крупную сумму [там же, 158]. Наконец, появились и еще более богатые люди, которым оказались по средствам самые дорогие развлечения колониального «высшего круга». Один из них купил двух чистокровных рысаков за 300 гиней и в 1874 г. взял все призы на состязаниях в Куинз Парке. В дальнейшем индийские состоятельные буржуа стали играть заметную роль в «джентльменских развлечениях» Порт-оф-Спэйна [там же 227].

Число таких примеров можно было бы увеличить, что часто и делается в западной литературе, где эти факты используют как доказательство «процветания» тринидадских индийцев. Не менее часто фигурировали и фигурируют данные о банковских вкладах, принадлежащих индийцам. Так, в 1909 г. протектор Кумбз оценил их в 112 тыс. ф. [7, II, 296]. У Эрика Уильямса приведены другие факты. «С 1902 по 1912 г., — пишет он, — число вкладов возросло с 564 до 9973, а в денежном выражении — с 59 725 до 81 403 ф.» [17, 121]. Но, во-первых, если произвести простое арифметическое действие, то мы сразу увидим, как немного приходится в среднем на каждую сберегательную книжку. Во-вторых, в 1902 г. на острове было около 90 тыс. индийцев, а в 1911 г. — более 110 тыс. [14, 131], вклады же имела, как мы видим, совершенно ничтожная их часть. И еще пример: в 1909 г. вкладчиков было 6 тыс., а вклады их составляли 74 тыс. ф. [7, II, 297]. Большинство же тринидадских индийцев составляли крестьяне и рабочие, и уровень их жизни был весьма невысок.

Сведения о появлении первых групп индийской (по происхождению) интеллигенции это положение подтверждают. В числе выступавших перед комиссией Сэндерсона был молодой (27-летний), только что получивший в Англии диплом юриста Фрэнсис Эвелин Мохаммед Хоссейн, сын индийца-мусульманина, родители которого были привезены на остров по контракту в 60-е годы. Он сам говорит о себе как о редком исключении из правила: отец дал возможность ему и другим своим детям учиться. Правда, в миссионерской школе (где Хоссейн получал начальное образование) для привлечения учеников платы за обучение не брали, в государственной же, куда бы затем он перешел, учебно надо было уже оплачивать. Однако к этому времени Хоссейну-старшему удалось выдать дочь за индийца-плантатора, который поручил ему управление своей плантацией. Только благодаря этому он смог оплатить не только среднее, но и высшее образование, полученное сыном [там

же, 311, 314]. В противном случае Фрэнсис Эвелин вряд ли смог бы окончить школу на Тринидаде и университет в Англии.

Если к этому добавить, что грамотных среди индийцев было тогда не более 5—6% [там же, 294], то исключительность приведенного примера станет еще более разительной. Хоссейн это обстоятельство ощущал в полной мере. Не случайно его показания, в общем даже не отмеченные печатью высокомерия по отношению к соотечественникам, тем не менее пестрят фразами о «полном и абсолютном невежестве этих людей» [там же, 312].

Подтверждают нашу мысль и данные опубликованных той же комиссией Сэндерсона показаний О. Уорнера, согласно которым среди индийцев в начале XX в. было уже несколько человек, получивших высшее медицинское и юридическое образование в Англии после окончания Куинз-колледжа на Тринидаде. С. П. Дэвид также упоминает о врачах, юристах, священниках, бухгалтерах и т. п. Однако они все без исключения были уже потомками иммигрантов; ни одного уроженца Индии среди них не было.

Таким образом, к моменту прекращения иммиграции можно констатировать значительную степень классового расслоения среди тринидадских индийцев. Как уже отмечалось выше, большинство их составили крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Немало было уже и городских рабочих, хотя процент занятых сравнительно квалифицированным трудом был невысок. Появилась прослойка ремесленников. Возникла буржуазия, прежде всего торговая — как мелкая, так и средняя и даже крупная. Наконец, можно констатировать и появление первых представителей интеллигенции.

Индийцы, составлявшие в этот период третью часть населения острова, играли уже видную роль во всех отраслях его экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burns A. The History of British West Indies, London, 1954.
2. «Caribbean Quarterly», vol. 17, № 1, 1971.
3. Carter E. H., Digby G. W., Murray R. N. History of the West Indian Peoples, pt II, London, 1953.
4. Cumpston J. M. Indians Overseas in British Territories. 1834—1854, London, 1955.
5. Deerr N. Indian Labour in the Sugar Industry,—«International Sugar Journal», March 1938.
6. Dey M. K. The Indian Population in Trinidad and Tobago,—«International Journal of Comparative Sociology», vol. III, № 2, 1962.
7. Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Reports on the Committee on Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Presented to Both Houses of Parliament, June 1910, pt I—III, London, 1910.
8. Erickson E. L. The Introduction of East Indian Coolies into British West Indies,—«Journal of Modern History», vol. VI, № 2, 1934.
9. Klass M. East Indians in Trinidad. A Study of Cultural Persistence, New York—London, 1961.
10. Laurence K. O. (ed.), The Trinidad Water Riot of 1903: Reflection of an Eyewitness,—«Caribbean Quarterly», vol. 15, № 4, 1969.
11. Nath D. A History of Indians in British Guiana, London, 1950.
12. Niehoff A. and J. East Indians in the West Indies, Milwaukee, 1960 (Milwaukee Public Museum Publications in Anthropology, № 6).
13. Papers Relating to the West Indian Colonies Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, August 1857, London, 1857.
14. Roberts G. W. The Population of Jamaica, Cambridge, 1957.
15. Shepard C. Y. Agricultural Labour in Trinidad,—«Tropical Agriculture», vol. XII, April 1935.
16. Swinton J. and F. Journal of a Voyage with Coolie Emigrants from Calcutta to Trinidad, London, 1859.
17. Williams E. History of the Peoples of Trinidad and Tobago, Port-of-Spain, 1962.
18. Wood D. Trinidad in Transition, New York — London, 1968.

Ю. В. Мартин

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ИНДОНЕЗИИ И ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И АВТОНОМИИ

Индонезия в гораздо большей степени, чем другие освободившиеся страны, отличается полиэтническим характером. При этом формирование национальной государственности — процесс, сам по себе далекий от завершения, — опережает здесь формирование как отдельных наций внутри страны, так и тем более единой нации в рамках всего государства. В Индонезии одновременно сосуществуют этнические общности на разных стадиях развития, с разным уровнем этнического самосознания, т. е. почти вся этническая шкала со многими ее оттенками: племена, группы племен, народности и группы родственных народностей, нации — как моногенные, так и гетерогенные [27, 11—178; 49].

Особенности этно-национального развития современной Индонезии определяются помимо полиэтничности также рядом других существенных факторов как интегрирующего, так и дезинтегрирующего свойства. Многоступенчатость этнических общностей, т. е. этнический плюрализм, неизбежно сочетается здесь с многообразием форм экономической и социальной жизни и поддерживается этими последними, т. е. экономическим плюрализмом. Социально-экономическая структура во многих отношениях носит переходный характер, хотя в целом Индонезия в настоящее время развивается по капиталистическому пути [16; 39а, 135 и сл.; ср. 8]. Хозяйство многоукладно и является суммой отраслей, не представляя собой системы, единого хозяйственного организма. Налицо множество локальных рынков, тогда как единый внутренний рынок еще не сложился [26, 47—91]. Для страны характерна крайняя экономическая отсталость и разобщенность отдельных районов при неудовлетворительном состоянии средств связи. Между тем, как неоднократно писал В. И. Ленин, создание национального государства диктуется экономической необходимостью [1, 207; 3, 385].

В этих условиях особую роль приобретает идеология как фактор сплочения общества. Общественное же сознание, вследствие уровня развития стран «третьего мира», преломляется, во-первых, сквозь призму интересов главным образом непролетарских классов и слоев, во-вторых, идеология (неизбежно буржуазная и мелкобуржуазная по преимуществу) не имеет ясных очертаний, в-третьих, большую роль играет субъективный фактор. Формирующаяся индонезийская буржуазия (как и буржуазия других стран, находящаяся на аналогичном уровне развития) стремится сделать идеологию национализма своим монопольным оружием, отрицая классовые противоречия внутри государства («нации»), внеисторически трактуя национальные связи, сплошь и рядом переходя на рельсы реакционного национализма. Полиэтнический же характер

страны ведет к тому, что появляются местные национализмы, которые проявляют себя все более явно [ср. 25; 30, 6—8].

В Индонезии официально провозглашено существование единой нации, хотя в сущности речь идет о едином гражданстве [17, 13, 72—74; 35, 261—263, 317; 36, 220; см. также: 27, 132—133; 40; 54; 67; 72; 76; 80; 81].

Под национальной консолидацией подразумевается воспитание чувства преданности государству. Развивается, таким образом, идеология «государственного национализма», открывающая путь к концепции «нации-государства» [35, 317—31; 36, 224; 71, 6—24].

В трактовке идеи «единой индонезийской нации» есть варианты: по одним утверждениям, она сложилась в незапамятные — или в исторические, но достаточно давние — времена; по другим, она — результат последних десятилетий борьбы; третьи полагают, что процесс ее сложения, начавшийся в более или менее отдаленном прошлом, завершается (или завершен) в настоящее время. Родоначальником тезиса о существовании «единой индонезийской нации» и самым пламенным ее пропагандистом, причем в крайних формах, был президент Сукарно [35; 36, 218 и сл.; см. также: 74; 78]. Он относил время сложения индонезийской нации к эпохе Шривиджайи, возникшей в конце VII в. н. э. Прозелиты Сукарно из лагеря левых националистов утверждают, что индонезийская нация существует уже 6000 лет! [80].

Политико-экономические аспекты национального развития Индонезии в первой половине XX в. нашли отражение в работе Н. А. Симонии [33]. Проблема единства и автономии с точки зрения государственно-политического развития рассмотрена в ряде работ Г. А. Андреева [6; 7].

Особенности этно-национального развития Республики Индонезии, включая политические, экономические, лингвистические, этнографические и некоторые другие стороны этого процесса, освещены в нескольких наших работах [26—29]. Здесь мы остановимся на том аспекте этой проблемы, который связан с наличием центрального правительства и его ролью в этно-национальном развитии страны, в особенности же на ключевой проблеме государственного устройства Индонезии — проблеме централизации и автономии. Мы обращаем внимание в данном случае не столько на ее политические и экономические аспекты, сколько на связь с этно-национальным развитием страны и пытаемся убедить читателя, что без правильного подхода к вопросам внутреннего административного устройства будет крайне затруднено, если не сорвано, решение проблемы формирования общендонезийского единства в национальном смысле.

Наличие единого центрального правительства в Индонезии с первых дней существования республики является несомненным и мощным фактором¹. Это консолидирующее влияние неоднократно проявлялось в критические моменты существования республики, и оно обнаруживает себя в каждодневной жизни страны [6, 136; 21; 61].

Но сразу же оговоримся, что влияние политики правительства небезгранично, тем более на такие в основе своей объективные процессы, как этническое и национальное развитие. Сукарно, перечисляя условия существования «индонезийской нации» и называя единую территорию, единство народа и наличие центрального правительства в качестве основных факторов этого существования [36, 218—224; ср. 51, 169], слишком переоценивает роль правительства, т. е. надстройки, не говоря уже о том, что единство народа он считает само собой разумеющимся фак-

¹ О роли государства в развивающихся странах см.: [34, особо главы IV—VI]. Теоретические вопросы буржуазного федерализма в полиэтнических развивающихся странах — в книге В. Г. Графского [13].

том. Эта переоценка роли правительства — и надстройки в целом — в этно-национальном развитии Индонезии тем более очевидна, что наряду с правительственными акциями, способствовавшими росту общиндонезийского самосознания и лояльности по отношению к единому государству и правительству, действия последнего оказались неэффективными в решении целого ряда острых проблем, связанных с политикой в национальном вопросе. Этно-национальные проблемы сыграли не последнюю роль в политических потрясениях, характерных для всего периода существования республики, особенно же для середины 50-х годов XX в.

Основная линия государственной политики в национальном вопросе — это борьба за сохранение и упрочение единой индонезийской нации, которая для лидеров индонезийского национализма, как было сказано выше, совпадает с единым государством. Таким образом, задача упрочения единого государства оказывается неразрывно связанной и даже синонимичной с задачей укрепления (варианты: создания, воссоздания, строительства) единой нации, что объективно вело к отрицанию национальных (этнических) особенностей населяющих Индонезию народов. Действительно, это строительство нации, по мнению ряда государственных деятелей Индонезии, и в первую очередь Сукарно, может быть достигнуто несколькими путями: либо путем разрушения этнических границ и слияния всех этносов и их культур в нечто общее, либо путем распространения «национальной воли» при идентификации ее с политическим руководством и с помощью развития духа перманентной политической борьбы и массового энтузиазма, либо, наконец, с помощью всех названных средств. В любом случае вопросы «национального развития превращались в вопросы национального строительства» в прямом смысле этого слова [см. 19; 21; 50, 34; 74; 79; 70, 5 и сл., 18 и сл., 42 и сл., 54 и сл.].

Наряду с объективно положительными целями такая политика вела сплошь и рядом к волюнтаризму, когда объективный процесс национального формирования подталкивался различными, нередко сугубо субъективистскими мероприятиями. Несомненной истиной является тот факт, что целостность и единство государства — одно из условий завершения национально-демократической революции. Но не менее очевидно и то, что ее завершение зависит в еще большей степени от другого условия: наличия прогрессивного демократического правительства. Без этого последнего условия нет никакой гарантии, что борьба за общиндонезийскую нацию не будет способствовать усилению самой откровенной буржуазной диктатуры в форме военно-бюрократического режима [11; 12; 18; 19, 73 и сл.; 32, 109—112; 39а, 80 и сл.].

Все существовавшие до сих пор правительства республики всеми доступными средствами воспитывали в массах верность идее единой Индонезии и единой нации. Это осуществлялось в первую очередь через систему образования — от начального и школ по ликвидации неграмотности до высшего, через повседневную пропаганду средствами массового воздействия (кино, радио, печать и пр.), через все правительственные каналы и учреждения, а также через доступные воздействию правительства местные учреждения. Существенным моментом являлась пропаганда личности Сукарно как национального лидера, президента и «великого вождя революции», в котором олицетворяются нация, государство и революция. Сам Сукарно делал все возможное для такого олицетворения, в своих публичных речах постоянно именуя себя «великим вождем индонезийской революции», «отцом индонезийского народа», «рупором его страданий», «отождествлением народа» и т. д. и т. п. [19, 158; 50; 51; 53; 74; 79].

Повсеместно проводилась идентификация представителей всех этнических групп, в первую очередь именно как индонезийцев. Одним из действенных путей такой идентификации являлось подчеркивание общего в истории и культуре народов Индонезии, целеустремленное воспитание этнической терпимости и уважения [28, 39—41; 43—45; 57; 69; 70, 42 и сл.; 76]. Последнее достигалось главным образом путем пропаганды местных форм искусства и литературы, через популяризацию местных героев национально-освободительной борьбы, которых объявляли общеиндонезийскими. Термин «национальный» применялся везде, где им можно заменить термин «государственный»: Национальный совет, Национальный плановый совет, национальные предприятия и т. д. Широко проводились многочисленные общегосударственные праздники, объявленные общенациональными (их около 20). Внедрялась общая символика (герб, флаг, гимн, «Мечеть свободы», «Монумент свободы» и т. д.), а также символика политических лозунгов — Манипол, Насакком и пр. Десятками выходили брошюры и книги вроде нижеследующей: «Панчасила, Манипол, УСДЭК как основа интерпретации индонезийской истории» [73; 39; 41; 57; 69].

Огромную роль играли всеобщие националистические кампании — за освобождение Западного Ириана, по противостоянию Малайзии и пр. Правительство не только не содействовало созданию партий по этническому принципу, но и всячески тормозило их появление, а если они так или иначе возникали, оно не поощряло их деятельности.

В этой неутомимой борьбе за развитие чувства «общеиндонезийского» и за приглушение чувства этнического самосознания официальные круги в последнее десятилетие правления Сукарно встали на путь противопоставления всего индонезийского всему неиндонезийскому [ср. 20]. Лозунг «Keribadian!» — «Самобытность!» приобрел шовинистический характер: отсюда переименование Индийского океана в Индонезийский, Малаккского пролива в Суматранский и т. п. В данном случае развитие событий в Индонезии подтвердило еще раз марксистский тезис о том, что крайний буржуазный национализм (даже если это национализм недавно еще угнетенного народа) несет в себе семена шовинизма².

Иногда в борьбе за единую нацию власти теряли чувство реальности: так, в 1962 г., накануне воссоединения Западного Ириана, ввиду наличия сильных социально-экономических и культурных различий между папуасами и жителями остальной Индонезии, правительством был отдан приказ в течение пяти лет поднять уровень развития папуасов до общеиндонезийского [53, 97].

Для Индонезии одним из важнейших путей решения национального вопроса является правильный подход к проблеме автономии. «Требование подлинной демократической автономии в рамках централизованного государства, выдвигавшееся массовыми организациями, отвечало интересам районов и всей страны. Вместе с тем... недовольство населения задержкой развития автономии,— пишет советский исследователь Г. А. Андреев,— служило благоприятной почвой для разжигания сепаратистских мятежей со стороны реакционных сил...» [7, 143]. В этом вопросе политика центрального правительства наиболее уязвима. Прежде всего в Конституции Индонезии (и 1945 и 1950 г.) об автономии говорится очень нечетко и скорее в ограничительном смысле (статья 131) — только как о «возможности самостоятельно решать

² Яркий пример «восточного варианта» колониализма — шовинистическая политика реакционной части пакистанской буржуазии, приведшая к взрыву национально-освободительного движения в бывшем Восточном Пакистане и образованию Республики Бангладеш [22, т. 2, 112].

вопросы местного значения» [23, 161; ср. 17, 173—190; 6, 22, 27—28]. Неконкретны и программные заявления Национальной партии по этому вопросу [37, 55—56]. Более определенным было мнение КПИ, которое в середине 50-х годов формулировалось так: во-первых, унитарное государство, охватывающее всю территорию бывшей Нидерландской Индии, во-вторых, самая широкая автономия (самоуправление) для всех народностей Индонезии [55, 25.VI.1965, цит. по: 15, 39—40].

Практически все законы, по которым правительство в 1950—1965 гг. проводило те или иные мероприятия по осуществлению автономии, были построены не на этнической, а на административно-региональной основе (кроме нескольких исключений) из-за опасения усиления чувства этнического самосознания при совпадении административно-территориального деления с этническим. «В каждом случае,— пишет Скикнер,— индонезийское правительство пыталось уничтожить... границы, имеющие этническое значение, путем включения старой единицы в более крупную провинцию» [60, 7; ср. 59, 78]³. Сразу же после образования республики, во второй половине августа 1945 г., было восстановлено административное деление на 8 провинций, существовавшее при голландцах. В июне 1950 г. число провинций было увеличено до 10. Впоследствии правительство неоднократно проводило разукрупнение провинций (о чем ниже). Границы первоначальных провинций (периода 1945—1950 гг.), равно как и более мелких административных подразделений (не только в названный период, но и в более поздний), соответствовали старым границам колониального периода [6, 23—26; 59, 75—76].

После возвращения к унитарному государству вопросы местных органов власти и автономии решались на основе законов № 22 1948 г. и № 44 1950 г., которые предусматривали автономию лишь в некоторых хозяйственных вопросах, не учитывая этнических особенностей районов. Главы отдельных так называемых автономных районов представляли не местные интересы, а интересы центрального правительства на местах; местные власти фактически не избирались, а назначались. До 1956 г. не было закона о порядке финансирования таких районов. В 1957 г. был принят закон об автономии (закон № I 1957 г.), вводивший административное деление на автономные единицы I и II порядка и предоставлявший право автономии ряду новых районов. Например, из провинции Калимантан была выделена новая провинция Центральный Калимантан, населенная преимущественно даяками. По чрезвычайному закону № 22 1957 г. Молуккские острова выделялись в самостоятельную провинцию. В 1958 г. из провинции Нуса Тенггара (Малые Зондские острова) были образованы три: Бали, Западные Нуса Тенггара и Восточные Нуса Тенггара. В 1963 г. были введены районы III порядка. Единицы I порядка — это провинции, II порядка — их крупные подразделения и отдельные свапраджа (см. ниже), III порядка — следующие подразделения административной структуры. Эти законы давали более широкие права автономным единицам, но не предусматривали соблюдения этнического принципа при выделении автономных единиц.

В настоящее время в Индонезии имеется 26 автономных единиц I порядка, т. е. провинций. Это Аче, Северная Суматра, Западная Суматра, Бенгкулу, Риау, Джамби, Южная Суматра, Лампунг, Западная, Центральная и Восточная Ява, Западный, Центральный, Южный и Восточный Калимантан, Бали, Западные и Восточные Нуса Тенггара,

³ По проблеме централизации и автономии в Индонезии подробнее см.: [6; 7; 17, 173—190; 21; 48; 58—60; 62—64; 66; 68; 72; 75; 79].

Северный, Центральный, Юго-Восточный и Южный Сулавеси, Малуку, Западный Ириан, Большая Джакарта и Особая провинция Джокьякарта. Из всех этих провинций лишь шесть имеют этнически однородное население: Аче (образована в 1956 г.), Западная Суматра, населенная минангкабау (1957 г.), Бали (1957 г.), Западный Ириан (формально с 1956 г., фактически с 1963 г.), отчасти Западная Ява (1952 г.), где проживает 94% сундов, составляющих 77% населения провинции, остальные в основном яванцы, и Южный Калимантан, населенный преимущественно банджарами (1957 г.).

В очень многих случаях границы эти не отвечают ни этническим рубежам, ни экономическим интересам. Например, даякское население разделено между четырьмя провинциями; произвольно деление на многонациональном Сулавеси, где к тому же граница до 1963 г. пересекала довольно близкую этнически группу тораджей; яванцы разделены между тремя провинциями, а мадурцы (напомним, что их около 7 млн.) не имеют автономии. В провинцию Нуса Тенггара до 1957 г. входили такие разнородные по языкам и культуре народы, как балийцы, са-саки, сумбавы, бима, сумбы, купанги, роти и др. Сознвая неудовлетворенность существующего деления, а также и под сильным давлением с мест правительства постепенно меняло его. Было значительно увеличено число провинций. Например, Суматра вместо первоначальных трех провинций теперь разделена на восемь; единая прежде провинция Калимантан — на четыре; Восточная Индонезия, также составлявшая одну провинцию, — на три (Сулавеси, Малуку, Нуса Тенггара); в свою очередь, Сулавеси в середине 60-х годов был в административном отношении разделен сначала на две, а затем на четыре провинции, а провинция Нуса Тенггара — на три. Многочисленным и непрерывным изменением подвергались автономные единицы II и III порядка (см., например, историю административного деления Южного Сулавеси [59, 71—73]).

В Индонезии существуют также многочисленные свапраджа — автономные территориальные единицы, которые в свое время были вассальными княжествами и султанатами⁴. И сейчас нередко во главе их стоят прежние раджи и султаны. Особенно много свапраджа в Восточной Индонезии: на Центральном Сулавеси — 15, на Южном Сулавеси — 38 (в том числе 8 новых), на Северном Сулавеси — 4 федерации свапраджа и 2 отдельные свапраджа, на Северных Молукках — 4, на Сумбаве — 16, на Флоресе — 9, на островах Сангихе — Талауд — 6 и т. д. [59, 69—73]. Если при формировании автономных провинций правительство стремилось перешагнуть через этнические границы, объединяя разнородные народы, то в случае с свапраджа оно, напротив, сохраняло дробность даже этнически и культурно более однородных единиц.

Но и те непоследовательные и недостаточные мероприятия в области национальной автономии, которые правительство провело законодательным путем, в сущности, остались на бумаге. Сукарно президентскими указами № 6 1959 г. и № 5 1960 г. ввел назначение членов руководящих органов автономных единиц I и II порядка в соответствии с его принципом «руководимой демократии», а также ограничил районы в ряде прав, которыми те прежде располагали. В принятом в конце 1960 г. законе о восьмилетнем плане, как отмечает Г. А. Андреев, говорилось и «о необходимости исправления допущенных ранее недостатков в развитии автономии, и в частности предусматривался раздел всей

⁴ С начала XX в. и вплоть до Августовской революции в Индонезии сохранялось 282 княжества и самоуправляющиеся территории, из которых 278 было во Внешних провинциях (они составляли более половины территории этих провинций), а 4 — на Яве (7% ее территории) [59, 24—26].

территории страны на автономные районы в соответствии с желанием населения, передача районам всех предусмотренных законами прав, создание постоянных выборных местных органов власти, которые представляли бы интересы всего народа, обеспечение автономных районов необходимыми финансовыми средствами и т. д.» [6, 133]. Этот закон не был осуществлен. В середине 1965 г. вместо закона № 1 1957 г. и указов президента № 6 1959 г. и № 5 1960 г. были приняты законы об основах местного управления, включая и управление сельскими общинами, по которым вся власть передавалась назначенным сверху главам районов (общин) и исполнительным комитетам, члены которых также назначались.

Эти законы еще более ограничили, а зачастую свели на нет роль выборных органов на местах и укрепили личную власть (в основном военную). С 14 марта 1957 по май 1963 г. (а реально и после этой даты), также с осени 1965 г. и фактически по настоящее время в стране действует закон о чрезвычайном положении, который дает всю полноту власти на местах — а после 1965 г. и в центре — военным. «В этот период,— пишет Г. А. Андреев,— наиболее рельефно проявилась тенденция правящих кругов, прикрывавшихся лозунгом укрепления национального единства, к ограничению деятельности левых организаций в борьбе за расширение прав трудящихся... Известные успехи в развитии автономии в 1956—1958 гг. с возвращением к конституции 1945 г. были аннулированы» [6, 134—135].

Традиция военного управления, особенно на Яве, была отчетлива со дня основания республики. Так, во время второй голландской агрессии (декабрь 1948 — май 1949 г.) высшая военная и гражданская власть на Яве принадлежала Генеральному штабу во главе с Судирманом и Штабу яванского командования во главе с Насутионом. На местах военные и административные руководители осуществляли военные губернаторы. Существенно вспомнить и такие исторические особенности развития на Яве, как более глубокое укоренение феодализма и большая степень воздействия голландской колониальной системы управления, чем в других районах страны, что создало дополнительные условия для укрепления недемократических форм правления [31, 38 и сл., 54 и сл.; 32, 109—112].

Во Внешних Провинциях, особенно на Центральной и Южной Суматре, власть в первые годы после революции осуществляли гражданские лица, а не армейские офицеры. Более того, даже посты военных губернаторов на Суматре (кроме Аче) занимали гражданские лица, назначенные главой Чрезвычайного Правительства Республики Индонезии Шафруддином Правиранегарой (это правительство было сформировано в период второй голландской агрессии на Суматре по приказу Сукарно, который, как и ряд членов его правительства, в это время был арестован голландцами). Партизанской борьбой здесь также руководили гражданские лица [31, 42, 47—48]. Впоследствии, в связи с острым размежеванием классовых сил и обострением внутривнутриполитической обстановки в стране в 1957 г., сложилась парадоксальная ситуация: именно военные во Внешних Провинциях возглавили в большинстве случаев антиправительственные выступления и те органы управления, которые они пытались создать [31, 69—72]. Это объясняется тем, что армейские офицеры, уже обладавшие в то время реальной властью, выступили в качестве представителей интересов районов, т. е. в первую очередь буржуазии этих районов. Тогда-то, в частности, появилась концепция полковника Лубиса (родом минангкабау с Западной Суматры), требовавшего создания «широкого фронта динамичных районов» в противовес «центру», т. е. правительству в Джакарте. Тогда

же резко обострилось мятежное движение Дар-уль Ислам на Западной Яве под лозунгом создания «мусульманского государства» в Индонезии [65, 12—57]. Среди очевидных классовых причин этих антиправительственных выступлений, а также наравне с фактором подстрекательства со стороны реакционных империалистических сил почвой, благоприятствовавшей расширению этих движений, явилось то, что не была решена проблема автономии районов и достаточно четко не были ограждены права районов и этносов, их населяющих.

Положение не улучшилось и в десятилетие 1965—1975 гг. Так, в 1969 г. индонезийский парламент принял закон о децентрализации и автономии, ограничив и те жалкие остатки автономии, которые сохранились за районами. После принятия этого закона у правительства Сухарто появились новые идеи усиления централизации, вплоть до ликвидации существующего административного деления на 26 провинций и введения «суперпровинций» в количестве всего... шести! Так, агентство Антара передало 2 марта 1973 г., что министр внутренних дел Амир Махмуд подтвердил наличие такой идеи. Более того, эта идея проводилась под предлогом большей динамичности и «большей простоты» в управлении [42, 2.III.1973]. Еще ранее о таком намерении правительства сообщило ТАСС [28.II.]. Подобное намерение вызвало широкие недоумение у общественности, рост недовольства на местах [6, 140], и правительство поспешило устами того же Махмуда заявить об отсутствии у него такой цели [42, 12.III.1973].

Этот показательный факт говорит о том, что центральное правительство нередко стремится решить сложные политические, экономические и национальные проблемы путем декретирования и через максимальную централизацию.

Однако при чрезмерной централизации культура меньших этносов нивелируется, они не встречают поддержки для полного и свободного этнического развития. Для подлинной же национальной интеграции необходимым условием является свободное развитие всех этносов страны и добровольное принятие ими новых ценностных ориентаций общегосударственного (общенационального) масштаба. Такой подход является краеугольным камнем марксистско-ленинской теории по национальному вопросу, к нему близки некоторые объективные западные этнологи и социологи [см., например: 70, 5—6, 17, 18 и сл., 42 и сл., 418—419]. Индонезийский историк Суджатмоко подчеркивал важность учета интересов «культурно-однородных групп, связанных вместе исконными привязанностями большой интенсивности», в том числе этнических, этно-религиозных, этнокультурных групп; он утверждает, что культурный плюрализм Индонезии указывает на необходимость обеспечения адекватного представительства и полного участия этих групп в принятии политических решений, равно как и в самом политическом процессе. До тех пор пока это не обеспечено, правительство приходится рассматривать как незаконно действующее (*illegitimate*) и почти всякое его решение приводит к возрастанию политических трений в обществе» [цит. по: 65, 5].

Если говорить в свете этих положений о ситуации в Индонезии, то, действительно, объективно и независимо от проводимой центральным правительством унитаристской национальной политики, независимо от субъективных желаний инициаторов такой политики выигрывает больше всех крупнейший в Индонезии этнос — яванцы, и прежде всего яванская буржуазия и буржуазная интеллигенция. В централизованном государстве, созданном при Сукарно национальном секторе яванская буржуазия занимала чрезвычайно важные, нередко ключевые посты в военном и административном аппарате, а также в экономике (где за

ее спиной стоял капитал китайского нацменьшинства, контролирующего экономику страны) [33, 111 и сл.; 31, 72; 26, 59].

Естественно, что при недостаточно внимательном, а точнее, просто негативном подходе центрального правительства к интересам отдельных районов и этносов, населяющих их, местная буржуазия, оппозиционно настроенная по отношению к яванской буржуазии, получает дополнительный козырь для своей антиправительственной пропаганды и для действий, направленных к ослаблению давления из центра [6, 77]. Большинство антиправительственных выступлений шло под лозунгами предоставления автономии⁵. Особенно отчетливо это проявилось в 1956—1958 гг. на Западной и Южной Суматре, в ряде районов Сулавеси, в Восточной Индонезии. В программные заявления мятежных полковников были включены требования создания новых отдельных провинций, соответствующих этническому составу регионов, имеющих широкие права автономии, получающих достаточное количество финансовых средств для нужд местного населения [6, 79—80; 26, 66, 69—71; 52, 77]. Это было ясно и правительству, ибо, как пишет Г. А. Андреев, с одной стороны, «реакционные круги располагали определенной поддержкой населения в ряде районов», а с другой — «правительство не могло не понимать, что преодолеть возникшие между центральным правительством и мятежными районами противоречия будет трудно без предоставления более широкой автономии» [6, 90—91]. Тогда-то и был принят закон № 1 1957 г. и некоторые другие законы, предоставлявшие больше льгот регионам и расширявшие права автономии (но, как отмечалось выше, позднее отмененные).

Как же должна решаться в условиях Индонезии проблема централизма, автономизма, федерализма, сепаратизма?

Правильный подход к решению национального вопроса в этой стране, как и в других развивающихся странах, тем более необходим, что антикоммунисты на Западе и Востоке настойчиво проводят идею, что для коммунизма якобы характерно «пренебрежение национальным во имя интернационального», «растворение наций и рас на материально-классовой основе», как пишет буржуазный ливанский автор Рафик Маалуф [цит. по: 14, 94].

В этой связи с особой силой звучат четкие указания В. И. Ленина по вопросам национальной политики в многонациональной стране. Обращаясь к работам В. И. Ленина, можно найти указания, соответствующие рассматриваемой нами ситуации в Индонезии: «Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует *и того и другого*» [3, 144]. В связи с необходимостью решить национальный вопрос в многонациональной (полиэтнической) России В. И. Ленин писал в «Тезисах по национальному вопросу»: «Социал-демократия требует замены старых административных делений России, установленных крепостниками-помещиками и чи-

---

⁵ В советской научной литературе достаточно подробно описаны антиправительственные выступления и сепаратистские мятежи в Индонезии, вскрыты их классовые корни, показана роль сил внешней и внутренней реакции в их провоцировании. Этому посвящены, в частности, книги В. А. Жарова [21], А. К. Лаврентьева [24], Г. А. Андреева [6; ср. 77]. Глубоко фундированный классовый анализ ситуации в Индонезии в годы «направляемой демократии» и после событий 30 сентября, позволяющий точнее судить и о предшествующих событиях, дан в работах А. Ю. Другова и А. Б. Резникова [18; 19] и А. Ю. Юрьева [39а]. Мы же обращаем внимание на те стороны этих выступлений, которые имели объективный социально-экономический и этно-национальный характер и были связаны в первую очередь с нерешенностью проблемы автономии в стране.

новниками самодержавно-крепостнического государства, делениями, основанными на требованиях современной хозяйственной жизни и согласованными по возможности с национальным составом населения.

Все области государства, отличающиеся бытовыми особенностями или национальным составом населения, должны пользоваться широким самоуправлением и автономией при учреждениях, построенных на основе всеобщего равного и тайного голосования». И далее: «Социал-демократия требует издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства в какой бы то ни было местности государства» [2, 317]. В ряде своих работ В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что отступление — даже под самым революционным предлогом — от принципа самоопределения наций — это уступка национал-шовинизму буржуазии своей страны или, если страна многонациональная, буржуазии фактического национального большинства [4].

В развернувшемся в Индонезии с начала XX в. национально-освободительном движении преобладали общепондонезийские партии и организации. Вместе с тем одна за другой возникали партии и организации, представлявшие отдельные народы страны и отражавшие рост их этнического и национального самосознания. Но численно эти партии и организации были невелики, их влияние не было значительным, даже штаб-квартиры этих организаций нередко оказывались на Яве, где было много выходцев из разных районов архипелага [6, 7—10; 10, особо 159—163].

Интересно, что индонезийские политические партии и лидеры, в том числе и Сукарно, в разные периоды своей деятельности по-разному формулировали свое отношение к форме государственного устройства Индонезии, признавая, например, возможность федеративного устройства государства. Так, революционные националисты из руководства Национальной партии в 1930 г. считали, что после образования суверенного государства оно «должно было принять форму федеративной демократической республики» [37, 56]. Сукарно в работе 1947 г., говоря о стремлении к национальному государству, писал: «...мы хотим построить прочное государство (унитарное или федеративное), объединяющее всю Индонезию» [36, 218]. Программа компартии 1925 г. говорила о полной независимости Индонезии и об образовании федеральной республики, а в предложениях КПИ по государственному устройству Индонезии, высказанных в 1955 г., говорилось о необходимости самой широкой автономии для всех народностей Индонезии [55, 16.XII.1965, цит по: 15, 40].

Федерализм и сепаратизм во второй половине 40-х годов скомпрометировали себя и практически были лишены народной поддержки. Идею федерализма в Индонезии в широких кругах общественности связывали с происками голландских колониалистов и империалистических держав, ибо разделение Индонезии по этническому принципу еще в 1912 г. предлагалось голландским колониальным чиновником С. Ритсема ван Эком, а затем энергично защищалось Х. Колейном [46; 47].

После образования республики идею расчленения Индонезии активно защищали империалистические державы, что нашло выражение в создании многочисленных «государств» на территории страны и, наконец, Республики Соединенных Штатов Индонезии (ноябрь 1949 — август 1950 г.)⁶, основанием для создания которой была, по словам ини-

⁶ Помимо создания «штатов» (их было 15, Республика Индонезия была 16-й единицей в США) голландцы восстановили или создали заново многочисленные султаны и свапраджа — самоуправляющиеся территории. Так, на Западном Калимантане

циаторов, необходимость решить национальную проблему в Индонезии, в том числе проблему яванского преобладания. Представители Советского Союза тогда же раскрыли в ООН истинные цели создания марионеточных штатов [38, 96—110]. Наиболее объективным представителям западной науки также было ясно, что протесты против «яванского централизма» нередко были продиктованы узкоклассовыми и узкоместными интересами правящих кругов на местах [см., например, 56, 14—15]. После голландских усилий расчлнить Индонезию, а также после антиправительственных мятежей 1957—1958 гг. в широких кругах индонезийской общественности утвердилось мнение, что федерализм и сепаратизм — синонимы, и усилилась лояльность по отношению к центральному правительству и его политике [21, гл. I—III; 24; причины неприятия идеи федерализма четко сформулированы Г. А. Андреевым: 6, 21—22, 39—40; см. также: 5, 167—177].

Но пресловутые Соединенные Штаты Индонезии не были ни этнической, ни национальной федерацией. Этот факт почему-то прошел мимо внимания всех, насколько нам известно, исследователей — и критиков и защитников — федерализма в Индонезии. США были по преимуществу образованием региональным, причем искусственно созданным, без учета реальных интересов районов и народов, их населяющих [см. характеристику штатов: 21, 35 и сл.]. Создание США, направленное на ослабление политического единства страны, было одним из ярких проявлений неокOLONиализма в действии. Факт их создания не только не способствовал решению национального вопроса, а до чрезвычайности усложнил его, притом на весь дальнейший период.

Во время подъема общенациональной освободительной борьбы участие в общеиндонезийских партиях представителей отдельных народов страны — в первую очередь для буржуазии этих народов — было часто единственным способом добиться хотя бы частичного осуществления своих местных, связанных с данным этносом целей. Таким образом, общеиндонезийские партии и организации были в некоторых случаях ширмой, за которой скрывались регионально-этнические интересы [подробнее см.: 27, 132; 33, 116; 59, 233].

Однако ни одна из существовавших после 1957 г. партий, как бы силен ни был в ней этнический элемент, не выступала открыто за федеральную систему, а тем более за полное отделение того или иного народа (этноса). Федерализм и даже сепаратизм, имевшие большое влияние в 1945—1950 гг. и — в незначительной степени — возродившиеся во время антиправительственных выступлений на местах в 1957—1958 гг., с ликвидацией этих движений потеряли сколько-нибудь заметную общественную поддержку (кроме группы амбонских сепаратистов, продолжающих и по сей день борьбу за «Республику Южно-Молуккских островов», но ведущих свою пропаганду главным образом с территории Нидерландов, где существует большая колония молукканских эмигрантов).

Несомненно, ход исторических событий, вмешательство иностранных держав, разжигавших сепаратистские тенденции, создание марионеточных псевдофедеральных государств (пропагандируемых, однако, реакционной печатью в качестве «истинно» федеральных) — все это заставило отказаться от идеи федерации и даже от идеи достаточно широкой автономии. Но было бы неверно относить такой резкий крен в сторону централизаторской и сверхцентрализаторской политики только за счет внешних причин. Были и глубокие внутренние причины субъек-

---

было воссоздано 13 султанатов и 2 создано заново, на Восточном Калимантане — соответственно 5 и 1 и т. д. [6, 41—42].

тивного характера, прежде всего рост крайнего буржуазного национализма (вплоть до шовинизма), подогретого успехами в национально-освободительной борьбе и выросшего на благодатной почве мелкобуржуазной и буржуазной идеологии.

Недовольство политикой центрального правительства в провинциях вызывается также рядом конкретных причин практического порядка. Например, у многих этносов контакты с представителями центрального правительства нередко приводят к столкновениям с последними из-за некомпетентности и личных недостатков отдельных чиновников, причем положение усугубляется тем, что они не принадлежат к данному этносу, а присланы из центра и сплошь и рядом являются яванцами. Дополнительные осложнения порождает и тот факт, что в правительстве слишком много лиц с фамилиями, оканчивающимися на «о», т. е. яванцев; неяванцы говорят об этом не столько с юмором, сколько с раздражением.

Но еще более важно то, что отметил американский исследователь Э. Брунер: «Высшая администрация не имеет тесных связей с администрацией на местах... Национальным лидерам в Джакарте также не хватает формальных средств контакта с их избирателями в деревне» [60, 63]. В условиях многонациональной страны это означает, что правительство фактически не в состоянии проводить среди всех народов Индонезии на самом массовом уровне свою же национальную политику, которая, таким образом, реализуется нередко стихийно — в той мере, в какой интересы данного этноса совпадают с представляемыми и олицетворяемыми правительством интересами всего государства и всех народов страны, или же правительство вынуждено прибегать к насильственным мерам.

Бесспорно, сепаратизм, направленный на отделение от республики, или федерализм вроде «Соединенных Штатов Индонезии» образца 1949 г. являются реакционными движениями. Но бесспорно также, что политика, проводимая правительством в 50-х годах и последующих годах в национальном вопросе, в частности в деле создания автономных единиц административного деления, была крайне непоследовательна и вела часто к сохранению, а иногда и к усугублению межэтнических трений, не создавая в то же время достаточных условий для свободного и всестороннего развития отдельных народов и, следовательно, всей страны. В борьбе с реакционным сепаратизмом и псевдофедерализмом «Соединенных Штатов Индонезии» оказалась осужденной сама идея федерации. В результате того, что вслед за ликвидацией «штатов» не было проведено районирования, учитывающего интересы отдельных народов Внешних Провинций, т. е. провинций, лежащих за пределами Явы, возникла почва для новых и новых обвинений правительства в «яванском империализме», равно как и для ссылок на положительный опыт решения национального вопроса на федеративной основе в других странах — ссылок, остававшихся безответными. Более того, антиправительственные выступления середины 50-х годов имели, среди прочих причин, и недовольство Внешних Провинций (прежде всего буржуазии этих провинций) политикой центрального правительства по отношению к ним.

Но не только политическая ситуация в период, последовавший за образованием республики, послужила причиной такого резко негативного отношения к идее федерации. Дело еще и в том, что индонезийское правительство не рассматривало национальный вопрос как составную часть социального вопроса. «Историческое развитие показывает, — пишет философ Э. А. Баграмов, — что национальный вопрос — это социальная проблема, решение которой связано не только с перестрой-

кой сознания, психологии людей, но прежде всего и с осуществлением в ходе антиимпериалистической борьбы коренных революционных преобразований» [9, 156].

Серьезным препятствием для подлинно демократического решения вопроса об автономии в Индонезии служит господство военных во всех сферах жизни.

Таким образом, политику правительства в национальном вопросе нельзя считать удовлетворительной, а мероприятия в области развития автономии сколько-нибудь достаточными. Эта проблема еще ждет своего решения. Нерешенность ее, как справедливо пишет Г. А. Андреев, «в дальнейшем... может вновь привести к серьезным противоречиям между центральной властью и отдельными районами страны» [6, 141]. Судя по тому, что было проделано, а также по установкам правительства, получившим широкое отражение и в прессе Индонезии, и в работах индонезийских авторов, в Индонезии еще не нашли правильного подхода к решению национального вопроса при условии сохранения государственной целостности и при достаточном развитии этнической автономии, что по-прежнему вызывает недовольство на местах и препятствует образованию подлинного и прочного общенационального единства страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма,— Полное собрание сочинений, т. 2.
2. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 23.
3. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 24.
4. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 25.
5. Александренко Г. В. Буржуазный федерализм (Критический анализ буржуазных федераций и буржуазных теорий федерализма), Киев, 1962.
6. Андреев Г. А. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965), М., 1974.
7. Андреев Г. А. Развитие местной автономии в Республике Индонезии,— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
8. Архипов В. Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968), М., 1971.
9. Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966.
10. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии, М., 1965.
11. Беленький А., Ильичев Б. Некоторые уроки событий в Индонезии,— «Коммунист», 1968, № 15, стр. 110—113.
12. Викторov В. Индонезия в час испытаний,— «Международная жизнь», 1968, № 12, стр. 54—62.
13. Графский В. Г. Федерализм в развивающихся странах, М., 1968.
14. Гузеватый Я. Н. Классы и классовая борьба в экономически слаборазвитых странах, М., 1963.
15. Дадиани Л. Я. Государственный строй Индонезии, М., 1957.
16. Демин Л. М. Над Мерапи облака, М., 1971.
17. Джуана М. и Сулван, Государственный строй Индонезии, пер. с индонез., М., 1959.
18. Другов А. Ю. К 50-й годовщине Компартии Индонезии,— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5.
19. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии», М., 1969.
20. Ерасов Б. С. Концепции «культурной самобытности» в странах «третьего мира»,— «Вопросы философии», 1971, № 1.
21. Жаров В. А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949—1956), М., 1964.
22. Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран, тт. 1—2, М., 1974.

23. Конституции стран Юго-Восточной Азии, М., 1958.
24. Лаврентьев А. К. Тайная война против Индонезии, М., 1960.
25. Лукин В. «Идеология развития» и массовое сознание в странах «третьего мира», — «Вопросы философии», 1969, № 6.
26. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования, — «Третий мир»: стратегия развития и управления экономикой, М., 1971, стр. 47—91.
27. Маретин Ю. В. Индонезия, — «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1973.
28. Маретин Ю. В. Локальное, национальное и интернациональное в культуре современной Индонезии, — «V научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1974.
29. Маретин Ю. В. Особенности бахаса Индонезии как государственного языка Республики Индонезии, — «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
30. Маретин Ю. В. Особенности этно-национального развития в полиэтничных освободившихся странах (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации), М., 1973.
31. Проблемы современной Индонезии, М., 1968.
32. Севортян Р. Э. Армии в политическом режиме стран современного Востока, М., 1973.
33. Симония Н. А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964.
34. Старушенко Г. Б. Нация и государство в освободившихся странах, М., 1967.
35. Сукарно. Индонезия обвиняет, М., 1956.
36. Сукарно, Сарина. Задачи женщины в борьбе Республики Индонезии, М., 1958.
37. Цыганов В. А. Создание Национальной партии Индонезии (1927 г.), — «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.
38. Шин А. С. Индонезийский вопрос в ООН (1945—1950), — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 45, М., 1961.
39. Юнус Х. За единый национальный фронт культуры в Индонезии, — «Проблемы мира и социализма», 1963, № 1.
- 39а. Юрьев А. Ю. Индонезия после событий 1965 года, М., 1973.
40. Abdulgani R. In Search of an Indonesian Identity, [s. l., s. a.].
41. Aiaisjahbana S. T. Indonesian Social and Cultural Evolution, Kuala Lumpur, [a. o.], 1966.
42. «Antara Daily News Bulletin», Bonn — The Hague, 1967—1974.
43. «Atjara Kongres kebudayaan Indonesia ke-2», Bandung, 1951.
44. Auwjong P. K., Traditionalisten und Internationalisten unter den indonesischen Intellektuellen, — «Saeculum», Bd 10, 1959, № 4.
45. Venda H. J. Decolonization in Indonesia: The Problem of Continuity and Change, — «American Historical Review», vol. LXX, 1965, № 4.
46. Colijn H. Koloniale vraagstukken van heden en morgen, Amsterdam 1928.
47. Colijn H. Politiek beleid en bestuurszorg in de buitenbezittingen, d. I, Batavia, 1907.
48. Danuredjo S. L. S. Central Authority vis-a-vis Regional Autonomy in Indonesia: A Quest for Equilibrium, — «Revue internationale des sciences administratives», vol. 30, 1964, № 2.
49. Djodjodiguno M. M. The Problem of Ethnic and Cultural Pluralism in Indonesia, Djakarta, 1961.
50. Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1962.
51. Fischer L. The Story of Indonesia, London, 1958.
52. Fryer D. W. Economic Aspects of Indonesian Disunity, — «Pacific Affairs», 1957, № 3.
53. Grant B. Indonesia, Melbourne, 1966.
54. Gunadi, Nasion Indonesia, Djakarta, 1961.
55. «Harian Rakjat», Djakarta, 1961—1965 (September).
56. Jaspian M. A. Social Stratification and Social Mobility in Indonesia, 2nd enl. ed., Djakarta, 1961.
57. Karta Mihardja A. Towards a New Indonesian Culture, — «Islamic Review», vol. 18.
58. Kunstadter P. (Ed.), Tribes, Minorities, and Central Governments: Problems of Nation-Building in South-East Asia, Princeton, 1967.
59. Legge J. D. Central Authority and Regional Autonomy in Indonesia: A Study in Local Administration 1950—1960, Ithaca, [1961].
60. «Local, Ethnic, and National Loyalties in Village Indonesia: A Symposium», Ed. by G. W. Scinner, New Haven, 1959.
61. McTurnan Kahin G. Nationalism and Revolution in Indonesia, 3rd print., Ithaca, 1955.
62. Maryanov G. S. Decentralization in Indonesia as a Political Problem, Ithaca, 1958.

63. «Menudju otonomi daerah se-luas-luas-nja», dj. I (oleh A. R. Nungtjik), dj. II (oleh P. Pardede), Djakarta, 1958.
64. Muslimin Amrah, Ichtisar perkembangan otonomi daerah, 1903—1958, Djakarta, 1960.
65. «Political Participation in Modern Indonesia», Ed. by R. W. Liddle, Yale, 1973.
66. Reintanz G. Die Staatsrechtliche Entwicklung Indonesiens seit 1945,— «Staat und Recht», Jg. 6, 1957, Hf. 5.
67. Sardjito M. Bangsa Indonesia seharusnya dikemudian hari mendjadi bangsa jang besar, Jokjakarta, 1956.
68. Schiller A. A. The Formation of Federal Indonesia, 1945—1949, The Hague — Bandung, 1955.
69. «Sepuluh intelligentsia tentang pembangunan masjarakat dan negara Republik Indonesia», Jogja, 1950.
70. «Southeast Asia: The Politics of National Integration», Ed. by John T. McAlister, New York, 1973.
71. Suharto, The State of a Nation,— «The Indonesian Review of International Affairs», Djakarta, 1970, July, vol. 1, № 1.
72. Supomo R. Undang-undang dasar sementara Republik Indonesia dengan sekedar tjatatan dan keterangan dibawah tiap-tiap pasal, tjet. ke-9, Djakarta, 1958.
73. Sutjipto Wirjosuparto, Pantjasila, Manipol, USDEK sebagai dasar pentafsiran sedjarah Indonesia, Djakarta, 1961.
74. Tan T. K. (Ed.), Sukarno's Guided Indonesia, Brisbane, 1967.
75. The Liang Gie. Pemerintah Daerah di Indonesia, Djakarta, 1958.
76. Tobing Ph. O. L. «Bhinneka tunggal ika» dasar kepribadian Indonesia, Makassar, 1961.
77. Vlekke B. H. M. Indonesia's Struggle 1957—1958, New York, 1959.
78. Weatherbee D. E. Ideology in Indonesia: Sukarno's Indonesian Revolution, Yale, 1956.
79. Widaja Soeariadiradja, Peraturan-peraturan mengenai pemerintahan daerah swatantra, Djakarta, 1953.
80. Yamin M. 6000 tahun sang merah putih, Djakarta, 1958.
81. Yamin M. Pembahasan Undang-undang dasar Republik Indonesia, [Djakarta, 1963].

Н. Г. Краснодембская

О РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВОЙ СИСТЕМЕ СИНГАЛЬСКИХ БУДДИСТОВ

Буддизм южной ветви свыше двух тысячелетий является господствующей религией основного населения Цейлона¹ — сингалов. Общеизвестно, что буддизм — религия в наивысшей степени умозрительная, лишенная персонифицированного божества, наиболее абстрактно решающая мирозданческие, философские и морально-этические проблемы. Однако практически во всех странах, где он господствовал и господствует, в особенности в народной религиозной практике, буддизм теснейшим образом переплетался с иными формами религиозных воззрений. Так и на Цейлоне, в этой классической стране хинаянистского буддизма, религиозная практика буддистов-сингалов предельно насыщена элементами различных древних верований и ритуальных комплексов.

Надо сказать, что о религиозных воззрениях сингалов существует обширная литература в мировой сингалистике, однако долгое время преимущественное внимание по традиции уделялось истории цейлонского буддизма, самому учению теравадинов. Сведения же о различных культах и народных верованиях до сих пор еще разрозненны. Долгое время они лишь вкрапливались в общие описания Цейлона — его истории, культуры в целом; если же и были предметом специального изучения, то рассматривались лишь отдельно одно от другого или в узком специальном аспекте. В последние два десятилетия цейлонские материалы все шире стали вовлекаться в религиозно-культурную литературу в связи с проблемами соотношения религии и верований, религии и магии в общетеоретическом плане [9; 18; 25; 29; 31]. В связи с этим представляется особенно важным рассмотреть все элементы религиозных воззрений и ритуального уклада сингалов комплексно. Тем более, что уже собран и теоретически осмыслен значительный описательный материал по отдельным разделам религиозных представлений и обрядовых комплексов сингала-буддиста.

Данные цейлонской истории, искусства и литературы свидетельствуют о том, что буддизм, по-видимому, с самого начала своего утверждения на Цейлоне если не «вбирал» в себя какие-то бытовавшие отдельно от него верования и обряды, то сосуществовал с ними. По различным источникам истории и культуры прослеживаются элементы культов природы (деревьев, камня, горы, соляного культа), культа плодородия, анимистических и тотемистических воззрений и др.

---

¹ Мы пользуемся названиями «Цейлон» и «цейлонский» ввиду давней традиции употребления этих названий в русской научной литературе, а также в связи с тем, что явления, о которых идет речь в настоящей статье, имеют глубокую историческую давность (когда название «Ланка» еще не употреблялось за пределами самой страны).

Как в своем возникновении, так и на протяжении всей своей истории на Цейлоне буддизм имел тесные связи с индуизмом, оказавшим на него значительное влияние [10; 11; 12; 15; 19; 26; 27; 30]. При этом следует подчеркнуть, что из-за первоначальной гомогенности двух этих религий, из-за тесного соседства их на протяжении многих веков очень трудно бывает определить их маргинальные разделы, и поэтому задача историка религии в разрешении данной проблемы чрезвычайно щепетильна.

В системе религиозных воззрений современных сингалов часть древних культов сохранилась как явление архаичное, проявляясь чаще всего в отдельных элементах ритуальных комплексов. Такие культы существуют как менее всего осознанные по своей символике, или религиозно-магической семантике, и в этом случае речь может идти о пережиточных культах или элементах культов. Примером такого пережиточного явления могут служить ритуальные игры анкелия и доданкелия с очевидной семантикой фаллического культа [5, 25]. Некоторые же из древних верований чрезвычайно жизненны, актуальны, составляют существенную часть религиозно-обрядового бытия современного сингала и — что, может быть, самое главное — представляют собой более или менее обособленную культовую систему, а именно: имеют собственный «пантеон» и собственного жреца.

Таких культов, очевидно вычлняющихся из религиозной практики современного сингала, насчитывается три, которые мы назовем: «демоническим», «астрологическим» и культом богов-покровителей.

Обряды и мифология, связанные с названными культами, как оригинальные явления народной сингальской культуры давно привлекали внимание исследователей и в своих основных чертах описаны многими из них².

Однако до сих пор эти культы слабо осознавались как более или менее обособленные, но равновеликие элементы единой системы, хотя в последнее время они все чаще сопоставляются между собой и все вместе — с буддийским вероисповеданием сингалов [9; 10 и др.].

«Демонический» культ [4; 7; 16; 17; 18; 20; 21; 24; 29; 35] связан с широко распространенными представлениями сингалов о том, что мир населен духами (или демонами, по-сингальски «яка»), способными насылать на людей болезни, несчастья и гибель. Представления о духах (об их внешнем виде, образе жизни, магических способностях) у верующих чрезвычайно разнообразны. Численность этих духов практически бесконечна, так как в яка, по поверьям, могут превращаться после смерти некоторые из людей, чаще всего грешные, или умершие нечистой смертью, или охваченные нечистыми, недобрыми чувствами в предсмертные мгновения³. Также в злого духа якобы может превратиться старик или старуха, брошенные своими детьми, умирающие в тоске и одиночестве. Есть духи безымянные, а некоторые имеют имена; есть духи сугубо местные, с узкой сферой действия; есть духи всецейлонские. Их вредоносные действия не всегда бывают строго конкретизированы, но подчас имеют четкую спецификацию: хорошо известны демоны различных болезней, запечатленные в канонизированных чертах знаменитых цейлонских ритуальных масок; есть духи, которые вредят преимущественно женщинам и т. п.

Вообще, пантеон «демонического» культа аморфен; черты какого бы то ни было иерархического построения заметны лишь в отдельных

² В русскую научную литературу сведения о сингальских народных верованиях и обрядах впервые были введены И. П. Минаевым [7], а затем А. М. и Л. А. Мерварт [4; 5; 6].

³ «Срок жизни яка продолжителен, но не бесконечен, яки — смертны» [7; 172].

случаях (например, демон 18 болезней — Махаколасани-яка [1; 4; 24], скорее приходится говорить о более известных и менее известных духах.

Служителем этого культа является якадура или каттадия. Форма его служения сходна с шаманской [ср. 14; 33]: чтобы вызвать духа и войти с ним в контакт, якадура совершает ритуальные пляски под аккомпанемент барабанов и дудочек, произнося при этом заклинания. У якадуры бывает помощник, который в процессе церемонии является в облике того или иного из вызываемых духов [1; 16; 17; 24]. Описаний таких церемоний существует много. Все эти церемонии по форме можно отнести к обрядам «большой» магии, так как совершаются они в присутствии большого количества зрителей, длятся по нескольку часов, сопровождаются обильным жертвоприношением. Меньше внимания уделено пока обрядам «малой» магии, обрядам более частного свойства, совершаемым служителем культа в присутствии лишь заинтересованного лица (одного или с кем-нибудь из близких родственников) и упрощенным по исполнению. В обрядах «малой» магии частично утрачиваются шаманские признаки культа: отсутствуют характерные пляски, дух ни в каком образе не представляется, основное средство воздействия на него — заклинания, заговоры, а жертве придается меньше значения. Возьмем пример: женщина, страдавшая от астмы, обратилась за помощью к каттадии. Придя в ее дом (никто из посторонних при этом не присутствовал, только издали наблюдали некоторые из членов семьи), каттадия на табурете, покрытом чистым куском новой материи, разложил заказанные им пять видов некрупных цветов (это требование было основным), благовоющую палочку (больная по собственной инициативе добавила еще свечку!) и порошок куркумы⁴. Немного порошка он развел водой и выкрасил в ней жгутик из ниток; один конец дал держать больной, другой держал сам. Читал заклинания, затем посыпал порошком куркумы пол, чтобы очистить место и прогнать яка, наславшего болезнь; при этом он громко кричал, чтобы напугать яка. В конце каттадия надел нитяной жгутик, выкрашенный куркумой, на левую руку больной, выше локтя. Обряд этот повторился три раза с перерывами примерно в месяц.

В церемонии заклинания духов 18 болезней, описанной в книге А. М. и Л. А. Мерварт [4], большие усилия каттадии были направлены прежде всего на то, чтобы вызвать духа (изображаемого помощником каттадии, наряженным в маску и соответствующий костюм), а затем уже заклятиями, мольбами и обильными жертвами заставить его покинуть больного. При этом дух также мог выразить свое намерение (оставит ли он в покое свою жертву или нет) тем, что принимал жертвоприношение или отказывался от него. Такая театрализованность действия в обрядах «малой» магии обычно не присутствует. Несходство в некоторых чертах обрядов «большой» и «малой» магии мешает нам дать такое обобщенное название этому культу, как «шаманский», хотя близость его с шаманистическими культурами неоспорима. Не кажется удачным и определение «заклинательный» или «магический», так как заклинательная, магическая обрядность имеет место и в других народных культах. Поэтому пока мы оставляем условное название для этого культа — «демонический».

«Астрологический» культ сингалов основывается на их представлении о том, что движение и положение в небе астральных тел оказывает прямое влияние на человеческие судьбы. Этот культ тесным

⁴ По сингальским понятиям куркума (травянистое растение семейства имбирных; пахучий желтый корень его употребляется в качестве пряности и красителя) имеет магическое и очистительное действие.

образом связан с народной наукой — астрологией, однако представляет собой нечто обособленное, так как если задача астрологии — лишь изучать состояние небесных тел, то обрядовые средства «астрологического» культа служат как бы для установления контакта, воздействия на божества «астрального» пантеона.

«Астральный» пантеон составляют божества небесных тел — Солнце, Луна, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн, а также мифологические Раху и Кету, кроме того, каждое из них имеет семь или девять ипостасей (калачакра, аштотра, динадаса, бадхака и др.). Этот пантеон имеет свою каноническую иконографию⁵, точное знание которой является непременной обязанностью жреца данного культа — балиедуры. Заметим, что балиедура и астролог совсем не одно и то же. Хотя оба имеют отношение к исполнению обрядов «бали»⁶, роль их различна. Астролог является как бы «научным консультантом», он сообщает точные сведения о положении небесных тел, выясняет, откуда исходит неблагоприятное действие, и определяет в связи с этим, как и в чью «честь» должна быть совершена церемония; настоящим исполнителем является именно балиедура, который проводит весь обряд. От балиедуры «требуется: во-первых, умение лепить из глины и раскрашивать громадные горельефные изображения богов и планет, во-вторых, знание наизусть массы стихов и песен, которые при этих церемониях поются, в-третьих, обладание каким-нибудь манускриптным собранием канонических описаний фигур для бали...» [4, 22] — и это соответствует основному содержанию обрядов бали (обязательное создание скульптурного изображения божеств «астрологического» пантеона и последующее умилостивление их).

Считается, что цейлонский культ поклонения небесным телам — индийского происхождения. На наш взгляд, будет точнее сказать, что индийского происхождения только астрологическая наука, пантеон данного культа и его иконографические черты; сама же культовая система по значимости ее в религиозных воззрениях и обрядовой практике сингалов, по своей оформленности является специфически цейлонской.

Сильное индийское влияние, влияние индуизма сказывается и в пантеоне сингальского культа богов-покровителей [5; 6; 7; 12; 23; 25; 31; 32; 35; 36]. «Хинаяна есть мировоззрение, в котором срок отдельной жизни есть ничто, при котором всякое несчастье и всякое горе есть заслуженное воздаяние, мировоззрение, исключающее возможность обращения к какому-нибудь высшему существу и даже возможность жалобы на свое горе. Поэтому рядом с буддизмом — религией ученых — в народе удержались верования в близких и доступных старых богов-помощников, богов-защитников, богов, карающих за грех и награждающих за добродетель, одним словом, богов — существ, обладающих сверхъестественной силой, но близких к человеку по своим интересам и принимающих участие в его ежедневной жизни» [5, 242—243]. Богам-покровителям посвящены на Цейлоне специальные храмы — девалы, существуют и специальные жрецы этого культа, называемые капурала. Уже первое рассмотрение пантеона культа приводит к выводу, что это явление в системе религиозных воззрений сингалов наиболее синтезированное, разнородное по своим истокам. Хотя многие из этих богов-покровителей носят чисто индийские имена (Вишну, Паттини, Сканды и др.), чаще всего они не являются простым заимствованием из

⁵ Музей антропологии и этнографии (МАЭ) Академии наук в Ленинграде располагает интересной коллекцией (№ 3020) рисунков, изображающих эти божества.

⁶ Это индийское слово имеет первоначальное значение «жертва», но в настоящем случае употребляется как термин для обрядов данного культа.

индуизма. Данные фольклора, обрядовой практики, связанные с некоторыми из них, говорят о каком-то слиянии привнесенного с древним, местным: божествами ли, духами ли. Характерным примером в этом отношении являются боги — покровители отдельных местностей, районов, хорошо известные и весьма почитаемые представителями такой, например, профессии, как шоферы⁷. В их чертах более всего прослеживаются черты специфические, уходящие в глубь древних местных религиозных представлений. Культ богов-покровителей более других культов тесно связан со многими сельскохозяйственными обрядами сингалов [5, 25].

Теперь обратимся к самому буддийскому вероисповеданию. Около ста лет тому назад на Цейлоне побывал известный индолог И. П. Минаев [7]; изучение буддизма, как истории и доктрины, так и состояния веры в современную ему эпоху, было одной из важнейших задач русского путешественника и ученого. Какую же ситуацию застал И. П. Минаев на Цейлоне? Записки путешественника свидетельствуют о низком уровне религиозного образования как среди верующих, так и среди служителей культа — буддийского монашества. «Невежество монахов... нисколько не преувеличивается старожилыми и не отрицается даже благоразумными туземцами-буддистами. Конечно, между монахами есть ученые, т. е. люди, начитанные в своей священной литературе, владеющие языками пали и санскритом, но таких очень немного; большинство отличается крайней скудостью всякого рода познаний... Невежество мирян бывает иногда очень комично. Сингалезец-буддист простого звания весьма часто не знает, на каком языке написаны его молитвы, и, читая, конечно, весьма редко понимает смысл этих молитв» [7, 43]. При таком положении вещей основным источником религиозных знаний, как естественно ожидать, становится фольклор. И действительно, буддийский элемент в сингальском фольклоре очень велик. Участники экспедиции Российской Академии наук на Цейлон и в Индию в 1914—1918 гг. А. М. и Л. А. Мерварт писали о том, что джатаки, а также истории из жизни Будды являются неперменной и значительной частью устного народного творчества сингалов; те же исследователи отмечали характерную и для их времени малую приобщенность широких масс верующих, а также и монахов к классическому знанию буддизма, к его литературным источникам [4; 6]. В настоящее время наблюдается значительный прогресс в постановке дела общего буддийского религиозного образования на Цейлоне: буддизм преподают во всех классах общеобразовательной школы, существует широкая сеть буддийских воскресных школ [дахам-пасяла] с более углубленным изучением доктрины, памятников, истории буддизма. На более высоком уровне находится и образовательная подготовка монашества, цейлонская сангха имеет два буддийских университета — Видьодая⁸ и Видьяланкарая (в настоящее время они влились в систему единого госу-

---

⁷ Переезжая границу того или иного района, шофер (равно как возчик, путник) обычно приносит жертву богу — покровителю данной местности, чаще всего кокосовый орех и денежную мелочь.

⁸ Интересно, что И. П. Минаев был свидетелем основания этого учебного заведения, в своих «Очерках» он пишет: «В Коломбо я имел случай близко познакомиться с одной буддийской школой; в то время эта школа была единственная в своем роде; она заведена на пожертвования частных лиц и имеет своей целью распространение знаний палийской литературы как между монахами, так равно и среди мирян. Школа, нечто вроде начинающегося буддийского университета, называется «восход знания» (Видьодая); она не помещается при храме, но в отдельном доме, занимаемом монахом Сумангала. Сумангала, один из ученейших сингалезцев в наше время, устроил эту школу; он ее главный начальник и пока единственный учитель. Учеников немного: сорок пять монахов и двенадцать мирян» [7, 45—46].

дарственного университета Шри Ланки) и около двухсот религиозных школ — приивен⁹.

Однако в целом в широких массах верующих религиозные знания по-прежнему остаются преимущественно на фольклорном уровне, так как в общеобразовательной школе программа по буддизму ограничивается теми же джатаками и историями из жизни Будды (сверх того разве что несколькими заученными наизусть стихами из «Дхаммапады»), а воскресные школы (где полный десятилетний курс предусматривает более основательное изучение буддийской философии, логики, этики, а также языка пали, истории религии) большинство учащихся посещает лишь в младших классах, и только небольшой их процент завершает это религиозное образование, получая специальный диплом¹⁰.

Состояние религиозного образования в массах верующих позволяет нам говорить о «народном» буддизме сингалов, т. е. о тех представлениях, касающихся основ буддийского вероучения, которые укоренились в народном сознании и существуют в какой-то степени обособленно, вне прямой зависимости от, так сказать, «научного», высшего уровня буддийского мировоззрения. Именно этот «народный»¹¹ буддизм стоит ближе всего к бытующим народным верованиям и суевериям.

Возвращаясь к центральной проблеме — соотношения различных культов с буддийским вероисповеданием, рассмотрим основные из существующих точек зрения на этот вопрос.

Некоторые исследователи до сих пор склонны абсолютно их разделять [10; 36]. Более того, П. Вирц например, полагает, что народные верования находятся даже в оппозиции к буддизму. Такая мысль, действительно, чем-то подтверждается; в частности тем «антифаталистическим» содержанием народных верований и обрядов, которое столь противоположно буддийскому фатализму, основополагающемуся на законах дхармы, кармы и перерождений. Другие ученые бывают слишком увлечены яркой картиной синкретизма, почти полного, на их взгляд, слияния буддизма с народными культами [3; 25; 26].

Интересна точка зрения, принадлежащая М. М. Эймзу [9], который считает буддизм и народные культы совершенно различными в теории и нераздельными на практике, и к тому же оригинальным образом определяет роль магических культов (как подсобных по сравнению с буддизмом). Магические обряды у него являются «средством сообщения между обыденным (profane) миром и священными духовными ценностями буддизма»¹².

Разница точек зрения на данную проблему объясняется не только индивидуальностью исследователей, но и спецификой задач и методов, используемых разными науками, интересующимися буддизмом и различными верованиями у сингалов, а также их соотношением. Разграничение отдельных элементов в религиозном комплексе и по происхождению, и по функциям, как правило, является первейшим методом историка религии. Историка современности обычно прежде всего ин-

⁹ Кроме монахов в них обучаются и миряне.

¹⁰ Этот диплом свидетельствует о том, что его владелец сдал специальный экзамен «бауддхачарья вибхага» и имеет право на преподавание в воскресных буддийских школах.

¹¹ Мы сознаем известную условность этого термина, так как не подразумеваем существование у одного народа двух особых религий, а говорим лишь о разных уровнях (формах) религиозного сознания.

¹² Правда, эта своеобразная точка зрения опирается на единичный и не очень убедительный пример: случай с послушником, которого одолевали духи (что, естественно, мешало ему стать монахом) и над которым был совершен обряд «демонического» культа; «очищенный» таким образом юноша смог вступить в монашескую общину.

тересуют те элементы, которые являются наиболее актуальными в плане идеологии. Для этнографа же (позицию которого мы и занимаем), чья задача, по-видимому, дать более или менее синхроническое описание явлений и выяснить функционирование любой системы по возможности в полном объеме, во всех составных частях, важно сначала определить эту систему в общих границах. Действительно, этнограф начинает, пользуясь термином М. М. Эймза, с практики. А религиозная практика сингала на протяжении его жизни в целом и в ее отрезках представляет собой подобие «ткани», непрерывного пространства — это та непрерывная цепь индивидуальных и коллективных обрядов (в широком значении слова), которые совершаются сингалом в различные моменты его жизни.

Обрядовая сторона религии сингалов свидетельствует о тесном сплетении, типологическом единстве приемов религиозного служения, характерных для буддийского вероисповедания и различных культов. В обрядовой системе между пантеоном (буддийским, демоническим, астрологическим, богов-покровителей) и верующим, как правило, посредником является жрец (буддийский монах; якадура или каттадия, балиеатура, капурала), а основными методами жреческого служения — жертвоприношение и магия. Это единообразие очевидно, несмотря на существующую специфику пантеона, обязанностей жреца, форм жертвоприношения и магических приемов, характерных для того или иного культа. Да, сингал знает, что Будда не бог, что нельзя просить у него какого-то блага, что несчастье и счастье данной жизни обусловлены грехами и добродетелями прошлых рождений. Однако для обыкновенного верующего исполнение предписаний буддизма, буддийских обрядов представляется как магическое действие. Заболевший сингал, конечно, скорее всего подумает, что болезнь его вызвана грехом прежнего рождения, «и тогда призовет монаха и попросит прочесть себе какие-нибудь выдержки из буддийского священного писания или сказать проповедь в специально построенном пандале¹³. Его будут слушать и все желающие. Таким образом, он совершит доброе дело и, быть может, несколько ускорит и облегчит искупление какого-нибудь греха» [4, 13].

Магическая сила приписывается самому упоминанию имени Будды, случаев из его жизни, буддийским молитвам, сутрам. Это один из видов магии, которая в сингальской религиозной практике очень широко применяется и разнообразна: кроме особых заклинаний магическая сила приписывается многим предметам, их сочетаниям, числу; особая форма магии — запретительная (различного рода табу) [4; 5; 9; 23; 25; 31; 35].

Магический элемент служит основой того оригинального явления, которое возникает уже в наши дни, а именно: смешения в некоторых случаях функций жрецов разных культов. Проиллюстрируем это следующим примером. Прежде обереги, заговоренные амулеты, охранительные талисманы изготовлял за вознаграждение каттадия, теперь этим занимаются и монахи (им не платят, но могут одаривать предметами обихода, которые считаются приличествующими монашескому званию). Сингальский талисман — по-сингальски «янтря» или «сурая» — представляет собой небольшой продолговатый сосудик характерной формы (полый цилиндр с выпуклым дном, в центре которого обязательно имеется выступ в виде маленького шарика и т. д.), в который закладывается магическая смесь или медная пластинка с магическими письменами. На медной табличке изображаются различные астрологические знаки и символы, записываются магические заклинания

¹³ Помост с навесом.— Н. К.

(мантры), а также буддийские молитвы, сутры и т. п. При изготовлении талисмана мантры, кроме того, читаются вслух. Таким образом, тот, кто изготавливает талисман, должен быть знаком с астрологией, знать наизусть мантры, а также буддийские тексты. Интересен такой конкретный случай. Нашему информанту, приготавливавшемуся в дальний путь, к долгой разлуке с домом, родственник его, буддийский монах, готовил талисман, который должен был обладать большой магической силой. В этот момент пришел каттадия (который прежде работал шофером у монаха, а с тех пор как монах расстался с машиной, просто продолжал поддерживать знакомство) и тут же был привлечен монахом в помощники — для приготовления магической смеси и чтения заклинаний. Этот факт поразителен, если иметь в виду, что, судя по описаниям исследователей [4; 7], каттадии, якадуры всегда относились к низким кастам и, самое главное, почитались существами нечистыми, так как имели дело с демонами, злыми духами, тогда как буддийские монахи стоят на самой высокой ступени в понятии о религиозной чистоте. И вот здесь, в заклинательном обряде, монах уравнивается с каттадией.

Буддийские монахи совершают иногда и обряды поклонения «пуджава» богам-покровителям. Храмы¹⁴ у сингалов бывают только буддийские (вихара) и богов-покровителей¹⁵ («товил» или «девал», посвященные или сразу многим богам, или специально какому-нибудь одному из них, например Паттини). Любопытно, что некоторые «девалы» помещаются прямо на территории буддийских монастырей (или в самом буддийском храме бывает отведен придел для изображений богов-покровителей). Если в такой «девал» придет верующий поклониться богам и не застанет на месте капуралу, то исполнить за него обряд не откажется и монах.

В связи с выяснением таких проблем, как соотношение и взаимодействие различных элементов религиозных воззрений сингалов, специфика и сходство функций жрецов разных культов, нам кажется особенно важной задача комплексного описания обрядовой стороны жизни современных сингалов, задача, которую еще предстоит осуществить, так как, хотя немало сделано в изучении отдельных культов, их истории, метод обобщенного, совокупного описания обрядовой практики использовался менее всего. Взяться за это должен, по-видимому, этнограф, так как именно этнография интересуется прежде всего действующей системой народных религиозных воззрений и ритуальной практики в ее синхроническом состоянии. В этом плане было бы очень интересно дать описание обрядовой жизни района, деревни или даже семьи в течение годового цикла¹⁶, но и при ином подходе важно соблюсти этот принцип синхронности (на нашем материале можно иметь в виду период в 50—80 лет). Теоретической задачей такого исследования явится функциональный анализ элементов сложившейся системы, определение основных законов и сфер их взаимодействия.

¹⁴ Так же, впрочем, как и домашние жертвища (или алтари).

¹⁵ Демонический и астрологический культы не имеют своих стационаров, их обряды не обязательно исполнять в определенном месте, просто выбирается более или менее удобное; при этом товил происходит обычно под открытым небом, а для бали строится специальный помост с навесом (для обрядов «малой» магии выбор территории еще менее важен).

¹⁶ Очень сходный подход к разработке этой проблемы мы находим в книге Тамбайа. Автор посвятил свою монографию описанию обрядов и верований жителей одной из тайландских деревень, говоря его словами, описанию «религии через ритуал». Им выделены таким образом четыре ритуальных комплекса: обряды, исполняемые буддийскими монахами, и три группы обрядов, связанных с народными верованиями тай [34].

Мы произвели такой предварительный анализ, обзрев довольно значительный круг литературы и источников по данным вопросам, произведя некоторую работу по опросу информантов, и, не настаивая на окончательности своих выводов, хотим высказать некоторые соображения, которые намереваемся развить и углубить в дальнейшей работе. Мы полагаем, что существуют (осознанно верующими или нет) в высокой степени обобщающие оперативные понятия, лежащие в основе действующей системы религиозных представлений современных сингалов, так как они объективно необходимы для того, чтобы в сознании верующего уживались составляющие ее гетерогенные элементы. К таким основополагающим понятиям мы относим: а) универсальное представление о дуальном устройстве мира, что отчетливо проявляется в парных противопоставлениях: гармония — дисгармония (нирвана — сансара), чистота и скверна (по этому признаку распределяются и люди, и предметы, и физические качества и действия и пр.¹⁷), рай и ад, боги (основная их функция охранительная, положительная, хотя они могут и наказывать за грехи) и духи (перманентно злоносящие существа, хотя их можно задобрить и тем самым получить от них пользу), добродетель и порок и т. д.; а также: б) взгляд на магию как на тотальное средство общения человека с потусторонним миром¹⁸ и воздействия на него.

Буддийское вероучение и народные верования как элементы единой религиозной системы занимают, однако, неравное положение в ее пределах. Буддизм как система, объясняющая конечные цели бытия человека и мира и, что еще очень важно, содержащая этическое учение, играет главенствующую роль¹⁹.

Бытующие же в народе культы имеют вспомогательное значение, являясь в то же время основным средством якобы общения человека с потусторонним миром. Некоторую особую функцию несет астрологический элемент народных культов, являясь по своим методам родом инструмента, прибора, показывающего состояние сил потустороннего мира в отношении к человеку.

¹⁷ К примеру, чистыми, а значит, благоприятными являются монахи, рис, холодное; нечистыми, т. е. неблагоприятными, — женщина при обряде молотбы, некоторые виды жертв (отдельные овощи, плоды, мясо), стояние на одной ноге в некоторых ритуалах [4; 31; 35].

¹⁸ Здесь мы пользуемся профанической интерпретацией этого термина, понимая под потусторонним миром все то, что не является частью реальной видимой жизни.

¹⁹ Поэтому нельзя согласиться с той точкой зрения, что буддизм является лишь поверхностным напластованием в религиозном сознании сингалов; основы этого религиозного учения, нормы этики глубоко укоренились в сингальском народе и определяют важные черты их национального характера, этнической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев А. Д. Маска, — сб. МАЭ, т. XIX, М.—Л., 1960.
2. Корвин-Круковская Т. А. К истории магических и колдовских приемов в Индии, Л., 1929.
3. Кочнев В. И. Синкретизм народных верований на Цейлоне, — сб. «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», М., 1970.
4. Мерварт А. М., Мерварт Л. А. В глуши Цейлона, Л., 1929.
5. Мерварт Л. А. Сказания о Паттини-деви, — сб. МАЭ, т. VII, Л., 1929.
6. Мерварт Л. А. Техника сказывания сказок у сингальцев, — сб. «Сказочная комиссия в 1926 г.», Л., 1927.
7. Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии (из путевых заметок русского), ч. I, СПб., 1878.
8. Талмуд Э. Д. Некоторые особенности буддийской идеологии в республике Шри-Ланка, — «Религия и общественная мысль стран Востока», 1974.

9. Ames Michael M. Buddha and the Dancing Gobins: a Theory of Magic and Religion,— «American Anthropologist», vol. 66, 1964, № 1.
10. Ariyapala M. B. Society in Mediaeval Ceylon, Colombo, 1956.
11. Berriedale Keith A. Buddhist philosophy in India and Ceylon, Oxford, 1963.
12. Cartman James, Hinduism in Ceylon, Colombo, 1957.
13. Coomaraswamy A. K. Mediaeval Sinhalese Art, London, 1908.
14. Eliade M. Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase, Paris, 1954.
15. Geiger W. Culture of Ceylon in Mediaeval Times, Wisbaden, 1960.
16. Goonatilleka P. Mime, Mask and Satire in Kolam of Ceylon,— «Folklore», London, 1970, vol. 81.
17. Gunasinghe S. Masks of Ceylon, Colombo, 1962.
18. Halverson John, Dynamics of Exorcism: The Sinhalese Sanniyakuma,— «History of Religions», May 1971, vol. 10, № 4.
19. Keith A. B. Buddhist Philosophy in India and Ceylon, Oxford, 1923.
20. Kolan Nattanava: a Cingalese Poem, Descriptive of the Characters Assumed by Natives of Ceylon in a Masquerade, London, 1829.
21. Knox Robert, An Historical Relation of Ceylon, Colombo, 1958.
22. Levy (J. E.), Some comments upon the ritual of the sannidemons,— Compt. stud. soc. hist.,— Netherl. (1969), № 12.
23. Lewis J. P. The Language of the Threshing-Floor,— JRS (CB), VIII (29).
24. Lucas Heinz, Ceylon-Masken, Eisenach-Kassel, 1958.
25. Obeyesekere Gananath, The Structure of a Sinhalese Ritual,— «The Ceylon Journal of Historical and Social Studies», VII, 1958, vol. 1, № 2.
26. Pakeman S. A. Ceylon, London, 1964.
27. Raghavan M. D. India in Ceylonese History, Society and Culture, Bombay, 1964.
28. Rahula Walpola, History of Buddhism in Ceylon. The Anuradhapura period, Colombo, 1956.
29. Saratchandra E. The Folk Drama of Ceylon, Colombo, 1966.
30. Sastri K. A. Nilakantha. Saivism in Ancient Ceylon,— «Paranavitana felicitation volume», Colombo, 1956.
31. Seneviratne H. L. Some Aspects of the Negative Cult Among Sinhalese.— «The Ceylon Journal of Historical and Social Studies», vol. 4, № 2, VII—XII, 1961.
32. Silva W. A. Pattini Devi,— «The Ceylon Antiquary», X, 1915.
33. Schröder D. Zur Struktur des Schamanismus,— «Anthropos», 1955, № 4—6.
34. Tambiah S. J. Buddhism and the Spirit Cults in North-East Thailand, Cambridge, 1970.
35. Thurston Edgar, Ethnographic Notes in Southern India, Madras, 1907.
36. Wirz Paul, Exorcism and the Art of Healing in Ceylon, Leiden, 1954.
37. Yalman Nur, Under the Botree, Berkeley — Los Angeles, 1967.

В. А. Ромодин

ТАЙНА СЕНСАЦИОННОЙ ПУБЛИКАЦИИ СУЛТАН МУХАММАД-ХАНА

В 1897 г. после многолетнего пребывания на Востоке в Англию вернулась женщина-врач — мисс Лилиас Гамильтон. Она привезла с собой эффектного молодого человека, индийского мусульманина по имени Султан Мухаммад-хан. При содействии своего влиятельного родственника или однофамильца Джорджа Гамильтона, секретаря британского правительства по индийским делам, она старательно протезировала Султан Мухаммад-хану, вывозила его в театры и салоны, на митинги и домашние приемы, и, по словам одного из русских журналистов, «красивый юноша в живописном костюме производил такое впечатление, что чуть ли не сделался героем сезона» в английской столице [7, 1126]. Во всяком случае, его охотно принимали в качестве очередной экзотической достопримечательности в лондонском обществе, и его известность довольно быстро возрастала.

Им заинтересовались иностранные журналисты, и председатель ассоциации иностранной прессы в Лондоне, каковым был корреспондент «Нового времени», пригласил его на ежегодный обед ассоциации, состоявшийся весной 1898 г. На этом обеде с Султан Мухаммад-ханом познакомились русские журналисты, в их числе Л. А. Богданович, который дал тогда высокую оценку способностям и возможностям восточного гостя и предсказывал, что от него следует ожидать многого и что он «далеко пойдет» [7, 1127].

Султан Мухаммад-хан, действительно, был человеком способным и проявлял усердие в выполнении намеченных дел, да и счастье ему сопутствовало. В результате такого благоприятного сочетания через некоторое время стали исполняться «предсказания» на счет его будущих успехов. В деньгах, которые были надобны для преуспевания в лондонском обществе, Султан Мухаммад-хан, как видно, недостатка не испытывал, во всяком случае, он оказался достаточно обеспеченным для того, чтобы хорошо одеваться, учиться в университете и издавать книги. Он изучал право в Christ's College — одном из 17 старинных колледжей Кембриджского университета¹. Там он значился как *advanced student*, т. е. занимающийся по повышенной программе, и решил написать диссертацию в духе модной тогда эволюционной теории. При осуществлении этой задачи он хотел руководствоваться примером таких авторов, как Генри Мэн, Чарлз Дарвин и мистер Джевонс, написавший книгу об эволюции религии. В качестве орудия исследования Султан Мухаммад-

---

¹ Для зачисления студентом в этот университет от поступающих не требовалось ни образовательного ценза, ни сдачи приемных экзаменов.

хан, опираясь на совет, извлеченный им из книги А. Лайелла «Asiatic studies», решил избрать сравнительный метод [19, V].

Плодом кембриджских занятий Султан Мухаммад-хана была его диссертация, опубликованная издательством Джона Муррея в Лондоне в 1900 г. [19]. Предисловие к этой публикации датировано апрелем 1900 г. [19, VII, 71]. В нем автор выражает традиционные благодарности диссертанта — прежде всего главе колледжа, в котором учился, затем поименно остальным причастным к делу профессорам Кембриджского университета и, наконец, «всем другим членам правового отделения», которые оказывали ему «всяческую поддержку» [19, VII]. Список «наиболее важных книг», к которым обращался Султан Мухаммад-хан, начинается с Корана, затем, наряду с исследованиями по истории мусульманского, римского и английского права, упоминаются пользовавшиеся широкой известностью сочинения таких социологов и историков XIX в., как Мэн, Гиббон, Бокль, Конт [19, IX—XI].

Диссертация Султан Мухаммад-хана, посвященная государственному устройству и праву Афганистана, не принесла автору ни сколько-нибудь широкой популярности, ни особой известности в ученых кругах. Однако в дальнейшем она сохранила некоторое значение (и сохраняет его доныне) как исторический источник, ибо автор ее располагал уникальными сведениями о труднодоступном и тогда еще почти не исследованном Афганистане. Он приобрел их в течение многолетней службы в должности «мир-мунши» (государственного секретаря) у эмира Абдурахмана, к которому приехал из Индии в 1887 г.² За время своей службы афганскому эмиру Султан Мухаммад-хан в качестве особо доверенного приближенного, секретаря и переводчика этого правителя принимал участие в политических переговорах и в оформлении различных документов, неоднократно выполнял по распоряжениям Абдурахмана письменные переводы с английского на фарси разнообразных технических инструкций, описаний, пояснений к чертежам и т. п. [8; 17, II, 18, 44, 109, 156, 160; 19, 45]. Находясь в Англии, Султан Мухаммад-хан мог опираться не только на сведения об Афганистане, сохранившиеся в его памяти, но и на некоторые неизданные письменные материалы об этой стране. В числе источников своей диссертации он упоминал «различные официальные документы» [19, X; 8, 67] и еще не опубликованную тогда книгу о жизни Абдурахмана [19, 56], или его автобиографию [19, 111], из которой приводится несколько пространных цитат для характеристики государственного устройства Афганистана [19, 56—59].

Но вот издание в Лондоне тем же Джоном Мурреем и в том же, 1900 г. в английском переводе и под редакцией Султан Мухаммад-хана книги «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan» [17] привлекло всеобщее внимание, вызвало интерес в широкой прессе и послужило поводом к оживленным спорам. Взрыв негодования среди высокопоставленных английских военных вызвало описание в этой книге поведения охваченных паникой во время конфликта на Кушке в 1885 г. британских офицеров и их конвойного отряда из состава находившейся в Афганистане английской пограничной комиссии [17, I, 244—245]. С большой статьей в защиту запятнанного мундира и своих бывших подчиненных выступил в газете «Таймс» генерал Питер Лэмсен, руководивший в 1885 г. британской пограничной комиссией в Афгани-

² Он прибыл в столицу Афганистана из Индии (сопровождая поступившего на эмирскую службу английского инженера Пайна) в начале апреля 1887 г., понравился Абдурахману и был оставлен им при себе в Кабуле. До того Султан Мухаммад-хан был секретарем у генерала Амир Мухаммад-хана, представителя афганского эмира при англо-индийском правительстве [17, II, 23].

стане до и во время конфликта. Генерал обвинил изданную под редакцией Султан Мухаммад-хана книгу в оскорблении чести британской армии [7, 1127]. В связи с подобными обвинениями поднимался вопрос о надобности установить действительное авторство книги и уточнить обстоятельства ее опубликования, поскольку имевшиеся на сей счет неясности не позволяли с определенностью судить о степени ответственности за текст лиц, причастных к сенсационной публикации. Многими участниками дискуссии об аутентичности ее текста ставилось под сомнение или в той или иной мере отрицалось авторство Абдурахман-хана — прежде всего в отношении второго тома книги.

Впрочем, сразу же после выхода в свет этой публикации и впоследствии находились люди, отстаивавшие с большей или меньшей категоричностью мнение о принадлежности эмиру Абдурахману, полностью или почти полностью, обоих томов переведенной Султан Мухаммад-ханом книги [15, 5; 2, I, IX—XXI; 16, 127]. В пользу такого взгляда высказывался, в частности, британский дипломат Мортимер Дюранд, который утверждал, будто «Автобиография» (так он именовал публикацию Султан Мухаммад-хана в целом) «с исключительной точностью выражает взгляды эмира», и уверял, что, «когда я читал ее, мне многократно попадались места, в которых слово в слово передавалось то, что он [эмир] излагал мне во время наших бесед» [15, 5]. К общей оценке книги Мортимером Дюрандом следует относиться осторожно и критически, поскольку он был явно заинтересован в том, чтобы представить содержание второго тома полностью восходящим к самому эмиру. Ведь миссия Дюранда в Кабуле в 1893 г. была в этом томе описана в очень розовых тонах и сам британский дипломат удостоен всяческих похвал, а его деятельность охарактеризована как весьма благоприятная для Афганистана и его эмира. Неудивительно, что впоследствии сомнения Афганских авторов в отношении подлинности второго тома публикации Султан Мухаммад-хана были обращены прежде всего к описанию и характеристике миссии Дюранда [16, 127].

Переводчик этой публикации на русский язык М. Грулев считал неосновательными высказывавшиеся в печати сомнения в том, исходит ли изложенное в ней действительно от самого Абдурахмана, и предположения, что жизнеописание Абдурахмана «всецело или частью сочинено другими, а имя афганского эмира пристегнуто к этому труду в тех или иных политических видах» [2, I, IX]. Пытаясь выяснить вопрос о «подлинности настоящей автобиографии», М. Грулев указывал, что ее автор, от лица которого повсюду ведется изложение, всегда ставит себя центром всех совершающихся событий; в своих суждениях «редко снисходит до чужого мнения»; в глазах автора события приобретают значение лишь постольку, поскольку в них участвует он сам. «Эта основная черта,— заключает М. Грулев,— до такой степени однообразна во всей книге, что невольно внушает уверенность в происхождении обоих томов из одного и того же источника, и если имеются доказательства в подлинности первого тома, то, по-видимому, тому же автору принадлежит и второй том» [2, I, XI].

Далее он еще дважды уточнял свой вывод по вопросу об авторстве «английского издания этой автобиографии»: она «исходит действительно» от самого Абдурахмана и составлена им самим, «за ничтожным, может быть, исключением» [12, I, XIV, XVIII]. Среди многочисленных соображений, приводимых М. Грулевым в пользу своего вывода, не последнее место занимает констатация «до крайности обидных и горьких истин, высказанных автором этой книги по адресу англичан» [17, I, 244—245; 17, II, 210; 2, I, XVIII]. Наконец, как на важное подтверждение своего вывода М. Грулев ссылаясь на то обстоятельство, что

по многим вопросам внутренней и внешней политики в опубликованной Султан Мухаммад-ханом книге встречаются «те же мнения и взгляды — иногда даже дословно... которые неоднократно высказывались нынешним афганским эмиром на публичных дурбарах, в посланиях и проч.» [2, I, XVIII—XIX].

Противники мнения о несомненности авторства Абдурахман-хана в отношении обоих томов изданной Султан Мухаммад-ханом книги ссылались прежде всего на сведения, имеющиеся в издательском и редакторском предисловиях к самой этой книге. Там говорится, что в отличие от первого тома, перевод и издание которого были осуществлены по рукописи эмира Абдурахмана, доставленной в Англию из Кабула мисс Лилиас Гамильтон [17, I, V], второй том был составлен находившимся в Англии Султаном Мухаммад-ханом по разновременным записям, сделанным им в предшествовавшие годы в Афганистане со слов самого эмира, а также под диктовку эмира [17, I, V, VII]. По поводу этой оговорки Л. А. Богданович заметил, что смысл ее в том, «что пишущий под диктовку может ошибиться, а диктующий может и не отвечать за ошибки первого». Далее Л. А. Богданович иронически сетовал на то, что Султан Мухаммад-хан «не поведal нам, кто редактировал и корректировал» второй том автобиографии, «кто ретушировал и по своему усмотрению то затушевывал, то сгущал краски во многих пунктах „profession de foi эмира“». В том, что ко второму тому сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана кто-то «приложил руку», Л. А. Богданович считал невозможным сомневаться, но, с другой стороны, подлинность первого тома он считал не вызывающей сомнений [7, 1127]. Приводя далее отдельные места и положения из второго тома, которые, по его мнению, никак не могли принадлежать самому эмиру, Л. А. Богданович останавливался на разделах об Англии, России, Афганистане и о независимости мусульманских государств из главы VIII, где английская политика изображается в целом как направленная в пользу ислама и исламских государств в Азии, в связи с чем утверждается, что «нет никакого сомнения в том, что мусульмане всего света предпочитают дружбу Британской империи дружбе России», ибо они понимают, что «мир и благополучие для них покоятся на дружественных отношениях именно с Британской империей» [7, 1136; 17, II, 264—265]. Л. А. Богданович считает, что такие взгляды совершенно невозможно приписывать Абдурахману — фанатически верующему мусульманину, с его приверженностью к учению о джихаде и с его правильными представлениями об агрессивности английской политики в отношении мусульманских государств и т. п.

Впоследствии, когда острота многих вопросов, некогда злободневных, сгладилась и отошла в прошлое, опубликованная Султан Мухаммад-ханом книга об эмире Абдурахмане стала рассматриваться как один из любопытных исторических источников, подлинный текст которого до нас, к сожалению, не дошел, а многие обстоятельства, связанные с подготовкой и изданием его английского перевода, остались загадочными. Скупой на эмоциональные характеристики и избегавший громких слов при оценках исторических событий, исторических деятелей, а тем паче источников, академик В. В. Бартольд об этом сочинении писал так: «Некоторый интерес, даже среди большой публики, вызвала автобиография Абдурахман-хана (1880—1901), английский перевод которой составляет первый том книги «Sultan Mahomed Khan, Life of Abdur Rahman» [4, 304—305].

Вскоре после выхода в свет публикации Султан Мухаммад-хана было издано несколько переводов этой книги: на русский [2], урду и на персидский (ретрансляция) языки [10, 119; 11, 1237—1238; 14, 257].

а впоследствии вышли в свет еще два перевода (но только первого тома): турецкий в 1917 г. и на язык пашто в 1960 г. [10, 119]. Упомянутый уже выше русский перевод М. Грулева с написанным им введением был опубликован в Петербурге в 1901 г. в двух томах под названием: «Автобиография Абдурахман-хана». Название это, однако, как мы видели, подходит только для первого тома публикации Султан Мухаммад-хана. При переводах на другие языки книга получила различные несходные заглавия [10, 115].

Появление довольно многочисленных переводов этой книги было вызвано интересом к истории Афганистана и к личности Абдурахмана, основные события жизни которого, начиная с его детских лет, изложены в первом томе. Рецензенты часто сравнивали его «Автобиографию» со знаменитыми «Записками» Бабура. Так, например, в рецензии на «Автобиографию», напечатанной в газете «Туркестанские ведомости» в январе 1902 г., утверждалось, что жизнеописание Абдурахман-хана (том первый) «есть средневековый роман, подобный тому, какой представляет собою жизнь Бабура; и как последний пред своим походом на Кабул в начале своей блестящей карьеры жил в крайней бедности, окруженный горстью преданных ему оборванцев, так и Абдурахман-хан не раз переходил от власти и царской пышности к крайней нужде, и наоборот» [12, 8].

Абдурахман-хан, сын Афзал-хана и внук Дост Мухаммада, родился в 1260 г. хиджры [27, 200], т. е. в 1844 г. н. э., и был эмиром в Афганистане в 1880—1901 гг. Ранние детские годы его прошли в Кабуле, а отрочество и юность (1853—1863) в Афганском Туркестане, где отец его с начала 50-х годов управлял Балхом. О себе Абдурахман сообщает, что в девять лет должен был отправиться из Кабула к отцу в Балхскую область, и далее рассказывает, что через четыре года после этого отец его весной отправился в Кабул, оставив мальчика своим заместителем [17, I, 2]. В «Автобиографии» и в официальной истории Афганистана «Сирадж ат-таварих» сообщается, что в начале зимы отец написал ему из Кабула, что эмир Дост Мухаммад удостоил своего внука Абдурахмана чести быть правителем Таш-Кургана [17, I, 2—3; 27, 217]. Через некоторое время Мухаммад Афзал-хан возвратился в Балх и отобрал сделанные его сыном подарки приближенным и налоговые льготы подданным, после чего Абдурахман отказался от управления округом, убедившись, что не располагает полнотой власти, позволившей бы ему управлять в соответствии со своими желаниями и намерениями [17, I, 4]. Юный Абдурахман переехал в Тахтапуль и продолжал там заниматься своим обучением («уроками»), оставив до другого времени административную деятельность.

Обучение, которое проходил в те годы Абдурахман, включало, так же, видимо, типичные для воспитания знатного юноши феодальных времен занятия, как верховая езда, стрельба и другие военно-спортивные упражнения, охота на зверя и на дичь со свитой в несколько сот всадников, с собаками и с ловчими птицами [17, I, 4]. Вместе с тем в воспитании и образовании Абдурахмана были некоторые характерные особенности, сказавшиеся на формировании его индивидуальности. Его учителем был офицер англо-индийского происхождения Кэмпбелл, принявший ислам и находившийся на афганской службе. У этого наставника, занимавшего пост командующего войсками Балхской области, Абдурахман обучался военному делу, получал от него инструктаж по различным вопросам практического характера, в частности по искусству врачевания [17, I, 4—5]. В юные годы Абдурахман проявлял склонность преимущественно к военным занятиям и к ремеслам. На этом поприще он добился успехов, в частности в кузнечном деле, усердно

работая в оружейной мастерской под руководством мастеров, выписанных для него отцом из Кабула. Рассказывая об этом, Абдуррахман с гордостью сообщает, что научился делать оружие и «собственными руками изготовил три двустволки», причем они были признаны лучшими, чем сделанные его учителями [17, I, 5].

Значительно хуже у Абдуррахмана обстояло дело с усвоением мусульманской книжной учености. Он испытывал серьезные затруднения даже при приобретении самых элементарных навыков в грамоте. Рассказывая о первых своих занятиях в Балхе еще в детские годы, он сообщает, что чтение и письмо давались ему очень туго и мысли его были больше заняты верховой ездой и стрельбой [17, I, 1—2]. По собственному рассказу, он научился как следует читать и писать, только когда ему было уже около 18 лет, притом не без помощи потусторонних сил, оказавших ему поддержку в лице святого, ниспосланного в ответ на его молитвы и являвшегося ему во сне [17, I, 37—39].

Уже в юности Абдуррахман активно участвовал в военно-политических событиях, происходивших в северных частях Афганского государства, а в годы междоусобий, начавшихся в стране с 1863 г., выступал как энергичнейший помощник своего отца и дяди — Мухаммад А'зама в их борьбе против эмира Шер Али-хана. В ходе этой борьбы Абдуррахман в мае 1866 г. и в январе и сентябре 1867 г. трижды разбил войска эмира Шер Али-хана [17, I, 76, 79, 87]. Абдуррахману удалось овладеть Кабулом, где эмиром был провозглашен его отец, правивший очень недолго; после его смерти эмиром в Кабуле стал его брат Мухаммад А'зам-хан.

Однако к концу 1868 г. в ходе междоусобной войны в Афганистане наметился перелом в пользу эмира Шер Али-хана. В январе 1869 г. у Зурмата произошло решающее сражение, в котором на стороне Мухаммад А'зам-хана принимал участие Абдуррахман, закончившееся полной победой Шер Али-хана. Мухаммад А'зам и Абдуррахман потеряли войско, пушки, казну и вынуждены были без надежд на дальнейшее продолжение борьбы бежать за границу. Они направились в населенные афганскими горцами земли Северо-Западной Индии, где, претерпев большие лишения и испытав множество трудностей, проследовали через территории племен вазиров, шерани и какаров, а за тем через пустыни Белуджистана в Систан, откуда проехали на территорию Персии к Мешхеду [17, I, 104—126].

После смерти своего дяди Абдуррахман, получив разрешение на выезд от иранского шаха, отправился через туркменские пустыни в Хиву и, совершив очень трудное путешествие, достиг в сентябре 1869 г. пределов Хивинского ханства [17, I, 131—134; 6, 412]³. Из Хивы он отправился в Бухарское ханство и, наконец, получив убежище в русских владениях в Туркестане и субсидию от царских властей, поселился в 1870 г. в Самарканде⁴. Абдуррахман-хан прожил в русских владениях около 10 лет — до конца 1879 г. [1], когда изменения обстановки в Афганистане в ходе второй англо-афганской войны побудили царское правительство разрешить ему выехать на родину. Царские власти предпочитали иметь соседом со Средней Азией не английскую колонию, а самостоятельное Афганское государство во главе с Абдуррахманом [29, 239; 5, 419].

В самом начале 1880 г. он прибыл в Бадахшан [9, 262], вскоре

³ В архиве хивинских ханов хранится письмо, посланное Абдуррахманом хану Хивы в связи с приездом в его владения [30].

⁴ В этот город он впервые прибыл из Бухарского ханства 13 февраля 1870 г. со своей семьей и группой приближенных, воннов и личных слуг — «всех авган» с ним было 221 человек [31, 4].

утвердил свою власть над Северным Афганистаном, вступил в переговоры с англичанами и двинулся на Кабул. К лету 1880 г. англичане, убедившись в срыве своих завоевательных планов в Афганистане, решили договориться с Абдурахман-ханом и передать ему Кабул, рассчитывая, что он пойдет на большие уступки. Эти расчеты оправдались, Абдурахман отказался от права самостоятельных дипломатических сношений с другими государствами, согласившись на контроль англичан над внешней политикой Афганистана. Однако ему удалось сохранить самостоятельность во внутренних делах. В июле — августе 1880 г., получив признание со стороны Великобритании и материальную помощь от нее, Абдурахман стал эмиром в Кабуле, а затем распространил свою власть на Кандагар и Герат, и к концу осени 1881 г. в состав его государства были включены почти все области современного Афганистана⁵.

Для изучения кратко изложенных здесь событий первый том публикации Султан Мухаммад-хана, т. е. «Автобиография» Абдурахмана, служит одним из важных источников. Вместе с тем «Автобиография» — неповторимый человеческий документ, характеризующий автора, его склонности и способности, взгляды и представления, кругозор и знания, суеверия и предрассудки. Оригинал «Автобиографии» был написан на персидском языке Афганистана (ныне официально именуемом в этой стране языком «дари») самим эмиром Абдурахманом, и за последние годы в Кабуле обнаружена его рукопись-автограф, хранящаяся в Кабульском музее [25, 11, 1512]. Этот автограф-черновик является первой главой сочинения «Панд-нама-и дунйа ва дйн», которое, по замыслу эмира, должно было состоять из 16 глав (баб), но полностью написано не было [23, 25, 149—150] и представляет собой список более ранней редакции «Автобиографии» сравнительно с привезенным мисс Лилиас Гамилтон в 1897 г. в Лондон, с которого был выполнен перевод Султан Мухаммад-хана и местонахождение которого до сих пор остается неизвестным. В 1886 г. в Кабуле была издана литографским способом автобиография эмира в качестве первой главы сочинения «Панд-нама-и дунйа ва дйн». Во всяком случае, различия в тексте, хотя и незначительные, показывает сличение этой кабульской литографии (выполненной в строгом соответствии с автографом-черновиком Кабульского музея) с английским переводом «Автобиографии», составившим первый том публикации Султан Мухаммад-хана. В частности, в более ранней редакции отсутствовало деление сочинения на главы, введенное, однако, самим Абдурахманом около 1894 г. [3], имевшее уже в привезенной в Лондон рукописи и несколько измененное переводчиком Султан Мухаммад-ханом, как он сообщает в редакторском предисловии к своей публикации [17, I, IX].

Что касается второго тома публикации, то его текст гораздо менее надежен, составителем его следует считать Султан Мухаммад-хана, а не эмира Абдурахмана, вопрос о степени верности отражения в этом томе взглядов эмира может быть обоснованно определен только в результате специального исследования. Конечно, и второй том сохраняет некоторое значение как источник, но к содержащимся в нем сведениям следует относиться с очень большой осторожностью. В официальной истории Афганистана «Сирадж ат-таварих» достойным доверия признается только первый том публикации Султан Мухаммад-хана в персидской ретрансляции [26] как более или менее соответствующий тексту [первой главы] сочинения «Панд-нама-и дунйа ва дйн», в то время

⁵ Кроме некоторых районов, подчиненных в последующие годы, в частности горной области Кафиристан (ныне Нуристан), завоеванной только в 1895—1896 гг.

как текст второго тома объявлен документально не подтвержденным [27, 656].

Султан Мухаммад-хан характеризуется как предатель, который струсил, не вернулся в Кабул и без разрешения эмира уехал к себе на родину, оставив при этом в Кабуле жену. Он назван неблагодарным пройдохой, пренебрегшим оказывавшимися ему в прошлом милостями эмира, и корыстолюбивым человеком, получившим очень много денег за свою лондонскую публикацию [27, 656; 20, 75—76]. После издания книги «The Life of Abdur Rahman» Султан Мухаммад-хан вызвал недовольство афганского эмира Хабибуллы и не возвратился более в Афганистан (попытки его получить прощение у Хабибуллы остались безуспешными) и занимался юридической практикой в Панджабе [18, 218]. По неподтвержденным сведениям, имеющимся у афганского историка Какара, рукопись книги «The Life of Abdur Rahman» находится в частной коллекции у знаменитого поэта пишущего на панджаби — Файз Мухаммада (сына Султан Мухаммад-хана), проживающего в Пакистане [18, 220].

Первый (очень краткий) вариант «Автобиографии» был написан Абдурахманом еще весной 1870 г., после приезда его в Самарканд, для туркестанского генерал-губернатора. Русский перевод этого варианта, озаглавленный «История Афганистана прошлых годов, написанная Абдурахман-ханом для туркестанского генерал-губернатора», сохранился в архивах СССР⁶. Английский перевод этого варианта (с русского), несколько неполный, опубликован в приложении к книге Уилера об Абдурахман-хане, вышедшей в свет в Лондоне в 1895 г. [21].

⁶ Мы пользовались этим документом в копии, хранящейся в ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6821 за 1870 г., лл. 72—86.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахман-хан (Из воспоминаний о нем),— «Новое время», СПб., №№ 3262—3266; 3268; 3629; 3275 — от 30 III (11.IV) до 3 (15) и 5 (17), 6(18), 9 (21) и 12 (24).IV.1885.
2. Автобиография Абдурахман-хана, Эмира Афганистана, издано Султаном Магомет-ханом, пер. с англ. М. Грулева, т. I—II, СПб., 1901.
3. Автобиография Абдурахман-хана,— «Туркестанские ведомости», Ташкент, 5 (17).VI.1894.
4. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор,— Бартольд В. В., Сочинения, т. VII, М., 1971.
5. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана,— Бартольд В. В., Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963.
6. Бартольд В. В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка,— Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964.
7. Богданович Л. А. Признания эмира Афганского,— «Исторический вестник», т. 83, СПб., 1901.
8. Бронский Н. Афганистан и его эмир,— «Мировые отголоски», СПб., 25.VIII (6.IX).1897.
9. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. II, М., 1965.
10. Ромодин В. А. «Автобиография» Абдурахман-хана и ее переводы,— сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН (автоаннотации и краткие сообщения), М., 1972.
11. Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор, пер. с англ., перераб. и дополн. ч. I—III, М., 1972.
12. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 6 (19).I.1902.
13. Buckland Ch. Ed. (Ed.), Dictionary of Indian Biography, Detroit, 1968 (reprint of the London, 1906).
14. «Deutsche im Hindukusch Bericht der deutschen Hindukusch-Expedition 1935 der Deutschen Forschungsgemeinschaft, Berlin, 1937.

15. Durand H. Mortimer. The Amir Abdour Rahman Khan,— «Proceedings of the Central Asian Society», London, 1907.
16. Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880—1946, Stanford, California, 1969.
17. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. Edited by Sultan Mahomed Khan Advanced Student of Christ's College, Cambridge, Secretary of State of Afghanistan; Barrister-at-Law. With Portrait, Maps and Illustrations, vol. I—II, London, 1900.
18. Mohammad Hasan Kakar, Afghanistan. A Study in international political Developments 1880—1896, Kabul, 1971.
19. Mir Munshi Sultan Mohammad Khan. Barrister-at-Law, Advanced Student of Christ's College, Cambridge, The Constitution and Laws of Afghanistan, London, John Murray, 1900.
20. Tarzi, Mohammad Seddiq and Ahang, Mohammad Kazem, Is It Pand Naama-i Donyya Wa Din or Taj-ot-Tavarikh? The Mistery which is at Last Revealed,— «Afghanistan», vol. XXII, Kabul, 1349, (1970), № 3.
21. Wheeler S. The Ameer Abdur Rahman... With Portraits and Maps, London, 1895 (Public Men to-day. An International Series. Ed. by S. H. Jeyes).
22. Yate A. C. The Visit to India of the Amir Habibulla Khan, the fourth Amir of Barakzai Dynasty,— «The Asiatic Quarterly Review and Oriental and Colonial Record», 3-d Series, vol. XXIV, Woking, 1907.
23. Амир Абдурраҳман, Панд-нама-и дунйа ва дин, баб-и аввал — дар вақият и саргузашт, Кабул, 1304 г. х.
24. Аханг, Мухаммад Қазим, Сайр-и журнализм дар Афғанистан, Кабул, 1970.
25. Джавид. Саргузашт-и Тадж ат-таварих,— «Адаб», 1349 [1970], № 5—6.
26. Тадж ат-таварих, Лахор, [б. г.] (перевод книги The Life of Abdur Rahman, London, 1900, vol. I—II, ed. and transl. by Sultan Muhammad Khan).
27. Файз Мухаммад, Сирадж ат-таварих, т. III, Кабул, [1915—1918].
28. Хафи, Якуб Али. Падшахан-и мутахир-и Афғанистан, Кабул, 1334 г. х.
29. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6932.
30. ЦГИА УзССР, И-125, оп. 2, д. 260.
31. ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 24.

А. Н. Козлова

СТРАНИЦА ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Одной из славных страниц истории народов Дагестана является их борьба против полчищ знаменитого завоевателя Надир-шаха (1736—1747). В этой борьбе они сумели отстоять свою свободу и нанести тяжелые удары завоевателям, послужившие одной из непосредственных причин крушения империи Надир-шаха.

Очень богатый и разнообразный материал, позволяющий осветить многие стороны жизни народов Дагестана первой половины XVIII в. и их борьбу с Надир-шахом, мы находим в трехтомном сочинении мервского визиря Мухаммад-Казима «Наме-йи Аламара-йи Надири». Уникальные рукописи всех трех томов этого сочинения изданы факсимильным способом Н. Д. Миклухо-Маклаем, благодаря чему источник введен в научный обиход.

Отдельные части труда Мухаммад-Казима, относящиеся к походу Надир-шаха в Индию и к истории туркмен и Туркмении, переведены на русский язык и опубликованы [4; 6]. Однако обильные и ценные данные из этого источника, относящиеся к истории Дагестана, до сих пор еще слабо изучены.

В нашей статье изложен извлеченный из труда Мухаммад-Казима материал по истории первого этапа борьбы народов Дагестана против войск Надир-шаха, связанного с походом на Дагестан Ибрахим-хана, брата Надир-шаха и его наместника в Азербайджане. Борьба народов Дагестана против агрессии Надир-шаха была длительной, в ней можно различить несколько этапов. Материал из сочинения Мухаммад-Казима, характеризующий эту борьбу, равно как и все другие сведения, в той или иной мере касающиеся истории Дагестана в первой половине XVIII в. и взаимоотношений между дагестанскими народами и Надир-шахом, целиком переведены нами, но объем этих данных далеко выходит за рамки одной статьи и может быть опубликован в последующих работах.

История рассматриваемого здесь похода Ибрахим-хана очень слабо освещена в научной литературе. Нам не известно ни одной работы, которая специально была бы посвящена этому походу, к причинам чего следует отнести скудость сведений о нем во всех источниках, кроме сочинения Мухаммад-Казима. В известном персидском труде по истории Надир-шаха, принадлежащем перу его официального историографа Мехди-хана Астрабади, рассказу о походе Ибрахим-хана отводится всего несколько строк [10, 342]. В русских источниках, имеющих перво-степенное значение для изучения истории Дагестана XVIII в., тоже очень немного говорится о походе на Дагестан и о гибели Ибрахим-хана [3, 210].

Мухаммад-Казим во втором томе своего сочинения отводит походу Ибрахим-хана целых три главы [7, лл. 1666—1786]. Главы эти содержат рассказ (самый подробный, какой мы до сих пор знаем) о походе Ибрахим-хана, сообщенный современником и частично участником его похода. Уже отец автора был тесно связан с Ибрахим-ханом и находился у него на службе в бытность последнего правителем Азербайджана. Сам Мухаммад-Казим в возрасте 16 лет поступил на службу к Ибрахим-хану и принял участие в его походе на Дагестан. Правда, он не до конца оставался в армии Ибрахим-хана. С ней он дошел до округа Ках (ныне территория Северного Азербайджана), а затем вернулся к себе на родину, в Мерв.

Бликие отношения, существовавшие между Ибрахим-ханом и семьей Мухаммад-Казима, несомненно, и побудили этого автора уделить в своем сочинении особое внимание Ибрахим-хану и со всей возможной подробностью рассказать о его судьбе. Материалами Мухаммад-Казиму послужили прежде всего собственные наблюдения и рассказы участников событий.

Надо отдать справедливость нашему автору: он неплохо использовал свой материал и дал нам довольно полный, со многими ценными и интересными деталями рассказ о походе Ибрахим-хана в Дагестан. Этот рассказ Мухаммад-Казима впервые был использован английским историком Локхартом в его известной монографии о Надир-шахе [9, 169—173]. Однако в работе Локхарт не мог уделить много внимания походу Ибрахим-хана в Дагестан, поскольку этот поход был только одним из многочисленных эпизодов кровавого царствования Надир-шаха.

Как можно установить по сообщенным Мухаммад-Казимом данным, поход на Дагестан Ибрахим-хан предпринял весной или в начале лета 1738 г. О причине, побудившей Ибрахим-хана выступить в поход, и о его начальном этапе наш автор рассказывает следующее: «... в это время прибыли гонцы из Хорасана от Али-Кули-хана сына прославленного наиба (Ибрахим-хана), и доложили, что Наваб-джаханбани Реза-Кули-мирза¹ вышел из благословенной земли [Мешхед] и завоевал мать городов Балх и окрестности Хисара, Гузара, Кобадiana, Куляба и пр. В области Карши Реза-Кули-мирза уже сразился с царем подобным Афрасиабу — с Абулфайз-ханом, падишахом областей Мавераннахра, и нанес ему поражение [7, 1686] и скоро покорит все края того государства... Узнав о деяниях Реза-Кули-мирзы, Ибрахим-хан сказал: „Он в таком молодом возрасте покорил страны Мавераннахра, нам надо также пойти и захватить страну Дагестан“. Вследствие таких пустых соображений [Ибрахим-хан] написал приказы в разные города Азербайджана, чтобы ханы и вожди племен пешими и конными собрались бы и присоединились к стремени Ибрахим-хана. В соответствии с приказом Ибрахим-хана воины [округов и племен] Урмии, афшар, мокадам, мокри, думбули, Мараги, Сук-Булака, Бар-кешада и Карадага вошли в Табриз. В полной готовности со всем необходимым [войска] несчетной численности с пушками фальконетами направились в Карабаг. Во время вступления в те места к высокому стремени Ибрахим-хана в неисчислимом множестве прибыли газиши ширванские, ереванские, грузинские, ганджийские и карабагские. Ибрахим-хан выступил из окрестностей Барде, направился к берегам Аракса и Куры и

¹ Старший сын Надир-шаха. «Царственный наваб» (наваб джаханбани) — титул Реза-Кули-мирзы. Слово «джаханбан» означает «правитель мира» и является эпитетом царя; поэтому «джаханбани» (царский, царственный) соответствует слову «императорский». Наваб — обычно «заместитель», «наместник», но здесь это слово употребляется в смысле «принц», так как и Насраллах-мирза именуется навабом [6, 188].

там сделал остановку; опытным мастерам и знающим архитекторам приказал построить хороший мост. Победоносные войска в полном спокойствии перешли на другую сторону реки и остановились. В тамошних пределах Ибрахим-хан произвел смотр войнам. Около тридцати двух тысяч победоносного войска собралось у счастливого стремени². И соединившись в одно целое, они составили такую армию, какой никто не видывал» [7, 169а].

Перейдя с войсками р. Куру и вступив в тогдашние пределы южного Дагестана, Ибрахим-хан сделал попытку привлечь на свою сторону дагестанских феодальных владетелей. Но на его призыв откликнулся один только владетель Каха³ и Каника⁴. Все другие дагестанские феодальные вожди и правители решительно отвергли требования Ибрахим-хана. Против владетеля Каха и Каника, т. е. Малого уцмий, энергично выступил Муртаза-Али, сын сурхая — знаменитого казикумукского владетеля. Об этих событиях Мухаммад-Казим, называя здесь и далее всех дагестанцев «лезгины», повествует так: «Когда Ибрахим-хан с войнами подобно волнующему морю перешел воды Аракса и Куры, он сразу же написал письмо на имя лезгинского уцмий⁵, бывшего хакимом и владетелем Каха и Каника. [В письме говорилось]: „Если ты в союзе и единении с нами, то насколько возможно обеспечить продовольствием победоносные войска, сам же явись в высочайшую ставку, тогда будешь награжден безмерной милостью“» [7, 169б].

По получении этого письма упомянутый уцмий с группой кедхуда и старейшин направился в ставку Ибрахим-хана, а Большому уцмью, Шамхалу⁶, Мулла Ша'бану, Муртаза-Али, сыну сурхая — написал послание, в котором сообщал, что «брат его величества Сахибкирана [Надир-шаха] с большим войском подошел к берегам реки Аракс и прислал мне письмо, мы с кедхуда и старейшинами направилсь на службу к Ибрахим-хану. И вы, предводители войска, также оставьте вражду и споры; в случае, если вы явитесь в ставку Ибрахим-хана, дела пойдут как следует». Уцмий послал это письмо, а сам направился в ставку Ибрахим-хана. Когда же «лезгинские предводители и вожди племен ознакомились с содержанием письма уцмий, они не подчинились и стали готовиться к войне, порешив биться насмерть».

Как сообщает далее наш автор, «от того, что уцмий ушел на службу в ставку Ибрахим-хана, омрачилось сердце Муртаза-Али, сына сурхая. У него был слуга по имени Микаил, который в день сражения походил на Рустам-Дастана и Сам-Наримана⁷ [7, 169б]. Муртаза-Али приказал ему с десятью другими слугами преследовать уцмий, напасть на него в любом месте, где только достигнут, добыть сведения о кызылбашском войске и вернуться. Микаил и с ним десять человек выступили из местности Джар и Телле⁸, совершив набег на берега Окри-чайя⁹. Перейдя эту реку, [Микаил] у берегов Аракса поймал воина из победоносного войска, который отдалился от лагеря примерно на

² В статье Новосельцева [8, 116] ошибочно указывается, будто во главе этой тридцатидвухтысячной армии стоял сам Надир-шах. В то время Надир-шах находился в Пешаваре и руководил завоевательными походами в Индии.

³ Ках — селение северо-западнее Нухи [7, 8].

⁴ Каник — по-видимому, современный Баш-Гейнюк. Ашаги-Гейнюк — селение между Кахом и Шеки.

⁵ Уцмий — владелец Кайтагский и Каракайтагский [2, 99, 108].

⁶ Бутков сообщает, что «уничтоженное достоинство шамхала паки в роде его восстановилось по Ганджийскому трактату, и в 1737 г. был шамхалом Казбулат» [2, 139].

⁷ Рустам и Сам — герои эпической поэмы Фердоуси «Шах-наме».

⁸ Селения, расположенные в современном Северном Азербайджане.

⁹ Орошает северную часть Шаки и течет с востока на запад, впадая в Алазань [5, 106].

полмили¹⁰ для сбора фуража, расспросил о кызылбашском войске и повернул обратно. В полночь в лесу наткнулись на уцмия и кедхуда. [Микаил] отошел в сторону, чтобы уцмий и кедхуда прошли лес. На некотором расстоянии повстречали слуг уцмия с тремя лошадьми и мулами, которые везли тысячу ашрафи деньгами и какое-то количество ткани и прочего, предназначенного в подарок Ибрахим-хану. Убив двух слуг, погнали коней в страну Джар и Телле. Оставшиеся слуги добрались до уцмия и рассказали о происшедшем. Поневоле оставшаяся милою до лагеря Ибрахим-хана уцмий прошел с большой скоростью и поступил к нему на службу, доложив о мятеже сына сурхая» [7, 170а].

Враждебное отношение населения Дагестана к завоевателям побудило Ибрахим-хана продвигаться в глубь территории с большими предосторожностями. Благодаря измене Малого уцмия войскам Ибрахим-хана удалось сравнительно благополучно проникнуть в округ Ках. Здесь было решено построить крепость, которая послужила бы базой для вторжения на территорию Джар и Телле. Мухаммад-Казим рассказывает об этом следующее:

«Было постановлено, чтобы Али-Наки-бек Мерви сын Рахман-Кули-султана с тысячью человек преследовал Микаила, захватил бы и привел его в ставку... В ту же непроглядную ночь с победоносным войском направился [Али-Наки-бек] в упомянутые места. В ту ночь до восхода солнца прошли 20 миль. Дойдя до берега реки Окри-чай, они не обнаружили следов тех людей в лесу. Целый день он шел по дорогам Дагестана и на закате добрался до ущелья Нарли¹¹. [Али-Наки-бек] решил остановиться на привал, тем более что была об этом договоренность, пока войско Ибрахим-хана не прибудет. Трое суток они находились там на страже, пока не прибыл Ибрахим-хан с жаждущим местами войском.

На следующий день поднялись с привала и, перейдя реку Окри-чай, вступили в леса Дагестана. На каждой остановке строили неприступные укрепления и таким путем прибыли в крепость Ках, местопребывание уцмия. Было решено в том краю построить большую крепость, чтобы оставить там пожитки и тяжелый обоз в случае похода на крепость Джар и Телле. Ежедневно караульные доходили до Ак-бурдж (Белая башня)¹², которая была построена в прежние времена при находящемся ныне в раю шахе Аббасе Сефевии, и не обнаружили там следов лезгин» [7, 170б].

В тот день Ибрахим-хан устроил большой маджлис и пригласил всех ханов и султанов, которые находились при победоносном стремени. В их числе были: Хан-Джан, сын Мухаммад-Али-хана, который из Кандагара был назначен правителем Грузии после смерти Сафихана Багаери, сердара Грузии, последовавшей во время пребывания Ибрахим-хана в Табризе, а ныне он [Хан-Джан] с грузинскими воинами находился у счастливого стремени; еще были — Угурлу-хан, хаким Ганджи; Хусан-Али-хан, брат Угурлу-хана, хаким Барде; Мухаммад-Кули-хан Афшар, хаким Урмии; Мухаммад-Реза-хан Курд, хаким Мараги; Имам-Кули-хан, хаким Ардебилля; Муртаза-Кули-хан, хаким племени думбули; Али-Наки-хан Мокри, хаким Сук-Булака, и прочие военачальники, предводители и тысячники. Он (Ибрахим-хан) спросил их мнение о походе на Джар и Телле. Военачальники порешили так: выступив

¹⁰ М и л я (м и л) — скорее всего, это арабская миля; длина ее в разные времена и в разных местах колебалась от 750 м до 1,5 км.

¹¹ Пока расположение этой местности (ущелья) определить не удалось.

¹² Точное место этой крепости, расположенной, судя по тексту, между Кахом и Джаром, нам установить не удалось.

с этого привала, оставить свой обоз и тяжелое снаряжение вблизи Ак-бурдж, построить другую крепость, часть победоносного войска поместить там, а самим направиться к Джару и Телле. Ибрахим-хан одобрил сей совет и побудил победоносное войско как можно скорее построить крепость, чтобы затем двинуться в Джар. Газии¹³ приложили старание к [исполнению] вверенного им дела [7, 171a].

Во время пребывания войск Ибрахим-хана в округе Ках сюда пришел приказ от Надир-шаха отпустить всех воинов — уроженцев Мерва и отправить их на родину. Мухаммад-Казим, будучи сам мервского происхождения, подпал под действие этого приказа. После некоторого колебания он оставил армию и вернулся в Мерв. О дальнейших действиях Ибрахим-хана наш автор пишет: «Когда Ибрахим-хан оставил свой обоз в новой крепости Ках, он направился в сторону Джар и Телле. После прибытия в местность Ак-бурдж у подножия селения на горе, которая примыкает к землям джарского племени, Ибрахим-хан строил новую крепость. Артиллерию, арсенал и прочее тяжелое снаряжение он оставил в той крепости. Спешив половину победоносного войска, он в полной готовности двинулся в непроходимые горы» [7, 172b].

Как же отделило население Дагестана на вторжение врагов в свои родные земли? Рассказ об этом у Мухаммад-Казима красочен и выразителен. Приводим его полностью.

«Когда [джарцы] узнали о прибытии кызылбашских войск и Ибрахим-хана, они послали гонцов к сурхаю и к Большому уцмию, которые пребывали в Табарсаране, написав им: „Сейчас нечистые кызылбашские воины во главе с Ибрахим-ханом, братом Надира сахиб-кирана, вошли в пределы Дагестана. Вам следует теперь прибыть к нам ради народа, религии и веры имамитской¹⁴, проявить единение с нами и оказать помощь“. После получения этого послания первым делом они (т. е. Большой уцмий и сурхай) перевели свои семьи в укрепленные места, отправив их в округа Кирама¹⁵, Киака¹⁶ и Кичи¹⁷. Сами же переградили все проходы и занялись подготовкой к обороне. Примерно двадцать тысяч человек из племен, живущих в Табарсаране¹⁸, Ханалике¹⁹, Ахты-пара²⁰, Курели²¹ и других местах, прибыли во главе с Большим уцмием. Трое суток они брали пропитание и фураж у джарского племени. Лезгинские дозорные сообщили о боеспособности и снаряжении кызылбашского войска. Среди джарцев были два знаменитых предводителя, которые в смелости походили на Рустам-Дастана, а в щедрости — на Хатам Таи. Один был прозван Ибрахимом-дивана [7, 173a], а другой — Халилом. Узнав об отступлении лезгин, они не пали духом. Первым делом они поручили примерно двум тысячам прославленных своих стрелков захватить все заставы, проходы и дороги, по которым должны были пройти победоносные войска. Сами же они занялись сбором войска» [7, 178b].

¹³ Газии (гази) — Мухаммад-Казим называет так воинов-мусульман, независимо от подданства.

¹⁴ Непонятно, почему Мухаммад-Казим называет веру населения тогдашнего Южного Дагестана имамитской, т. е. шиитской, тогда как в действительности в своем большинстве оно исповедовало суннизм.

¹⁵ По-видимому, современный Курум, округ, местность на р. Курмух-чай.

¹⁶ Испорчен текст. По-видимому, надо читать Кайтак, т. е. округ кайтаков или даргинцев.

¹⁷ Вероятно, селение Кечели [5, 123], или современное селение Киш севернее Шаки.

¹⁸ Округ в Дагестане с центром в селении Табарсаран.

¹⁹ Под Кубой, лежит к востоку, в горах, граничит к северу с горой Шаком [3, 104].

²⁰ Судя по контексту и по маршруту Ибрахим-хана, селение Ахты-пара соответствует населенному пункту с тем же названием, в котором в настоящее время находится районный центр.

²¹ По-видимому, Кер-Оглы. «На юг от Пармашки лежит Кер-Оглы» [5, 123].

Вторжение Ибрахим-хана и отдельных его отрядов в глубь дагестанских гор происходило следующим образом:

«Ибрахим-хан приказал ширванским, грузинским войскам во главе с Хан-Джаном и Мухаммад-Кули-ханом Афшаром вступить в горы и, если какой-либо лезгинский отряд займет дороги и тропы, постараться изгнать его. Хорасанским стрелкам с тысячниками²² Алихан-беком и Али-Наки-беком было приказано выйти из города Дербенда [в сторону] летних стоянок и заняться отражением непокорных. Вслед за этим сам Ибрахим-хан с победоносным войском направился вверх в горы. Во время прибытия ширванских и грузинских войск лезгины, занимавшие проходы, начали смертоносную стрельбу. Каждым выстрелом они поражали одного храбреца. Когда грузинские воины увидели это, часть их, подобно златокрылой птице, с тыла поднялась на вершину той горы и начала обстреливать лезгин. Лезгинские газии не выдержали натиска грузинских воинов: некоторые были убиты, некоторые взяты в плен, другие побросались с горы и разбились [7, 1736]. Те, которых пощадила смерть, с большим трудом выбрались из того опасного места.

Хорасанские стрелки с другой стороны поднялись в горы, огнем мушкетов сокрушили защитников укрепленных летних стоянок и заняли их твердыни. Со всех сторон в горы поднялись победоносные газии, овладели укреплениями и кишлаками врага. Затем на те горы взошел Ибрахим-хан с победоносным войском. Там поставили двухглавую палатку для Ибрахим-хана и предводителей войска. На следующий день... последовал приказ Ибрахим-хана десяти тысячам азербайджанских молодцов двинуться к жилищам джарцев и, если они там собрались и укрепились, разграбить и перебить их. Эти газии пошли к их месту пребывания. Малая часть того племени, которая оставалась на своих местах, после схватки и стычки была убита или взята в плен победоносным войском. В четырех фарсах²³ от того места увидели сильно укрепленную башню, которая поднималась ввысь до небесного свода, а величиной равнялась планете [7, 174a].

В тех горах [газии] увидели людей. Стали о них расспрашивать, и пленные из того племени (джарцев) рассказали: „Ибрахим-дивана и Халил — охотник на львов с малым числом [войска] укрепились в том месте. Кызылбашские предводители назначили для их истребления две тысячи человек“. Во время прибытия победоносного войска, когда оно вступило на вершину горы, Ибрахим-диване с малым числом людей за половину звездного часа разбил это двухтысячное войско, люди этого войска, раненные и несчастные, обратились в бегство и вернулись с сердаром. В тот же день Ибрахим-хан прибыл на это место, а оно было главным укреплением джарцев. Когда он узнал о смелости [их], он пожелал назначить часть победоносного войска для их отражения. Хан-Джан доложил Ибрахим-хану: „Если назначенные газии опять с этого места и через это ущелье пойдут туда, где были разбиты те две тысячи, даже если теперь их будет сто тысяч — ничего не сделав и не достигнув цели, вернутся обратно. Если же высокий кортеж останется в крепости, которую построили в укрепленных летовках, с той стоянки довольно легко я пройду отдельной дорогой, которую нашли грузины, и, пока узнают об этом лезгины, поднимусь на ту гору, захвачу то безмятежное племя и легко смогу разбить и рассеять его“. Предложение было одобрено Ибрахим-ханом [7, 174b].

²² Минбаш и — тысячник. Это звание, как и другие аналогичные звания (юзбаш и — сотник), превратилось в военный чин и не зависело от числа воинов, находившихся под командованием данного лица.

²³ Фарсах (или фарсанг) — около 6 км.

Он приказал, чтобы победоносные войска, отряд за отрядом, направились бы горами и долами. В это время Ибрахим-хану доложили, что позади есть башня высотой в пять зар'ов²⁴, и часть лезгин находится в ней. Согласно приказу Ибрахим-хана, было поручено Мухаммад-Кули-хану, беглярбегу Ширвана, с его газиями напасть на ту крепость и захватить ее. Во исполнение приказа Ибрахим-хана крепость штурмовали до захода солнца. Двенадцать человек лезгин оттуда [из башни] стреляли, и около четырехсот человек ширванских молодцов убили. Когда кончились пули у лезгин, они бросились с вершины башни, с мечами в руках атаковали [кызылбашей] и до тех пор сражались, пока не были зарублены мечами газиев. Ширванские воины так же со склона той горы вернулись в свои укрепления» [7, 175а].

По словам Мухаммад-Казима, дагестанские предводители Ибрахим-дивана и Халил — охотник на львов пришли к заключению, что наступил решающий момент в их борьбе с завоевателями. Дагестанцы решили либо погибнуть, либо победить. Ибрахим-дивана предложил смелый план борьбы с завоевателями, который и привел к гибели Ибрахим-хана и разгрому основных его сил. Рассказ Мухаммад-Казима об этих решающих боевых событиях очень ярок и интересен:

«С другой стороны, Ибрахим-дивана и Халил лезгинский узнали о продвижении Ибрахим-хана и так порешили со своими предводителями и вождями племен: „Если кызылбашское войско продвинется с тыла и захватит вершину горы, то поставит нас в тяжелое положение и уничтожит. Первым делом, уповая на бога, в полночь пойдем и засядем между укреплением и легкой стоянкой. Во время продвижения победоносного войска уничтожим его смертоносным обстрелом с двух сторон [7, 175а]. Все мы или будем убиты, или попадем в плен, и если пленят наших жен и детей, мы этого при жизни не увидим“.

Наконец, в тот день предводители, вожди племен и старейшины Джар и Телле выбрали примерно семьсот прославленных стрелков, которые огненными пулями в темную ночь могли попасть в чешуйку змеи. Они отделились под начальством Ибрахима и Халила. Попрошавшись с племенем и родом, в ту темную ночь направились на великое дело. Войдя в леса, которые были на пути Ибрахим-хана, сели в засаду. Они находились там, пока не прошли по склону горы лезгинские и ширванские войска, воины племен мокадам, думбули и прочие. По небесному предопределению и велению вечного рока, ни один кызылбаш их не заметил, хотя они сидели у прохода. После прохождения упомянутых войск в те горы вступил Ибрахим-хан с хорасанскими стрелками и с несколькими ханами и предводителями. Когда они дошли до середины гор, то внезапно с двух сторон, [сидевшее в засаде] удачливое сборище начало стрельбу. Хорасанские же стрелки, ничего не видя, также приготовились к стрельбе, и сражение началось [7, 175б]. Каждая стрела, которая вылетала из рук лезгин, поражала грудь одного или двух хорасанских храбрецов. Как ни старались Ибрахим-хан и его предводители что-нибудь разглядеть, устремляя взоры во все стороны, они ничего не видели, кроме пуль, которые сыпались, подобно каплям весеннего ливня. В какую бы сторону они ни смотрели, ничего не могли увидеть, [будто] не было ничего, кроме шальных смертельных пуль, поражавших в грудь и в бока смельчаков. Ибрахим-хан познал коварство и хитрость лезгин, хотя он побуждал хорасанских стрелков к сражению, они стреляли, никого не видя. Но какая польза [от этого]? То хитрое племя поражало выстрелами со всех сторон, и когда люди того порочного племени подметили слабость и беспомощ-

²⁴ 3 а р — мера длины, равная 107 см.

ность победоносного войска, они осмелели, и базар сражения разгорелся.

В разгар этой схватки Ибрахим-дивана узнал Ибрахим-хана и послал в его сторону смертельную пулю. По божьей воле и вечному предопределению, та пуля попала в голову Ибрахим-хана и ранила его. Другая пуля попала в знаменосца, и он, опрокинувшись, покатился. В это время Огурлу-хан, правитель Ганджи, подбежал к Ибрахим-хану и закричал: „Да стану я жертвой ради тебя! [7, 176a]. Не место [здесь] стоять, ударь скакуна кнутом и доскачи в [укромный] угол, так как враг хитростью и обманом сделал свое дело“. Ибрахим-хан сказал: „Да покроет земля мою голову, если я живой убегу с поля битвы“. Огурлу-хан настаивал, как вдруг другая пуля попала ему в грудь, и он был убит. В тот момент он вскрикнул и сказал своему брату Хасан-Али-хану: „Ты выведи Ибрахим-хана, если, не дай бог, что-либо с ним случится, то завтра от великого гнева сахибкирана горит весь Азербайджан“. В это время еще одна пуля попала в лоб Хасан-Али-хану, и он тоже был убит. Каждый предводитель и вождь племени, который подходил к Ибрахим-хану, говоря, что здесь не место оставаться, не достигал цели. Ибрахим-хан перестреливался с врагами, подстреляя храбрецов на битву. С другой стороны Ибрахим и Халил смело выступили вперед, напали на кызылбашских воинов и начали убийство и грабеж. В это время пуля попала в руку Ибрахим-хана, и он содрогнулся. В это же время другая пуля попала в коня, и он повалился. Когда Ибрахим-дивана это увидел, другой раз выпалил из смертоносного оружия; пуля попала в грудь Ибрахим-хана и прошла через него насквозь. Ибрахим-хан прислонился к дереву и попросил глоток воды. Тогда Алихан-бек минбаши дал ему чистой воды. Не отпив и глотка, Ибрахим-хан умер. Это произошло в месяце ша'бана 115(?) года²⁵. В тот тягостный день страх перед смертью вселился в славных сарбазов и храбрецов. Не дожидаясь смерти, они бежали с поля битвы, а лезгинские воины в тот день убивали кызылбашских бахадуров. По небесному предопределению и вечному року, такое славное и гордое войско было разбито и побеждено» [7, 176b].

Гибель Ибрахим-хана и разгром основных сил его отряда послужили сигналом к отступлению, точнее, к бегству из Дагестана и остальных отрядов войска завоевателей.

«Часть войска, еще до прибытия Ибрахим-хана по горным склонам достигшая своих укреплений, узнала о поражении Ибрахим-хана. Тогда Мухаммад-Керим-бек Ишик-акаси-баши²⁶ Афшар, который был назначен Ибрахим-ханом [командовать], двинул войско и направился к берегам Аракса. Лезгины, преследуя их, захватили брошенное в укреплении имущество. Упомянутый Мухаммад-Керим-бек, благодаря полноте своего таланта и умению руководить войском, прибыл к берегам реки Аракс. По пути Хан-Джан, правитель Грузии, взял свои войска и направился в сторону горы Эльбрус²⁷. Часть дербентцев и ширванцев не поладили с Мухаммад-Керим-беком, они направились в сторону своих провинций. Прославленный Мухаммад-Керим-бек в сопровождении Самад-бека Табризи и воинов-туркмен, мокадам и прочих хорасанских газиев, перейдя упомянутые реки, прибыл к месту переправы. Некоторые вплавь, а другие по мосту переправились со своими конями и на четыре-пять дней там остановились [7, 177b]. Однако очень

²⁵ Текст испорчен. По Мехди-зану [10, 343], это произошло в 1151 г. в месяце ша'бана (14.XI — 12.XII.1738).

²⁶ Начальник дворцовых слуг, церемониймейстер. В эпоху Надира это было также придворное звание.

²⁷ Северо-западнее г. Тбилиси.

многие в реках Окри-чай, Каник-чай²⁸, Аракса и Куры стали добычей рыб и жертвой водоворота божьего гнева» [7, 178a].

Наконец, заслуживает внимания рассказ Мухаммад-Казима о попытке дагестанцев освободить шестнадцать своих соплеменников, раньше еще, до похода Ибрахим-хана, попавших в плен к кызылбашам и находившихся в табризской тюрьме. За их освобождение дагестанцы предлагали выдать тело убитого Ибрахим-хана. Однако упомянутые предводители в ответ написали: «Самовольно мы не можем выдать заключенных, но если захотите золота весом, равным весу тела [Ибрахим-хана], на этом и поладим» [7, 177b]. Лезгины это предложение не приняли, считая, что казна кызылбашей пуста. В конце концов [кызылбашские] предводители сказали: «Подождите, пока мы доложим об этом Надир-шаху». С таким ответом лезгины вернулись к себе [7, 177b].

Из слов Мухаммад-Казима видно, что дагестанцы имели и другой план освобождения своих пленников. План этот им удалось осуществить. Мухаммад-Казим рассказывает об этом так: «Однако [что же касается] шестнадцати заключенных, которые по небесному предопределению находились в заключении в Табризе. Некто по имени Ахмад из молодцов и вождей племени [7, 178a] из местности Кирам и Киак (Кайтак) вызвался пойти и освободить упомянутых [заключенных] и вернуть их. По прибытии в обитель власти Табриз [Ахмад] нарядился в одежду купца и на площади Сахиб-Аз-замана остановился в одном караван-сараяе. Ткань, которую он привез с собой, он продал. Взамен купил быстроходных коней. Под пятницу приносил немного еды в тюрьму и отдавал тюремному смотрителю, говоря: „Раздай ее узникам и попроси их молиться за меня“. Другой раз он попросил посмотреть внутренность тюрьмы. Стóрож тюрьмы без препятствий открыл дверь, и тот изворотливый человек вошел в тюрьму. Во время осмотра бросил в подол одного заключенного напильник и письмо, а сам вышел. Заключенные узнали его тайну. Ночью распилили свои цепи и оковы и ждали, каким образом [он] и под каким предлогом их освободит, так как стены и двери этой тюрьмы были из черного камня. Тот обманщик [Ахмад], закончив свои дела, в полночь подошел к задней стороне тюрьмы, сделал подкоп и довел его до середины тюрьмы и тех шестнадцать человек провел через этот ход. В ту же ночь на упомянутых лошадях они покинули крепость и стены Табриза и направились к своей цели [на родину]. На следующий день на закате смотритель тюрьмы открыл дверь, чтобы дать хлеба и воды заключенным, но не увидел их следа. Когда [сторож] увидел подкоп, то от страха перед гневом Ибрахим-хана решил бежать и направился в сторону Арзарума. В то же время [7, 178b] пришло известие о поражении Ибрахим-хана».

Из этих слов видно что в Табризе не знали о поражении Ибрахим-хана, а переговоры велись с Мухаммад-Карим-беком, который стоял на берегу реки Куры. После освобождения шестнадцати своих узников дагестанцы, естественно, не были заинтересованы в сохранности тела своего врага Ибрахим-хана (как мы видели извлекать какие-либо материальные выгоды из этого они и отказались), в связи с этим не приходится удивляться участи, постигшей тело Ибрахим-хана, о чем Мухаммад-Казим приводит достаточно выразительный рассказ:

«Между тем лезгинские предводители вернулись домой. Джарцы узнали об их возвращении. После того как кызылбашские предводители сказали: „Мы доложим Надир-шаху, и какой приказ будет, так и сделаем“, джарцы вынули тело Ибрахим-хана из гроба и повесили его

²⁸ Река Алазань [1, 91].

вниз головой на дереве, [говоря]: „Так как наши предводители в тюрьме, пусть его тело так же страдает“. А после прибытия своих предводителей они сожгли его тело и развеяли прах по ветру.

Короче говоря, Мухаммад-Карим-бек и Самад-бек и прочие главари пошли по берегу Куры, пройдя некоторое расстояние, дошли до города Ганджи. Пройдя это место, они покинули Хасан-Кули-хана, брата Огурлу-хана, и направились в обитель власти город Табриз. После поражения они отправили гонцов ко двору покорителя мира [Надира]. [Гонцы] доложили о происшедшем у подножья престола халифата. Упомянутые предводители вошли в обитель власти Табриз и там остановились и приступили к исполнению траурных обрядов».

Таков был конец Ибрахим-хана. Брат знаменитого завоевателя, наводившего ужас на соседние страны, вторгся в Дагестан с отборным войском. Но здесь он не снискал себе лавров. Он встретился с мужественным сопротивлением горцев, ценивших свободу больше жизни, и потерпел полное поражение.

История этого эпизода составляет одну из славных страниц прошлого народов Дагестана. Она изложена по сочинению Мухаммад-Казима. Здесь важно подчеркнуть, что, как мы знаем, Мухаммад-Казим, ревностный почитатель Ибрахим-хана, а следовательно, лицо, никак не сочувствующее населению Дагестана, тем не менее был вынужден отдать должное мужеству, проявленному дагестанцами.

Своей кульминационной точки борьба дагестанцев достигла тогда, когда Ибрахим-хан приблизился к округу Джар и Телле и отдал приказ о нападении на эти селения.

Гибель Ибрахим-хана стала поводом для вторжения в Дагестан Надир-шаха с гораздо большим войском. Но и самому грозному завоевателю не удалось сломить сопротивление народов Дагестана. Борьбу дагестанцев против этого завоевателя лучше всех описал также Мухаммад-Казим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиханов, Аббас-кулу ага. Гюлистан-и Ирам, Баку, 1970.
2. [Бутков П. Г.] Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П. Г. Буткова, часть первая, СПб., 1869.
3. [Гербер И. Г.] Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером, [б. м., б. г.].
4. Материалы по истории Туркмен и Туркмении, т. II. XVI—XIX вв. Иранские, Бухарские и Хивинские источники, М.—Л., 1938.
5. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., М., 1963.
6. Мухаммад-Казим, Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Та'рих-и 'аламā-рā-йи надири), пер., предисловие и прим. П. И. Петрова, М., 1961.
7. Мухаммад-Казим, Наме-йи, 'Аламā-рā-йи Нāдири (Мироукрашающая Надирова книга), т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
8. Новосельцев А. П. Героические страницы боевого прошлого народов нашей страны. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в.,—«Вопросы истории», 1972, № 5.
9. [Lockhart L.] Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources by L. Lockhart, with a Foreward by E. Denisson Ross, London, 1938.
10. Мухаммад Мехди ибн Насир Астрабади, Та'рих-и джахāнгушай Нāдири, Бомбей, 1309 г. х.

П. П. Бушев

**ПУТЕШЕСТВИЕ ИРАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА
МОХАММЕДА ХОСЕЙН ХАН-БЕКА В МОСКВУ
в 1690—1692 гг.**

В русской и советской исторической литературе русско-иранские отношения конца XVII в. еще недостаточно и слабо освещены. Экономическое и политическое положение Русского и Иранского государств в конце XVII в. было различным. Если феодальный отсталый Иран находился в состоянии прогрессирующего экономического упадка и крайнего ослабления сефевидской государственной системы, то Русское централизованное государство, развиваясь на протяжении всего XVII в., крепло экономически и усиливало политически, превращаясь в одно из самых могущественных государств Европы.

После успешной ликвидации к 1667 г. опасности польской агрессии на восток московское правительство, заключив в 1686 г. союз с Польшей против Османской империи, начало военную борьбу с последней за выход к берегам Черного моря.

В борьбе против турецкого султана Мехмеда IV (1648—1687) были заинтересованы и западные державы, подвергшиеся в начале 80-х годов XVII в. очередному турецкому нападению, кульминационным пунктом которого была осада Вены в 1683 г. Это привело в 1684 г. к созданию Священной лиги против Турции и Крыма с участием Австрии, Польши, Венеции, папы римского. В 1686 г. к ней примкнула и Россия [11, 208]. Чтобы отвлечь часть турецких и крымских военных сил от западноевропейских границ и от южных границ Польского и Русского государств, папа римский, Австрия, Польша, Швеция и Россия настойчиво, но безуспешно пытались вовлечь в Лигу и Иранское государство, считая его еще достаточно могущественной и сильной империей.

Помимо сложной международной обстановки русско-иранские отношения второй половины XVII в. имели свои трудности, в частности связанные с ликвидацией затянувшегося пограничного конфликта 1647—1662 гг. [12, 24—32], в котором была повинна исключительно иранская сторона. Несмотря на стремление московского правительства устранить возникшее охлаждение, иранское правительство воздерживалось в 1647—1670 гг. от регулярных дипломатических связей с Москвой, направив за эти годы лишь одно посольство Хадеканул Салтана в 1657 г. Из Москвы же за эти годы было отправлено три посольства и шесть гонцов¹.

Едва успели русско-иранские отношения несколько наладиться, как

¹ Посольства: И. Ф. Лобанова-Островского, 1652—1653; Ф. Я. Милославского, 1661—1662; К. Иевлева, 1667. Гонцы: М. Булгаков, 1647; М. Спиридонов, 1650; Н. Прокофьев, 1653; К. Иевлев, 1653; И. Хвастов, 1661; Томас Брени, 1667.

наступило новое резкое ухудшение их в связи с набегами казаков Степана Разина в 1668—1669 гг. на прикаспийские провинции Ирана, возместить ущерб за которые московское правительство отказалось. Это привело к новому разрыву иранским правительством дипломатических связей с Москвой. Русское же правительство, заинтересованное в привлечении Ирана к военной борьбе против Турции, продолжало направлять своих посланников и гонцов в Иран. Так, за 1670—1689 гг. из Ирана в Москву было направлено лишь одно посольство Юсуфа хан-бека в 1671 г. [5, 26—30], тогда как из Москвы в Иран в эти годы выезжали три посланника и 11 гонцов².

Активная роль Русского государства в налаживании дипломатических связей с Ираном была обусловлена его возрастающей мощью и повышенным интересом к Каспийскому морю и Кавказу, тогда как иранское правительство не только воздерживалось от активной внешней политики, но и не спешило с ответом на те посольства, которые направляло к нему Русское государство. Так, иранскому правительству потребовалось 12 лет для того, чтобы решиться отправить своего посла Мохаммеда Хосейн хан-бека в 1690 г. в ответ на последнее русское посольство Чирикова (1678—1679).

Учитывая все эти обстоятельства, московское правительство вряд ли могло питать особые надежды на то, что посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека внесет что-либо новое в существующие неопределенные отношения с Москвой, тем более что внутреннее положение Ирана продолжало ухудшаться и ему было не до активизации своей внешней политики, да еще такой, которая вызвала бы осложнение отношений с Османской империей.

Вот почему направление иранским правительством в 1690 г. в Москву многочисленного посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека представлял большой интерес для изучения русско-иранских отношений конца XVII в.

Московское правительство, не имея ответа на свои два посольства — Б. Е. Мышецкого и Степана Чирикова, тем не менее в 1680—1683 гг. послало своих гонцов к иранскому шаху с грамотами по разным вопросам, а также с напоминанием, что оно ждет послов от шаха Сулеймана (1666—1694). Поэтому естественно, что московское правительство, получив сведения 20 октября 1689 г. из частных рук³, а потом и официальное донесение 23 января 1690 г. от астраханского воеводы Николая Ивановича Приемкова о приезде весной иранского посла Мохаммеда Хосейн хан-бека [2, 96, 97], приняло необходимые меры к его приему.

Однако юзбаша⁴ Мохаммед Хосейн хан-бек не спешил с выездом в Россию, а иранское правительство, очевидно, его не очень торопило. Он прибыл в Астрахань сухопутным путем через Тарки и Терки лишь 7 августа 1691 г. с посольством из 155 человек. В нем числилось 63 «шаховых дворян» и 40 «посольских людей» [5, 72 об.; 8, 20], а также двое купчин⁵ — Хаджи Мохаммед Юсуф Зелебединов и Хаджи Му-

² Посланники: А. Приклонский, 1671—1672; Б. Е. Мышецкий, 1675—1676; С. К. Чириков, 1678—1679. Гонцы: И. Меньшов, 1670; Ф. Возницын, 1672; К. Христофоров, 1673; Г. Долгов, 1674; Федотьев, 1674; Н. Алексеев, 1676; К. Христофоров, 1676; Н. Лорионов, 1676; Н. Силин, 1682; К. Христофоров, 1683.

³ Русские купцы сообщили, что житель г. Дербента, приехавший в Астрахань, рассказал, что в Дербент прибыл шахский посол, чтобы оттуда следовать в Москву [2, 94].

⁴ Юзбаша — придворный чин при шахском дворе; в армии — сотник.

⁵ Купчина — обычно крупный иранский купец, официально направляемый шахским двором в составе иранского посольства или самостоятельно для проведения коммерческих операций с шахскими товарами в Русском государстве, пользовавшийся

рат-хан Аджидатов со своими людьми (49 человек). Оба они неоднократно бывали в России по торговым делам. Первый из них умер в Астрахани, второй — по дороге в Москву. Первого заменил его сын — Ага Шамси Мирза Юсуфов, а Аджидатова — его сын Ага Керим Мурат-хан [5, 81 об.— 87; 4, 132; 6, 312].

Что представлял собой иранский посол Мохаммед Хосейн хан-бек, описывают в своих донесениях саратовский воевода Нестеров и Иван Юрьев, племянник гонца К. Христофорова. Нестеров доносил, что «посол собою дороден, в словах тих, добронравен...» [4, 27], а Юрьев писал из Саратова в ноябре — декабре 1691 г., что «чином тот посол — бек или князь, честной человек и богатой. Отец его у шаха был боярин, персоны и возрасту изрядного...» [4, 233].

Посольство в Астрахани было встречено с традиционным почетом: для его обслуживания назначили двух приставов весьма высокого ранга (к иранскому послу был прикреплен «рейтарского строя» полковник Григорий Кохановский, к купчинам — стольник князь Максим Заманов) [2, 66; 4, 132].

У астраханских властей сразу же возник спор с послом из-за размера кормовых денег⁶. По существующему положению иранскому послу предлагали кормовые деньги в размере 3 руб. 13 алтын в день и «питье»⁷ натурой. Посол же, как сообщал в Посольский приказ новый астраханский воевода, Петр Иванович Хованский, «кормовых денег себе и шаховым и своим людям не принял... [потому что] того корму с такими многими людьми взять ему мало. И поехал на своем корму» [5, 72об., 73; 8, 20].

Не приняв кормовых денег, посол не отказался от «питья», которое ему и было выдано из расчета на шесть недель: 40 ведер вина простого и ведро вина двойного, «да львовщикам⁸ и птичникам...» семи человекам, очевидно, по взаимной договоренности «дано по их запросу в Астрахани и на дорогу 70 рублев» [5, 73, 73об.].

Иранское посольство находилось в Астрахани месяц и 20 дней. Срок по тем временам для посольства незначительный, так как одна только перегрузка с морских судов на речные шла чрезвычайно медленно. Из этого следует, что в Астрахани разрешение Мохаммеду Хосейн хан-беку на въезд в Москву было получено заранее, так как в противном случае его ожидание заняло бы много месяцев. 27 сентября 1691 г. [5, 72об.; 8, 20] посольство двинулось в путь по Волге к Саратову, куда и прибыло в начале ноября⁹, когда речным путем дальше ехать уже было нельзя, так как Волга замерзла.

В дороге посольство снабжалось всем необходимым, хотя, как сообщал тот же Иван Юрьев, следовавший от Саратова вместе с иранским посольством, «корму посол не берет никакова...» [4, 233].

Возможно, что посол использовал в дороге какие-то продукты, вы-

---

разного рода привилегиями и льготами: беспошлинный ввоз-вывоз, бесплатная перевозка товаров, бесплатное предоставление помещений купчине и его людям, помещений для склада и продажи товаров, зачастую и взятие на полное иждивение всего состава торговой миссии купчины.

⁶ С момента переезда границы иностранное посольство переходило на полное иждивение Русского государства. Продукты и фураж выдавались или натурой, или деньгами, на которые пристав закупал продовольствие.

⁷ Алтын — 3 копейки или 6 денег. Питье — разного рода спиртные напитки: водка, вино, мед и пиво.

⁸ Львовщики — специалисты по уходу за львом и львицей, которых везли в дар царю от шаха.

⁹ Точной даты прибытия посольства в Саратов нет. Из донесения Венюкова, прибывшего из Москвы в Саратов для ускорения продвижения посольства, известно, что посольство находилось к моменту его приезда — 5 января 1692 г. — в этом городе уже восемь недель [4, 13].

везенные им из Ирана. Но, несмотря на это, и по дороге и в Саратове посольство снабжалось не только «питьем», но и продуктами в натуре¹⁰.

В Саратове оно задержалось почти на два месяца из-за отсутствия подвод; лишь к 25 декабря, по специальному распоряжению из Москвы, в Саратов пригнали из Саранска 500 подвод [4, 225]. Задержка посольства обеспокоила Посольский приказ, и указом от 23 декабря 1691 г. был направлен в Саратов подьячий Никифор Венюков — «навстречу персидского посла к Магметь Усейн хан беку» — с распоряжением дорожным приставам Кохановскому и Заманову немедленно выехать с иранским посольством в Москву. Венюков приехал в Саратов 5 января 1692 г., когда подводы из Саранска уже прибыли. Он выехал с посольством 12—13 января¹¹ [4, 12, 28, 30] на 455 подводах, из которых 300 занял посол и первый купчина, а второй купчина со своими людьми погрузился на 155 подвод [4, 28]. На остальных подводах ехали дорожные приставы и конвой.

К этому времени относится донесение Ивана Юрьева. Он писал, что Мохаммед Хосейн хан-бек «призlobливается [на то], что прием и почитание ему везде худо» [4, 253]. Далее Юрьев сообщал, что посол мог быть недоволен также задержкой в Саратове из-за подвод. Продовольствие и «питье» же ему отпусkaliсь в натуре. Городские власти Саратова встретили иранское посольство за городом с подобающим почетом. Но послу могло показаться, что его встречало мало народу, так как по зимнему времени организовать массовую встречу гораздо труднее, чем летом. Об уровне требований иранского посла свидетельствует трехдневный спор его в Саратове с местными властями из-за того, чтобы возок для него с женой был обит сукном не лазоревого, а обязательного красного, т. е. «царского» цвета, так как, говорил посол, «прежним послом воски обиваны сукными великими государей...» [4, 25, 27]. И он добился своего. Всего на новую обивку возков было истрчено 156 рублей 21 алтын 4 деньги [4, 27, 30—32]. Сумма по тем временам не малая.

17 января 1692 г. посольство прибыло в Пёнзу, а 20 выехало в Касимов, куда и прибыло 1 февраля. 7-го того же месяца на 479 подводах оно выехало в Владимир [5, 18, 18об.; 4, 75, 76], где было встречено 13 февраля, по словам воеводы Андрея Гагарина, «за городом с городскими чинами... как было предписано указом из Посольского приказа, полученным им 14 декабря 1691 г.» [4, 90, 93, 94]. Здесь посольство также было обильно снабжено продовольствием и спиртными напитками¹².

Несмотря на это, племянник иранского посла выразил недовольство Венюкову тем, что посла не встретили ни в Нижнем Новгороде, ни во

¹⁰ Так, например, 10 января 1692 г. в Саратове посольству выдали: 15 баранов, 30 кур, 300 яиц, пуд масла коровьего, три четверти муки, два ведра водки анисовой, десять ведер вина простого, пуд меда. В Пензе послу выдали 17—20 января: 20 калачей, четыре барана, 90 штук дичи разной, два ведра водки анисовой, восемь ведер вина простого, шесть ведер меда, десять ведер пива и т. д., помимо денег на кормление львов, на что отпущено в Саратове 51 руб., а в Пензе, куда прибыли 17 января, бык, два барана и 3 руб. деньгами [5, 17 об.—19].

¹¹ Посольство могло выехать 9 января, но посол воздержался от выезда из-за суеверия, «будто для рождения нового месяца, потому что де им месяц молодой не видать, в дорогу ехать невозможно» [4, 29].

¹² Так, воевода Андрей Гагарин 13 февраля отпустил послу: 7 баранов, 2 быка, 59 гусей, уток и кур, 2 пуда масла, 95 четвертей пшеничной муки и т. д., а для «питья»: три ведра анисовой водки, 10 ведер вина простого, 15 ведер пива, 8 ведер меда. Одновременно двум купцам было отпущено: 2 быка, 4 барана, 26 штук дичи, 2 ведра водки, 10 ведер вина простого, 12 ведер пива и 8 ведер меда. Сверх того племяннику посла дано 3 барана, 24 штуки дичи, 3 ведра вина простого, 8 ведер пива и 5 ведер меда [4, 90, 91].

Владимире представители московского правительства, как это делалось якобы прежде, чем «чинитца умаление ему в приеме», тогда как «он послан в великих послех от шаха так же и з делами нужными и с поминки¹³ многими» [4, 91].

Венюков немедленно сообщил об этом в Посольский приказ, который указом 20 февраля 1692 г. распорядился срочно направить во Владимир специального пристава, стольника Ивана Меркульевича Конищева для сопровождения посла до Москвы. Ему было предписано привезти посольство в село Пахорку в 15 верстах от Москвы к 26 февраля. В помощь Конищеву был назначен подьячий Никифор Венюков, а толмачом — Аврам Павлов [4, 106].

Посольский приказ дал Конищеву подробную инструкцию, как вести себя в переговорах с иранским послом и каким образом, выйдя на дворе у посла «из саней среди двора», пойти к послу в хоромы, где произнести «от окольных чрез толмача речь», в которой велено «тебя шахова величества посла Юз Баши Усейн хан Бека о здоровье спросить, здороволь... дорогою ехал... а изговоря речь с ним, корошеватся...»¹⁴, и сообщить, что приехал из Москвы сопровождать его в столицу, куда ехать «не мешкая» [4, 106—108]. Конищев должен был также расспросить посла о том, «не было ль в дороге ему какой скудости...». Если же, говорилось в инструкции, посол будет жаловаться на задержку в пути, разъяснить, что это произошло из-за трудностей собрать такое большое число подвод и т. д. Особенно в инструкции подчеркивалось: «быть ему, Ивану, к послу и к купчинам и ко всем шаховым людям ласкову и приветливу. И береженье к ним держать великое, чтоб послу и шаховым и его посольским людям от русских людей ни от кого безчестия никакого не было и во всем бы им была честь» [4, 109, 110, 112]. Учитывая же прежние факты своеволия и самодурства иранских послов или их людей, Конищеву предписывалось «смотреть и за тем, чтобы «от них бы русским людям потомуж насильства и обид не было б ж и даром бы нигде ничего [они] не имали...» [4, 112]. Конищеву также предписывалось, чтобы он строго следил за изоляцией посольства¹⁵ и вместе с тем чтобы все нужды посольства удовлетворялись по нормам полностью, и даже сверх норм «попросит чего в запрос», т. е. «смотреть накрепко..., чтоб послу ни в чем нузи¹⁶ не было...» [4, 112].

Иван Конищев действовал во Владимире в полном соответствии с инструкцией. Он сообщил послу о своем назначении и о том, что посольство должно было быть под Москвой к 26 февраля. Конищев доложил в Москву, в частности, о том, что посол пил за здоровье сначала великих государей российских, а после того за шаха Сулеймана [4, 112, 184].

Подчеркивание субординации объяснялось тем, что Посольский приказ того времени особенно строго требовал от своих представителей превыше всего «государскую честь оберегать» [14, 304].

23 февраля 1692 г. иранское посольство выехало из Владимира к Москве [4, 185]. Указом 22 февраля въезд посольства из подхожего стана¹⁷ — села Никольского — в Москву был назначен на 29 февраля

¹³ Поминки — дар, подарки [18, II, 1160].

¹⁴ Корошеватся — здороваться.

¹⁵ В инструкции говорилось: «Да и того беречь накрепко в городех и дорогою едуци и на станех к послу и к купцам и к шаховым и к его посольским людям иных государств иноземцы и русские люди никто не приходил и не о чем не розговаривали и письмо никакого к ним не подносили...» [4, 112].

¹⁶ Ну жа — нужда [18, II, 473].

¹⁷ Подхожей стан — село под Москвой, откуда иностранное посольство должно было начать свой торжественный въезд в город.

[4, 128, 129, 131]. Организовать торжественную встречу посольства за Тверскими воротами «за земляным городом перестрелах за два¹⁸...» было поручено знатным боярам Ивану Борисовичу Троекурову и Тихону Никитичу Стрешневу. На встрече приказано было «быть подьячим старым всех приказов в цветном платье и конным и оруженным сту человекам» [4, 169].

Стрешневу было предложено организовать охрану посольского двора — «быти для береженья детям боярским пяти человекам». 26 февраля стольнику Грибоедову Семену Федоровичу и дьяку Корелкину Борису было приказано встретить Мохаммеда Хосейн хан-бека «за Тверскими воротами за Ямскою слободою в двух перестрелах и быть у посла в приставах, а для переводу быть Кучукаю Сакаеву» [4, 169, 196].

О том, как происходила церемония встречи и въезда иранского посольства в Москву, материалов в архиве не сохранилось. Известно только, что въезд состоялся 1 марта 1692 г. [7, 381] и что руководитель Посольского приказа думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев от имени «великих государей» распорядился о «чесной» встрече Мохаммеда Хосейн хан-бека, подчеркивая, что торжественный въезд его в Москву должен быть сделан «по примеру [7] 166 и [7] 183 годов», т. е. как встречали иранских послов Хана Дакула Салтана в 1657—1658 гг. и Мохаммеда Хосейн Али-бека в 1674—1675 гг. [4, 125, 126].

Таким образом, посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека, выехав из Астрахани 27 сентября 1691 г., прибыло в Москву 1 марта 1692 г., пробыв в дороге 155 дней. Его разместили в Китай-городе на Большом посольском дворе, помещение которого было специально переоборудовано применительно к обычаям иранцев¹⁹ вплоть до бани²⁰. Для обслуживания помещения посольства и купчин указами от 11 и 15 февраля 1692 г. было предписано «для приготовления палат Большого посольского двора, где будет стоять Усейн хан бек с купчинами и [для] топления их, послать шесть человек земских людей, которые будут там до отпуска посла из Москвы». Кроме того, указом от 21 февраля «бояре приговорили» предоставить для обслуживания посольства «по водовозу, да им же давать по семь возов дров на неделю» [4, 71, 73, 145; 5, 11, 14]. Такое же распоряжение было дано и в отношении обоих купчин, с их людьми²¹. Однако уже в начале марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек заявил, что «сажени дров сеченых на день на 37 печей и для поварни ему мало, просит добавить. Также бочки дубовые четыре требует...» [6, 40].

Указом от 21 февраля 1692 г. [4, 151] посольству установили с 29 февраля норму выдачи кормового довольствия в натуре. При этом поражают своими размерами нормы «питья». Так, послу отпускали еже-

¹⁸ Перестрел — расстояние выстрела [18, т. II, 915].

¹⁹ Указом от 4 января 1692 г. предписано «боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарищи... персидского посла и купчин поставить в Китае городе на Большом посольском дворе, а к приезду их в Москве во всех полатах печи и окончины починить и полки и примосты по персидскому обычаю в палатах построить и учинить во всем по прежнему, как наперед сего бывало на дворе у персидских послов и у купчин» [4, 227]. Другим указом было предложено «на посольском дворе надобно к приезду персидского посла все отходы вычистить, дворы и столчаки починить. Да купить шесть чанов больших, шесть шаек водяных, шесть поваренных очагов сделать по персидскому... Да земских поставить [для обслуживания] да в полатах протапливать починяные и новые печи» [4, 71].

²⁰ «Зделано послу к приезду иво... в бане по их басурманскому обыкности ларь дощаной...» [4, 9].

²¹ Двум иранским купчинам «велено давать по указу государей... по семь возов дров... на неделю, да к ним же послано по водовозу с лошадью... И отпускать им дрова и воду возить, пока они в Москве. Да к ним же послано из Земского приказа для топления полат земских метельщиков четыре человека» [7, 544, 545].

дневно «полведра романи, 20 ведер меду паточного, 30 ведер пива яичного, два ведра вина двойного. Двум купчинам по четверти вина двойного, по четверти романи, по ведру вина простого, по пять ведер меда паточного и по десять ведер пива яичного». В день же приезда посольства в Москву по обычаю ему была выдана двойная норма [4, 151, 159—162; 5, 11—14].

По приезде в Москву иранский посол «бил челом... великому государю», в результате чего указом от 31 мая 1692 г. ему было выдано «дорожного корму» за путь от Астрахани (с 3 августа 1691 до 1 марта 1692 г.) за 204 дня по 7 руб. 7 алтын и 4 деньги, всего 1264 руб. 26 алтын и 4 деньги²², а вместе с кормовыми на обратный проезд посольства до Астрахани — 300 руб., что составило 1564 руб. 26 алтын и 4 деньги [7, 381; 5, 81], которые московские приставы «стольник Иван Меркульев сын Конищев да дьяк Борис Корелкин отвезли» к Мохаммеду Хосейн хан-беку и «посол те деньги велел принять и поставить в полату» [7, 381].

Так был разрешен спорный вопрос о размере кормовых денег для иранского посольства. Вместо обычных 3 руб. и 13 алтын в Москве ему выдали вдвое больше. Московское правительство явно не желало из-за мелочей портить отношения с иранским послом и пошло навстречу его просьбе, «чтоб де им такую малую дачею впредь обрасца не учинить» [7, 381].

В Москве же за все 72 дня пребывания Мохаммеда Хосейн хан-бека ему выплачивались кормовые в размере 30 руб. в день [7, 381], что составило 2160 руб. К ним необходимо добавить 60 руб. двойных кормовых, полагающихся в день приезда и в день отъезда. С выданными 1564 руб. 26 алтынами и 4 деньгами общая сумма кормовых денег достигла внушительного размера — 3784 руб. 26 алтын и 4 деньги, не считая выданного натурой продовольствия и в Москве, и в пути, а особенно «питья», исчисляемого тысячами мер разного названия.

Несмотря на это, Мохаммед Хосейн хан-бек остался недоволен размером выданных ему кормовых денег. Пристав Корелкин сообщил 31 мая 1692 г., что иранский посол, принимая 1564 руб. 26 алтын и 4 деньги, указал, что «ему на Москве с посольскими дворяны и ево людьми давано государева жалованья поденного корму по 30 руб. на день...», только в дни пребывания в Москве, тогда как в Иранском государстве русские послы получают кормовые деньги от шаха, «с которого числа их примут и покамест в шаховой области они побудут и им кормовые деньги с приему и до отпуску на все дни дают ровно без убавки» [7, 381]. Этими словами Мохаммед Хосейн хан-бек хотел подчеркнуть, что ему должны были выплачивать кормовые по 30 рублей на день и за все дни пребывания иранского посольства на территории России.

Претензия была совершенно необоснованная. Во-первых, в Русском государстве кормовые деньги иностранным посольствам выдавались неукоснительно и строго по определенным нормам, от которых для Мохаммеда Хосейн хан-бека сделали в Москве отступление, не говоря уже о выдачах продовольствия в натуре, особенно в отношении «питья». И, во-вторых, ссылка иранского посла на то, что в Иране русским послам выплачивались кормовые деньги аккуратнее, чем ему в Москве,

²² Кстати сказать, во всех приведенных цифрах сделаны ошибки. Во-первых, с 3.VIII.1691 до 1.III.1692 г. насчитывается 211 дней, а не 204; во-вторых, умножив те же 204 дня только на 7 руб., составит сумма в 1428 руб., а не 1264 руб. 26 алтын и 4 деньги. Однако последняя цифра повторяется и в других документах. Поэтому возможно, что ошибка кроется в том, что поденная норма была не 7 руб., а только 6 руб. 6 алтын и 4 деньги, как указывается в документе от 12 мая 1692 г. [8, 29; 5, 81].

не соответствовала действительности. Почти все русские послы, за исключением, пожалуй, Василия Коробьина (1621—1624), жаловались не только на недостаточную выдачу им кормовых денег из шахской казны, но и на невыплату их в течение длительных сроков пребывания послов в Иране.

После 16 дней пребывания иранского посольства в Москве 17 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек и купчины были приглашены на аудиенцию к царю. На Большой посольский двор приехали приставы: Иван Конищев за послом со свитой; дьяк Корелкин за купчиной Ага Керим Мурат-ханом; Заманов — за вторым купчиной Ага Шамси Мирзой Юсуфом [5, 58об., 59; 2, 247]. Для переезда посла были присланы: «сани... нарядные о шести возниках з белом медведном...²³ з государевой конюшни. Да под купчин... двое сани о четырех возниках. Да под шаховых дворян, посольских людей 45 лошадей, с седлы и с узды...» [5, 58об., 59; 2, 247].

О торжественном характере царского приема можно судить по тому, что на протяжении всего пути иранского посольства от Большого посольского двора до Спасских ворот, а от них до Кремля и до Красного крыльца были выстроены по обе стороны шесть полков стрельцов «с ружьем и з знамены и з барабаны...»²⁴.

Перед санями иранского посла «стрельцы 2003 человека» несли шахские подарки и дары купчин, за ними следовали шаховы дворяне и везли зверей — льва и львицу на специально построенных санях со щитом у дышла, чтобы народ зверей видел, а звери от вида лошадей «не разъярились». Зверей привезли к Красному крыльцу, откуда «по приказу окольничьего Ивана Афанасьевича Матюшкина те звери повезены были через дворец на потешный двор». Около саней посла шла его охрана из десяти человек в панцирях и с пищалями. Посол ехал в «простой чалме», а его парадную чалму «вез на руке в тех же санях кизылбашенин». За послом следовали купчины Ага Керим Мурат-хан и Ага Шамси Мирза Юсуф [2, 247, 248; 5, 59, 59об.]. Въехав в Кремль, иранский посол вышел из саней против первого быка напротив казенной палаты. Здесь он, «взяв чалму, которая была у кизылбашенина, поцеловав, надел на себя, а старую чалму отдал кизылбашенину... А чалма была на после золотная, — сообщал дьяк Посольского приказа, которому было поручено описать церемонию приема иранского посла, — с тремя пернатиками наперед, а в пернатиках были камень яхонты и изумруды» [5, 60]. Шахские же дворяне вышли из саней против среднего быка казенной палаты. Посольские люди спешили еще ранее — против архангельской паперти.

По договоренности ни посол, ни его свита, допущенная на прием к царю, не имели оружия (сабли и кинжалы).

В Грановитую палату, где был назначен прием посла, все поднялись «среднею лестницею Красного крыльца», оставив охрану в сенях [2, 249]. На лестнице до сеней стояли дети боярские, подьячие и дворовые люди «в чистом платье», а в сенях стояли по обе стороны 60 человек «жильцов в терликах и обяринных с протазаны...». Перед послом шли по двое в ряд шахские дворяне и «чиновные люди с ездоками». В сенных дверях Грановитой палаты Мохаммеда Хосейн хан-бека встретил стольник Андрей Яковлевич Хилков с дьяком Осипом Татариновым, который произнес «встречную речь» и поздоровался с послом, а

²³ «З белом медведном» — полостью, очевидно.

²⁴ До военной реформы Петра I стрелецкие полки носили название своих командиров. Поэтому шесть полков на встрече иранского посла назывались полками Ивана Цынклера, Лаврентья Сухорева, Семена Капустина, Бориса Бачурина, Ивана Обухова и Ивана Спешнева [5, 60об., 61].

в дверях палаты иранского посла с купчинами встретил «стольник князь Юрья княже Яков сын Хилков с дьяком Артемием Волковым», который, сказав встречную речь и поздоровавшись с послом, проводил его к месту, где сидели государи. В Грановитой палате стояло много «гостей». Все они были «в золотном платье» [2, 249, 250; 5, 60, 60об.].

Вся эта торжественная обстановка приема свидетельствовала о большом почете, оказанном иранскому послу в Москве. Так, «великие государи в то время изволили сидеть в своих царских венцах и в диадиме с скипетром в своем государском большом наряде» [5, 61]. Справа от царей стояли Василий Петрович Шереметев и Михаил Семенович Колычов, а слева — Владимир Петрович Шереметев и Богдан Семенович Колычов. Бояре, окольничие и думные люди сидели в золотном платье «и в шапках з запаны»²⁵ [5, 62].

Когда Мохаммед Хосейн хан-бек подошел к трону, думный дьяк Емельян Украинцев представил его государям, после чего посол поклонился и «поздравление правил и подал шахову грамоту...», а купчины подали свои грамоты. Грамоты принял дьяк Украинцев. Привстав, государи спросили о здоровье шаха: «Брат наш великий государь Сулейман шах здорову ль?» Посол ответил обычной формулой, что когда он, посол, выезжал из Ирана, шах был здоров. Добавил, что «прислал его шах для обновления и утверждения их государской братцкой дружбы и любви...», а также «с поздравлением на престоле российского царствия» [2, 253, 254; 5, 62].

После этого посол, купчины и шахские дворяне были приглашены «к руке», но Мохаммед Хосейн хан-бек «целовал великих государей в правую полу», во время чего они «нанесли руку» над ним. Племянник посла, оба купчины и три шахских дворянина целовали тоже царскую полу с той же церемонией. Государи спросили и о здоровье посла и купчин, после чего были предъявлены подарки от шаха. Подарки «прописи... [приняли]... казенные дьяки». В момент сдачи подарков иранский посол встал со специальной, обитой красным сукном скамейки, поставленной для него. Представили подарки и купчины. По окончании церемонии с подарками думный дьяк Украинцев от имени государей сказал, что грамота шаха принята и посол Ирана заслушан. Ответ на грамоту будет дан боярами и думными дьяками после ознакомления с ней [5, 62, 62об.; 2, 254, 255].

На этом церемония приема закончилась. Послу был дан «стол»²⁶, и Мохаммед Хосейн хан-бек, поклонясь, вышел из палаты в сопровождении встречавших его лиц. А со «столом» на подворье к иранскому послу направили стольника В. А. Соковкина [5, 62—63; 2, 254, 255].

Подарки шаха Сулеймана, переданные Мохаммедом Хосейн хан-беком, не были очень ценными, хотя согласно донесению Ивана Юрьева из Саратова, оценивались им в 30 тыс. руб.²⁷. Сумма по тем временам внушительная даже для государства. Но в действительности же подарки шаха оказались более скромными. Если не считать льва, львицу и птиц, то стоимость всех остальных его подарков не превышала 2000 руб.²⁸.

²⁵ Запаны — застежки [18, I, 938].

²⁶ Стол — угощение с царского стола.

²⁷ Юрьев Иван писал: «В дарех... шлет шах... многие вещи... всего на 30 тысяч: и большыи» [4, 233].

²⁸ Полный описи подарков в делах Архива не обнаружено. Согласно отдельным разрозненным документам, среди подарков значатся: два льва (лев и львица); птиц из Ирана везли 4 штуки, среди которых были, очевидно, 2 индийских попугая, которые «говорили многие речи по персички. И по русски учили было говорить, и те обе умерли на Саратове»; булава, обложенная золотом и камнями, оцененная в 20 руб.; седло «арапское», отделанное золотом и камнями, в 45 руб.; узда, золотом оправленная с камнями, в 20 руб.; разные материи: 54 косяка изорбафов (462 руб.), 27 кушаков.

В предыдущие годы иранские шахи преподносили русским более ценные подарки: так, в 1641 г.—на 3479 руб., в 1645 г.—на 7 тыс. руб., в 1649 г.—на 8500 руб., в 1658 г.—на 9097 руб. 28 алтын и 4 деньги и т. д. [7, 341]. Подарки русской стороны, по тем же архивным документам, были более ценными. Так, с посольством Ф. Я. Милославского шаху было отправлено подарков на 30 тыс. руб. [8, 51].

В скромном характере подарков шаха Сулеймана сказалося пошатнувшееся экономическое положение Иранского государства конца XVII в., о чем говорилось выше.

Подарки иранских купчин носили символический характер и ограничивались несколькими кусками изорбафов²⁹ и других материй³⁰.

На этом закончилась официальная часть первого этапа пребывания иранского посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека в Русском государстве. Деловая часть началась с рассмотрения шахских грамот русским правительством.

Грамоты, представленные тем или иным иностранным посольством правительству страны, в которую оно направлено, должны были определять цели и задачи данной дипломатической миссии. Практически же в XVI и XVII вв. это не всегда бывало так. Причина заключалась в дипломатических правилах тех времен — скрывать свои истинные цели как можно дольше и не доверять их бумаге, главным образом из-за опасностей в пути и из-за боязни, что грамота попадет в чужие руки.

В данном конкретном случае мы имеем редкий пример, когда из содержания одной из грамот шаха Сулеймана к русским царям ясно видна цель посольства, отправляемого с этой грамотой.

17 марта 1692 г. иранский посол и два купчины вручили Ивану и Петру четыре грамоты. Две из них о купчинах. На переводе первой грамоты с персидского на русский язык имеется неправильная дата — 31 марта [2, 2], поставленная позднее кем-то из подъячих Посольского приказа.

Первая и вторая грамоты шаха Сулеймана адресованы на имя двух царей — Ивана и Петра³¹. В первой из них после титула и славословия в честь государей и традиционного поклона высказана надежда на то, что «любительная, нераздельная в предыдущие дни прибавительная дружба наипаче прежнего да будет...» [2, 1, 1]. Далее сообщалось, что в ответ на грамоту русского правительства, привезенную к шаху московским гонцом Исаем Силиным в 1682 г., в которой извещалось о смелости царя в Москве, иранское правительство послало с тем же Силиным свои поздравления, а «Исай Силин отсюда отпущен и с того времени в два года [в течение двух лет] он к вашему царскому величеству не пришел и о дружбе и о любви нашей вам не известил», вследствие чего из Москвы в Иран был направлен гонец Константин Христофоров.

После такого введения шах поздравил русских царей Ивана и Пет-

---

(134 руб.), дарог 81 штука на 127 руб. 60 коп. и т. д. Всего на 805 руб. 60 копеек» [5, 115—117об.].

Однако по другим документам значились: 4 ковра, бархат, занавески и другие вещи, сложенные в 10 коробов, а также 10 вьюков по 10 батманов (если тавризовских, то по 3 кг весом) шелка-сырца [3, 1—13; 4, 233].

²⁹ И з о р б а ф, или з а р б а ф, — золотая или серебряная ткань (т. е. ткань, затканная серебряными или золотыми нитями) [18, I, 1075].

³⁰ Подарки купчины Ага Керима Мурат-хана состояли из двух шитых золотом и серебром платков, куска изорбафа и других материй. Купчина Ага Шамси Мирза Юсуф преподнес две индийские скатерти, шесть кусков изорбафов и другие материалы [3, 14, 15].

³¹ После смерти в 1676 г. Алексея Михайловича на трон был возведен Федор. Однако после стрелецкого восстания 15 мая 1682 г. на престол были посажены 26 мая 1682 г. два царя — малолетние два брата Иван и Петр. Соправительницей стала царица Софья. После смерти Ивана 29 января 1696 г. единоличным царем стал Петр I.

ра и сообщил, что для этого «послал я с тем поздравлением от своего владения честного и верного Юз башу Усейн хан бека послом звычайного посольскому обычаю», которого (посла), после того как он «посольство наше вам донесет... да повелите его назад... отпустить». На печати, поставленной в конце грамоты, написано «государства персидского раб божий шах Сулейман» [2, 2—4].

На этом грамота заканчивалась.

Если первая грамота шаха представляет собой сугубо официальный документ, то вторая — гораздо содержательней. Текст ее приводится полностью.

«И в другой грамоте,— говорится в ее оглавлении, сделанном в Посольском приказе при переводе,— с тем же послом написано, их великих государей имянование и титулом против вышеписанного³², а по имяновании и титулах написано: Вашему царскому величеству объявляем, в грамоте вашей писано к нашему шахову величеству о добрых делах, чтоб впредь между нами добрые дела множились, да что турецкой салтан и крымской хан шерти³³ свои наруша чинили с вами войну, и с войска своими приходили под украинные³⁴ ваши города и многих в полон взяли и чинили разоренье великое. Потом на государства цесаря римского и польского короля они же войною ходили и от той их войны к вашему царскому величеству приходили от тех окрестных государств послы и просили себе помощи, и вы, великие государи, свышепомянутым светлейшим цесарем римским и с королем польским учинили между собой крепкое соединенье³⁵ вновь и сами вы и государства своего на крымской юрте³⁶ и на турецкое государство войною ходили. И всякой промысел над ними чините, и чтоб и с нашей шахова величества стороны прежние взятые от нас города Вавилон³⁷ и иные отыскать³⁸; и о том о всем по той вашей грамоте нам известно и напредь сего о том к нашему шахову величеству отец ваш, блаженныя памяти великий государь и брат ваш [наш — Алексей Михайлович], блаженныя жь памяти великий государь в грамотах своих писали жь, а прежние христианские высокие государи как цесарь римской, так и польский король по своим желаниям через послов своих с прежними турецкими салтаны укреплены были дружбою чрез шертованье, и ныне было того нарушивать непристойно, а нашему шахову величеству войны всчинать против турчан и городов отбирать нельзя, для того, что от вышняго бога, присланного нашего Магамета Мустофы и учителя ево Алея Муртозы и от апостолов наших благословенному закону нашему будет та война противна. И для вашего царского величества дружбы есть ли б была не та противность, и мы б по соседству своему помощь вам учинили, а что тово вашего дела не учинили, и о том бы вам на нас не подивить³⁹, а мы вам всякого добра желаем и хотим с вами быть в прежней дружбе и любви. А что вы к нашему шахову величеству писали о купчине нашем Мирза Магомете, что он живет на Москве непристойными делами, чтоб о том от нашего шахова величества прислан был к нему наш указ, чтоб он ехал к нам и от

³² Против вышеписанного, т. е. титул такой же, как и в первой грамоте.

³³ Ш е р т ь — клятва, договорные отношения [18, III, 1587].

³⁴ У к р а и н н ы е — окраинные. Речь идет о русско-турецкой войне 1676—1681 гг., о походе турецких войск и боях за Чигирин в 1677—1678 гг., когда турки потерпели поражение от русских и украинских войск, подорвавших турецкое военное могущество Османской империи.

³⁵ С о е д и н е н ь е, с ъ е д и н е н и е — соединение, слияние, единство [18, III, 704, 705].

³⁶ Ю р т — род, родичи, родовое владение [18, III, 1630].

³⁷ Вавилон — Багдад.

³⁸ О т ы с к а т ь — в данном случае отвоевать обратно.

³⁹ «Нас не подивить» — не удивляйтесь на нас.

непристойных дел его унять. И потому вашему письму наше шахово величество о том приказал честному послу нашему Юз Баше Усейн хан беку, а он ево и что нам потребно то все привезет. И что между нами исконная есть любовь и дружба того б вам не оставить и попрежнему б быти с нами в доброй дружбе и о добром вашем пребывании в без урывных пересылках⁴⁰.

Печать у грамоты такова ж какова у первой» [2, 4—7].

Главное в этой грамоте шаха Сулеймана заключается в том, что на предложение Москвы, сделанное в 1686 г., о присоединении к антитурецкому военному союзу европейских держав он ответил, хотя и через 3—4 года, решительным отказом, несмотря на такие заманчивые предложения, как захват у турок взятых ими у Ирана в 1638 г. Багдада и других городов.

Представляет интерес и объяснение отказа, приведенное шахом Сулейманом в грамоте. Он осуждает нарушение договорных условий турецким султаном в отношении европейских государств, говоря, что «того нарушивать непристойно». Однако, с другой стороны, Ирану нельзя начинать войну с турками и отбирать у них города. Почему? Потому что от пророка Мохаммеда и от его учителя Али Муртозы и от апостолов «та война противна... закону нашему».

Иначе говоря, Коран запрещал мусульманам воевать с мусульманами, что, кстати сказать, не помешало ни турецким султанам, ни иранским шахам вести почти непрерывные войны на протяжении всего XVI и первой трети XVII в. вплоть до 1639 г.

Но как бы принося извинения за отказ, шах Сулейман подслащивает горькую пилюлю отказа заверениями, что если бы не эта «противность», то Иранское государство помогло бы своему северному соседу, Русскому государству, в войне его против турок.

В конце грамоты шах сообщал, что дал указания своему послу забрать в Иран Мирзу Магомета, творящего в Москве «непристойные дела»⁴¹. В заключительной части грамоты шах выразил желание быть с Московским государством «в доброй дружбе» и «в без урывных пересылках».

Таков этот интересный и примечательный документ, который подвел окончательную черту под стотрехлетним периодом переговоров Ирана с Русским государством о заключении военного союза против Османской империи. Предложение, сделанное Московскому государству шахом Мохаммедом Султан Ходабендэ в 1586 г. через гонца Анди-бека⁴², получило письменное подтверждение от иранского правительства лишь в 1689 г. В нем ясно сказано, что Иран не хочет вступать в военный союз против Турции ни с Русским государством, ни с другими европейскими державами.

Заслуживает внимания также спокойное реагирование московского правительства на этот отказ. Очевидно, оно давно свыклось с мыслью, что нельзя рассчитывать на Иран как на союзника в борьбе против Турции, хотя, как мы знаем, последнюю такую попытку Посольский приказ сделал в 1686 г., после заключения «вечного мира» с Польшей и присоединения к Священной лиге европейских держав, направленной против Османской империи.

Тексты двух грамот шаха Сулеймана, врученных московскому царю 17 марта 1692 г. иранскими купчинами Ага Керимом Мурат-ханом и

⁴⁰ «В без урывных пересылках» — в постоянном обмене посольствами.

⁴¹ Непристойные дела купчины Мирзы Мохаммеда заключались в непрерывном пьянстве, а главное, в торговле запрещенными товарами, табаком и др.

⁴² Ирано-турецкий мирный договор 7 мая 1639 г., по существу, снял вопрос с русско-иранском союзе против турок, и он не поднимался до 80-х годов XVII в.

Ага Шамси Мирза Юсуфовым, идентичны. Состоят они из уведомления о посылке шахом вместе с послем Мохаммедом Хосейн хан-беком купчины такого-то «для покупки всяких товаров про наш, шахова величества обиход, что надобно и пригодно покупать и привести к нашему шахову величеству». Для выполнения этого шахского поручения и для «умножения между нами исконной дружбы и любви и пересылки...» шах Сулейман просил московского царя «приказать крепко [своим] приказным людям, боярам и воеводам и всем своим поданным чинить вспоможенье, чтоб поволено быть вышеупомянутой покупке, что про обиход нашего шахова величества будет надобно» [2, 8, 9].

Перед тем как закончить грамоты просьбой и «купчину Маметь Юсуфа велеть отпустить к нашему шахову величеству и проводить до владения нашего в целости», в них вставлена, очевидно не случайно, фраза, имеющая принципиальное значение. Ею как бы устанавливалась и на будущее время эта форма торговли через иранских купчин.

Так, после приведенных выше слов о содействии в покупке для шаха нужных товаров в грамоте сказано: «хто от нашего шахова величества за такими торговыми делами впредь будет послан и тем бы, нашего шахова величества торговым людям, ваше царское величество повелели чинить вспоможение и повольностию им велеть торговать без задержания и без остановки и без убытков» [2, 9]. Печать на грамотах купчин поставлена такая же, как и на предыдущих грамотах.

После аудиенции 17 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек несколько раз приглашался «великими государи» на разного рода увеселения. Так, 20 марта он присутствовал на смотре войск, вызвавшем его удивление и восхищение. В другой раз для иранского посольства была организована прогулка в село Измайловское. Согласно указу 23 апреля, послу была предоставлена «карета о шести возниках, да под дворян тридцать лошадей добрых с седлы и с узды чистыми, да в ездоках конюхов 9 человек» [7, 431].

31 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек был приглашен в Грановитую палату, где «их... [государевы] пресветлые очи видели...» и откуда его провели в «Ответную полату»⁴³ для переговоров с боярами.

Мохаммед Хосейн хан-бек вел переговоры с боярами 31 марта и 2 апреля 1692 г. В дополнение к ним иранский посол представил 11 и 12 апреля несколько писем (челобитий) с претензиями.

31 марта с иранской стороны присутствовал посол Мохаммед Хосейн хан-бек, с русской — смоленский наместник боярин Петр Васильевич Шереметьев, галицкий наместник боярин Борис Васильевич Бутурлин, муромский наместник, окольный Иван Иванович Чаадаев и посольский думный дьяк, болховский наместник Емельян Игнатьевич Украинцев [2, 10].

Состав «Ответной полаты» как видим, весьма сильный, назначенный для рассмотрения важных и серьезных вопросов и весьма почетный для иранского посольства. По-видимому, назначая такой состав, московское правительство предполагало, что обсуждаться будут весьма серьезные проблемы, хотя в основной грамоте шаха Сулеймана не было даже намека на какие-то дела, имевшиеся у него к русскому правительству. Однако, как известно, не всегда содержание официальной грамоты совпадало с целями и задачами посольства, представившего эту грамоту. Подтверждением этому было то, что на первой же конференции фигурировала другая грамота, оказавшаяся более существ-

⁴³ Ответная полата — комиссия, специально созываемая для ведения переговоров с иностранным послом, которого она выслушивала и после доклада царю давала «ответ» от его имени обычно на другом заседании.

венной по своему значению. Мохаммед Хосейн хан-бек, очевидно, представил ее русскому правительству еще до созыва данной конференции, но после аудиенции 17 марта. Эта грамота имеет дату — 31 марта, но представлена она была раньше, так как для ее перевода требовалось некоторое время.

Церемония встречи в «Ответной полате» была торжественной: иранского посла привезли его приставы в Грановитую палату по всем правилам приема у царя, описанным выше. После представления царям посол был направлен для «ответа» в одну из палат в Кремле. Здесь его встретил думный дьяк Украинцев. Он «явил ближних бояр», перечислив после титула царей все чины этих бояр и их должности, после чего бояре «с послом корошевались и спрашивали посла о здоровье». Посол поблагодарил, и все «сели по местом. Бояре в лавке от Москвы реки, а окольничей и думный дьяк с товарищи сели в скамье против посла, а посол в лавке от Стретенья».

По обычаю, подождав немного, всех лишних чиновных людей и шаховых дворян «выслали вон... оставя приставов да посольского племянника Даязытея...» [2, 10—13].

Боярин П. В. Шереметев начал конференцию со славословия богу и с титулования царя, принявшего «от брата их любительного... Сулейман шаха...» посла Мохаммеда Хосейн хан-бека «с поминки». Бутурлин продолжил речь Шереметева. Он говорил о грамоте шаха, которой тот поздравил с восшествием на трон новых царей — Иоанна и Петра. И. И. Чаадаев закончил речь Бутурлина, провозгласив здравицу в честь шаха Сулеймана и пожелал ему «на государствах его многолетнего здравия и государствам его прибавления». В конце речи он заверил шаха во взаимной дружбе со стороны русского царя [2, 13—16].

На этом официальная часть переговоров закончилась. Думный дьяк Е. И. Украинцев начал деловую часть. Он спросил о цели посольства Мохаммеда хан-бека и «что с тобою его шахова величества дел наказано...», которые они, бояре, должны выслушать «и в ответе с тобою быть» [2, 16]. Посол ответил, что прислан «для обновления и утверждения их государские, братцкие дружбы и любви. И с поздравлением им, великим государем... в наследии государствования... на их государском престоле и с любительными поминки... [и чтобы] любительные пересылки⁴⁴ впредь множилась...» [2, 17, 18].

В ответ на заявление русской стороны, что великие государи то все «приемлют любительно», Мохаммед Хосейн хан-бек повторил, что прислан для поздравления и объявления дружбы, но что, кроме того, «об иных делах, наказанных ему от шахова величества, объявит он... в иное время». Однако бояре настаивали на том, чтобы иранский посол сказал им о всех делах, так как им, боярам, приказано выслушать и сообщить государю обо всем, что скажет посол, а царь «потом учинит послу ответ» [2, 18, 19].

Лишь после повторного настояния иранский посол сообщил, что имущество переводчика Посольского приказа Константина Христофорова, умершего в 1686 г. в Иране, шах велел переписать, опечатать и в целости переслал с ним, Мохаммед Хосейн хан-беком, «и отданы те ево Константиновы животы⁴⁵ племяннику его... с роспискою...», которую посол и передал боярам. Бояре приняли расписку и сказали, что отдадут ее для перевода, после чего ответят послу [2, 19, 20].

Второе дело, «наказанное» шахом Сулейманом, касалось иранского купчины «Магамета Шамсеева... отпущенного» из Ирана «тому ныне

⁴⁴ Пересылки — обмен посольствами.

⁴⁵ Жизнь и вот — жизнь, именно, имущество [18, 867, 868].

с 17 лет»⁴⁶, которого иранскому послу велено шахом «с Москвы взять... по той их царского величества любительной грамоте... и привести в Персию...». Но так как купчина Шамшеев жаловался шаху, «что он разорен от русских людей и животы ево многие пропали...», то шах велел Мохаммеду Хосейн хан-беку бить челом государям, «чтоб те пожитки купчины сыскать...» и переправить их в Иран [2, 20, 21]. В подтверждение своих слов иранский посол передал боярам свою просьбу в письменном виде.

Бояре обещали доложить государям и дать ответ, тем более что письменное заявление посла необходимо было перевести на русский язык.

Третий вопрос, поставленный Мохаммедом Хосейн хан-беком, касался непрекращавшихся разбойничьих набегов вольных казаков на суда в Каспийском море. Казаки так напугали иранского посла, что он только на четвертый год добрался до Москвы, так как из-за них «жил де он такое многое время во владенье шахова величества в городе Дербене за тем, что воровские казаки, раскольники живут около моря за Терком⁴⁷ и на море выходят почасту, и торговых людей грабят и разбивают. И с Персиды и из Низовой⁴⁸ к Астрахани путь заградили и торговые люди ездить не смеют...», вследствие чего он, посол, «ехать к государству российскому царствия боялся». В конце концов Мохаммед Хосейн хан-бек отважился и благополучно доехал до Астрахани, «но слышал, что казакам не препятствуют⁴⁹ и они продолжают грабить как на море, так и на суше тот путь, которым торговые люди из Персии в Россию ездят». Однако, продолжал посол, так как он «тем же опасным путем» должен возвращаться в Иран, то он просил, чтобы «для братцкой дружбы и любви с шаховым величеством [русские власти] повелели на тех воровских казаков послать своих государских ратных людей и над теми казаками учинить воинский промысел и те пути очистить» [2, 22—25].

Вопрос о разбое казаков на Каспийском море не был только плодом испуганного воображения не очень мужественного Мохаммеда Хосейн хан-бека. Он имел большую политическую и социальную подоплеку. Известно, что в первые десятилетия XVII в. Московская Русь переживала большие трудности. Уложение 1649 г. узаконило и оформило консолидацию класса феодалов и привело к нажиму феодального государства на крестьянство, выразившееся, в частности, и в увеличении налогов, сборов и податей. Если прибавить к этому мероприятия централизованного государства по ограничению независимости донского казачества (1645 г.), станут понятными причины усиления не только бегства крестьянства на окраины, но и ухода наиболее беспокойной части казачества в низовья Волги и далее в сторону иранского побережья Каспийского моря, где они обосновывались и, пользуясь безнаказанностью, занимались грабежами. Однажды это уже привело к осложнениям между Русским и Иранским государствами (1647—1653)

⁴⁶ Речь идет о купчине Мирзе Мохаммеде Шамшееве, прибывшем в Москву в феврале 1675 г. с шахским послом Мохаммедом Хосейн Али-беком, следовавшем в Польшу и там умершем. Шамшеев остался в столице, где прожил 12 лет и умер 12 июня 1686 г., после того, как о нем была послана грамота шаху Сулейману. О неприличном поведении Шамшеева говорилось выше. Поэтому русские власти просили иранское правительство отозвать его в Иран [5, 44—45 об.].

⁴⁷ За Терком, т. е. за р. Терек, границей Русского государства.

⁴⁸ Низовая — очень неудобная, без гавани пристань на западном берегу Каспийского моря, через которую шемахинские купцы вывозили свои товары в Астрахань. Расположена несколько севернее Баку.

⁴⁹ Явный намек на старый тезис иранского правительства, что в разбоях казаков на Каспийском море не только были заинтересованы, но участвовали астраханские и терские воеводы.

и к охлаждению их политических отношений, которые, не успев нормализоваться, были снова осложнены новыми набегами казаков, уже под руководством Степана Разина в 1668—1669 гг.

Обращение Мохаммеда Хосейн хан-бека к русскому правительству в 1692 г. показывает, что реальная угроза «от воровского казачества» на Каспийском море не была ликвидирована в конце XVII в. и что эта угроза нападений в какой-то степени тормозила русско-иранскую торговлю.

Четвертый вопрос — жалоба на бесчинства племянника астраханского стрелецкого полковника Нечаева и на самого полковника.

Суть этого безобразного дела изложена не только в заявлении иранского посла от 31 марта 1692 г. [2, 24—26], но и в его письме от 2 апреля. Посол заявил боярам на конференции, что Матвей Иванов, племянник Нечаева, пришел на посольский двор в Астрахани «с многими людьми» и четырех шаховых дворян, приставленных к клеткам со львами, «бил и увечил и саблями рубил и чалмы и платье на них подрал и пограбил и ево, посла бранил и бесчестил всячески» [2, 24, 25]. Посол добавил, что он в Астрахани подал по этому делу челобитье астраханскому воеводе Петру Ивановичу Хованскому, но ответа не получил, поэтому сейчас просит, чтобы «за то ево посольское безчестье тому Матвею Иванову учинен был их царского величества указ...» [2, 25], а за битье, увечье и ограбление четырех его дворян «на нем, Матвее доправить»⁵⁰.

Бояре ответили послу, что из Астрахани им об этом не сообщили и что они донесут государям, после чего ответ послу будет дан «выное время».

Закончив на этом свои дела и претензии, Мохаммед Хосейн хан-бек сказал, что у него от шаха «о иных делех никаково приказу ему нет», но что о своих обидах он пришлет в Посольский приказ челобитья [2, 25—27].

Помимо этого Мохаммед Хосейн хан-бек жаловался боярам на то, что ему объявили «денежный корм» по 30 руб. на день, совершенно недостаточный, что «только ему послу тем кормом с шаховы дворяны и со всеми людьми прокормитца нечим, и чтоб великие государи... велели к тому поденному корму учинить ему прибавку...». Об этом посол просил донести государю, так как, по словам посла, «у шахова де величества...», российским послам шах «дает корм денежной довольной...» [2, 27, 28]. Бояре ответили, что доложат обо всем государям. На этом первая конференция закончилась.

Вторая конференция состоялась 2 апреля 1692 г., когда письменное заявление иранского посла было переведено. В нем (на 11 листах) имеются некоторые подробности, представляющие интерес. Так, к ним относятся детали о грабежах в районе Терков, где казаки три года как «и товары грабят и всякое поругание чинят по все годы. И от того [обим государствам] многие чинятца убытки, а прошлого году, как я шел,— писал Мохаммед Хосейн хан-бек,— в Астрахань и в то время терской житель гилянец Мурза Фралей с судном своим шел позади моего судна, а в том ево судне...» находились товары шаха, посланные с купчиной, и товары других купцов, «на какие товары есть список их... и воровские казаки то судно взяли... и все разграбили...». Иранский посол, комментируя документ, добавил, что, услышав про этот грабеж, «многие торговые люди в прошлом году, опасаясь того, никто не пошел с товары своими в Астрахань. И ныне никто не будет, буде⁵¹ те воровские казаки на том месте будут жить» [2, 34, 35].

⁵⁰ До п р а в и т ь — взыскать насильно [18, I, 705].

⁵¹ «Никто не будет, буде» — никто не придет в Астрахань, если...

Заслуживает внимания в этом письменном документе и жалоба на притеснения иранских торговых людей астраханскими властями. Интересно, что посол выступал с защитой не только иранских, но и индийских купцов. Он писал, что у приехавших из Ирана купцов «у армян, индейцев... есть долговые кабальные⁵² и бескабальные денежные взятки⁵³ на русских людей». Конкретные факты этих претензий посол обещал прислать дополнительно, так же как и претензии шаховых дворян его посольства, имущество которых пропало в дороге [2, 39].

Вторая конференция состоялась 2 апреля 1692 г. Состав ее был тот же, за исключением Б. В. Бутурлина.

Приезд и прием посла в Кремле был такой же торжественный, как и 31 марта, за небольшими изменениями. Выпроводив лишних людей, П. В. Шереметев сказал, что ему приказано дать ответ иранскому послу по семи пунктам его заявлений [2, 47—49].

При этом следует отметить несовершенную технику ведения переговоров, когда обсуждение велось не по отдельным пунктам повестки переговоров, а каждая из сторон высказывалась по всем пунктам подряд, после чего другая сторона отвечала в таком же порядке. Так, после того как бояре ответили на все семь пунктов иранского посла, они добавили к ним еще три претензии, после чего иранский посол выступил с ответной речью.

Во избежание повторов и длиннот, связанных с такой системой переговоров, дальнейшее изложение апрельской конференции будет дано в порядке обсуждаемых вопросов.

1. По первому заявлению иранского посла о дружбе и поздравлении с восшествием на трон боярин Шереметев сказал, что все это, включая и подарки от шаха Сулеймана, великие государи «приемлют в любовь и желают с его шаховым величеством быть в братцкой дружбе и любви ...[а]... когда время тому дойдет, [послов] послать изволят», на что Мохаммед Хосейн хан-бек ответил, что об этом устно доложит шаху [2, 51, 59].

2. По вопросу о возврате имущества Христофорова Шереметев сказал, что государи благодарят шаха за принятые меры и «приемлют [их] в братцкую дружбу и любовь...», обещая «впредь взаимно воздавать такую же дружбою...» [2, 51].

При этом посол поинтересовался, переданы ли вещи Христофорова его семье, на что Украинцев ответил утвердительно [2, 59, 60].

3. По делу купчины Шамшеева Шереметев сообщил послу, что государи велели ему передать, чтобы посол прислал точные данные о том, кто и сколько должен Шамшееву, после чего будет дано распоряжение о розыске и взыскании, а что взыщут, то передадут иранскому послу. При этом Шереметев повторил прежние заявления русской стороны о том, что Шамшеев «неистово» торговал запрещенными товарами — вином и табаком, а «животы свои прожил и от пьянства умре» [2, 51, 52]. Оставшееся после него имущество было отправлено с его людьми в Иран. Что же касается заявления Шамшеева, что он дал индейцу — астраханскому жителю Итенгену 1200 руб. и послал его в Китай для торговли, но на границе Итенген был убит Аджи Талибом, который, забрав его товары, уехал в Китай, а по возвращении оттуда проживает где-то в Сибири, на что Шереметев ответил, что русским властям ничего по этому делу не известно. Также неизвестно, где проживает Аджи Талиб, вследствие чего разыскать его в Сибири «вскоре невозможно». Но вместе с тем Шереметев заявил, что будет дан указ

⁵² К а б а л а — письменное долговое обязательство [18, I, 1169].

⁵³ В з я т к и — в данном случае требования, претензии.

«как возможно того иноземца сыскать» и то, что найдут у него, возвратят [2, 52]. Относительно же заявления Шамшеева, сделанного им в свое время, что таможенный гость в Астрахани Андрей Лузин взял с его товаров пошлину, Шереметев сказал, что этого не могло быть, так как с шаховых товаров пошлина не взимается «и ныне [ее] не емлют». Но, невзирая на это, будет дано распоряжение «справитца с астраханскими записными таможенными книгами» [2, 53].

Что же касается утверждений иранского посла об убийстве Шамшеева в Москве, то это неверно. По словам Шереметева, Шамшеев умер «своею смертью» и русские люди его имущество не захватывали, так как купчина жил только со своими людьми. К тому же, добавил Шереметев, челобитья об убийстве Шамшеева «ни у кого не было». На это Мохаммед Хосейн хан-бек ответил, что сообщит об этом шаху, но просил, «что возможно сыскать. Также и на русских людях, что есть... доправить» [2, 62, 63]. Из последнего заявления иранского посла видно, что он остался при своем мнении, что Шамшеева ограбили и убили.

4. О разбойничанье казаков на Каспийском море Шереметев передал послу обещание русского правительства о посылке указов, чтобы направили «неотложно» ратных людей для искоренения разбойников [2, 54]. При этом Шереметев потребовал, чтобы со стороны иранских властей ближних районов побережья Каспийского моря «над теми воровскими казаками есть ли они пристанут где в шаховой области для воровства... [промыслы⁵⁴ были сделаны, тогда] тот путь будет очищен» [2, 54]. Иранский посол ответил, что это уже делается иранскими властями. Так в прошлом году группу «воровских казаков», выброшенных с судном на иранский берег, шах Сулейман приказал казнить, а впредь указал, «чтоб те казаки в ево шаховой области пристанища не имели» [2, 64, 65].

5. По делу о «бесчестье» посольства в Астрахани иранскому послу сказали, что решено «послать свой государский указ в Астрахань наскоро...» и о результатах сообщить послу [2, 54].

Это астраханское дело заслуживает внимания не только потому, что характеризует обычаи и нравы русской провинциальной военной среды конца XVII в. с их грубостью и самодурством, но также распущенность членов иранского посольства, избивавших русских людей, невзирая на их чины и положение. Поэтому небезынтересно несколько подробнее осветить имеющиеся в архивном деле материалы о допро-сах главных виновников — подполковника Матвея Иванова, его дяди — полковника стрелецкого полка Ивана Нечаева и свидетелей — астраханских приставов при посольстве полковника Григория Кохановского и Максима Заманова, а также и астраханского толмача Якова Дементьева. Последние трое были допрошены в Москве, очевидно, во второй половине марта 1692 г.

В деле имеется справка о том, что «отписок» из Астрахани по этому вопросу в Казанском дворце⁵⁵ не было [7, 492, 493]. Последнее говорит о том, что астраханские власти не очень спешили «выносить сор из избы» и не сообщили о таком вопиюще безобразном поведении своих стрелецких начальников.

Несмотря на довольно обширный и бесспорный материал, убедительно показывающий грубое нарушение Матвеем Ивановым и Ивановом

⁵⁴ Промыслы — военные действия. Промышлять — нападать, осаждать [16, 11, 1227, 1228].

⁵⁵ Казанский дворец в конце XVII в. управлял Астраханью. Права самостоятельной губернии Астрахань получила несколько позже. Первым ее губернатором был назначен Петр Артемьевич Волюнский в 1719 г. после возвращения из Ирана в 1718 г.

Нечаевым территориальной неприкосновенности помещения и членов иранского посольства и их произвол и самодурство, московские власти воздержались от окончательного решения по этому делу до опроса Иванова и Нечаева как главных обвиняемых.

Суть дела такова. Мохаммед Хосейн хан-бек в своем письменном заявлении сообщил, что на двор посольства въехал верхом на лошади Матвей Иванов. Львовщики предупредили его, чтобы он не подъезжал близко к лвам, привязанным к забору, так как они могут на него наброситься. Иванов стал бить львовщиков плетью, а своим стрельцам приказал «бить обухи и палками» слуг посла, в результате чего «голови [им] проломали». В это время на двор посольства пришли четыре шахских дворянина, которых стрельцы также «у моих ворот били и головы проломали и руки изломали. И от того бою четыре человека дворяня лежали при смерти, а что в том бою пропажи учинилось шаховым дворяном и тому у меня есть роспись» [2, 36, 37].

Упомянутые выше свидетели дополняют и несколько изменяют эту картину. По свидетельству пристава Заманова, Иванов хотел взглянуть на львов. С этой целью он подъехал ко двору посольства «для просмотра зверей, львов». Но его, по приказанию посла, во двор не пустили. Матвей Иванов обратился за помощью к своему дяде Ивану Константиновичу Нечаеву, который и «послал к нему, Матвею, на помощь стрельцов и денщиков, а [и] велел к послу на двор взломитца [на] сильно» [7, 493].

В это время ко двору посольства подошли четыре шахских дворянина, которых «он де Матвей, осердясь за то, что ево на двор смотреть зверей не пустили, почал тех шаховых дворян бить плетью. И стрельцом и деньщиком велел [их] бить палками и дубьем и те... били дубьем до полусмерти».

Особенно непривлекательна в этой истории роль полковника И. Нечаева, проживавшего рядом с иранским посольством. По словам того же Заманова, наблюдая за действиями своего разбушевавшегося племянника, вместо того чтобы унять его, Нечаев «велел бить тех [шаховых] дворян гораздо... и велел [также]... тем стрельцом шаховых дворян грабить. И те стрельцы [из]бив тех дворян до полусмерти, чалмы и кушаки и кинжалы пограбили и поотняли и ис кармана деньги побрали».

Более того, во время этой сцены Нечаев и Иванов «персидского посла бранили... всякою скаредною бранью многожды. И говорили, если б де и сам посол вышел и мы б де ево также б подчивали» [7, 493, 494].

К этому следует добавить свидетельство астраханского толмача Якова Дементьева, находившегося в это время на посольском дворе. Он показал, что когда во двор посольства въехал «полуполковник Матвей Иванов... [посольские люди не только уговаривали], чтоб он на посольский двор на лошади не ездил...», но, когда он их не послушал, «за то де ево, полуполковника зашибли люди ево пословы дважды палкою, и он де, полуполковник на тех людей бил челом послу, а он, Якушко, толмачил. И он, посол велел тех людей сыскать. И в тож время на улице против посольского двора учинился крик и драка, и посол послал ево, Якушка проведать, какие люди дерутца...». Дементьев не видел, кто дрался, «только видел посольских людей зашиб[л]енных... а полуполковник де Матвей Иванов ему послу никаких невежливых слов при нем не говорил» [7, 494].

В ответ на обещание русских властей расследовать «астраханское безчестье» Мохаммед Хосейн хан-бек требовал, чтобы розыск производился не в Астрахани, где воевода «к тому Ивану Нечаеву и пле-

мяннику ево добр, а к нему, послу, не добр...», а чтобы туда был послан из Москвы «сыщик», иначе, говорил посол, «то де дело задлитца». А на астраханского воеводу, продолжал иранский посол, «положитца он не смеет, да и не токмо в сыску, но и ехать он назад чрез Астрахань при нем боярине и воеводе, опасен» [2, 66, 67]. Вследствие этого Мохаммед Хосейн хан-бек просил издать указ, чтобы ему возвращаться в Иран не через Астрахань, или «его проводить с Москвы до Астрахани и... за море нарочному провожатому...» [2, 67].

В связи с этим следует отметить, что принимал иранского посла 7 августа 1691 г. в Астрахани воевода Н. И. Приемков-Ростовский, а провожал из этого города в Москву 27 сентября того же года Петр Иванович Хованский, просидевший на этом месте свыше 3-х лет [10, 6]. Поэтому трудно судить, на кого жаловался иранский посол, возможно, что все ж на первого, так как Посольский приказ поручил расследовать это дело о бесчестье посольства астраханскому воеводе П. И. Хованскому. В изданном по этому поводу указе о преступлениях Нечаева и его племянника говорилось как о фактах, не подлежащих сомнению. В указе сказано: за то, что «того шахова посла бесчестили, а дворян шаховых били и грабили, и за то бесчестье и за бой Ивану Нечаеву и племяннику ево Матвею учинить по нашему, великих государей, указу и по соборному уложению, а грабленное (на сумму 121 рубль) все против челобитья доправя на них отдать шаховым дворяном». При этом указ потребовал от Хованского объяснить, почему они «о том посольском бесчестье... не писали и в Астрахани о том не розыскали...», а о том, что «по розыску учините и о том к нам, государем писать...» [6, 375, 376, 378]. К сожалению, в делах о посольстве Мохаммеда Хосейн хан-бека не сохранилось документов о том, чем все это дело закончилось.

6. По пункту шестому об обидах торговых людей — персидских поданных — в Астрахани послу было сказано, что русскому правительству о том «неизвестно» и «челобитий не было»; будут челобитья, тогда будет издан указ царя о розыске тех дел [2, 55].

По этому пункту Мохаммед Хосейн хан-бек 2 апреля ничего не сказал, но несколько позже подал в Посольский приказ письменную жалобу, в которой привел много фактов обид, нанесенных иранским торговым людям, подкрепленных челобитьями на притеснения со стороны русских властей. Среди них была и жалоба Мохаммеда Хосейн хан-бека на кражу у него в Саратове личных вещей.

7. По пункту о кормовых деньгах Мохаммеду Хосейн хан-беку вежливо указали, чтобы отпускаемым ему по 30 руб. на день «он бы посол тем государским жалованьем кормом довольствовался». При этом ему разъяснили, что продукты питания в Москве дешевы и что 30 руб. даются «по оценке съестного корма», к которой «учинена и прибавка многая». Поэтому «он бы, посол тот корм принимал и больши той прибавки ему не будет». В подтверждение был приведен пример с иранским послом «Магметь Усейн бек», проезжавшим через Москву в Польшу в 1674—1675 гг., которому «давали корм съестной же, а не денежной» [2, 55, 56].

Приведа этот пример, бояре, очевидно, хотели предложить Мохаммеду Хосейн хан-беку получать корм не деньгами, а натурой, как получал его однофамилец 15—16 лет тому назад, что, по-видимому, посла не устраивало.

Несмотря на эти разъяснения и категорический отказ в надбавке, Мохаммед Хосейн хан-бек счел для себя возможным еще раз обратиться с просьбой о прибавке, мотивируя ее такими доводами, что «при дворе... [шаха] корм [русским послам] дают довольно...» и что у преж-

них иранских посольств в Москве «так много шахских дворян не было...» [2, 72, 73].

Ни то, ни другое доказательства иранского посла не отвечали истине. Выше говорилось уже, что почти все русские послы жаловались на невыдачу им кормовых денег или на их недостаточность. Что же касается численности свиты в посольствах, то у Мохаммеда Хосейн хан-бека она состояла из 63 человек, у посла Хаджи-бека (1634—1635) из 88, у Саран-бека (1641—1642) из 118, у Ага Асана (1644—1645) из 72 человек и т. д. [5, 76, 76об.].

Ответив 2 апреля 1692 г. на все поставленные иранским послом 31 марта вопросы, бояре, в лице думного дьяка Е. И. Украинцева, предъявили со своей стороны три претензии Мохаммеду Хосейн хан-беку.

Первая из них — извечный вопрос в русско-иранских взаимоотношениях — о русских людях, взятых в плен при набегах татар, которые «выходят ис полону ис турской земли и ис Крыму и ис Бухар и ис Кумык в персицкую землю. И тех полоняников в Персиде задерживают,— говорил Украинцев,— и в Московское государство их не пропускают, и ныне в персидской земле тех полоняников обретается многое число». Поэтому цари Иван и Петр приказали сказать послу, «чтоб его шахово величество по братцкой дружбе и любви... таких полоняников русского народу велел в государстве своем... сыскивать, а сыскав их, в [Русское] государство их... в Астрахань велел отпускать с провожатыми и со всяким вспоможением» [2, 56, 57]. Шахский посол ответил так же, как отвечали обычно иранские послы на такого рода претензию: формальным отрицанием задерживания в Иране русских полоняников, которым, по его утверждению, «в Персии де задержания никакова нет». А если и есть кто, то «те живут повольно⁵⁶, кто хочет живет в Персиде, а кто похочет тот на Русь идет» [2, 73, 74].

Обещая донести об этом шаху, иранский посол на основе взаимности потребовал, чтобы «и с стороны царского величества их, персицкого народу люди также свободно были в Персиду отпускаемы» [2, 75].

Вторая претензия — тоже достаточно старая — о непременно письменном оформлении списков шахских товаров, присылаемых с купчинами с печатью шаха для беспошлинного пропуска их в Русское государство. В связи с этим Украинцев напомнил послу, что и в предыдущих «грамотах... [царя] писано и в ответах...» русские послы говорили ближним шаховым людям, «чтоб... [шах], товаром своим, которые посланы будут с купчинами к Москве, изволил присылать за своими печатями росписи, чтоб купчины сверх шаховых товаров иных ничьих товаров беспошлинно не провозили». Бояре упрекнули Мохаммеда Хосейн хан-бека в том, что и прибывшие с ним два купчины, Зелебединов и Аджидатов, не представили таких списков шахских товаров и поэтому «сколько с ними... [шахских] товаров, тому они росписей не объявили...», хотя, говорил Украинцев, в «шахова величества в грамотах напредь сего писывано и посланником... [царским] сказано, что впредь росписи с купчинами присылаемы будут» [2, 57, 58].

Несмотря на такое явное нарушение установленного порядка для провоза шахских товаров только по засвидетельствованным спискам с печатью шаха (кстати сказать, впервые такое обещание дал шах Аббас I русскому посланнику В. Г. Коробьину 26 мая 1623 г. и 2 июня того же года [1, 66, 70, 71]), московское правительство распорядилось не брать пошлин с товаров, привезенных купчинами Зелебединовым и Аджидатовым, но от Мохаммеда Хосейн хан-бека такие списки все же

⁵⁶ Повольно — по своей воле.

потребовали [2, 57, 58]. Посол ответил, что он не знает, есть ли у его купчин такие списки, но что у него их нет. Признав таким образом отсутствие засвидетельствованных списков на шахские товары, посол устно заверил, что привезенные с его посольством товары являются «те де шаховы и иных ничьих товаров для прокражи⁵⁷ пошлин с теми купчины нет» [2, 76].

Третий вопрос, поставленный боярами на конференции 2 апреля 1692 г. — о невыполнении Армянской компанией своих обязательств по жалованной им царем Алексеем Михайловичем в 1673 г. грамоте о монопольном вывозе шелка-сырца и других восточных товаров из Ирана в Европу через Русское государство. Думный дьяк Украинцев заявил иранскому послу: «Чтоб армяня с шолком сырцом и иными персиян товары в турскую землю не ездили» и туда бы шелк-сырец не вывозили, «а возили б через Астрахань к Москве. И чтоб для того шахово величество по братской дружбе и любви... велел в государстве своем послать по всем городом нарочные свои указы, чтоб тех армян в государство царского величества с товарами для торгового промыслу в порубежных городех ханы пропускали без задержания со вспомогательством безо всякой помешки». На это шахский посол ответил, что «о том их предложении до государя своего... донесет» [2, 58, 59, 79].

После этого посол попросил бояр подать ему претензии в письменном виде. Со своей стороны он передал им письмо с изложением фактов притеснений персидско-подданных астраханскими властями, обещая представить другие дополнительные челобитья несколько позже.

Бояре обещали послу после перевода его письма доложить государям. В заключение бояре сказали Мохаммеду Хосейн хан-беку, что его вскоре отпустят на родину «без задержания» и чтобы «о том бы он посол ведал и на отпуск готовился» [2, 80].

На это посол ответил просьбой: не торопить его с отъездом, так как оба купчины, приехавшие с ним, умерли, а оставшиеся вместо них сыновья по неопытности своей еще «не расторговались», поэтому посол просил, чтобы великие государи «поволили ему пожить на Москве покамест они товары свои продадут» [2, 82].

Обещая донести об этом государям, бояре высказали свое мнение, заявив, что дожидаться Мохаммеду Хосейн хан-беку купчин не стоит, тем более что его отъезд из-за этого «замешкается... и [поэтому] он бы их не дожидался, а готовился на отпуск» [2, 83, 84].

На этом конференция 2 апреля 1692 г. закончилась.

Однако 12 апреля Мохаммед Хосейн хан-бек еще раз обратился через своих приставов Конищева и Корелкина с просьбой довести до сведения думного дьяка Е. И. Украинцева, руководившего Посольским приказом, об его мотивированном заявлении об отсрочке его выезда из Москвы. Он повторил те же доводы, что сыновья умерших купчин — «люди молодые и верить им в тех товарах без себя [посла Мохаммеда Хосейн хан-бека] ему не мочно...», тогда как торговля в Москве трудная и у них «на Москве товаров никто не покупает и торгуют малою ценою... и по се число продали они товаров только рублей на десять...». При этом посол добавил, что русские «послы у шахова величества... живали в шаховой области сколько они похотят⁵⁸, так же [как] и ку-

⁵⁷ Прокражи пошлин — укрыться от пошлин, не уплатить их.

⁵⁸ Заявление посла не соответствовало действительности, так как в большинстве случаев русские посольства задерживались в Иране не по своему желанию, а по вине шахского двора, который то ли ввиду своей неповоротливости, то ли в силу тщеславия удерживал русские посольства при своем дворе. Во всяком случае, Иранскому государству это обходилось не так дорого, русские послы не раз жаловались на полную или частичную невыплату им кормовых денег.

пецкие люди», а он просит здесь задержаться, так как «он де тех купчин и товары [шаховы] на Москве после себя не оставит... [ибо] опасен в том от шахова величества на себя опалы...». Здесь же он дополнил просьбу об отсрочке его выезда ходатайством о выдаче ему кормовых денег по указу [6, 312—314].

Московское правительство пошло навстречу иранскому послу и отсрочило ему отпускную аудиенцию более чем на два месяца. Откладывая еще более отъезд посольства из Москвы означало бы зимовку его в Астрахани, так как морская навигация по Каспийскому морю с октября — ноября совершенно прекращалась до апреля — мая. Оставление же посольства до мая 1693 г. в Русском государстве привело бы к дополнительным, а главное, совершенно ненужным и излишним расходам на содержание иранского посольства.

После конференции 2 апреля и дополнительных заявлений Мохаммеда Хосейн хан-бека стало ясно, что у шахского посла не оказалось никаких серьезных государственных поручений, кроме формальных заверений в дружбе, поздравлений Ивана и Петра с восшествием на престол и помощи иранским купчинам в коммерческих операциях с шахскими товарами.

Пожалуй, самым серьезным поручением Мохаммеду Хосейн хан-беку было предъявление русскому правительству жалобы на повышение им пошлин и других налогов на товары иранских купцов.

Следовательно, посол не был уполномочен вести переговоры в Москве об отказе иранского правительства от участия в военных действиях против Османской империи. Его роль в этом вопросе свелась к технической передаче шахской грамоты с отказом.

Жалоб же иранских купцов, связанных с торговой практикой, в Русском государстве было много. Они заслуживают особого внимания потому, что характеризуют сущность русско-иранских торговых отношений последней четверти XVII в. Представляют они интерес еще и потому, что показывают быт и нравы русских провинциальных властей и их взаимоотношения с иранскими подданными. Так, в «Переводе с фарсовского письма каково подал в другом ответе⁵⁹ персической посол об обидных делех...» значится 12 неравноценных пунктов [2, 85—90]. Ясно видно, что это письмо составлено наспех, являясь кратким конспектом претензий иранских торговых людей, проживающих в Астрахани.

Чтобы этот документ не потерял своей оригинальности, он излагается в том порядке, в каком был составлен Мохаммедом Хосейн хан-беком. Однако во избежание повторов ответы русской стороны по претензиям иранского посла будут даны здесь после каждого пункта.

При этом следует отметить большую оперативность и точность, с которой русская сторона навела справки в Казанском дворце и дала ответы, в подавляющем числе благожелательные для иранской стороны. По получении справок на жалобы посла от 2 апреля 1692 г. «великие государи» слушали эти дела 16 мая вместе с боярами и «приговорили персидскому послу на предложение ево учинить ответ...», а кроме того, велели послать распоряжение того же 16 мая астраханскому воеводе. В нем указывалось «не велеть шахова величества подданных, всяких чинов людем сверх сего вышеписанного указу никаких убытков, разоренья и тесноты чинить» [7, 483—485].

Излагаем документ:

п. 1. С торговых людей Ирана в Астрахани «берут пошлины с хар-

⁵⁹ Т. е. на конференции 2 апреля 1692 г.

чевых запасов⁶⁰ и с килимов и с оберток, которыми бывает оберченъ тай⁶¹, а прежде сего с тех пошлин не имывано» [2, 85; 7, 479].

По п. 1 в справке Казанского дворца подробно перечислены указы Русского государства с 1671—1672 гг. боярам и воеводам о правилах осмотра ввозимых иностранцами товаров. В отношении же «харчевых» и обертки в тех правилах сказано: «брать ли пошлины — то не написано» [7, 479].

Поэтому 16 мая решено сообщить иранскому послу, что «таможенные головы» взимают те пошлины «по их великих государей указу как бывало напредь сего, а лишних... пошлин не емлют» [7, 483].

Это был отрицательный ответ на претензию посла Ирана.

п. 2. Также взимают в Астрахани «от лавок на месяц по рублю», тогда как прежде, писал Мохаммед Хосейн хан-бек, «бирывали только на отъезде по полуполтине». Поэтому просьба издать указ, «чтоб брали против прежнего».

Ответ бояр послу был также отрицательный. Послу было сказано, что оброчные деньги с лавок взимаются правильно, согласно указу из Москвы [2, 85; 7, 483, 484].

п. 3. Привозимый для личного потребления табак отнимают. Посол просил издать указ, чтобы не отбирали. Пожаловался посол и на то, что «берут в приказе от проезжей памяти⁶² за работу против прежнего втрое и вчетверо». Он просил взимать плату по-прежнему [2, 86].

В ответ «приговорено» сообщить иранскому послу, что велено разрешать ввозить табак на каждого человека по полпуда на месяц, а то, что будет ввезено сверх того, велено отбирать. При этом приказано объяснить послу, что до настоящего времени многие торговые люди, приезжающие из Ирана, наживались на незаконном ввозе табака, продавая его на рынке.

Относительно же излишней платы, взимаемой в астраханской казенной палате, Казанский дворец ответил, что ему неизвестно, «берут ли и что имывано... [в Астрахани]», о том в Казань из «Астрахани не писано» [7, 481].

п. 4. В четвертом пункте иранский посол жаловался на то, что русские люди теперь берут за привозимую воду из реки, объясняя это введением откупа на речную воду. Прежде же из реки воду брали все, кто хотел сам, бесплатно [2, 86]. Мохаммед Хосейн хан-бек получил ответ, что за воду взимают деньги правильно, так как она отдана на откуп [7, 484].

п. 5. Жалоба на введение новых поборов: «от бань персицких и от лавки, где лепешки пекут да от лавки ж, где кагве⁶³ варят, емлют наем...», тогда как прежде за это, сообщал иранский посол, «от тех мест найму не имано». Ответ на пятый пункт был аналогичным с приведенным ответом по четвертому пункту [2, 86; 7, 484].

п. 6. Жалоба на кощунство и надругательство над телами умерших мусульман, похороненных на татарском кладбище в Астрахани [трупы вырывают, «саваны сдирают», и «тела их едят собаки и свиньи»]. В результате, писал Мохаммед Хосейн хан-бек, многие торговые люди в Иране воздерживаются от поездки в Астрахань. Ответ по этому пункту был дан в общей форме, что «в Астрахань послан воеводе указ не допускать обид и тесноты [не] чинить» [2, 87; 7, 484].

⁶⁰ Харчевые запасы — провизия, ввозимая иностранцами для своего пропитания, в том числе табак и вино, принадлежащие к числу «заповедных», т. е. запрещенных к ввозу товаров. Сомнения всегда вызывали большие количества ввозимого табака и вин, которые впоследствии продавались частным лицам без оплаты пошлин.

⁶¹ Тай — тук товаров, вьюк.

⁶² Плата за регистрацию иностранных купцов в Казенной палате.

⁶³ Кагве — кофе.

п. 7. Жаловался иранский посол и на то, что раньше иранским подданным разрешали в Астрахани строить бусы⁶⁴, на которых они перевозили товары в Иран, и обратно в Астрахань, «а ныне в Астрахане бус делать не дают, а которые [иранцы] придут с бусами [то] и их к берегу не пускают». Посол просил восстановить прежний порядок.

В соответствии с решением от 16 мая 1692 г. бояре ответили Мохаммеду Хосейн хан-беку, что казною настроено много бус. «И для того персияном и впредь бус делать не доведется», о чем просили сообщить и шаху [2, 87, 88; 7, 484].

Однако посол не удовлетворился таким ответом и 15 июня поднял вопрос снова, ходатайствуя о разрешении купчине Ага Шамси построить в одном из низовых городов бусу для перевозки его товаров по Каспийскому морю из Гиляна в Фарабат⁶⁵. В ответном письме от 30 июня 1692 г. Посольский приказ подтвердил отказ, данный послу 16 мая. Письмо заканчивалось словами, что «ныне по указу великих государей, персидскому послу велено дать в Астрахане бусу на чем мочно [ему] поднятца» [7, 428—430].

п. 8. Жалоба на то, что с полковника Амир-бека в Астрахани взяли 57 руб. 6 алтын и 4 деньги в виде таможенной пошлины за «одно небольшое» место товаров «для дорожного харчу». Посол просил вернуть полковнику деньги, так как с посольских людей в Русском государстве никогда пошлин не брали.

Бояре сообщили Мохаммеду Хосейн хан-беку, что согласно решению великих государей 16 мая 1692 г. послан указ астраханскому воеводе о возврате Амир-беку этих денег, если товар действительно принадлежал ему. Чем кончилось это дело — неизвестно. Возможно, что здесь был типичный случай провоза табака под видом «харча» для личного потребления, вследствие чего он и был обложен ввозной пошлиной [2, 88, 89; 7, 485].

п. 9. Иранский посол просил дать распоряжение о розыске нескольких мест товаров трех членов посольства, стоимостью в 645 руб., которые были случайно отправлены с пристани Низовой в августе — сентябре 1691 г. отдельно от вещей посольства и до сих пор не разысканы в Астрахани⁶⁶.

Документы в делах посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека свидетельствуют о безрезультатности розыска этих трех мест товаров, несмотря на многочисленные расспросы разных лиц. Создается впечатление, что эти три места не были погружены на пристани Низовой на струг. Указом от 16 мая 1692 г. предписано допросить в Казани Степана Ежова и кормщика этого струга. Результаты этого допроса не нашли отражения в делах указанного посольства [7, 465—468].

Из этого следует и другое: что каждый из членов посольства, едущий из Ирана в Русское государство, стремился «заработать» на беспошлинном ввозе своих товаров под видом имущества посольства.

п. 10. Излагалась просьба иранского посла передать ему членов семей (жен, детей и других родственников) торговых людей персидско-подданных, умерших на территории Русского государства, а также ремесленников и всяких других «должных людей» [2, 90]. Ввиду того что конкретных фактов, имен и местожительства этих лиц посол не представил, бояре потребовали у него эти данные. Лишь 16 июля Мохам-

⁶⁴ Б у с а — морское плоскодонное судно.

⁶⁵ Фарабат — порт в Мазандеране, немного западнее Астрабадского залива, связанный дорогой с Ашрефом и Сари, летняя резиденция шахов.

⁶⁶ Товары первого дворянина посольства, Мирзы Мохаммед-бека, на 273 руб.; второго дворянина, Ак Берди Ага, — на 244 руб. и третьего — Абл Касим-бека — на 128 руб. [7, 463].

мед Хосейн хан-бек прислал в Посольский приказ письмо с указанием пяти персидских подданных, проживающих в Казани, двух — в Козьмодемьянске, двух — в Чебоксарах и 22 человек в Астрахани, которых просил отпустить в Иран. На письме имеется отметка, что от этих лиц не поступало челобитий об отпуске их в Иранское государство. Поэтому просьба иранского посла обсуждалась 30 июня 1692 г., в результате чего думный дьяк «Е. И. Украинцев с товарищи приказал в отпуску тех людей персидскому послу отказать для того, что пришли те люди в сторону великих государей собою [т. е. добровольно] и поженились на жонках и девках тех городов и об отпуске своим [в Иран] челобитья их к великим государем не бывало и нет».

Возникал юридический вопрос: становились ли русские подданные — женщины, вышедшие замуж за иранцев, и их дети — механически подданными шаха? Как видим, Посольский приказ не признавал этого, требуя специального ходатайства от этих женщин о признании их персидскоподданными.

п. 11. Просьба иранского посла направить указ саратовскому воеводе, чтобы он возвратил посольским людям украденное у них при проезде через этот город имущество. Стоимость его посол определил в дополнительно присланном письме в 60 руб. 21 алтын и 4 деньги.

Указом от 16 мая 1692 г. саратовскому воеводе предписано разыскать это имущество и вернуть посольству [2, 90].

п. 12. Жалоба на обиды и притеснения иранских подданных астраханскими властями.

В подтверждение жалобы Мохаммеда Хосейн хан-бек представил 11 апреля несколько мелких заявлений, не представляющих интереса. Например, жалоба шемахинца Мохаммеда Касима на то, что его иск «по кабале» с индейца Набир-бале на 200 руб. удовлетворен лишь на 100 руб., а остальные 100 руб., взысканных по суду, задержал астраханский воевода и не отдал истцу. Жалобщик просил возвратить ему 100 руб. Указом от 16 мая предписано астраханскому воеводе взыскать с Набир-бале 200 руб. и передать их Мохаммеду Касиму [7, 476, 477].

Другое дело о притеснениях астраханским воеводой И. Ф. Волынским пяти ираноподданных во главе с купцом Мохаммедом Анат-беком относится к 1675—1676 гг. Суть заключалась в том, что Волынский не разрешал им выгружать привезенные ими товары. Когда же они их выгрузили, он товары опечатал. В результате, как писали жалобщики, губернатор эти товары «многое время держал под караулом...» и они испортились. В конце концов Волынский разрешил снять печати, но за взятку в 100 руб., которую и получил его человек — Астафий [7, 476]. Иранский посол просил возвратить эти 100 руб.

По обоим этим делам, Анат-бека и Касима, указом от 16 мая 1692 г. было приказано «взять у боярина И. Ф. Волынского скаску [устное объяснение] о 200 руб., что взял у шаховых подданных» [7, 477]. В своем объяснении от 27 мая того же года Волынский отрицал получение этих денег.

Третья претензия, наиболее крупная, сводилась к тому, что в 1718 г. (1675—1676) под Терками⁶⁷ калмыки ограбили на 1300 руб. севшее на мель судно с товарами шести иранских купцов — Гуняша Дербентца и др. В сделке с калмыками жалобщики обвинили стрелецкого сотника Фому Ярославцева, сопровождавшего судно, который с товарищами «при них с... калмыками разделили [товары] и по себе разобрали» [7, 469].

⁶⁷ Терки — военно-административный центр пограничной области Русского государства на Северном Кавказе. Расположен в устье р. Терек. Отсюда название города — Терки, Терск, Терский.

Допросы в Астрахани результатов не дали. Фома же Ярославцев в Москве показал, что товаров этих купцов он на судне не видел, а знает лишь, что с ними было «небольшое число» из рухледи⁶⁸. Он рассказал, что судно их около урочища Челеном выбросило на берег, где они замерзали. Здесь на них напали калмыки и черкесы. Его, Фому, связали, и о чем вели переговоры калмыки с иранскими купцами, он не знает.

Указом от 16 мая 1692 г. бояре решили допросить стрельцов в Астрахани [7, 470—472]. Последующие результаты неизвестны.

На этом переговоры Мохаммеда Хосейн хан-бека с русским правительством в 1692 г. закончились. Из них видно, что иранское правительство не поручало ему вести какие-либо политические переговоры, дав лишь задание передать в Москве шахскую грамоту с отказом Сулеймана выступить против Османской империи. Русская сторона также не поднимала этого вопроса, считая ответ шаха окончательным для данного момента.

Во время переговоров 31 марта, когда иранский посол должен был «на ответе» сказать, что шах ему поручил устно передать русскому правительству, Мохаммед Хосейн хан-бек поставил перед боярами пять вопросов, из которых лишь первые два (об имуществе переводчика Христофорова и иранского купчины Шамшеева) шах действительно поручил ему. Остальные вопросы он поставил в связи со своим пребыванием на территории Русского государства, т. е. по собственной инициативе. Кроме этих дел, иранский посол заявил, что о других делах «приказу ему нет» [2, 26, 27].

На второй конференции 2 апреля 1692 г. бояре дали иранскому послу ответы на поставленные им 31 марта вопросы. После этого он 12 апреля представил в Посольский приказ письмо с 12 жалобами на обиды и притеснения иранских торговых людей русскими властями. Эти жалобы также следует отнести к категории вопросов, поставленных самим Мохаммедом Хосейн хан-беком. Это были более или менее мелкие текущие претензии, связанные с торговой практикой иранских торговцев в Русском государстве. Среди них заслуживают внимания массовые жалобы иранцев на увеличение в России налогов, поборов и сборов, которые были следствием реформаторской деятельности правительства Петра I, требующей много средств, например, на создание промышленных предприятий, новой армии и нового вооружения для нее, постройки флота и т. д.

Большой интерес представляет политика русского правительства по монополизации судоходства на Каспийском море, неуклонно проводившаяся на всем протяжении XVII и XVIII вв. и завершившаяся Гюлистанским и Туркманчайским трактатами 1813 и 1828 гг.

Из жалоб на местные, главным образом астраханские, власти следует, что, несмотря на централизаторскую деятельность петровского правительства и стремление к ограждению собственности промышленников и купцов, оно не могло справиться с проявлением на местах взяточничества, произвола, а зачастую самодурства и других незаконных действий даже в отношении иностранцев, охраняемых специально изданными законами.

Изучение архивных материалов, относящихся к посольству Мохаммеда Хосейн хан-бека, дает основание утверждать, что русское правительство в лице Посольского приказа стремилось к более или менее объективному рассмотрению жалоб иранских подданных, тем более по-

---

⁶⁸ Рухледь, рухлядь — движимое имущество, пожитки, товары [18, III, 199].

сольства Иранского государства. Другое дело, что ему не всегда удавалось доводить свои решения до конца, так как оно не везде и не всегда еще было в конце XVII в. полновластным хозяином на местах, особенно на таких далеких окраинах, как Астрахань или Терки.

Из выдвинутых в переговорах с иранским послом Мохаммедом Хосейн хан-беком русской стороной вопросов в первую очередь должны быть отмечены три. Первый — о русских полоняниках, десятки и сотни тысяч которых изнывали в рабской неволе не только в Турции, Крыму, Бухаре, Хиве, но и в Иранском государстве. К сожалению, дальше обещаний иранские шахи и их посланцы не шли, когда перед ними ставился этот вопрос, так как они не были заинтересованы в возвращении своей «собственности».

Второй вопрос, имеющий большую давность, — вопрос о злоупотреблениях иранских купчин, беспощинно провозивших свои товары под видом шахских. Русское правительство пыталось через Мохаммеда Хосейн хан-бека еще раз воздействовать на шахское правительство, требуя снабжать иранских купчин засвидетельствованными соответствующим образом списками товаров, но безуспешно. Как всегда, так и в данном случае русские власти проявили обычную терпимость: требуя списки товаров с печатью шаха и не получив их, здесь же разрешили беспощинный провоз всего того, что выдавалось на словах за шахские товары. Оба купчины, прибывшие с Мохаммедом Хосейн хан-беком, так и не представили этих списков, выдав все привезенные ими товары за шахские, тогда как не было сомнения в том, что какая-то часть товаров была их собственностью, ибо именно в этом и заключалась их «корысть», из-за которой они пускались в такой длинный, трудный и опасный путь.

И последнее, что заслуживает быть отмеченным в переговорах 1692 г. Мохаммеда Хосейн хан-бека в Москве, — это обращение русского правительства к иранскому правительству с просьбой заставить Армянскую торговую компанию выполнять ее обязательства о вывозе всего иранского шелка-сырца в Европу только через Россию.

Безрезультатность этого и сделанных ранее таких же обращений к шахскому двору объясняется не столько злой волей или нежеланием шаха Сулеймана, хотя он и не был особенно заинтересован сориться из-за этого с турками, сколько неправильными расчетами русских государственных деятелей, наивно полагавших, что шах может приказать армянским купцам вопреки их коммерческим интересам не вывозить шелк-сырец через Турцию в Алеппо и заставить их силой экспортировать шелк через Россию, несмотря на, казалось бы, явную выгодность последнего транзитного пути.

Вопрос, почему так это происходило, ждет еще своего исследователя.

Из этих переговоров Мохаммеда Хосейн хан-бека можно сделать общий вывод, что бесплодность их в конечном счете была обусловлена феодально-крепостническими порядками, господствовавшими в экономике и государственном строе и в жизни обоих государств.

Несмотря на разрешенную русским правительством двухмесячную отсрочку отъезда Мохаммеда Хосейн хан-бека из Москвы, данную ему в середине апреля, 11 мая 1692 г. состоялся «отпуск» (прощальная аудиенция) его посольства. Об этой церемонии в делах архива сохранились два документа: программа аудиенции и отчет о ее проведении [7, 452; 5, 89об.—95об.].

Проведена она была так же торжественно и пышно, как и приемная аудиенция 17 марта 1692 г., начиная с предоставления послу царской «кореты о шести возниках» [7, 431], а дворянам посольства

45 лошадей с царской конюшни [5, 89об., 90] вплоть по распоряжение «быть на стойке стрельцом стоять...» и встречи в Грановитой палате и т. д. Оба царя, Иоанн и Петр, были «в диадимах с скифетры...», т. е. в своих парадных одеяниях со всеми атрибутами царской власти [7, 452]. Думный дьяк Украинцев произнес, обращаясь к царям, речь, выдержанную в стиле XVII в., с возвеличиваниями их, но с сокращенным титулованием: «Пресветлейшие и державнейшие великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи и дедичи и наследники и государи и обладатели, брата вашего великого государя Сулейман шахова величества посол юзбаша Усейн хан-бек вам, великим государем, челом ударил и на вашем, царского величества, жалованье на поденном корму челом бьет. И посол бьет челом на их государском жалованье на корму» [7, 453, 454].

После этого представления Украинцев, обращаясь к иранскому послу, произнес: «Шахова величества посол, великие государи и царские величества жалуют тебя — велели спросить о твоём здоровье» [7, 454]. После ответа посла его усадили на скамейку. Через некоторое время Украинцев начал «говорить речь» от имени государей. Он повторил в ней титулование царей, после чего сказал, что ему велено передать послу, что его посла шаха Сулеймана, присланного «с любительными грамотами и с поминками и великие государи... тебя, посла пожаловали — велели принять милостиво, и свои... [государевы] очи видеть вскоре и грамоты... и поминки велели принять и посольства выслушали любительно, а в грамотах своих к ним [царям]... шахово величество писал, что для обновления и утверждения древней дружбы и поздравляя их, великих государей на престоле российского царствия, послал тебя, посла своего. И великие государи... тою твою... посольскую присылку приемлют в любовь и хотят с его шаховым величеством быть потому ж в братцкой дружбе и любви и в любительных пересылках по прежнему. И желают его шахову величеству на государствах его многолетнего здоровья. А о которых делех по наказу шахова величества ты их царского величества ближним бояром и думным людем, будучи на разговорах, объявлял, и о тех делех ближние бояря и думные люди до их царского величества доносили и ответ тебе на те все дела указали великие государи дать на письме. А ныне они, великие государи, отпускают тебя посла к его шахову величеству в милость своей государской и посылают с тобой свою, царского величества, грамоту» [7, 454—458].

Ответную грамоту от царей Украинцев вручил иранскому послу, который «поднял [грамоту] выше челмы и, поцеловав в печать, держал с боими руками честно до тех мест [пор] дондеже [пока не] позван к их, государской руке...».

Потом государи приказали, «встав не снимая шапок...», думному дьяку поздравить шаха: «как будешь [посол] у брата нашего Сулейман шаха и ты ему от нас поздравь».

Украинцев объявил о царских подарках послу: «шуба отлас золотной, шапка лисья, кубок серебрян, золочен с кровлею [с крышкой]» [7, 458—460; 5, 93об., 94]. Иранский посол поблагодарил государей, после чего Украинцев объявил «шаховым дворяном и посольским людем... жалованье от казны...», но в чем оно заключалось, не сказал. В отличие от обычного порядка, когда шубу только клали около посла, в данном случае ее «надевали... на посла... казенные дьяки Дмитрий Степанов да Роман Смирнов...» [7, 460; 5, 94].

Следующее «пожалование» заключалось в приглашении Украинце-

вым членов посольства к целованию руки Иоанна и Петра. Думный дьяк говорил перед этим: «Шахова величества посол и дворяне, великие государи... жалуют вас к своей государской руке...» [7, 460]. Эта процедура на «отпуске» происходила в несколько видоизмененном виде по сравнению с приемной аудиенцией: прикладывался к правой руке Иоанна и Петра лишь Мохаммед Хосейн хан-бек, а члены посольства целовали «престольную ступень, на которой были их государские ноги...», во время чего над всеми «прикладывавшимися» великие государи «надносили руки»⁶⁹ [5, 94об.].

Следовательно, иранского посла и членов его посольства и на приемной и на прощальной аудиенциях приглашали к целованию руки, но посол и его люди, считая себя «недостойными», ограничивались целованием полы царской одежды и даже подножия престола у ног царей.

Это важно отметить потому, что шахский двор всегда добивался от русских послов, посланников и гонцов выполнения ими их церемониала, т. е. целования ноги шаха, что приводило всегда к спорам и протестам со стороны русских дипломатов, категорически отказывавшихся от этого унижительного, как они считали, обычая из азиатского (татарского) дипломатического церемониала.

Когда и эта процедура закончилась, Мохаммед Хосейн хан-бек и его люди были пожалованы «от... государского стола ествою [едой] и питьем» [7, 461].

На этом «отпускная» аудиенция закончилась, и посол был отпущен к себе «на подворье».

Видимо, Мохаммед Хосейн хан-бек так беспокоился о судьбе оставляемых им в Москве двух купчин с шахскими товарами, что вопреки обычаю «после отпуску... бил челом и говорил, [что] остаютца де от него, посла на Москве... купчин два человека с шаховыми товарами для продажи...». Посол просил позволить им торговать «повольно» и «во всем их оберегать...», а после продажи ими товаров и покупки нужных изделий «для шахова обиходу...» отпустить их в Иран, что ему и было тут же обещано; после чего посол поклонился и вышел из палаты [5, 95, 95об.].

Ответная грамота к шаху Сулейману сохранилась в делах ЦГАДА в виде черновика с массой поправок, поправок и перечеркиваний. По содержанию она аналогична грамоте Сулеймана и не выходит за пределы обычного формального выражения пожеланий дружбы [7, 600—606].

Посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека выехало из Москвы 18 июля 1692 г. [7, 420].

Его выезду предшествовали многочисленные меры Посольского приказа по организации быстрого, безопасного и удобного проезда посольства от Москвы до Астрахани и отправки из этого города в Гилян. Маршрут был назначен обычный: Москва-река, Ока, Волга через города: Коломна, Переяславль Рязанский (Залесский), Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Свияжск, Казань, Белый Яр, Самара, Сызрань, Саратов, Царицын, Черный Яр и Астрахань.

Для большей безопасности Мохаммед Хосейн хан-бек потребовал еще 2 апреля от Посольского приказа «немалое число... ратных людей... с пушками и с ружьем, чтобы ему не учинилось от них [разбойников] какова разоренья». Если же, продолжал посол, будет там много казаков, что проехать будет невозможно, тогда, просил он, переждать ему «быть в Астрахани... [где] дали бы ему постоянные дворы в городе...» и охраняли бы его до тех пор, пока не будет на море воровских каза-

⁶⁹ Надносили руки — накладывали руки на склоненные головы.

ков. Грамоту обо всем этом астраханским воеводам он требовал выдать ему на руки [7, 421].

Обратный путь от Москвы до Астрахани посольство проделало в семи стругах. Московские суда в Казани были заменены на «вятцкие струги», а от Астрахани «за море [приказано было] дать... бусу на чем мочно поднятца и отпустить ево... с провожатыми против прежних же отпусков» [7, 382].

Еще 30 мая 1692 г. Посольский приказ дал распоряжение казанскому воеводе Петру Аврамовичу Лопухину «не мешкая» отправить из Казани в Астрахань иранское посольство в составе 30 шахских дворян и 73 человек обслуживающего персонала, т. е. всего 104 человека. Приставом от Москвы до Казани был назначен стольник Федор Зеленой, а «для береженья и караулу послано с ним» до Переяславля Рязанского 40 стрельцов⁷⁰ [7, 389, 394]. Начальником охраны был назначен стольник и полковник Сергеев. На продовольственные нужды посольства Зеленому было отпущено 300 руб.

Все эти назначения «высокого чина» людей для обслуживания посольства говорят о большом уважении московского правительства к Ирану.

Кроме того, Лопухину было предписано: 1) поставить иранского посла и его людей «на добрых дворах, на которых напредь ево в Казани персидские послы стаивали»; 2) при отправлении из Казани «дать струги добрые, вятцкие»; 3) до Астрахани пристава дать «доброе» вместо Ф. Зеленого. А главное, предписывалось не задерживать посольство, чтобы оно этим же летом выехало из Астрахани за море, т. е. чтобы «в Астрахани б ему, послу не зазимовать, и чем нашей... казне в кормовых [деньгах] многих убытков не учинить». Подчеркивалось также в указе: дать достаточную охрану, чтобы посольство могло доехать до Ирана «здорово и бесстрашно» [7, 389, 390].

Однако иранский посол, ревниво наблюдавший за всеми распоряжениями в связи с его отъездом, потребовал увеличить число гребцов с семи до двенадцати человек на струг и дать дополнительного «поносавщика»⁷¹, без которых, по его мнению, на стругах «плыть... опасно». Посольский приказ 31 июня отказал Мохаммеду Хосейн хан-беку в его просьбе, разъяснив, что «скольким кормовщиком и гребцом быть на тех стругах» положено, столь и дано, а «сверх того... [никаких] прибавок кормовщиков и гребцов дать не велено».

Выезд иранского посольства из Москвы 18 июля 1692 г. был обставлен торжественно и пышно. Описание его в делах ЦГАДА не сохранилось. Известно лишь, что указом Иоанна и Петра боярину Ивану Борисовичу Троекурову предписывалось «от посольского двора до Москвы реки и до стругов быть стрельцом двух полком з знамены и з барабаны...», как провожали прежних послов Ирана. «Для бережения...» до Переяславля и Нижнего дано 40 стрельцов. Этим же указом назначалась охрана из десяти стрельцов для остающихся в Москве двух купчин [7, 394, 420, 431].

Можно считать, что путешествие посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека от Москвы до Астрахани и отправка его из этого города в Иран прошли без каких-либо происшествий, так как в противном случае не обошлось бы без жалоб и протестов со стороны Мохаммеда Хосейн хан-бека, не отличавшегося, как видим, особой скромностью. Известно лишь, что посольство благополучно добралось 23 июля до Нижнего Новгорода и на следующий день выехало из него дальше, а 2 августа

⁷⁰ От Переяславля тамошний воевода должен был дать своих стрельцов; в Нижнем Новгороде их заменяли нижненовгородскими и т. д.

⁷¹ Поносавщик — специально наблюдающий на носу струга за глубиной реки.

прибыло в Казань. Перегрузка в Казани на другие, более крупные шесть стругов, назначение нового пристава — Федора Тимофеевича⁷² и охраны из 50 стрельцов заняли неделю. 9 августа посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека выехало по направлению к Астрахани [7, 535, 536].

* * *

С посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека 1 марта 1692 г. прибыли в Москву два шахских купчины: Ага Керим Мурат-хан и Ага Шамси Мирза Юсуфов. С каждым из них прибыло по 24—25 человек сопровождающих.

Со дня их приезда в столицу им оказывалось со стороны Посольского приказа всевозможное содействие по организации торговли, не говоря уже о том, что их приняли и содержали наравне с членами посольства за счет русской казны. Так, 19 марта 1692 г. указом правительства было приказано для продажи товаров этих купчин «отвести им на старом гостином дворе безоброчно⁷³ по две лавки [каждому] купчине каменных, да на посольском дворе построить им [каждому] по пяти лавок лубяных из приказу большие казны», т. е. тоже бесплатно [7, 556, 557; 5, 83об.].

Как уже говорилось, списков на привезенные шахские товары, заверенных шахской печатью, у купчин не оказалось. Несмотря на такое явное, а главное, очередное нарушение ими установленного еще шахом Аббасом I (1587—1629) порядка [1, 70, 71], русское правительство разрешило им беспошлинную торговлю, поверив на слово, что все привезенные ими товары действительно были шахскими. Ага Керим представил два списка товаров. По первому из них числилось привезенными: 45 тай шелка-сырца, 100 ансырей⁷⁴ тебризского шелка, 2 тыс. ансырей шемахинского шелка, 60 изорбафов разных, 1500 дорог⁷⁵, 2 тыс. киндяков⁷⁶ арабских, 4 тыс. кусков других тканей, 100 кусков миткаля, 150 батманов⁷⁷ ладана, 300 батманов чернильного орешка и т. д. Согласно другому списку, у Ага Керима было 47 тай шелка-сырца весом 267 пудов, из которых 147 пудов ардашу⁷⁸ и 120 пудов шелка-сырца высшего качества [7, 557, 558, 578].

У другого купчины, Ага Шамси Мирза Юсуфова, товаров по объему было столько же, как и у первого. У него было 95 тай шелка-сырца и 10 тыс. кож юфти [4, 18].

Материалов о ходе торговых дел Ага Шамси в делах ЦГАДА сохранилось гораздо меньше, чем о делах Ага Керима. Но те и другие свидетельствуют, что Посольскому приказу пришлось уделить много времени, внимания и средств на выполнение просьбы иранского посла, высказанной им 11 мая на «отпуске» о содействии его купчинам в их торговле шахскими товарами. В дополнение к этой просьбе Мохаммед Хосейн хан-бек сообщил Посольскому приказу, что купчинам для продажи шахских товаров потребуется много времени. Он писал, что «оставляет их на Москве... до предбудущего года до весны... и [просил] чтоб им, купчинам, обид и налог⁷⁹ не было...», и что он оставил

⁷² Фамилию пристава разобрать не удалось.— П. Б.

⁷³ Безоброчно — значит, бесплатно и без оплаты рыночных сборов.

⁷⁴ Ансырь — мера веса, равная 128 золотникам, позже — 96 золотникам, т. е. русскому фунту [18, I, 23].

⁷⁵ Дорога, дарага, дарага — полосатая азиатская шелковая ткань [18, I, 707].

⁷⁶ Киндяк — бумажная набойная ткань [18, I, 1208].

⁷⁷ Батман — мера веса, равная 2,969 кг (тебризский батман) [17, 655].

⁷⁸ Ардаш — низший сорт шелка-сырца.

⁷⁹ Налога — обременение, тягость, неудобство [18, II, 296].

с ними своего человека «Мага Казима», т. е. Мохаммеда Казима [7, 421].

Следует подчеркнуть, что русские власти всегда рассматривали иранских купчин как составную часть посольства, считая купчину за второе лицо после посла или посланника. Если же иранский купчина приезжал самостоятельно, как, например, в 1706 г. Шамша Мохаммед Казим-бек [10, 1—195], то его принимали с таким же почетом, предоставляя бесплатно транспорт для переезда людей и перевозки товаров, помещения для людей и товаров, кормовые деньги и т. д. Так и в данном случае оба купчины были размещены вместе с посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека в Большом посольском дворе; обслуживали их наравне с посольскими людьми; для товаров были предоставлены лавки и амбары, а после отъезда иранского посла из Москвы купчинам была оставлена охрана из 10 стрельцов. Несмотря на непредставление купчинами списков товаров, засвидетельствованных шахской печатью, как уже говорилось выше, московское правительство не взыскало с них таможенной пошлины. Сомневаться же в том, что все привезенные ими товары были шахскими, было достаточно оснований. Во-первых, странно было то, что с посольством прибыли два купчины с двумя отдельными шахскими грамотами. Во-вторых, оба купчины привезли необычно большое количество товаров — свыше тысячи пудов⁸⁰. Вызывало подозрение и то, что в Саратове из 455 подвод, предоставленных посольству, Мохаммед Хосейн хан-бек взял себе и купчине Хаджи Мурат-хану Аджидатову с его сыном Ага Керим Мурат-ханом 300 подвод, а 155 подвод отдал второму купчине. Напрашивается вывод, что именно первый из них и его сын Ага Керим Мурат-хан с 47 таями шелка-сырца и другими товарами действительно был купчиной шаха, а второй вызывал сомнение. Это подтверждается также и тем, что в дальнейшем торговая деятельность этих двух купчин резко отличалась одна от другой. Ага Шамси ограничился продажей своих товаров в Москве и других городах и довольно быстро распродал их, тогда как Ага Керим, очевидно опасаясь ответственности перед шахским двором за недостаточно выгодный сбыт шахских товаров, искал другие пути реализации их, о которых будет сказано ниже.

Сначала в Москве торговля у обоих купчин шла плохо. То ли конъюнктура московского рынка была неблагоприятной, то ли сказывалась монополия русской казны на некоторые шелковые изделия или неопытность молодых купчин, запрашивавших слишком высокие цены, — сказать трудно. Факт же остается фактом, что к 12 апреля 1692 г., за полтора месяца пребывания в Москве, они продали, по словам шахского посла, товаров на 10 руб. [6, 313].

Тогда Ага Шамси Мирза Юсуфов обратился 1 мая 1692 г. в Посольский приказ с просьбой разрешить ему отправить часть товаров⁸¹ для продажи в Казань с Ага-ханом Шафановым и с двумя его помощниками. Посольский приказ распорядился предоставить им струг с кормщиком и гребцами, а воеводе П. А. Лопухину было указано «отвести [им] двор и лавку и для бережения дать караул, а пошлин... не взять» [7, 541—543]. Другую часть товаров Ага Шамси разрешили отправить с «Садырка Маметев» на Макарьевскую ярмарку, где он не смог ничего продать и часть товаров, в том числе и два тая шелка-сырца, отдал Шафанову для продажи в Казани, а сам с остальными вернулся в Москву [7, 546].

⁸⁰ Если 47 тай весили 267 пудов, то 142 тая (95 плюс 47) должны весить свыше 800 пудов. К этому необходимо добавить вес 10 тыс. кож и остальных товаров [4, 18].

⁸¹ Среди них: 640 киндяков, 15 изорбафов, 20 кисей, 10 пестрядей, 20 выбоек, 150 дарог, 10 ковров и т. д. [7, 543].

Следует учитывать, что такие перевозки иностранных товаров весьма усложняли учет их Посольским приказом, так как взимание пошлин с них производилось по мере продажи товаров иностранными купцами.

Вот почему таможенный голова в Казани обнаружил у Шафанова несоответствие в списке товаров, перечисленных в московской грамоте, с тем, что тот привез в наличии. Поэтому он потребовал внести пошлину за два тая шелка-сырца. Когда же Шафанов отказался это сделать, тогда голова запретил вывоз этих двух тай в другие города [7, 546].

Началась нудная переписка: одна сторона жаловалась в Москву, а другая делала «отписки» на запросы. Пока выяснялось недоразумение, переписка отнимала много времени у работников Посольского приказа.

Иначе поступил Ага Керим. Не получая за свои товары той цены, которая ему казалась минимальной, он решил вывезти свои товары за границу. С этой целью он «бил челом» в Посольский приказ, чтобы ему разрешили «ехать за море с Москвы в немецкую землю в город Амстрадам...». Мотивировал он это тем, что шелк-сырец «на Москве не продаetta и купцов нет, и продать некому...». Ага Керим ходатайствовал об отпуске его «чрез Великий Новгород за свейской рубеж в немецкую землю... [для чего просил дать ему] подводы и провожатых стрельцов, толмача от Москвы до границы» и чтобы «с него... пошлин не брали [за вывоз]» [7, 563, 564, 565].

Заслуживает интереса в связи с этой просьбой справка Посольского приказа. На вопрос о том, «в прошлых годах... отпускались ли... иранские купцы за границу и давались ли им провожатые и взимались ли с них пошлины?», в справке сказано: «того в государском Посольском приказе не сыскано и выписать например не ис чего» [7, 566].

Насколько серьезно подходил Посольский приказ к разрешению данного вопроса, видно из того, что к делу приложены выписки из соответствующих статей Новоторгового устава 1667 г. и из жалованных грамот 1667 и 1673 гг. Алексея Михайловича, выданных Армянской торговой компании по вопросу транзита из Ирана шелка-сырца через Русское государство в Европу [7, 567—574].

Представляет интерес и справка о прибывшем 7 сентября 1674 г. [7, 583] в Москву от шемахинского хана купчине «Мирим-беке Хадживантове». Так как он не представил засвидетельствованного печатю шаха списка товаров на 9792 руб. и в Астрахани с него взяли таможенную пошлину в размере 10%. 18 июня 1678 г. этот купчина «бил челом» в Посольский приказ, что живет в Москве четвертый год и не может продать шахский шелк-сырец. Русское правительство указом за подписью думного дьяка Лариона Иванова разрешило Мирим-беку вывезти шелк-сырец за границу через Архангельск с оплатой пошлины по Новоторговому уставу в размере, взимаемом с армян Армянской торговой компании [7, 579—581]. Однако по возвращении из-за границы Мирим-бек 29 апреля 1681 г. добился указа царя о возврате ему взысканной с него пошлины в Архангельске в размере 1456 руб. 20 алтын и 7 денег «соболями из Сибирского приказу», а 979 руб. 8 алтын и 5 денег должны были ему возвратить в Астрахани. Вмешавшийся в это дело новый думный дьяк, Е. И. Украинцев, доказал неправильность решения вопроса Ларионом Ивановым, так как Мирим-бек не представил засвидетельствованной шахской печатю росписи товаров. К тому же, писал в своем заключении Украинцев, шемахинские ханы никогда не имели шахских товаров и торговали с Астраханью как частные

купцы, уплачивая обычные пошлины⁸². Поэтому, сказано в справке, «тех взятых пошлин отдавать ему [Мирим-беку] не велено» [7, 583, 584].

В результате этого 11 июля 1692 г. было разрешено «отпустить Агу Керима» на ярмарку и «в Архангельск за море» с шелком-сырцом, для чего дать ему толмача, провожатых-стрельцов и оплатить ямские расходы, произведя все расчеты с ним по таможенным и провозным пошлинам в соответствии с договором с армянами [7, 584]. На этом основании, согласно донесению Андрея Матвеева и П. Деревнина, Ага Керим был «отпущен с Москвы к Архангельску городу и за море в немецкие государства... с шаховым товаром с шолком сырцом, а в приставах с ним и для толмачества послан до архангельского города... толмач Данило Леншин» с предписанием архангельским властям отправить иранского купчину без задержки [7, 537].

Ага Керим прибыл в Архангельск 17 сентября 1692 г., откуда его отправили «на галанском корабле... октября в первом числе 1692 г.» [7, 537, 538].

О дальнейших действиях Ага Керима мы узнаем из ответной грамоты русского правительства к шаху Сулейману от 31 мая 1694 г. [9, 4—12]. В ней сообщалось, что Ага Керим, «быв в немецких землях, продав... товары и покупя про ваш обиход немецкие товары, возвратился... в... наш град Москву с провожатыми и на подводах допроважен в целости, и исторговался на Москве, похотел ехать... к вашему шахову величеству, и мы... пожаловав ево, купчину нашим... жалованьем, повелели ево... отпустить к вашему шахову величеству в целости и в бережении, незадержав» [9, 10, 11].

Особого внимания заслуживает в этой грамоте фраза о том, что московское правительство предоставило Ага Кериму транзит шахского шелка-сырца в Европу через Русское государство в порядке исключения и что сделано это было «для братцкой... исконной особой дружбы и любви, хотя прежние ваши... купчины с товары вашими чрез российские наши государства в немецкие земли за моря не езживали и челобитья их о том напредь сего не бывало, а покупали всегда немецкие товары про ваш обиход в государствах наших». В грамоте было подчеркнуто, что Ага Кериму не только разрешили проезд за море, но и «пропустить указали с провожатыми, на подводах» и отправили его «со всякою честию и бережением», т. е. фактически за счет русской казны [9, 9, 10].

9 июня 1694 г. Ага Кериму с его двадцатью слугами была дана на обратный проезд от Москвы в Иран «Проезжая грамота» [9, 13—17] по обычному водному пути, по городам, перечисленным выше, начиная с Коломны «и до Астрахани бояром нашим и воеводам и всяким приказным людям...», чтобы они оказывали необходимое содействие иранскому купчину Ага Кериму который везет с собой товаров 150 тай и 50 сундуков, а также 50 мешков харча и тулугов. Согласно этой же грамоте и в порядке исключения, Ага Кериму разрешили купить по дороге пять ловчих птиц (ястребов и соколов) и 200 ведер горелого вина [9, 13, 14].

Несмотря на то что Ага Керим выехал из Москвы в июне месяце, в «Проезжей грамоте» предусматривалась возможность зимовки его в одном из понизовых городов — «Симбирске или на Самаре или на Саратове или на Царицыне». В этом случае воеводе того города пред-

⁸² В этом Украинцев неправ. Для задабривания шемахинских ханов русские власти в Астрахани разрешали им беспошлинный ввоз своих товаров. Даже дагестанские «Шамхалы добились освобождения от пошлины товаров на 600 руб. ежегодно» [13, 288].

писывалось «давать в том городе, где он остановитца, под шаховы то-вары анбары и приставить караул, чтоб ему никакова убытку не учинилось, а ему купчине, с людьми [дать] постоянные двory покамест он побудет, а как придет время и похочет ехать он в Астрахань и ево по-тому ж отпустить без задержания и остановки и кормщиков и гребцов и готовые струги давать по подорожной и провожатых стрельцов по-сылать» [9, 15].

Отдельные указания были даны в «Проезжей грамоте» казанскому и астраханскому воеводам. Первому из них, Даниле Григорьевичу Чер-касскому, велено было отпустить для посольства «новые два струга, такие какие по Волге к безопасному ходу годятца, один с чердаком⁸³, а другой покрыт лубьем, со всеми припасы⁸⁴, также и кормщиков и гребцов» и т. д. [9, 16]. Астраханскому же воеводе Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину предписывалось отпустить купчину из Астрахани «против прежних таких же отпусков...», но предупреждалось, чтобы «русских людей и иных никаких иностранцов... отпускать с ним не ве-леть...» [9, 16, 17].

Помимо указанной грамоты указом от 16 июня 1694 г. было пред-писано «казанских стрельцов сотнику Степану Жидовинову ехать ему... с купчиною Агою Керимом Муратхановым в приставех до Казани и до Астрахани...». Здесь же ему давались подробные инструкции «беречь накрепко, чтоб над купчиною в дороге и на станех от воров никакова дурна не учинилось...» [9, 20, 21]. Особо указывалось следить за тем, чтобы купчина не вывез с собой «лишних людей, русских и инозем-цов татарченков и девок и жонок татарок не было», а если они ока-жутся, то пристав должен этих «лишних людей у него купчины взять и отослать к воеводам» [9, 22].

Однако на этом история купчины Ага Керима не закончилась. Уез-жая из Москвы, он просил Посольский приказ разрешить ему оставить своего человека — Карбалаи Ибрагимова в Москве на год, чтобы про-дать «остаточный товар» на сумму 1000 руб., среди которого было 200 ансырей шелка, 250 киндяков и т. д., а после того отпустить его в Иран и «дать ему проезжую грамоту и струг и провожатых» [9, 40, 41].

И эта просьба купчины была удовлетворена. По распоряжению дьяка Василия Бобынина «велено тому ево купчинину человеку... остат-ца на Москве и продавать... те товары в той же лавке на старом гости-ном дворе... и стоять ему на посольском дворе» [9, 41, 42].

Через год, когда Мохаммед Бугитка Хаджи Ибрагимов Кербалаи 14 мая 1695 г. сообщил, что распродал все шахские товары, и просил отпустить его с купленными товарами, среди которых были «очки зри-тельные... готовальна со всем... [набором], алебарды... маетник... брит-вы немецкия... персни мужские, женские — медные... пуху гусинова семь пуда...» и т. д. [9, 44—47], 18 мая по распоряжению Украинцева его велено было отпустить из Москвы в Иран, дав ему стружок со всем необходимым оборудованием и обслуживанием за счет приказа боль-шой казны. Однако кормщика и гребцов на стружок велено было бес-платно дать лишь до Казани, «а от Казани до Астрахани кормщика и гребцов ему не давать». До Казани же был дан ему и пристав-толмач [9, 49].

По-видимому, Посольский приказ считал, что приказчик купчины не имеет права пользоваться привилегиями самого купчины, и поэтому ограничил их, хотя только с Казани, полагая, что оттуда Хаджи Ибра-гимов не станет добиваться дальнейшего бесплатного проезда.

⁸³ Чердак на струге — это надпалубные надстройки в виде кают.

⁸⁴ Под припасами для струга подразумевались: якоря, паруса, канаты и другие снасти.

Таким образом, с иранским посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека, с купчинами, прибывшими с ним, и приказчиком одного из купчин Русскому государству окончательно удалось распрощаться лишь к концу 1695 г., т. е. через пять лет после прибытия посольства в Россию.

Все действия русских властей в течение пяти лет по приему и обслуживанию посольства и шахских купчин показывают, что московское правительство придерживалось весьма благожелательной позиции в отношении Ирана и его представителей. Русские власти почти безотказно выполняли все просьбы посла, за исключением только такой, как освобождение от новых налогов и сборов, введенных правительством.

Русские власти обеспечили полностью коммерческие операции шахских купчин, несмотря на невыгодность их для русской стороны, так как они не были для них взаимными. К тому же не было уверенности, что значительная часть товаров этих купчин не была частной.

Следует учитывать и то, что помощь в проведении коммерческих операций купчинами, начиная от перевозки товаров от Астрахани до Москвы и от Москвы до Архангельска и кончая содержанием самих купчин и их многочисленной (до 50 человек) челяди в течение от двух до пяти лет, стоила огромных денег московскому правительству.

* * *

«Великое посольство» Мохаммеда Хосейн хан-бека прибыло в Москву с официальной целью — поздравлением русских царей Иоанна и Петра с восшествием на трон. Вторая цель — оказать содействие прибывшим с посольством двум шахским купчинам в их коммерческих операциях для шахского двора, из которых лишь один действительно привез шахские товары. Посольство и купчины были приняты в Астрахани и в Москве с присущими Русскому государству гостеприимством, щедростью и почетом.

Самое примечательное в посольстве Мохаммеда Хосейн хан-бека заключалось в привезенной им грамоте от шаха Сулеймана с отказом выступить против Турции на стороне России и западноевропейских держав. Этим отказом была подведена черта под русско-иранскими переговорами, начатыми в 1586—1587 гг. шахом Мохаммедом Ходабендэ, о заключении военного союза Ирана с Россией против Турции.

В переговорах Мохаммеда Хосейн хан-бека в Москве 31 марта и 2 апреля 1692 г. не обсуждались ни вопрос о военном антитурецком союзе, ни отказ от него иранской стороны. Более того, на них вообще не обсуждались политические вопросы, если не считать вопроса о совместной борьбе против казаков, совершавших нападения на купеческие суда на Каспийском море между Терками и Дербентом.

Обсуждались на этих переговорах главным образом торговые вопросы: о торговой деятельности иранских купцов и их взаимоотношениях с русскими властями. Из 12 пунктов с претензиями, предъявленными иранским послом, четыре были признаны русской стороной беспредметными, так как касались повышения пошлин и сборов или установления новых налогов Русским государством. Остальные претензии иранского посла были мелкими и сводились к жалобам на обиды и притеснения местными русскими властями иранских торговых людей, торговавших в Русском государстве. Жалобы в большинстве своем были обоснованными.

Однако одна претензия заслуживает внимания — это жалоба на запрещение русскими властями строить в России морские суда по заказам иранских купцов. В этом сказывалась тенденция русского прави-

тельства к установлению монополии на судоходство в Каспийском море.

В остальном центральное русское правительство весьма благожелательно рассматривало жалобы иранского посла и принимало меры к удовлетворению потерпевших и к наказанию виновных. Однако средневековый характер вотчинного самоуправства и произвола на местах еще был силен в конце XVII в. Местные власти не всегда находились под действенным контролем московского правительства, и ему не всегда удавалось доискаться до истины и восстановить справедливость. Образцом такого произвола было нарушение посольской экстерриториальности в Астрахани и избивание людей иранского посольства стрельцами начальниками Иваном Нечаевым и Матвеем Ивановым.

Заслуживает быть отмеченной лояльность и доброжелательность русских властей по обеспечению коммерческих операций иранских купцов и купчин с шахскими товарами на территории Русского государства, несмотря на то что эта помощь оказывалась односторонне и была сопряжена с большими расходами русской казны на протяжении почти пяти лет пребывания шахских купчин или их людей в России.

ИСТОЧНИКИ * И ЛИТЕРАТУРА

1. 1624—1625 гг., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—571.
2. 1690—1692 гг., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—255.
3. 1690—1692 гг., оп. I, ед. хр. 2, л. 1—16.
4. 1691 г., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—297.
5. 1691—1692 гг., оп. I, кн. 23, л. 1—134.
6. 1692 г., оп. I, ед. хр. 1, часть 1-я, л. 1—339.
7. 1692 г., оп. I, ед. хр. 1, часть 2-я, л. 340—610.
8. 1692 г., оп. I, ед. хр. 2, 1—146.
9. 1694 г., оп. I, ед. хр. 1, 1—67.
10. 1706 г., оп. I, ед. хр. 2, 1—195.
11. Всемирная история в десяти томах, т. V, М., 1958, стр. 1—783.
12. Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в.—Издание Общества обследования и изучения Азербайджана, № 3, вып. 4, Баку, 1929.
13. История Дагестана, т. I, М., 1967.
14. История дипломатии, т. I, М., 1959.
15. История СССР, т. I, М., 1956.
16. Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах), т. 11, М.—Л., 1961.
17. Современный Иран. Справочник, М., 1957.
18. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным источникам (в трех томах): т. I, М., 1893; т. II, М., 1895; т. III, М., 1903.

---

* Архивные материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), ф. 77, Сношения с Персией.

Т. А. Шумовский

**«ВЕЛИКИЕ ОСТРОВА» В МОРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
АХМАДА ИБН МАДЖИДА (XV в.)**

Арабская энциклопедия под названием «Книга польз об основах и правилах морской науки» (китāб ал-фавā' ид фй 'усул 'илм ал-бахр ва л-қавā 'ид), созданная в 1475—1490 гг., сохранилась в двух рукописях: 1576 г.— в Парижской национальной библиотеке и 1592 г.— в библиотеке арабской Академии наук в Дамаске. Первая была обнаружена Ферраном и Годфруа-Демомбинем в 1912 г., вторая — Са'йдом ал-Кармй в 1921 г. Габриэль Ферран (1864—1935), крупнейший знаток арабской морской литературы, высоко отзывался о ценности «Книги польз», однако критически изучить ее не успел. Столетие со дня его рождения было ознаменовано завершением в СССР подготовки полного комментированного издания этого памятника. Подробная характеристика «Книги» содержится в двух докладах на международных конгрессах [3; 4], краткое изложение материала — в бейрутском журнале «ал-'Анбā' ас-сўфйāтийя» [2].

Автор энциклопедии — 'Аҳмад ибн Мāджид, потомственный моряк, лоцман первой экспедиции Васко да Гамы в Индию. Среди сорока его трудов «Книга польз» является крупнейшим по объему и значению. Она занимает 176 листов арабского текста и представляет универсальный справочник по судовождению в Индийском океане, построенный как на проверенных данных корифеев арабской науки, так и на личном опыте автора. Изучение практических сведений, а в особенности теоретических частей энциклопедии показывает незаурядность личности 'Аҳмада ибн Мāджида, а также дает первостепенный материал для характеристики достижений классической арабской культуры XV в. в области мореплавания, которая по традиции считалась в науке чуждой арабам. Значение этих данных так велико, что востоковедение стоит перед задачей переоценки роли Арабского Востока в истории культуры человечества.

Десятая глава «Книги польз», перевод которой приводится ниже, посвящена описанию десяти островов Индийского океана, каждый из которых, занимая ключевое положение в арабской морской торговле, был опорным пунктом экономической экспансии халифата. Среди них Мадагаскар, Сокотра, Шри Ланка (Цейлон), Суматра, Тайвань — крупные жемчужины в золотом ожерелье арабской торговли, протянувшемся с запада на восток; здесь возникли очаги мусульманской культуры, пришедшей по следам купцов и мореплавателей. Данные 'Аҳмада ибн Мāджида интересны не только указанием астрономических ориентиров, по которым арабы добирались до этих экзотических земель, но и деталями общего порядка — будет ли это сообщение о том, что население Сокотры упорно отстаивало свою свободу в борьбе с иноземными пора-

ботителями, или о том, что у жемчужных ловель Бахрейна иногда скапливалось до тысячи кораблей; нельзя пройти и мимо упоминаний об островах золота, лекарственных трав, об ископаемых и о промыслах. Все это значительно обогащало обычные представления о дальних землях в арабской географической литературе.

ДЕСЯТАЯ ПОЛЕЗНАЯ ГЛАВА

[л. 67б] Первый [из островов] — остров Арабов¹ в начале сотворения мира: до Ноева — мир ему! — потопа он был отдельным островом в Море. После потопа прирос, его северо-запад стал цепко держаться за Египет да Ирак Арабов, и в наш век он не является островом, а в Абиссинию от него дорога по-суху и в Китай от него дорога по-суху: мир — это единый участок земли. Говорят, он — пять частей, долготных, не по широтам, это Тихāма и Наджд, а их разделяет Хиджаз, кряж с высокими холмами, к нему относится достоцитимая Мекка, ее вершины и к ним примыкающее. На нем ветви финиковых пальм свешиваются над тихāмовым побережьем, таковы Яламлам, Рудвā и гора Субх; все это ветви финиковых пальм с Хиджаза, висящие над прибрежьем, к ним относятся правая и левая стороны и востоки [этого кряжа]. А тихāмой зовется всякая опущенная местность, последнюю также называют низина. Самое красивое, что я слышал в этом смысле, есть в одном рассказе про 'Абдалмалика сына Марвāна²: он вывел на рынок рабыню и его глашатай в Дамаске сирийском возгласил, что, кто скажет второй стих к нижеследующему [л. 68а], тому эта рабыня неотъемлемо; и вот его слово стихотворно:

Плачет всякий печальный, *безумно любясь*,
и предмет печали хочет ему *помочь*;
как же встретиться двум печалям?

Арабы и их ученые ответили на это многими словами, но 'Абдалмалик не считал их удовлетворительными, пока Джарйр³ не сказал:

Которая в *Наджде* — *спускается*, либо *восходит*,
которая в *низине Тихам* — тогда они встретятся.

И 'Абдалмалик проговорил: «Бери эту рабыню! Да, я призываю из-за нее на тебя благословенье божье» и добавил: «Ей-богу, этот стих в самом деле ложится за тем, как копыто за копытом»; ведь он подразумевал всякую приподнятую местность, именуемую на джд, и всякую опущенную, которую зовут *ґавр* и тихāма⁴. Еще говорят, Хиджāз — кряж разделяющий, простирающийся от севера Медины, восточнее Рудвāи, до тех пор, пока не преступает пределов Таифа. Он отделяет Тихāмы от Наждов, и то, что находится его восточнее, есть Наджд, а что к западу, то Тихама; поэтому Мекканец именуется Тихамец, а не Хиджāзец и не Наждиец: Мекку числят в Тихаме, на краю Хиджаза. Медина же северна, хиджāзско-наждийская, не тихāмская. Говорят также, Хайбар и 'Улā северны, Рудвā и гора Субх суть одно, а 'Идд, бухта Яламлама и Обе Долины⁵ — пальмовые ветви Хиджāза; все они — Хиджāз, проникают в Тихāмы. А остров Арабов — от Суэца

¹ Аравийский полуостров.

² Пятый омейядский халиф (685—705).

³ Один из крупнейших поэтов омейядской эпохи (ум. в 728 или 732 г.).

⁴ Два стиха, лежащие в основе этого рассказа, построены на игре созвучных арабских слов, выделенных в переводе курсивом. Это «Нажд» — помогать, восходить, «Тихāма» — безумно любить друг друга, «низина» — спускаться.

⁵ Ал-Вадийн в Йемене.

до Врат Сожаленья, до Крайнего мыса, до Абадана⁶, потом прирастет, и оттуда долы Ирака до Табука. Говорят, человек проходит несколько более трех суток, затем по земле прибывает расплавленная жидкость, там остров прирос после Ноева — мир ему! — потопа. А отразился [от той поры] Таиф: он назван так потому, что потоп обернул его от Сирии к Хиджазу; и это свидетельство потоп увел северным ветром⁷. За этим островом второй по величине — остров Кумр⁸... Рассказчики в отношении его долготы и широты разноречат, ибо он в стороне от населенного мира, от обитаемых *климатов* земли, и потому насчет него приходит сомнение. А в великих книгах поведали, что он — величайший из островов населенной земли, его длина [л. 68 б] — около двадцати градусов⁹. Между ним и берегом Софалы с ее островами находятся острова и подводные скалы, а при всем том путешественник не встречает препятствий, чтобы пройти среди них. Остров Кумр связывают с Камираном сыном 'Амира сына Сима сына Ноя — мир ему! От него к югу море Океана в греческом выговоре, по-арабски же это — море, окружающее мир. Оно — начало полуденных Мраков¹⁰ к югу от этого острова. Третий остров — Суматра, а это остров, через который проходит линия тождества¹¹. Незнающий молвил: она проходит по его северу, мы же сказали — по югу, имея в виду Тельцы¹² пяти *пальцев* при их равностоянии с востоков и во время *самостоятельности Колоса*¹³ над головою. Там уравниваются оба Полюса¹⁴; это не две звезды, а два места, разъединяющих востоки и запады. Еще это обитель *ал-хати*, государя всей Абиссинии; некоторые правители ему перечат, однако же он из них величайший. [Линия тождества] есть предмет спора в отношении имени Сарандиб: говорят, это имя острову Цейлон, а говорят — Суматре, что же касается истины, линия тождества есть Долина Сарандиба, называемого также Сарандид — с двумя *д* и [ли] с *д* и *б*¹⁵. В обоих случаях она — Тельцы четырех¹⁶. Если отнесешь Долину — дол Сарандиба к этому острову¹⁷, будет верно, ибо широты берутся от Полюса, а не от звезды Козленочка¹⁸... хотя бы Полюс и был невидим его наблюдателям, а широты берутся от него, на него указывает явственнейшее из северных светил, такое, как Гвоздь¹⁹, Высокопоставленная²⁰ и Тельцы; когда смеришь звезду в пределе повышения и спуска,

⁶ От Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива, мыса Рас-эль-Хадд и Абадана в Нижнем Ираке.

⁷ Этимологизация названия Таиф при помощи корня *таф* «обходить»: бедуны внутренней Аравии считали Таиф с его роскошной природой уголком Сирии, перенесенным на знойный Аравийский полуостров аллахом по просьбе Авраама.

⁸ Мадагаскар.

⁹ Точное значение длины Мадагаскара — 13°37'. По занимаемой площади (627 тыс. кв. км) это действительно крупнейший из островов, которые знал Ахмад ибн Маджид. Фактически же он занимает третье место в мире после Новой Гвинеи (785 тыс. кв. км) и Борнео (733 тыс. кв. км).

¹⁰ Южного Ледовитого океана.

¹¹ Экватор, который проходит посреди Суматры, деля ее на две приблизительно равные части.

¹² β , γ Малой Медведицы.

¹³ Созвездие Девы.

¹⁴ Оттуда одинаковое расстояние до Северного и Южного полюсов земли.

¹⁵ Показательно, что здесь, как и в ряде других случаев, Ахмад ибн Маджид знает очень редкую форму.

¹⁶ Т. е. проходит в местностях, где β и γ Малой Медведицы наблюдаются в 4 *пальцах* (=6°25'40") высоты над горизонтом.

¹⁷ Т. е. к Суматре.

¹⁸ Т. е. от Северного полюса, а не от Полярной звезды. Угловое расстояние α Малой Медведицы от полюса в 1959 г. имело значение, равное 57°; это указывает на высокий коэффициент прециозности в измерениях Ахмада ибн Маджида.

¹⁹ 122-я звезда Цефея.

²⁰ Другое название для Полярной звезды.

узнаешь, что меж ними двумя и Полюсом ось — это столько-то и столько-то градусов от направления линии горизонта по измерению астролэбней. Нить линии тождества — с востока на запад, с нею пересекается нить полудня, покуда земля не превращается в четверти. Полуденная нить — два края Мраков²¹, у нити же линии тождества ее востоки — возле островов аш-Шилй, а запады — близ Вечных островов²². Обе нити пересекаются у Долины Сарандиба. Большая часть населенной земли [л. 69а] — в двух северных четвертях, а обе южные больше залиты водою, исключая края землй, подобные Абиссинии, но включая [меньшую] часть севера. У Суматры несколько иноверных²³ государей. Она — место, где добывают белых слонов, камфару и кошек с особым мускусом, покупаемых на вес золота. Все ее правители иноверны. Над ее северным [берегом] Тельцы имеют восемь без четверти [пальцев высоты], над южным Тельцы приблизительно четыре. Четвертый остров — Ява к югу от линии тождества, в первом южном климате. Ему начало от севера — Тельцы (при их равностоянии с востоков и самостоятельности Колоса) ровно трех пальцев, по мнению Арабов, а Индийцы полагают иначе. Он величиною меньше острова Суматры. Его населяют иноверцы и мусульмане, а государи его иноверны. Здесь добывают яванский ладан, а островá сандалового дерева отсюда к юго-востоку, тоже и острова лекарственных трав. Пятый остров называем Гур²⁴, место, где производят гурскую сталь и чистые²⁵ мечи, рассекающие всякое железо. Имя ему по-явански Ликйвуф, а государь у него иноверный. Он разжигает войну против государей Китая, несмотря на их силу и приспособленность; жители острова обладают сильною смелостью, большей отваги нельзя и желать; у них не враждуют человек с человеком, а только с толпою чужих. Шестой остров — Цейлон, к северу от линии тождества и к югу от берега Коромандельцев, есть островá Индийского берега с юго-востока. У него несколько государей из иноверцев. Это остров, близкий к округлости; идущий обходит его по суше пешком, ходу примерно десять суток. Меж ним и берегом Кайяла²⁶ промысел жемчуга, в некоторые годы он процветает, а в некоторые пустеет. Еще здесь добывают слонов, корицу и драгоценный яхонт. Над этим островом непрестанен сполох, которым руководятся путники; он восстает на единый миг; это не молния, высекающаяся из туч, как прочие, напротив, это молния, выхваченная не из тучи. Еще говорят, что Адам — на этом [л. 69б] острове; а не достоверна могила кого-либо именно из пророков, кроме могилы пророка нашего Мухаммада, да благословит и сохранит его бог, в честной Медине. Южнее того острова, через четверо суток ходу морем либо меньше, островá золота, по-неарабски зовутся Тайзам-түрй. Говорят, в древности здесь был эликсир, ныне же на них ничего от него нет. Это островá, заливаемые волной, без берега, а самые большие — с вершинами; мимо них проходит путешествующий от южных [Маль]див²⁷ к Суматре, видят же их те, кто отправляются от берега Коромандельцев и правящийся от Бенгалии к [Маль]дивам. Они точно на линии тождества, ибо расположены от предела Тельцов пяти [пальцев высоты] до Тельцов четырех. Седьмой остров — Занзибар — простирается у берега Зинджей, имеет деревья и реки. У него

²¹ Берега Северного и Южного Ледовитых океанов.

²² Вечные острова — Канарские. Аш-Шилй (ас-Сйла) — арабское название Корей.

²³ Т. е. не исповедующих ислам.

²⁴ Тайвань, преимущественно его северная часть.

²⁵ По составу металла.

²⁶ Порт на юго-восточном (коромандельском) побережье Индии.

²⁷ Т. е. южной группы Мальдивского архипелага, лежащего на юго-запад от Индии.

сорок приходов, где правят государи из мусульман, а на материковом берегу, выше, иноверные. Это нездоровый остров; древние в своих летописях молвили, два острова нездоровы — один на дальнем юге, этот, другой на дальнем севере, Бахрейн, именуемый Авāl — особенно при стоянии Солнца в башне Весов²⁸: на них начинаются лихорадка и недомогание во время желтения лимонов. Поэт про них сказал:

Когда от Авāла такой же, как он, перенимает
четыредневную²⁹ и близка зима в них, то
сколь худа эта [солнечная] стоянка!

Восьмой остров — вышеупомянутый Бахрейн, еще именуемый Авāl. На нем триста шестьдесят поселений, а в них пресная вода со всех сторон. Самое удивительное из того, что он имеет, — место, которое зовут Отбельщики³⁰. Слова Его — да возвысится Он! — суть: «...сие — приятен, сладок, легко глотаем его напиток; а этого — соленый, горький...»³¹ Дело в том, что оно смешанно³², соленое сверху и пресное снизу, а сообразно оно трем ростам высокорослого мужа, то есть три сажени; человек, погружая в соленое море бурдюк, наполняет его от пресной воды, тогда как он затоплен в соленой! Вокруг Бахрейна места, где добывают жемчуг, и несколько островов, это все же жемчужные ловли, у которых ищет пристанища почти тысяча кораблей. На нем сбор племен из Арабов и множество купцов, на нем собраны из плодоносящих пальм те, которые имеют свои описания, еще кони, верблюды, крупный и мелкий рогатый скот; здесь проточные ручьи [л. 70 а], гранаты, смоковницы, лимоны и *лайм*³³. Бахрейн крайне населен. В пору этой книги им владел 'Адживадайн Зāмил сын Хāсйна 'Амирский, которому его вместе с Қātйфом³⁴ пожаловал государь Сарғал сын Нūришāха, чтобы он поднялся помочь ему против его братьев и дал полностью овладеть островом Джарūн вышеупомянутого Хурмуза³⁵; он написал грамоты на владение Бахрейном, исключив некоторые из его садов; и тот исполнил для него это, восстал ему в помощь, сделал его владетелем Джарūна, а получил Бахрейн и Қātйф в восемьсот восьмидесятом году³⁶. Сын же его Сайф сын Зāмила 'Усмāна сына Панхāна принял меч против Сулаймāна сына Сулаймāна сына Панхāна в восемьсот девяносто третьем году³⁷, а Бахрейном правил некий предстоятель из 'ибādитов³⁸, плативший ему подати острова; и этому жители пособили, поднявшись ему в помощь, он же разрушил все их твердыни и поставил над ними правителем 'Умара сына Хātтāба, 'ибадита³⁹. Девятый — остров Ибн Джāвāна⁴⁰, известный как остров Бурхута и Қасима: дело в

²⁸ Седьмой знак Зодиака (сентябрь)

²⁹ Т. е. перемежающуюся лихорадку (*febris intermittens*).

³⁰ В смысле «очистители воды» (*ал-қасāсйр*).

³¹ Коран, XXXV, 13, с опущением средней части — XXV, 55.

³² Т. е. со смешанной водой.

³³ Особый сорт лимонов.

³⁴ Порт на аравийском побережье Персидского залива.

³⁵ Порт на иранском побережье Персидского залива.

³⁶ 7 мая 1475 — 25 апреля 1476 г.

³⁷ 17 декабря 1487 — 4 декабря 1488 г.

³⁸ 'Ибādиты — последователи 'Абдаллāха б. 'Ибāда ал-Муррийя ат-Тамйлийя (конец VII — начало VIII в.), основавшие, наряду с суннитами и шиитами, особое течение в исламе.

³⁹ В работах некоторых ученых [4, 286; 5, 128] упоминается 'Умар б. ал-Хātтāб ал-Яхмадий, 'имām Омана с 855 по 896 г. х. = 3 февраля 1451 — 3 ноября 1491 г.

⁴⁰ Абаркāвāн у ал-Балāзурийя, *Банйкāвйн* у ал-Истахрийя, *Бар кāван* у Ибн Хавқяла и Йāқута, Лāфит в «Атласе Ислама», нынешний Кешм у соединения Персидского залива с Османским, имеющий длину 115 км. Не смешивать с о-вом Киш (араб. Қайс).

том, что Касим помещается на мысе этого острова с северо-востока — со стороны, примыкающей к Хурмузам, и является местом отдохновения хурмузских государей; а Бурхут занимает на острове середину, он — место, в котором финиковые пальмы, посеы и скот. Остров имеет пятьсот ткачей, ткущих шелк. Его мыс на западах — Маййāн. Населяют его Арабы и Неарабы; на нем люди, а еще корабли, посеы и города по всей его окружности. Это остров, располагающийся против Лаш'атāна с побережий Персов. На нем плоды, виноградные лозы, арбузы и овощ всякого рода. Десятый остров — Сокотра. Это остров населенный, почти округленный, меньший, чем вышеупомянутые острова: ему длина и ширина около пятидесяти парасангов, а скорей побольше. Здесь вода отовсюду. Остров — восточнее берега Сомали. Населяют его сброд христиан и, говорят, остатки греков; тех и других поминает 'Умар сын Шаханшāха сына 'Аййуба⁴¹, слагатель книги Календаря стран. Народу на острове много, почти двадцать тысяч душ. Издавна им владели [л. 70 б] многие, а полностью он принадлежал лишь своим жителям. В наш век им правили Мухаммад сын 'Алийя сына 'Амра сына 'Афрāра и Ибн 'Абданнабī' Сулаймāний, химьярит, тогда как оба из числа старейшин Махры⁴²! Они возвели на остров непереступимые рубежи, установили свое господство над частью жителей и понуждали их работать без мзды, взыскивая с мужчины *манн*⁴³ масла, а с женщины плащ из ткани их города. В пору сынов 'аббāсовых⁴⁴ Сокотрой управлял некто из Неарабов и островитяне прибегли против него к хитрости, опоили его и приближенных да и умертвили. А умертвили 'Ахмада сына Мухаммада сына 'Афрāра, который стал над ними правителем по смерти своего отца; тогда явились его дядья по отцу и его племя, взыскали за него мечь, понудили жителей работать без мзды и поставили над ними Ибн 'Абданнабī'. Оттого говорят, что Сокотра — бедствие для того, кто ею владеет. А жители — люди, содействующие успеху чужестранца; когда к ним приходит иноземец, предлагают ему питье и еду, а еще ему предлагают свои одежды и женщин. Над ними судья — женщина. Бракосочетание у них совершают христианские священники, которые живут при церквах и ведут их по указанию той женщины. В наш век ее правление минуло, ослабело. А махрийцы Сокотрой бы не владели, да только они ее желают из-за последствия своего дела, собираясь в ней во время страха и слабости пред государями Хадрамаута и другими. Мухаммад сын 'Алийя сына 'Амра годами просил о ней моего совета, а не повиновался я ему в том. И когда он стал правителем над Махрой, спустил свое богатство и владенье Сокотрой; а когда умер и его племя исправило [дело], они пребывали в ней годами. *Подводные камни*⁴⁵ царей Шихра были из него изгнаны в течение тридцати лет; а помогли им дядья по матерям — махрийцы против Шихра и его взяли — а над ними правителем стал Са'д сын Мубāрака сына Фāриса — после того, как последний осаждал его полных три месяца. [Осажденные] голодали и эти вывели их из осады Шихра в их страну Хадрамаут — а был над Шихром тогда Бадр сын Мухаммада Касйрий — и они изошли и приняли покровительство над ним и его ближними в восемьсот девяносто четвертом году⁴⁶. Ныне остров Сокотра принадлежит Махре, в нем участвуют сыны Сулаймāна и сыны 'Афрāра, [л. 71 а] они же род из махрийских родов:

⁴¹ Сирийский географ Абū л-Фидā' (1273—1331).

⁴² Область на южном побережье Аравии.

⁴³ Манн равен 898,56 г.

⁴⁴ Т. е. Аббасидов (750—1258).

⁴⁵ Т. е. скрытые противники.

⁴⁶ 5 декабря 1488 — 24 ноября 1489 г.

Зийадовы сыны. Вот великие обитаемые острова. Что касается перенаселенности на недостаточных островах, она на пяти, а это Бахрейн, Джарун, Андалус, Гур и Цейлон. Джарун Хурмузского берега бесспорно наибольший по населенности и обильнейший из них сношениями, ибо это гавань обоих Ираков⁴⁷. Андалус — между жителями Запада⁴⁸ и южными Франками, к которым отнесен остров Полуденного Шафрана, а Черкесы и Аланы от них далеко. Бахрейн, Цейлон и Гур: об их населенности говорилось выше. Что касается тех островов, что на краю света — таких, как Римские⁴⁹ и подветренные⁵⁰ — о которых недостоверны известия и у коих не истинны ни долготы, ни широты, то нет нужды о них повествовать. Этого количества в повести про острова достаточно.

⁴⁷ Иранского и арабского.

⁴⁸ Т. е. мусульманского Запада (Магриба).

⁴⁹ Острова из группы Киклад на юге Эгейского моря.

⁵⁰ Расположенные к востоку от мыса Коморин (в Южной Индии), специально острова Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Пер. с англ. В. Бартольда, СПб., 1899.
2. Дарат ал-ма'риф ал-бахрийя ал-'арабийя мин ал-карн ал-хамис'ашар,— «ал-'Анба' ассуфйатийя», Бейрут, 1958 (на араб. яз.).
3. Shumovski T. Uma enciclopédia marítima árabe do século XV,— «Publicações do congresso internacional da historia dos Descobrimentos», Lisboa, 1961.
4. Shumovsky T. A. Fifteenth Century Arabian Marine Encyclopaedia,— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», II, М., 1963.
5. de Zambaur E. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam, Hanovre, 1927.

Г. П. Михалевич

**ПЕРСИДСКИЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ XII ВЕКА
(К истории ремесла и быта в странах средневекового
Ближнего Востока)**

X—XII века на Ближнем Востоке были периодом блестящего развития естественных и точных наук. Исходя из традиций античной науки и развивая их, ученые арабских стран, Ирана и Средней Азии внесли немало нового в математику и астрономию, естествознание, химию и медицину. Имена таких ученых, как Ибн Сина, Бируни, ал-Хорезми, ар-Рази и Джабир ибн Хайан, прочно вошли в историю средневековой науки на Востоке.

Одновременно это была и эпоха развития ремесел и прикладного искусства. Далек за пределами стран мусульманского мира славились изделия из стекла и металла, прекрасное оружие, тончайшие шелка, люстровая керамика и многое другое. Секрет производства многих из этих изделий утерян, нам неизвестна технология и способы их изготовления.

Непосредственное изучение археологического материала не всегда дает ответы на эти важнейшие вопросы. На помощь приходят письменные данные, рассеянные в разных специальных трактатах, энциклопедиях и ремесленных рисале. Более известны научные трактаты и энциклопедии XV—XVII вв., а подобных источников XI—XII вв. очень мало, и они почти не изучены.

К числу интересных малоизвестных ранних источников по истории науки средневекового Востока относится труд XII в., написанный на персидском языке, «Байан ас-сана 'ат» (Описание ремесел) [20].

Автор этого трактата, Шараф ад-дин (или Камал ад-дин) 'Абу-л-Фазл Хубайш ибн Ибрахим ибн Мухаммад Тифлиси, родился около 1121 г. и происходил, судя по его собственным упоминаниям в предисловиях к своим трудам, из семьи тифлисского ученого [20, 279—282]. В связи с политическими событиями его семья переехала в Малую Азию и обосновалась в г. Конье, столице малоазийских сельджуков, где в правление одного из их, Клыч Арслана II (1155—1192), прошла основная деятельность нашего автора. Дата смерти Тифлиси пока не уточнена, но, судя по времени написания его основных трудов, можно принять за близкую к истине дату 1200—1204 гг. [20, I, 893]. Тифлиси был высокообразованным человеком с широкими научными знаниями и интересами, автором более 30 сочинений по филологии и философии, медицине и астрономии, естествознанию и «окультурным» наукам.

За последние 18—20 лет творчеству Тифлиси в Иране придается большое значение, о нем писали ученый и поэт Малек аш-Шуара Бехар

в своем исследовании по персидской стилистике [2, II, 393—395], литературовед З. Сафа [17, II, 261, 318—319, 998—999]. Библиограф И. Афшар посвящает статью вопросу языковых особенностей книги Тифлиси по толкованию снов «Камил ат-та'абир» [27, 129].

Сведения о Хубайше Тифлиси и его трудах можно найти и в специальных работах, например в монографии ученого А. Мунзави «Арабско-персидские словари» [14, 65—69, 74—81]. За это время были изданы два сочинения Тифлиси: в 1961 г. Махди Мухаккик издал филологический труд «Вуджух-и Кур'ан» (Значения Корана) [21], а Г. Р. Тахир осуществил критическое трехтомное издание арабско-персидского толкового словаря Тифлиси «Канун-и адаб» (Кодекс образованности) [22].

Как видно по этой неполной сводке, иранские ученые обращают свое внимание в основном на лексикографические работы Тифлиси, так как они дают богатый материал для изучения особенностей персидского и арабского языков XI—XII вв. Сочинения по естественным наукам, а также медицине остаются пока вне поля зрения, а его единственному энциклопедическому трактату по ремесленной технологии и прикладной химии после публикации его И. Афшаром не было посвящено, насколько нам известно, ни одной статьи.

Из советских ученых впервые обратил внимание на трактат Тифлиси «Описание ремесел» покойный иранист О. Л. Вильчевский, который отметил высокую познавательную ценность этой работы и предложил издать ее в русском переводе [5]. Кроме того, перу О. Вильчевского принадлежит статья, в которой он связывает сведения, сообщаемые Тифлиси, с данными археологических находок на Ближнем Востоке, о чем будет сказано ниже [4].

Довольно широко использованы сведения Тифлиси о производстве туши, цветных чернил, красок для бумаги и способах сведения написанного с бумаги в монографии А. Ю. Казиева, который рассматривает труд Тифлиси как самый старый известный ему письменный источник. «Весьма примечательно,— пишет он,— что рецепты материалов каллиграфа и художника, а также способы приготовления их исходных элементов, описанные последующими авторами разных времен и народов на Ближнем Востоке, в основном, повторяют принципы, изложенные в указанном выше «Байан ас-сана'ат» — произведении мусульманина из Тифлиса, отразившем уровень развития химии и физики, а также технологию красочных материалов,готавливаемых в Закавказье в отдаленное время» [9, 9].

Среди трудов Тифлиси трактат «Описание ремесел» занимает по содержанию совершенно особое место и представляет собой небольшую по объему, но очень широкую по охвату материала энциклопедию по практической алхимии и ремесленной технологии XII в.

Можно предположить, что этот трактат был самостоятельной частью целой серии задуманных и частично выполненных автором энциклопедических работ по различным отраслям знаний того времени. Среди рукописей Тифлиси, описанных И. Афшаром в предисловии к изданию «Байан ас-сана'ат», а также перечисленных в различных каталогах западноевропейских рукописехранилищ, мы встречаем еще три с названием, начинающимся со слова «Байан»: «Байан ат-тибб» (Описание медицины), «Байан ан-нуджум» (Описание небесных светил), «Байан ат-тасриф» (Описание спряжений).

Высказывания Тифлиси в предисловиях к своим сочинениям показывают, что автор почти всегда сообщал о своих методах работы, которые сводились к популяризации уже известных достижений науки и приближению их к повседневной практике, а также к стремлению изложить эти работы на персидском языке. Во вступлении к медицин-

скому сочинению «Кифайат ат-тибб» (Полезьа медицины) он объясняет свои задачи так: «Я обращался ко многим книгам по медицине, которые кто-либо написал по-персидски, но до сих пор не видел книги, которая была бы и краткой, и легкой, и полезной...» [20, 11]. А в предисловии к «Канун-и адаб» (Кодекс образованности), оконченному в 545 г. х. (1150—1151), Тифлиси указывает, что он стремился создать полезный и новый арабско-персидский словарь литературного характера [24, II, 175—177].

Современный персидский ученый З. Сафа определил значение Тифлиси в развитии раннего периода персидской научной литературы как ученого-систематизатора разнообразных знаний его эпохи и одновременно популяризатора, стремившегося более чем кто-либо писать свои сочинения на персидском языке [17, II, 318].

Для выяснения места, которое занимали в научной литературе работы Тифлиси, крайне важно определить круг его источников. Решение этого вопроса даст новые сведения о культурных и научных связях сельджукской эпохи XII в. с более ранней арабоязычной литературой. В своих сочинениях Тифлиси указывает в качестве источников авторов как античных, так и мусульманских. Что касается античных авторов, таких, как Аристотель, Гален, Гиппократ, Павел из Эгины, Диоскорид и другие, то эти имена были восприняты Тифлиси по традиции из мусульманских сводов, которыми он пользовался.

Авторитетами, у которых Тифлиси черпал медицинские и фармакологические познания, служили такие ученые, как подвизавшиеся в знаменитой Джундишапурской медицинской школе врач Масуйе, его сын Йуханна ибн Масуйе и не менее известный Хунайн ибн Исхак — врач и переводчик трудов по медицине с греческого на сирийский и арабский языки. Часто встречается в медицинских сочинениях Тифлиси имя известного арабского ученого — энциклопедиста Сабита ибн Курра (IX в.). Непосредственно в тексте трактата «Описание ремесел» Тифлиси ссылается на сведения ал-Кинди, «философа арабов», которому приписывают около 265 трудов по химии, медицине, музыке, астрономии и философии. Особое место среди литературы, служившей источником для самых разнообразных работ Тифлиси, занимают сочинения выдающихся ученых средневековья ар-Рази и Ибн Сины. Работы ар-Рази по химии несколько столетий являлись образцом для химических трактатов на Ближнем Востоке, а фундаментальный труд Ибн Сины «Канон врачебной науки», написанный в XI в., безусловно, был доступен Тифлиси в нескольких списках.

По авторскому намерению Тифлиси книга «Описание ремесел» является попыткой свести воедино и популярно изложить рецепты по технологии ряда видов ремесел, опираясь на достижения соответствующих наук и опыта. Кроме того, большое место в трактате уделено медицине, фармакологии, описанию поверий и примет, приворотных средств, бытовым рецептам (типа советов по домоводству) и различным фокусам.

Трактат состоит из двадцати глав: 1. О науке алхимии; 2. Об изготовлении драгоценных камней; 3. Об окраске драгоценных камней; 4. Об окраске хрустала и эмали; 5. Об окраске глазурей в разные цвета; 6. О придании блеска («воды») драгоценным камням; 7. О закаливании клинков и другого оружия; 8. О разных ремеслах; 9. О смешивании красок; 10. О смешивании чернил; 11. Об уничтожении написанного с бумаги и о проявлении всяких надписей; 12. Об особенностях разных животных; 13. О способах защиты от (вредных) животных; 14. О свойствах драгоценных камней, фруктов и растений; 15. Об использовании огня и знании светильников; 17. О фокусах и забавах с

вином; 18. О самых разных фокусах; 19. О стирке материй и удалении пятен с одежды; 20. О раскрытии тайн брачной жизни и беременности.

В данной статье мы ограничиваем наши задачи разбором той части материала, которая непосредственно относится к истории ремесленных производств на Ближнем Востоке.

Не случайно чисто практическая энциклопедия начинается теоретической главой «О науке алхимии» — с алхимией было тесно связано развитие ремесленных производств — окраска тканей и бумаги, изготовление изразцов, дубление кожи, плавка металлов, получение цветного стекла и глазури, изготовление искусственных драгоценных камней и многое другое.

Первую алхимическую главу Тифлиси начинает с небольшого вступления, в котором он характеризует двумя фразами и все сочинение в целом и определяет свой метод как метод в основном компилятивный: «...Я составил по-персидски эту небольшую книгу о ремеслах, собрав ее из арабских сочинений, и раскрыл тайны, которые скрывали ученые в своих книгах». И далее: «Хотя я и не проверил сам многое (имеются в виду химические реакции.— Г. М.), но то, что я в этой книге упоминаю, соответствует здравому смыслу и знаниям нашей эпохи» [20, 21]. Далее Тифлиси приступает к описаниям химических операций, из которых основные: отбеливание, растворение твердых веществ, известкование, превращение жидкостей в твердое состояние, амальгамирование и, наконец, придание одним металлам внешнего вида и некоторых качеств других (а именно: золота и серебра).

Следует отметить, что к последнего вида процедурам, при помощи которых алхимики средневековья надеялись достигнуть превращения простых металлов в драгоценные (золото и серебро), Тифлиси относился несколько иронически, о чем свидетельствует его заявление: «Многие люди потратили на это ремесло средства и, конечно, не смогли добиться результатов, а лишь зря терпели мучения, погубили свое имущество и подвергли себя всяким болезням от запахов веществ и непосильного напряжения физических и умственных сил» [20, 24].

В этой главе мы наблюдаем зависимость суждений Тифлиси от химических воззрений выдающегося ученого XI в. ар-Рази, в частности связь с его работой «Китаб-и сирр ал-асрар» (Книга тайны тайн), где ар-Рази говорит о возможности возвращения веществ, вступивших в реакции, в их первоначальное состояние [10, 58]. Довольно сложная классификация минеральных веществ, разработанная восточными химиками IX—X вв., у Тифлиси упрощена: все вещества поделены на два вида — твердые и летучие тела (духи).

Среди различных операций, описанных Тифлиси в первой главе, большая часть имела практическое значение в ремесленном производстве. К ним относятся: производство киновари (из ртути и серы), сурика (из окиси свинца), ярь-медянки, растворение талька с последующим изготовлением из него искусственного жемчуга и описание способа придания новому золоту вида старого [20, 39]. Описано у Тифлиси и производство огнеупорной глины, так называемой «глины мудрости» (гил-и хикмат), которую употребляли для обмазки химических сосудов при реакциях, связанных с высокой температурой [20, 27]. У ар-Рази она тоже называется «глина мудрости» (араб. тин ал-хикмат), в армянских источниках такую глину называли «философской глиной» или «глиной мудрецов» [8, 124—125].

Очень интересна вторая глава трактата о производстве цветных стеклянных сплавов, имитирующих драгоценные камни. Практика изготовления искусственных драгоценных камней вела свое начало с древнейших времен и, безусловно, была отражена в научной литерату-

ре¹. Однако до нас дошло очень мало ранних письменных сведений XI—XII вв. о рецептах их изготовления. Крупнейший авторитет восточной науки Бируни в сочинении по минералогии «Собрание сведений для познания драгоценностей» упоминает о подделках довольно глупо [3].

При сопоставлении сведений Бируни и Тифлиси обращает на себя внимание отношение авторов к излагаемому материалу. Как подлинный ученый, Бируни как бы вынужден упоминать о подделках лишь с целью предупредить об их возможности, он относится к ним как к недостойному занятию и лиц, изготовляющих их, называет обманщиками [3, 113]. Тифлиси же своим деловито-бесстрастным отношением к предмету лишней раз подчеркивает практическое назначение своей книги. Он перечисляет способы изготовления искусственного жемчуга из жемчужной крошки, красного, голубого и желтого камня из толченого стекла с добавлением мышьяка, меди, киновари, серы, серебряной окиси и других веществ.

Но мастера ювелирного дела не ограничивались только изготовлением подделок — в их практике были широко распространены способы «облагораживания» и улучшения внешнего вида камней с блеклой, тусклой окраской и способы их окрашивания. Описанные в третьей главе трактата Тифлиси процедуры сводятся к окраске белых изумрудов, яхонтов и других камней, предварительно вымоченных в растворах квасцов, в красный, зеленый и желтый цвета. Там же описаны способы отбеливания темного жемчуга и придания ему приятного матового блеска [20, 45—49].

И, наконец, маленькая шестая глава посвящена последней стадии обработки драгоценных камней — приданию им блеска («воды»). Под этим термином Тифлиси подразумевал не окончательную шлифовку или полировку камня, а поверхностную обработку его специальными составами, в число которых входили растительное, купоросное масла, камедь-сандарак, рисовые отруби и другие составы [20, 57].

Очень важны и интересны сведения Тифлиси о приготовлении сплавов цветных глазурей для покрытия изделий из стекла и керамики, рецепты окраски хрусталя и приготовления эмалей [20, 50—56]. Сочинения X—XII вв., содержащие подобные рецепты, крайне редки, они не учтены и не изданы, а незначительное число переводов относится к литературе более позднего времени (XIV—XVIII вв.)².

Как бывает обычно при переводе научных текстов такой давности, возникают значительные трудности с переводом терминов и часто смысл тех или иных описываемых операций можно понять не из названия главы, а из контекста в целом. Пятая глава трактата Тифлиси носит название «андар ранг кардан-и абгине», где слово «абгине» может означать: стекло, полива, глазурь. Приведем для примера перевод одного из абзацев главы: «Окраска глазури в желтый цвет: «Пусть возьмет по одному дирхему железных, медных и латунных опилок и растертых олова и красного мышьяка. Потом пусть все это хорошо перемешает с острым уксусом и обмажет [смесью] чашку или какое-нибудь другое изделие. Затем пусть прокаливает [предмет] над огнем, пока не станет очень горячим и чистым» [20, 54]. Нам представляется, что здесь идет речь не об окраске стекла, а о способах получения гла-

¹ Об этом см.: Г. Г. Теммлейн, Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни [3, 376—380].

² В 1966 г. в Тегеране вышло издание о минералогии 1301 г., автор 'Абдаллах Кашани, «Свадебные подарки драгоценных камней и редкости благовоний». В 1935 г. по рукописи был выполнен немецкий перевод части об изготовлении глазурей [28], а в 1973 г. — английский [23].

зурной цветной фритты (в некоторых рецептах — люстра) для покрытия уже готовых предметов из керамики и стекла, о чем писала в работе о среднеазиатских глазурах для керамики Э. В. Сайко, а в применении к более позднему времени Э. К. Кверфельд: «Кроме того, в Иране применяли полихромную роспись легкоплавкими жидкими эмалями, так называемыми минаи» [16, 70; 11, 41]. Надо, однако, отметить, что Тифлиси, конечно, не описывает полную технологию этого процесса, его рецепты касаются в основном окраски глазурей, люстра и эмалей.

Характерным примером того, что подобный источник может помочь при выяснении некоторых спорных археологических проблем, является вопрос о сфероконических сосудах. Возвращаясь несколько назад, напомним, что в первой главе нашего трактата в разделе «О приготовлении киновари», получаемой из ртути и серы, есть описание интересного сосуда. Это место звучит так: «Возьми глазурованный [абгине] толсто-стенный сосуд [в форме] турунджи, то есть такой, чтобы дно его было суживающимся, а горлышко узкое как у пивного кувшина, и наполни его ртутью...» [20, 26]. Далее говорится о том, что этот сосуд обмазывался огнеупорной глиной (гил-и хикмат) и ставился на сутки в печь, где разожжен слабый огонь из кизяка.

Еще О. Л. Вильчевский в своей упомянутой выше статье обратил внимание на то, что здесь, несомненно, речь идет о так называемых сфероконических сосудах, вопрос о функциональном назначении которых и до сих пор вызывает у археологов некоторые разногласия. В этой связи небезыинтересна для нас статья Б. В. Лунина, в которой автор рассматривает принадлежащий Ташкентскому собранию восточных рукописей список XVI в. одной персидской фармакопеи — «Ихтийарат-и бад'и» с рисунками неизвестного художника того же времени [12, 256—266]. Группа рисунков представляет собой изображение аптечной посуды, а на листе 1286 рукописи изображены типичные средневековые сфероконические сосуды. Автор статьи считает, что подобные сосуды служили для перевозки и хранения ртути и ее препаратов, а рисунок вместе с сопутствующим ему текстом представляет собой неизвестный до сих пор и, по мнению Б. Лунина, самый старый письменный источник при решении вопроса о функциональном назначении сфероконических сосудов.

В нашем трактате мы сталкиваемся с гораздо более ранним письменным источником, упоминающим о назначении сфероконических сосудов, причем здесь из текста становится ясно, что эти сосуды предназначались не только для хранения улетучивающихся веществ, но и как химическая посуда при реакциях, связанных с сильным нагреванием.

В статье «Лабораторная посуда армянского алхимика» Р. М. Джан-поладян указывает, что «прямое оношение к наполнению сфероконусов имеют так называемые алембики — небольшие стеклянные стаканчики с длинным хоботком» [7, 211]. Косвенным подтверждением этого положения служит раздел нашего трактата «О превращении веществ в твердое состояние» [20, 34]. При описании превращения ртути в твердое состояние с целью придать ей внешний вид и признаки серебра в качестве химической посуды для перегонки описана «колба с алембиком» (кар ва'анбик). По указанию М. Т. Амнджановой в музее Академии наук Узбекской ССР наряду со сфероконическими сосудами хранятся несколько видов алембиков из зеленоватого стекла, относящихся к X—XII вв. [1, 248—249].

В седьмой главе «о закаливании оружия», собственно, нет подробного описания технологии этого процесса — в ней приводятся рецепты

смесей, которые при закаливании окрашивают оружие в разные цвета (оксидирование): для красного — медный купорос (калканд) и зеленый купорос (заг-и сабз); для желтого — только медный купорос; для зеленого — смесь лука-порея и сока листьев цикория.

Многие из рекомендованных Тифлиси рецептов, безусловно, носят фантастический характер (употребление ослиного молока и мочи, сока олеандра, осиных яиц и т. п.) и могут заинтересовать скорее с этнографической точки зрения как бытовавшие в ту пору ремесленные «секреты», передававшиеся из поколения в поколение. Остальные рецепты, в частности нанесение на оружие смеси белил с розовым маслом для предохранения его от ржавчины, кажутся вполне реальными.

На бытовую сторону нашей энциклопедии указывают восьмая и девятнадцатая главы: «О различных ремеслах» и «О стирке материй и удалении пятен с одежды» [20, 63—66, 143—151]. В восьмой главе приведены самые разнообразные способы выделки цветных кож, изготовление составов для их дубления и окраски, дан рецепт масляной обмазки для покрытия тканей с целью сделать их водонепроницаемыми, а также состав для склейки глиняной и стеклянной посуды (железная окалина и яичный белок).

В те времена, когда создавалась эта книга, очень большое значение имели рецепты составов для очистки самых разнообразных тканей, как дорогих, так и более дешевых. Смеси, состоявшие из разнообразных сочетаний глин (нишапурская, исфаханская, армянская и др.), мыльного корня (ушнан), соли, буры и соков некоторых растений, а также молока, жженных костей, горячего хлеба и голубиного помета, Тифлиси рекомендовал для стирки тонкого полотна, парчи и меха. Подобными смесями отмывали с одежды пятна чернил, смолы, растительных красок, дегтя, нефти и пятна от фруктовых соков, жира и крови.

Девятая — одиннадцатая главы раскрывают нам целый ряд правил технологии, относящихся к ремеслу писца-каллиграфа и художника — оформителя рукописей: приготовление красок для бумаги, разных сортов чернил, смесей для тайнописи и жидкостей для сведения написанного с бумаги, а также способы улучшения качества бумаги. Рекомендации везде очень кратки, так как автор подчеркивает, что он написал эти главы для писцов и художников, дабы они совершенствовались в своем ремесле. «То, что мы упоминали, — пишет он, — относится не к мастерам, изготавливающим бумагу, а составляет мастерство писца, чтобы оно было совершеннее» [20, 76].

Эти главы свидетельствуют о том, что квалифицированному писцу предъявлялись высокие требования и, несмотря на то что наверняка существовали специальные мастера, сами писцы должны были знать различные способы изготовления красок и чернил. Кроме того, они должны были сами уметь обрабатывать бумагу, лощить ее и тонировать, ибо, возможно, это было выгоднее и дешевле, чем покупать сортовую бумагу, а кроме того, здесь же можно было найти рецепты смесей для придания бумаге водоустойчивости и защиты от грызунов. Бумага в средние века была дорогой, поэтому можно заключить, что рецепты смесей для очистки уже использованной бумаги (глава 11) были вызваны также чисто экономическими соображениями. Это же нужно было фальсификаторам древних рукописей, которые, по-видимому, существовали уже в то время.

Все эти сведения о бумаге и красках весьма ценны для нас: ведь переводы подобных трактатов с восточных языков насчитываются пока единицами [26]. Вышеупомянутая монография А. Ю. Казиева является пока что единственной работой на русском языке, где на основании перевода целого ряда арабских, персидских, турецких и таджикских сочи-

нений (в основном XIV—XVII вв.) даны сведения о материалах и способах работы каллиграфов, миниатюристов, позолотчиков и переплетчиков.

В 1951 г. вышла статья покойного проф. А. А. Семенова с переводом части анонимной персидской рукописи XVI в. «О бумаге и цветных красках» из собрания Института востоковедения АН УзССР, где приведены пять рецептов приготовления чернил, семь способов окраски бумаги в разные цвета и рецепты смесей для жидкого золота и серебра. Между тем в сочинении нашего автора подобных рекомендаций несколько больше. К ним относятся: 1. Чернила «хибр» из чернильных орешков, красного купороса и настоя аравийской камеди; 2. То же, но с другой технологией приготовления; 3. Быстрый способ приготовления чернил; 4. Крахмальные чернила из обожженных и растертых в порошок пшеничных зерен, раствора чернильных орешков и купороса; 5. Чернила «мидад», изготовленные из чернильных орешков, марены и аравийской камеди; 6. Чернила — из копти нефтяного светильника, леденцового сахара, аравийской камеди, шафрана и розовой воды; 7. «Индийские чернила» — копоть смолистой сосны и раствор чернильных орешков; 8. Чернила, похожие на жидкое золото, — из олова, настоя корня шафрана с добавлением аравийской камеди; 9. «Персидские чернила» (анкас) — обугленная тыква, яичный белок, аравийская камедь и раствор чернильных орешков [18].

С точки зрения читателя средневекового Востока, книга не имела бы достаточной полноты и ценности, если бы в нее наряду с набором научных тем того времени не были бы включены сведения медицинского и псевдомедицинского характера, описание примет, поверий, амулетов от различных напастей и болезней. Недаром множество рукописей в различных хранилищах мира пестрят дописками и пометками на полях, рекомендующими рецепты от «сглазу», от «живота», для увеличения потенции; а такая сфера «знаний», как магические и целебные свойства драгоценных камней и металлов, породила целую область литературы, часть из которой известна нам и в русских переводах [6, 15].

Подобным вопросам посвящены двенадцатая и четырнадцатая главы сочинения «Описание ремесел» под названием «Об особенностях разных животных» и «О свойствах драгоценных камней, фруктов и растений» — главы, в которых мы наблюдаем тесное переплетение реальных предписаний и советов средневековой восточной медицины и фармакологии (так называемая *Materia medica*) и магических представлений, связанных с астрологией [20, 80—97 и 108—120].

В начале двенадцатой главы Тифлиси утверждает, что сведения о пользе животных (здесь надо понимать — о пользе и медицинском применении препаратов животного происхождения) взяты им из «Книги о животных» Аристотеля. Здесь, как и в предисловиях к другим сочинениям, ссылка Тифлиси на Аристотеля представляется лишь необходимой в то время данью «моде».

Гораздо более вероятно предположить, что в качестве образца для этой части сочинения Тифлиси взял известную «Книгу о животных» (Китаб-и хайаван) арабского автора IX в. ал-Джахиза, написанную в семи томах и представлявшую собрание преданий, анекдотов, стихов, народных суеверий и других разнообразных сведений, рассчитанных на довольно широкий по тем временам круг читателей. Книга имела огромную популярность и породила массу подражаний. Кроме того, часть медицинских и фармакологических сведений Тифлиси заимствовал из различных фармакопей своего времени, но прежде всего из «Канона врачебной науки» Ибн Сины.

Не останавливаясь более подробно на этих главах, отметим только,

что их наличие еще раз подчеркивает популяризаторский и энциклопедический характер рассмотренного трактата, а в целом он является интересным образцом этого жанра литературы средневекового Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амнджанова М. Т. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра,— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961.
2. Бехар М. Т. Сабкшинаси (Стилистика), т. II, Тегеран, 1963 (на перс. яз.).
3. Бируни Абу-р-Райхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия), М., 1963.
4. Вильчевский О. Л. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в.,— «Советская археология», 1961, № 2.
5. Вильчевский О. Л. Абуль-Фазль Хобейш ибн Ибрагим Тифлиси. Биян ас-сана'ат (Описание технологий),— «Советская этнография», 1961, № 2.
6. Джанашвили М. Г. Драгоценные камни, их названия и свойства (Из грузинского сборника X в.),— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 24, Тифлис, 1898.
7. Джанполадян Р. М. Лабораторная посуда армянского алхимика,— «Советская археология», 1965, № 2.
8. Казанджян Т. Т. Очерки по истории химии в Армении, Ереван, 1955.
9. Казиев А. Ю. Художественно-технические материалы и терминология средневековой книжной живописи, каллиграфии и переплетного искусства, Баку, 1966.
10. Каримов У. И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, 1957.
11. Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока, Л., 1947.
12. Лунин Б. В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI века,— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961.
13. Михалевич Г. П. и Сайко Э. В. Сведения персидского источника XII в. о некоторых приемах по изготовлению люстровой керамики,— «Известия АН ТаджССР, Отдел. обществ. наук, 1970, № 2(60).
14. Мунзави А. Н. Фархангнамаха-йи 'араби ба фарси (Арабско-персидские словари), Тегеран, 1959 (на перс. яз.).
15. Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и оюйства по понятиям армян XVII в., СПб., 1874.
16. Сайко Э. В. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1963.
17. Сафа Забихолла, Тарих-и адабийат дар Иран (История персидской литературы), т. I—II, Тегеран, 1953—1957.
18. Семенов А. А. Рецепты оформления старинных восточных рукописей,— «Труды Института истории, языка и литературы Тадж. фил. АН СССР, т. 29, Сталинабад, 1951.
19. Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор, ч. I—III, М., 1972.
20. Тифлиси Хубайш ибн Ибрахим ибн Мухаммад, Байан ас-сана'ат. Издал И. Афшар,— «Фарханг-и Иран-Замин», т. 5, № 4, Тегеран, 1957 (на перс. яз.).
21. Тифлиси..., Вуджух-и Кур'ан. Издал Махди Мухаккик, Тегеран, 1961—1962.
22. Тифлиси..., Канун-и адаб. Издал Голям-Риза Тахир, т. I—III, Тегеран, 1971—1972.
23. Allan J. W. Abul-Qāsim's Treatise on Ceramics,— «Iran», vol. XI, 1973.
24. Blochet E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale, vol. I—IV, Paris, 1905—1934.
25. Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942.
26. Levey M. Mediaeval Arabic Bookmaking and its Relation to early Chemistry and Pharmacology, Philadelphia, 1962 (Transactions of the American Philosophical Society, 1962, vol. 52).
27. Mélanges d'orientalisme offerts à Henri Massé... à l'occasion de son 75-ème anniversaire, Teheran, 1963.
28. Ritter H., Ruska J. und Winderlich R. Orientalische Steinbücher und persische Fayencetechnik. Istanbul, 1935 (Istanbul Mitteilungen, Hf. 3).

В. С. Стариков

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Проблема возникновения городов в Маньчжурии до сих пор остается почти неразработанной. По этому сложному вопросу в очень скудной советской географической литературе можно встретить следующее утверждение: «Поселения городского типа начали появляться в Маньчжурии еще во второй половине XVII и в начале XVIII в., когда здесь проводилось усиленное строительство крепостей» [1, 52]. Таким образом, автор этих слов считает, что города здесь появились очень поздно, и совершенно не принимает во внимание ни исторические, ни археологические данные о существовании на территории Маньчжурии поселений городского типа уже в глубокой древности. При этом автор отмечает, что «они строились и заселялись исключительно переселенцами из Китая» [там же]. Это высказывание подкреплено ссылкой на устаревшую работу о Маньчжурии [36, 107]. Однако, обратившись к этой книге, давно ставшей библиографической редкостью, читатель не найдет в ней ничего подтверждающего вышеприведенное высказывание.

Далее тот же автор категорически заявляет: «В Маньчжурии не было маньчжурских городов. Коренное население — маньчжуры — оставалось кочевым, а переходя к оседлому земледелию, быстро ассимилировалось с китайцами» [1, 52]. Вполне естественно, что любой читатель, не знакомый с действительным положением вещей, может согласиться с подобными утверждениями и признать, что кочевники в силу характера своего хозяйства не строили городов и, следовательно, в Маньчжурии их строили именно китайцы, а не маньчжуры, причем строили сравнительно поздно, когда усилилось их проникновение в Маньчжурию. К этой точке зрения примыкают и некоторые советские историки, считающие маньчжуров кочевниками или полукочевниками.

Однако все эти утверждения полностью расходятся с фактами, давно опубликованными как в русской, так и иностранной научной литературе. Но так как последние не были никем обобщены, поэтому, возможно, их не стали принимать во внимание и основательно забыли. В результате возникла неверная точка зрения, утвердившаяся в нашей науке по этим вопросам, столь важным для правильного освещения истории развития материальной культуры китайцев в Маньчжурии, а также самих маньчжуров.

В связи с изложенным выше и насущной необходимостью дать читателю достаточно ясное представление о времени возникновения, этапах развития и этнической принадлежности городских поселений на территории Маньчжурии обратимся к фактическим материалам.

Данные археологии и китайских письменных источников показывают, что коренное население Маньчжурии с глубокой древности занималось земледелием, было оседлым и само строило свои города. В равной мере это относится и к маньчжурам, продолжавшим городские традиции своих предков.

Что же касается китайцев, то они начали строить здесь свои города не в XVII—XVIII вв., а уже в первые века до нашей эры. Это были крепости на захваченном ими крайнем юге Маньчжурии — побережье Ляоси и Ляодуна, которые служили целям колонизации края ханьцами и были оплотом в их бесконечной и ожесточенной вооруженной борьбе с коренным населением страны, упорно не желавшим покоряться захватчикам и уже создавшим к тому времени свои раннегосударственные образования, такие, например, как Фуюй (по-корейски Пуё) и др.

Аборигенные поселения городского типа в Южной и Центральной Маньчжурии начали возникать где-то на рубеже нашей эры. Происходило это путем естественного роста и трансформации некоторых сельских земледельческих поселений в связи с развитием общественно-экономических отношений на основе возникшего здесь плужного земледелия, истоки которого уходят в эпоху позднего неолита и бронзы, что хорошо подтверждают археологические данные [49, 10—12]. Образование и развитие этих городов шло по пути, в общем сходном с обычным путем образования и развития городов в других частях Азии. Некоторые города вырастали и вокруг крепостей-резиденций правителей и племенных вождей. Как правило, все ранние города занимали сравнительно небольшую площадь. Важным стимулом к ускорению этого процесса послужила также агрессия северокитайского княжества Янь, которое начало захватывать земли и возводить крепости на побережье Бохайского залива в первых веках до нашей эры.

Империя Западная Хань (200 г. до н. э.—25 г. н. э.) довольно далеко продвинулась на Ляодун, и северные китайцы имели здесь ряд земледельческих поселений и городов-крепостей, например, Муянчэн на юге п-ова Ляодун [59; 74], Сянпин (Чанпин), построенный при узурпаторе Ван Мане на месте нынешнего Ляояна [29].

Самые же ранние аборигенные поселения городского типа, согласно китайским хроникам, имелись в государстве Фуюй, существовавшем со II в. до н. э. по V в. н. э. в центральной части Маньчжурии [38, 5; 75, 1]. Так, в гл. 115 «Хоу Хань шу» сказано, что у фуюйцев «города обнесены надолбами» [3, 22], а в гл. 30 «Вэй чжи» говорится: «жители оседлы, имеют дворцы и дома, амбары, тюрьмы», у городов «все ограды круглые, имеют похожие на тюрьму выходы» [27, 228—229], в гл. 97 «Цзинь шу» написано: «имеют города и селения, дворцы и дома», «в стране имеется древний город; это город Вэймо» [27, 250—251]. В «Сань го чжи» отмечено, что фуюйцы «городские укрепления делают по кругу наподобие тюрем» [39, 117].

Государство Когурё (кит. Гаогоули) с населением, родственным фуюйцам [17, 176—216; 18], занимавшее с 37 г. н. э. юг Маньчжурии и северо-западную часть современной Кореи, имело несколько десятков городов [30, 566—568; 55, 50—55; 60, 569—571], которые были захвачены или уничтожены вторгшимися войсками китайской империи Тан в 668 г. Столица Когурё находилась на месте современного города Цзиань на р. Ялу. Археологические памятники свидетельствуют о высоком развитии культуры и искусства когурёсцев [8, 10; 61; 64]. Часть когурёсцев бежала на север в земли племен мохэ [51, 753] и способствовала созданию в 698 г. южнотунгусского государства, получившего в 713 г. наименование Бохай ван го [45, 652; 5, 136—137; 37; 65; 68]. В период расцвета бохайское ванство имело пять столичных городов

и округов, куда входили 62 области, разделенные на 125 уездов. Высшая столица была расположена на правом берегу Муданьцзяна, там, где теперь находится обширное городище с остатками дворцовых зданий и буддийских архитектурных памятников, известное под названием Дунцинчэн [46, 407; 39а, 1—10; 386, 198—214]. Государство Бохай «китайцы признавали просвещеннейшим в свое время и страну ученых» [22, IV]. Археологическое обследование, начатое еще русскими археологами, выявило значительное число городов того времени [9, 575—580; 16, 26—28; 33, 581—584], а также погребений [34; 72].

В 926 г. Бохайское ванство было завоевано киданями.

Кидани, народность, сложившаяся из кочевых скотоводческих племен монгольской группы, частично переходивших к оседлости и занимавшихся земледелием, создали обширное централизованное государство [47, 201; 73], в которое кроме современной территории Монголии [40] и Маньчжурии входила еще часть Северного Китая, где на месте нынешнего Пекина была Южная столица, одна из пяти, имевшихся в государстве киданей, согласно системе, скопированной у бохайцев [77]. Необычайно высокий для того времени уровень культуры и искусства в городах империи киданей был тесно связан с созданием двух оригинальных систем морфемно-силлабического письма [54; 76], что способствовало развитию разносторонней национальной и переводной литературы и книгопечатания ксилографическим способом на киданском языке [66а, 11—12]. Во всех городах были школы, а в столицах — высшие учебные заведения. Научную жизнь направляла Академия Ханьлинь.

От киданьского периода [3] сохранились различные памятники архитектуры: величественные подземные императорские мавзолеи с настенными росписями — сокровищами мирового искусства [48, 396—397; 78; 79; 80], буддийские храмы и многочисленные восьмиступенчатые пагоды, достигающие 35—50 м высоты, украшенные скульптурными изображениями и художественной резьбой по мрамору и кирпичу. Гармоничностью форм и изящным декором отличаются пагоды в Ляояне [38а, 67], где находилась Восточная столица, в Цаган Субурга [76; 77, 96—99, 101—115], в современных городах И, Цзинь, Шэньян, Чаоян, Линъюань и вблизи некоторых городищ [38а, 69—77, 80, 95—109], оставшихся на месте киданьских крепостей и городов, разрушенных во время длительной войны, приведшей к уничтожению империи киданей чжурчжэнями в 1125 г.

Созданная чжурчжэнями Великая Золотая империя быстро стала гегемоном Восточной Азии и овладела огромной территорией, включавшей всю современную Маньчжурию и Приморье, восточную часть Монголии и всю северную половину Китая, которую в ходе военных поражений потеряла китайская империя Сун, ставшая на положение вассала и не только выплачивавшая громадную ежегодную дань чжурчжэньскому императору, но даже получавшая от него инвеституру. Подобно киданям, чжурчжэньские ученые создали также две системы морфемно-силлабического письма [26а, 223—228]. На этой основе выросла разнообразная оригинальная и переводная литература, процветало ксилографическое книгопечатание [66а, 12—15]. При поддержке императоров распространялся буддизм; повсеместно возводились величественные храмы и пагоды. Небольшая часть их уцелела в Маньчжурии — в городах Ляоян, Телин, Кайюань и др. [38а, 11, 101, 106—120] и в Северном Китае [67, 60, 70—72]. Для чжурчжэньских и киданьских пагод характерны особенности архитектурного стиля, очевидно отразившего некоторые самобытные черты зодчества этих народов, что заметно отличает их от других пагод в Китае.

При раскопках погребений этого времени в Маньчжурии и Северном Китае были обнаружены прекрасные образцы стенных росписей с религиозной и бытовой тематикой, а также найдено большое количество различных предметов материальной культуры, характеризующих городской быт.

Золотую империю чжурчжэней можно по праву назвать страной городов. Несмотря на сравнительно недолгий период своего существования (1115—1234), она отличалась исключительным обилием построенных заново городов, изучение которых начали русские археологи в 20-х годах XX в. [2, 26—30, 37—40; 25, 53—54; 42, 63—65; 35, 7—14; 43, 4; 71, 1—6; 43а, 37—40; 43б, 41—46]. Развалины этих городов, разрушенных монгольским нашествием, встречаются во всех частях Маньчжурии [6, 36; 7, 43; 11; 16, 29—30; 20; 26, 142—147; 31, 56—61; 32, 46—48; 33, 15—17]. Крупные размеры многих городищ ярко свидетельствуют о пышном расцвете городской жизни, надолго прерванной монголами в XIII в. Об этом, в частности, можно судить по огромному городищу Байчэн, в 40 км к востоку от Харбина, на месте чжурчжэньской Высшей столицы [57; 58]. Эта столица была упразднена после завоевания чжурчжэнями северной половины Китая, когда там была построена новая столица империи на месте нынешнего Пекина, и даже разрушена по приказу императора, чтобы заставить ее упорствовавших жителей переселиться в Северный Китай, куда силой отправляли чжурчжэней. Крупное городище Баличэн (букв. «Восьмиверстное городище») в уезде Чжаодун [6, 36], к западу от Харбина, впервые в 1940 г. обследовал археолог В. В. Поносов и провел там пробные раскопки. Находки были выставлены на экспозиции археологического отдела краеведческого музея в Харбине, который он в то время возглавлял.

Усиление агрессии империи Мин (XV—XVI вв.) привело к новой особенно высокой волне продвижения китайцев в земли вассальных южных чжурчжэней и строительству городов и крепостей на захваченной территории. В наиболее выдвинутых форпостах — крепостях Фушунь, Телин, Кайюань и др. были размещены сильные китайские гарнизоны. Грозная опасность, надвигавшаяся с юго-запада, вызвала ответную защитную реакцию южночжурчжэньских племен и привела к созданию крупного объединения еще недавно разрозненных и враждовавших между собой мелких владений. Итогом консолидации, ускоренной силой оружия, было создание самостоятельного военно-феодалного государства Маньчжу (Маньчжу гурунь). Возглавил его энергичный и предприимчивый правитель Нурхаци, который принял титул императора и объявил полную независимость от империи Мин. Так, в конце XVI в. впервые появилось общее для всего края и народа новое наименование «Маньчжу».

Сложение маньчжуров в единую народность завершилось в начале XVII в. Одновременно складывался общенародный язык и расцветала самобытная материальная культура [50, 62]. Появилась национальная система письма (маньчжу хэргэнь), и возникла своя оригинальная и переводная литература. Развитие социально-экономических отношений сопровождалось ростом торговли и увеличением численности сельских и городских поселений. Первой столицей был небольшой город Хэтуала на левом берегу р. Суксuhu (маньчж. река больших чаек), носящей теперь китайское название Суцзыхэ, в районе нынешнего города Синцзин, в 135 км к востоку от Шэньяна [20, 1—12]. Источники упоминают десятки городов, имевшихся у маньчжуров еще до начала отвоевывания ими Ляодуна у китайцев: Одоли, Турунь, Гурэ, Шачжи [15, 17], Чжаоцзя, Мардунь [15, 21] и др., а также города соплеменных соседних

владений, присоединенные вооруженной силой,—Хада в 1599 г. [66, цз. 2, л. 16], Ула (с 1608 по 1613 г.), когда была взята крепость Фурха и другие города [66, л. 66], Ехэ, где с 1614 по 1619 г. были захвачены крепости Усу и Кэньтэ, главный город Ехэ и др. [66, л. 66—8а]. В 1610—1612 гг., во время завоевательных походов на владения северочжурчжэньских племен, у племени хурха была взята крепость Чжакута [63, л. 18а], а в землях племен варка и воцзи — г. Нингута и др.

Позднее маньчжуры отняли у китайцев все построенные ими города и крепости к востоку и западу от р. Ляо, а столица государства Маньчжу была перенесена сначала в Ляоян, а затем в Шэньян (Фын-тянь), получивший маньчжурское наименование Мукдэнь хотонь (букв. «город возвышения»).

Значения наименований раннеманьчжурских городов хорошо раскрывают средства маньчжурского языка и этнографии: Одоли означает по-маньчжурски развалины [22, 128], Турунь — знамя с головкой на древке [22, 763], Шачжи — запрет [22, 665], Чжакута — букв. «по восьми» — является также названием рода [22, 874; 28, 85, 109], как и Нингута — букв. «по шести» [22, 228; 28, 86, 107], Хада — скала [22, 874; 28, 99, 106]. Родовыми названиями являются Мардунь [22, 874; 28, 99, 106], Ехэ — круглая головка у стрелы [22, 196; 28, 106], Усу [22, 153; 28, 85, 108].

Многие города, основанные маньчжурами и имевшие чисто маньчжурские названия, со временем стали именоваться по-китайски. Китаизация их наименований происходила по мере заселения этих городов китайцами, которые видоизменяли маньчжурские названия согласно произносительным нормам китайского языка, калькировали их или переименовывали в административном порядке, давая им чисто китайские названия. В неизменном виде сохранились лишь немногие маньчжурские наименования городов, которые по своему словесному составу точно соответствовали слогам, употребляемым в китайском языке: Хулань (букв. «дымовая труба» и название рода), на реке того же названия вблизи Харбина, вырос из маньчжурского поселения Хулань токсо, возникшего около 1700 г. [62]; Хуньчунь (название рода), Хайлунь (выдра), Айху хотонь (айху — самка соболя) или Айхунь (Айгунь) [69]. Однако древний маньчжурский город Нингута, несмотря на то что его название легко произносится китайцами, был переименован в Нингъань, Лахасусу (букв. «город сомов») в 1910 г. переименован в Тунцзян, Мэргэнь (букв. «мудрый») [24] — в Нуньцзян. Альчука (от альчун — золото), в 40 км к востоку от Харбина [5; 21, 39—57], со временем получил у китайцев транскрипционное название Алэйчукэ, а затем стал сокращенно именоваться Ачэн (букв. «город А»). Уездный центр Дуньхуа вырос на месте древней маньчжурской крепости Акдунь (твердыня), которую китайцы сначала именовали Акэдуньчэн или Аодуньчэн, а в 1882 г. переименовали в Дуньхуа [41, 589]. Баяньсусу (город изобилия, богатства), на левом берегу Сунгари к востоку от Харбина, китайцы сначала называли более кратко Баяньсу [14, 7], а потом просто Баянь. Утверждение, что это название «чисто монгольского происхождения „Баин-усу“ (Богатая вода), но искаженное китайской транскрипцией в Ба-янь-су-су» [41а, 63], неверно. Нижнесунгарийский город, известный у русских под названием Фугдин (маньчж. фукчжинь — начинание, начало, основание чему-либо), китайцы именовали транскрипционно Фукэцзинь, а с 1910 г. сократили в Фуцзинь. Название города Цзямусу является китайской транскрипцией маньчж. гямуси — станционный смотритель, ср. гямунь — почтовая станция. Китайское название города Хэйхэчэн (букв. «город Черной реки»), расположенного на Амуре против Благовещенска, является калькой маньчжурского Сахалынь ула

хотонь (город Черной реки), так же как Саньсин (кит. три рода, фамилии) калька маньчжурского наименования этого города Илань хала хотонь (город трех родов), бывшего центром управления тремя нанайскими родами, обитавшими в этих местах [4]. Еще в 30-х годах XX в. китайцы именовали этот город сокращенно — Илань. Название провинциального центра Цзилинь является китайской транскрипцией маньчжурского Гиринь (от названия р. Гиринь ула).

Все города, построенные по указам маньчжурских императоров, — Гиринь (1673), Айхунь (1683), Мэргэнь (1686), Цицикар, или Наун хотонь (1691), Хуньчунь (1714), Илань хала (1715), Альчука (1729), Лалинь (1732), Хулань (1734), Баяньсусу (1880), Фугдин (1880) и др. — были первоначально заселены маньчжурами, которые и сейчас составляют в них значительную часть населения.

Для городских поселений маньчжуров, обнесенных бревенчатыми стенами, с произвольной планировкой и улицами, мощенными тесаными плахами, характерны черты, отражающие их давно сложившиеся этнические традиции, отличные от китайских, кирпичные стены и правильная внутренняя планировка. Эту характерную особенность еще в середине прошлого века отмечал В. П. Васильев: «Маньчжуры с давнего времени имели укрепления или города; веда постоянно между собой вражду, они избирали для жительства места, укрепленные природой, в горных проходах, у гор, у переправ и, сверх того, самой природе старались пособить еще искусством. В Северной Маньчжурии и теперь, однакожь, стены деревянные» [12, 14]. «Гиринь... лежит на берегу Сунгари, со стороны которой не обнесен стеной, а с прочих обнесен деревянными стенами из соснового дерева; по богатству Северной Маньчжурии в лесу, только такие стены находятся и во всех прочих городах как Гириньского, так и Амурского воеводства, тогда как в Южной Маньчжурии, как и во всем Китае, стены всегда каменные (т. е. кирпичные)» [12, 18—19]. «Нингута... обнесена сосновыми стенами, внутри наполненными землей, высотой в 2 китайских сажени...» [12, 22]. «Чицикар, или Цицигар... обнесен стенами» и тут же в сноске пояснение: «деревянными, внутри наполненными землею» [12, 28]. Избрант Идес (1693) так писал о Цицикаре: «...недавно построенный город Наунко-тон. Он окружен земляными стенами, обшитыми снаружи крепкими бревнами» [23, 174]. В статейном списке посольства Избранта Идеса также указано: «Наунской город построили деревянной...» [23, 346].

В «Описании Нингуты», составленном китайцем У Чэнем в 1722 г., говорится, что «город обнесен в два ряда деревянными стенами» [13, 81]. Далее отмечены «город Мэргэнь, обнесенный деревянными стенами...», «деревянная крепость Букуй...», «деревянная крепость Айхунь...» [13, 109].

Палладий Кафаров, путешествовавший по Маньчжурии в 1870 г., так описывает Гиринь: «Сначала тянулись деревянные заборы, потом следовал внешний город, обведенный валом; он показался мне довольно пустынным; потом мы въехали во внутренний город с большими воротами; улицы вымощены толстыми поперечными досками» [19, 64]. Далее, проезжая через Мэргэнь, он отмечал: «Городская стена выстроенная из бревенчатого тына, за которым, сквозь огромные скважины, видна была земляная насыпь...» [19, 112].

Характерный, именно маньчжурский облик вплоть до середины XX в. сохраняли (по личным наблюдениям автора) не только более отдаленные от крупных центров города — Нингута, Одоли, Омосо, Саньсин (Илань), Фугдин, Мэргэнь и др., но также и ближайшие к Харбину города — Хулань, Шуанчэн, Ачэн (Альчука), Лалинь (последний раз побывал в городах Ачэн и Лалинь осенью 1957 г., и они еще сохра-

няли свои характерные маньчжурские черты). Городские усадьбы маньчжуров, окруженные глухими дощатыми заборами, с массивными деревянными воротами, украшенными затейливой резьбой, настолько резко отличаются от китайских оград из сырцового или обожженного кирпича, дерновин или глины, что придают этим городам их особенный чисто маньчжурский облик, в корне отличный от всех других городов, построенных китайцами. В недавнем прошлом и улицы в этих городах были замощены толстыми тесаными плахами или бревнами, что никогда не наблюдалось в традициях китайских городов [53].

Несмотря на сказанное выше, приведу как курьез парадоксальное утверждение, появившееся в одном из харбинских изданий: «Маньчжурских городов, имеющих свой маньчжурский стиль, в Маньчжурии нет» [36, 107]. К сожалению, автор этого безапелляционного суждения, совершенно не соответствующего действительности, не удосужился съездить ни в один из типично маньчжурских городов, даже из числа расположенных вблизи Харбина, всего лишь в 40—50 км, таких, как Ачэн, Лалинь, Хулань или Шуанчэн. Этот вымысел, к сожалению, был взят без должной проверки и введен в советскую литературу в виде утверждения, что «в Маньчжурии не было маньчжурских городов» [1, 52], причем автором, побывавшим в Маньчжурии в 1945 г. и собиравшим материалы в Харбинском краеведческом музее (бывш. музей Общества изучения Маньчжурского края). Все это лишний раз показывает, насколько мало мы еще знаем Маньчжурию и маньчжуров, которых, кстати сказать, у нас до последнего времени считали уже исчезнувшим народом [52, 74—77].

Приведенные выше факты свидетельствуют о весьма длительных традициях городской жизни в Маньчжурии, где на протяжении почти двух тысячелетий параллельно существовали городские поселения, возводимые как аборигенами, так и пришлым китайским населением, в одних случаях соприкасаясь, в других — совершенно независимо одно от другого. Как и в других частях мира, в ходе этого процесса наблюдались периоды подъема и спада городской жизни. Бурное развитие исторических событий превратило в развалины многие города, но некоторые из них все же продолжали непрерывно существовать в течение нескольких столетий.

Исторические перемены налагали свой отпечаток на облик и устройство городов в Маньчжурии в зависимости от преобладания в них того или иного этноса. Однако разные этнические традиции в развитии и облике городов продолжали сосуществовать до наших дней. Правда, одна из них — маньчжурская — оставалась до последнего времени совершенно неизученной, что и привело к господству односторонних и неверных выводов. Известную роль в этом сыграло внешнее сходство ряда элементов в комплексе поселений при отсутствии должного анализа их генезиса (усугублявшееся к тому же преобладанием китайского языка в жизни маньчжурского города), которое не могло не возникнуть в результате почти двадцативековых контактов двух культур, приводивших к взаимодействию и взаимовлиянию.

При этом нельзя забывать, что все эти процессы происходили не только на территории Маньчжурии и Монголии, куда целеустремленно продвигались китайцы, но и на территории собственно Китая, куда, в свою очередь, в разное время тоже устремлялись массы тунгусо-маньчжуров и монголов, часть которых оседала не только на севере, но и на юге Китая, продолжая жить там и в наши дни [44, 36—38].

Теперь уже нельзя, как это делалось прежде, закрывать глаза на то весьма важное обстоятельство, что упоминавшиеся выше народы алтайской языковой общности, как показывают приведенные краткие

исторические данные, в культурном отношении были далеко не такими дикарями и варварами, как это часто «в силу классовой специфики феодальной китайской историографии» [56, 75] тенденциозно показывали авторы династийных хроник, отражая политические взгляды и устремления правящей верхушки.

Высокий уровень культуры когурёсцев и бохайцев, развитие самостоятельных систем письма и связанный с этим расцвет литературы и искусства в городах киданей и чжурчженей, о чем мы еще недавно почти ничего не знали, говорят о многом и заставляют по-иному взглянуть не только на генезис городских поселений маньчжуров и китайцев в Маньчжурии, но и на развитие в целом материальной культуры северных китайцев, активно контактировавших с этими народами и на своей исконной территории в течение продолжительных периодов времени, несмотря на остро стоявшую проблему национальных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии, М., 1948.
2. Баранов А. Изучение памятников древности Маньчжурии; регистрация памятников древности Маньчжурии.— «Известия общества изучения Маньчжурского края», Харбин, 1923, № 3.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2, М.—Л., 1950.
4. Богаевский, Сан-синское фудутунство, Хабаровск, 1903.
5. Богданов, Ажехинское фудутунство, ч. 1—3, Хабаровск, 1902.
6. Ван Сю-чжи, Хэйлуунцзян чжаодун сянь баличэн цинли цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках города Бали в уезде Чжаодун, провинции Хэйлуунцзян),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
7. Ван Цзэн-синь, Ляонин суйчжун сянь чэнхоуцунь цзинь юань ичжи (Памятники периодов Цзинь—Юань у деревни Чэнхоу в уезде Суйчжун в провинции Ляонин),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
8. Ван Цзэн-синь, Ляонин фушунь ши цяньюнь вахуйму гаогоули му фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках когурёских погребений у деревень Цянь и Вахунму вблизи города Фушунь в провинции Ляонин),— «Каогу», № 10, 1964 (на кит. яз.).
9. Ван Чэн-ли, Цзилинь дуньхуа муданьцзян шанью бохай ичжи дяоча цзи (Записки об археологической разведке бохайских памятников в верхнем течении Муданьцзяна в уезде Дуньхуа в провинции Цзилинь),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
10. Ван Чэн-ли, Хань Шу-хуа, Цзилинь цзиань тунгоу ди шиэр хао гаогоули бихуа му (Когурёская могила № 12 со стенописью в Тунгоу, уезд Цзиань провинции Цзилинь),— «Каогу», № 2, 1964 (на кит. яз.).
11. Ван Юн-сян, Хазрбинь дун цзяо-ды ляо цзинь ичжи хэ му цзан (Городище и погребение периодов Ляо-Цзинь в восточном предместье Харбина),— «Каогу», № 2, 1960 (на кит. яз.).
12. Васильев В. П. Описание Маньчжурии,— «Записки ИРГО», кн. XII, СПб., 1857.
13. Васильев В. П. Записки о Нингуте,— «Записки ИРГО», кн. XII, СПб., 1857.
14. Горланов Т. Ф. Город Баяньсу,— «Экономический бюллетень», Харбин, № 3—4, 1928.
15. Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома,— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, Пекин, 1909.
16. Дань Хуа-ша, Сунь Сю-жэнь, Муданьцзян чжун ся ю каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке в среднем и нижнем течении Муданьцзяна),— «Каогу», № 4, 1960 (на кит. яз.).
17. Жарылгашинова Р. Ш. Когурёсцы, Историко-этнографический очерк,— «Труды ИЭ АН СССР», нов. сер., т. XXII, 1960.
18. Жарылгашинова Р. Ш. Древние когурёсцы, М., 1972.
19. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году архимандрита Палладия, СПб., 1872.
20. Железняков К. А. Первый император маньчжурской династии Да-Цин Нурхаци и его первая столица Хэтуала,— «Натуралист Маньчжурии», Харбин, ноябрь, 1937.
21. Жернаков В. Н. Уезд Ачэн,— «Вестник Маньчжурии», № 5, Харбин, 1934.

22. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Предисловие, СПб., 1875.
23. Избрант Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695), М., 1967.
24. Ижидкий, Мэргэньское фудутунство, Хабаровск, 1902.
25. К регистрации памятников старины в окрестностях г. Харбина,—«Натуралист Маньчжурии», Харбин, ноябрь 1937.
26. Кан Цзян-син, Цзилинь цзютай шанхэвань каогу дяоча (Археологические разведки в районе Шанхэвань в уезде Цзютай в провинции Цзилинь),—«Каогу», № 3, 1961 (на кит. яз.)
- 26а. Кара Д., Кычанов Е. И., Стариков В. С. Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге,—«Памятники эпиграфики Востока», М., 1972.
27. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
28. Лебедева Е. П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков,—«Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 132, Л., 1957.
29. Вэнь-синь, Ляоян саньдаохао си хань цунь ло ичжи (Раскопки деревни периода Западной Хань в Саньдаохао вблизи г. Ляоян),—«Каогу сюэбао», № 1, 1957 (на кит. яз.).
30. Ли Дянь-фу, Шэн боугуань цзай цзиань цзиньсин каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке, проведенной провинциальным музеем в уезде Цзиань),—«Цзилинь жи бао», 12.VIII.1962 (на кит. яз.).
31. Ли Цзянь-цай, Чжан Мань-тин, Цзилинь шэн жин го фуюй дэхуй каогу дяоча (Археологические разведки в уездах Передний Горлос, Фуюй и Дэхуй в провинции Цзилинь),—«Каогу», № 1, 1961 (на кит. яз.).
32. Ли Цзянь-цай, Цзилинь тахучэн дяоча цзянь цзи (Краткие записки о разведке городища Таху в пров. Цзилинь),—«Каогу», № 1, 1964 (на кит. яз.).
33. Люй Цзунь-лу, Нунцзян ся ю цзо ань каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологическом обследовании левого берега нижнего течения р. Нонни),—«Каогу», № 4, 1960 (на кит. яз.).
34. Люй Цзунь-лу, Хэйлунцзян Нинъянь Линькоу фасянь-ды гу му цзан цюнь (Массовые древние погребения, обнаруженные в уездах Нинъянь и Линькоу провинции Хэйлунцзян),—«Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
35. Макаров В. С. Монеты с развалин древних городов в Сев. Маньчжурии,—«Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 3.
36. Маньчжурия. Экономическо-географическое описание, ч. I, Харбин, 1934.
37. Матвеев З. Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII—X вв.),—«Труды ДВ Гос. ун-та», сер. 6, № 8, Владивосток, 1929.
38. Меньшиков П. Краткий исторический очерк Маньчжурии,—«Вестник Азии», Харбин, № 42, 1917.
- 38а. Накамура Рихэй. Мансю но бидюцу (Искусство Маньчжурии), Токио, 1941 (на яп. яз.).
- 38б. Окладников А. П. Остатки Бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Му-даньцзян,—«Советская археология», № 3, 1957.
39. Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань го чжи»),—«Проблемы востоковедения», № 1, 1961.
- 39а. Поносов В. В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзинчэна,— в кн.: «Tung-ching-cheng, Report on the Excavation of the Site of Capital of Po-hai», Tokio, 1939.
40. Пэрлэ Э. Киданьские города и поселения на территории МНР,— в кн.: «Монгольский археологический сборник», М., 1962.
41. Северная Маньчжурия. Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг., Гириная провинция, т. I, Харбин, 1916.
- 41а. Северная Маньчжурия... Хэйлунцзянская провинция, т. II, Харбин, 1918.
42. Стариков В. С. Развалины вдоль среднего течения р. Лалинь,—«Сборник научных работ пржевальцев», Харбин, 1942.
43. Стариков В. С. Результаты археологической экскурсии по долине реки Цунхэ (уезды Вэйхэ и Учэн, пров. Сунцзян),—«Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», № 3, 1946.
- 43а. Стариков В. С. Развалины города в устье реки Хулань пров. Сунцзян,— там же, № 8, 1950.
- 43б. Стариков В. С. Краткий список памятников старины исторического периода в Гириной провинции,— там же.
44. Стариков В. С. Современное положение монголов в Южном Китае, ч. I. Монголы в провинции Юньнань,—сб. «Материалы по этнографии», вып. 1, Л., 1961.
45. Стариков В. С. Бохай,—«Советская историческая энциклопедия» (далее: СИЭ), т. 2, М., 1962.
46. Стариков В. С. Дунцзинчэн,— СИЭ, т. 5, М., 1964.
47. Стариков В. С. Кидани,— СИЭ, т. 7, М., 1965.

48. Стариков В. С. Кидани,— Краткая энциклопедия «Искусство стран и народов мира», т. 2, М., 1965.
49. Стариков В. С. Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии, автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, Л., 1966.
50. Стариков В. С. Маньчжуры,— СИЭ, т. 9, М., 1966.
51. Стариков В. С. Мохэ,— СИЭ, т. 8, М., 1966.
52. Стариков В. С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собрании МАЭ,— в кн.: «Культура народов зарубежной Азии», Л., 1969.
53. Стариков В. С. Городские поселения маньчжуров. Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г. ЛО ИЭ АН СССР, Л., 1969.
54. Стариков В. С. Формальный анализ функциональной структуры текста. Материалы по дешифровке киданьского письма, кн. I, М., 1970.
55. Су Цай, Цилян Цзиань гаогули цзяньчжу ичжи-ды цинли (Раскопки когурёских архитектурных памятников в уезде Цзиань, провинции Цилян),— «Каогу», № 1, 1961 (на кит. яз.).
56. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владичество в Китае,— сб. «Маньчжурское владичество в Китае», М., 1966.
57. Толмачев В. Я. Древности Маньчжурии. Развалины Байчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг., Харбин, 1925.
58. Толмачев В. Я. Бай-чэн. Строительные материалы, архитектурные украшения и другие предметы с развалин Бай-чэна. По данным разведок 1925—1926 гг., Харбин, 1927.
59. Толмачев В. Я. Mu-Yang Ch'eng. Han and pre-Han Sites et the Mount Lao-tieh, South Manchuria,— «Вестник Маньчжурии», № 1, 1933.
60. Фан Ци-дун, Цилян Цзиань гаогули баванчао шань чэн (Когурёский горный город Баванчао в уезде Цзиань),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
61. Цао Чжэн-чжун, Чжу Хань-кан, Цилян Цзиань юйлинхэ лююй гаогули гу му дяоча (Разведки древних когурёских погребений в долине реки Юйлинхэ в уезде Цзиань провинции Цилян),— «Каогу», № 11, 1962 (на кит. яз.).
62. Цецерин А. Результаты поездки по Хулан-ченскому фудутунству, Владивосток, 1902.
63. Цилян тунчи (Описание провинции Гиринь), [б. м.], 1898 (на кит. яз.).
64. Цилян цзиань укуйфэнь сы хао хэ у хао му цинли люе цзи (Краткие записки о раскопках могил № 4 и № 5 в Укуйфэнь в уезде Цзиань провинции Цилян),— «Каогу», № 2, 1964 (на кит. яз.).
65. Цзинь Юй-фу, Бохай го чжи чан бянь (Полное собрание сведений о государстве Бохай), тт. 1—X, Ляоян, 1934 (на кит. яз.).
66. Цин тайцзу ухуанди нуэрхади шилу (Правдивые записи о правлении цинского Тайцзу Ухуанди Нурхади), Бэйпин, 1932 (на кит. яз.).
- 66а. Чжан Сю-минь, Ляо цзинь си ся кэшу цзянь ши (Краткая история ксилографического книгопечатания в Ляо, Цзинь и Западном Ся),— «Вэньбу», № 3, 1959 (на кит. яз.).
67. Чжунго цзяньчжу (Архитектура Китая), Пекин, 1957 (на кит. яз.).
68. Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Л., 1968.
69. Шкуркин П. В. Город Хулань-чэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии, Никольск-Уссурийск, 1903.
70. Щедрин, подполковник, Айгунское фудутунство, Хабаровск, 1903.
71. Яковлев Л. М. Исторические памятники времен империи Цзинь по долине реки Ашихэ.— «Записки ХОЕиЭ», № 3, 1946.
72. Янь Вань-чжан, Бохай чжэн хуй гунчжу му бэй-ды яньцзю (Изучение надгробного памятника бохайской принцессы Чжэн Хуй),— «Каогу сюебао», № 2, 1956 (на кит. яз.).
73. Gabelentz H. C. Geschichte der Grossen Liao, S.-Petersbourg, 1887.
74. Mu-Yang Ch'eng, Han and pre-Han Sites at the Foot Mount Lao-tieh, South Manchuria,— «Archaeologia Orientalis», Tokyo, 1932.
75. Shiratori K. The Legend of the King Tung-ming the Founder of Ku-yu-kuo, The Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library), № 10, Tokyo, 1938.
76. Starikov V. S. Catalogue of Graphemes of the Kitan Script, M., 1966.
77. Tamura J. The Nature of the Five Capitals of the Liao Empire,— «Asiatic Studies in Honour of Toru Haneda», Kyoto University, 1950.
78. Tamura J. and Kobayashi Y. Tombs and Mural Paintings of Ch'ing ling Liao Imperial Mausoleums of Eleventh Century A. D. in Eastern Mongolia, vol. 1, 2, Tokyo, 1953.
79. Torii R. Illustrations of Archeology, Supplementary to «Culture of Liao Dynasty from Viewpoint of Archaeology», vol. 1—4, Tokyo, 1936.
80. Wittfogel K. A. and Feng Chia-sheng, History of Chinese Society Liao (907—1125), Philadelphia, 1949

Е. И. Лубо-Лесниченко

ФАРФОРОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ХАРА-ХОТО

Коллекция керамики, привезенная из Хара-Хото экспедициями П. К. Козлова (1908, 1909 и 1926 гг.), весьма значительна и составляет более половины харахотинского собрания, хранящегося в Эрмитаже (1911 единиц из общего количества 3654). В настоящее время о точном месте или условиях находки того или иного изделия можно сказать очень мало. В лучшем случае известно, какой именно экспедицией привезен тот или иной фрагмент, да и то не всегда. Судя по кратким упоминаниям П. К. Козлова,— это в основном сборы с поверхности. Так, он пишет, что керамика в черте города находилась повсеместно, хотя главные находки были сделаны в районе фанз и кумирен [3, 78, 80]. Таким образом, керамика, представляя собой подъемный материал, в основном относится к последнему периоду существования города — ко времени монгольского владычества (1226—1372). Вместе с тем в коллекции встречаются отдельные фрагменты, относящиеся к тангутскому времени (начало XI в.— 1226 г.). Этот факт подтверждается данными китайских письменных источников, свидетельствующих о ввозе тангутами фарфора из Китая [1, 185].

Коллекция состоит почти из двух тысяч фрагментов и намного превосходит сборы экспедиций А. Стейна [32, 429—506] и Ф. Бергмана [31], вместе взятых; она дает яркую и достаточно полную картину керамического производства Юаньской империи. Анализ находок свидетельствует об угасании таких традиционных керамических изделий Северного Китая, как голубой или синий фарфор цзюньяо, тонкостенный белый фарфор диньяо и «северный селадон» — яочжоу. На сравнительно высоком техническом и художественном уровне продолжает оставаться лишь народная расписная керамика типа цычжоу. В то же время возрастает роль мастерских Цзиндэчжэня, их продукция в коллекции занимает примерно 40%. Значительную часть изделий из Цзиндэчжэня составляет фарфор с подглазурной росписью кобальтом. Эта группа, насчитывающая 520 фрагментов (около четверти всего собрания), вызывает особый интерес. Она дает богатый материал для одного из наименее изученных вопросов в истории фарфорового производства в Китае.

В результате усилий, предпринятых за последние 30 лет рядом западных, японских и китайских специалистов, постепенно выясняются вопросы датировки, стиля и сюжетов орнаментации, форм, техники и места производства ранних кобальтовых изделий. Библиография по этому вопросу насчитывает уже довольно много названий [26, 25]. Но до настоящего времени изучение раннего фарфора, расписанного кобальтом,— это одна из узловых проблем в изучении китайского фарфора, ждущая своего разрешения [12].

Первые этапы производства фарфора с росписью кобальтом — явление, типичное для многих процессов в истории материальной культуры Китая, возникновение его неясно, и мы можем наблюдать лишь его расцвет. Так, несмотря на чуть ли не полувековое изучение раннего фарфора с росписью кобальтом, вопросы о месте и времени его изготовления до сих пор остаются невыясненными. Достаточно сказать, что появление этой техники в Китае, по оценке различных исследователей, колеблется в пределах 300 лет — от XI до XIV в.

Существуют две группы источников, содержащие сведения по этому сложному вопросу: письменные источники и датированные памятники. Немногочисленные данные письменных источников о раннем фарфоре с росписью кобальтом дают очень запутанную картину. Обычно они содержат неточные сведения и, в свою очередь, требуют тщательной проверки. В истории изучения фарфора отмечено немало случаев, когда ошибки старых китайских авторов вводили на долгое время в заблуждение исследователей и требовалось много усилий для их исправления. Так, работы минского (1368—1644) и особенно цинского (1644—1911) времени обычно субъективны и в лучшем случае лишь отрывочно отражают состояние науки того времени, а главным недостатком ранних письменных источников XIII—XIV вв. является малое количество сведений и трудность их толкования.

Сказанное выше можно достаточно ярко проиллюстрировать двумя примерами.

Основным источником по изучению китайского фарфора служит книга «Тао шо» Чжу Яня, написанная в конце XVIII в. В нее было включено большое количество более ранних материалов. Перевод этой книги С. Бушелем, изданный в 1910 г., был основным источником для западных специалистов в течение многих лет [17]. В «Тао шо» при описании фарфора Сунской династии приводится хорошо известное специалистам высказывание книги «Гэ гу яо лунь» конца XIV в.: «Что касается императорского фарфора из Шаочжоу (т. е. Цзиндэчжэня), то масса его тонкая и маслянистая и узоры синего цвета; по сравнению с синим цветом изделий из Дин(ъяо) он лишь немного уступает им» [26, 38—39]. На основании этого текста был сделан вывод, что фарфор, расписанный кобальтом, появился в Китае еще в период Северной Сун и местом возникновения его был, вероятно, Динчжоу, а не Цзиндэчжэнь.

Д. Поуп, произведя критический разбор «Тао шо», установил, что в оригинальном тексте «Гэ гу яо лунь» этого отрывка нет. Отсюда Д. Поуп подверг сомнению ценность всех этих сведений [26, 38—45]. Вслед за ним Шэнь Цун-вэнь указал, что приписывание Чжу Янем этого отрывка к «Гэ гу яо лунь» ошибочно и в действительности этот текст взят из сунского источника «Цзунь шэнь ба цзянь». Далее он подчеркивает, что это высказывание следует относить не к изделиям, расписанным кобальтом, а к изделиям типа инцин, т. е. к монохромному фарфору с глазурью с синим оттенком с подглазурным рельефным орнаментом [14, 41].

Подобным, если еще не более запутанным, является вопрос о фарфоре цинбай. Проблема правильного перевода этого термина обсуждается уже более ста лет со времен появления известной книги С. Жюльена «История и производство китайского фарфора». С. Жюльен переводит это выражение как «Vases blancs et bleus» [23, 85], С. Бушел — как «Greenish white celadon ware» [18, 179], и Д. Сайер — как «blue/green and white» [30, 40].

После авторитетных выступлений таких крупных специалистов, как П. Дэвид, П. Гобсон и Д. Поуп, укрепилось мнение, что этот термин

обозначает фарфор типа инцин [20, 52—53; 26, 43—44]. Казалось, что вопрос о правильном толковании этого термина решен окончательно. Однако несколько лет тому назад Чэнь Вань-ли вновь вернулся к этому вопросу. На основании анализа письменных источников XIII—XIV вв. он пришел к выводу, что термин «цинбай» — это лишь один из вариантов обозначения группы фарфоровых изделий, которые могут также быть описаны как «цинбайхуа» или «цинхуабай». Отсюда, по мнению Чэнь Вань-ли, термин «цинбай» обозначает не фарфор типа «инцин», а фарфор с росписью кобальтом [11]. Если придерживаться точки зрения Чэнь Вань-ли, то самое раннее упоминание об изделиях, расписанных кобальтом, относится к 1225 г.— времени написания книги «Чжунфань чжи», где впервые встречается этот термин. Если же придерживаться мнения западных исследователей, что термины «цинбай», обозначающий фарфор типа «инцин», и «цинхуа», обозначающий фарфор с росписью кобальтом, совершенно разные по смыслу, то упоминание о фарфоре с росписью кобальтом встречается впервые в книге «Гэ гу яо лунь», написанной в 1380 г., т. е. на 150 лет позднее.

Что касается второй группы источников — датированных памятников, то здесь твердых точек опоры для исследователя очень мало. Датировка вещей, находящихся в музейных и частных собраниях, осложняется отсутствием на них девизов годов правления — няньхао, которые появляются лишь в минский период со времени Сюаньдэ (1426—1435). Единственными исключениями являются две хорошо известные вазы из коллекции П. Дэвида с посвятительными надписями, датированными 1351 г. Несмотря на значительные размеры археологических работ в КНР в 1949—1965 гг., не было обнаружено ни одной датированной могилы периодов Сун — начала Юань с фарфоровыми изделиями, расписанными кобальтом. Появившееся в 1955 г. сенсационное сообщение о находке фарфоровых изделий, расписанных кобальтом, в могиле времени Северной Сун оказалось ложным, и, по мнению многих исследователей, эти погребения следует датировать минским временем [7; 10; 13; 15].

Некоторые сведения дают исследования керамических печей. В последнее время на основании многочисленных изысканий была составлена сводная картина расположения керамических печей в средневековом Китае, уточнено время, когда ими пользовались, и определены типы выпускавшихся изделий. Согласно этим сведениям, точка зрения о возникновении техники подглазурной росписи кобальтом на севере Китая в Динчжоу не подтверждается. Единственные пункты, где были обнаружены ранние изделия, расписанные кобальтом, — это местечки Юйтянь и Сяньтянь близ Цзиндэчжэня, который, по-видимому, и был местом рождения этой новой для Китая техники. Там были обнаружены фрагменты фарфора, расписанного кобальтом и относящиеся к юаньскому времени. Фрагментов, точно датированных сунской эпохой, по-видимому, нет [8].

Имея столь ненадежные точки опоры, работа по датировке и выявлению ранних кобальтовых изделий происходила в основном по линии изучения стилистических особенностей орнамента, техники изготовления и форм сосудов. В этой связи важную роль сыграли работы Д. Поупа, изучавшего знаменитые Ардебильское и Стамбульское собрания [26; 27] Д. Гарнера, работавшего с европейскими коллекциями [21], и Сун Ин-чжоу, исследовавшего собрания в Китае [6]. В результате работы этих исследователей выявлено примерно 150 сосудов XIV в., расписанных кобальтом, установлены общие принципы орнаментации и техники.

В связи с вышесказанным изучение более пятисот фрагментов фар-

фора, расписанного кобальтом, из Хара-Хото имеет несомненно важное значение. До настоящего времени это единственная известная нам большая коллекция, связанная с памятником, имеющим твердо установленную датировку.

Эти изделия содержат много признаков, говорящих о становлении новой для мастеров Цзиндэчжэнь техники. В рассматриваемых фрагментах тесто имеет чаще всего в изломе желтоватый оттенок с большим количеством мелких зернышек, заметно отличаясь от изделий минского времени с более однородным белым тестом. Глазурь, часто с мелкими пузырьками, нанесена на сосуды неравномерно. В местах подтеков она имеет характерный зеленоватый цвет.

Одна из особенностей, характеризующих кобальтовые изделия юаньского времени, — это употребление при изготовлении сосудов большого числа секций, соединявшихся перед обжигом. Изнутри следы соединения слоев в отличие от минских сосудов хорошо заметны. Ножки и доньшки сосудов всегда не глазурованы. Глазурование ножек и доньшек сосудов, расписанных кобальтом, появляется лишь в XV в. На дне сосудов обычно видны концентрические линии — следы вращения сосуда на гончарном круге.

Вопросы, связанные с техникой росписи, также многочисленны. Центральный из них заключается в том, какой кобальт, привозной или местный, употребляли в Цзиндэчжэне мастера юаньского времени. В свою очередь, этот вопрос связан с более общей проблемой о возможности заимствования китайцами идеи росписи кобальтом керамических изделий с Ближнего Востока, где она существовала в течение длительного времени. Письменные источники по этому вопросу хранят полное молчание, и мы до настоящего времени вынуждены довольствоваться предположениями. Сведения о привозном кобальте встречаются лишь в письменных источниках XV—XVI вв. Название этого кобальта транскрибируется по-разному: сунибоцин, сумоницин, сунимоцин, субоницин, боцин, фотоуцин и, наконец, просто «мусульманская синяя краска» — «хойхойцин»¹.

Более ранних сведений, относящихся к монгольскому времени, о привозе в Китай кобальта письменные источники не сообщают. Этот вопрос в какой-то степени освещен в работе Сун Ин-чжоу. На основании многолетнего изучения ранних изделий, расписанных кобальтом, он пришел к заключению, что в монгольское время в Китае употребляли как местный, так и привозной кобальт. По его мнению, доля привозного кобальта составляла около половины [5].

Характерная особенность привозного кобальта — яркость тона. В то же время вследствие примеси железа и других материалов привозной кобальт дает часто нечеткий контур с неравномерной окраской от темно-ржавого до небесно-синего. Часто при разрыве глазури на поверхности заметны пятна цвета темного олова. Употребляя привозной кобальт, художники достигали эффекта яркости и пышности декора. Но вследствие нечеткости линии и ее неравномерной окраски этот кобальт не был пригоден для изображения мелких деталей. По сравнению с привозным местный кобальт не столь ярок и при наличии железа имеет темно-коричневый цвет. После обжига краски свободно плавают на поверхности и в отличие от привозного кобальта не спекаются. Достаточно часто один и тот же сосуд расписывался как местным, так и привозным кобальтом, чтобы разные краски дополняли и оттеняли друг друга.

¹ Имеется предположение, что сумоницин обозначал кобальт, доставляемый с о-ва Суматра, боцин с о-ва Пенанг и фотоуцин из Индии [4, 25].

Характерной особенностью рассматриваемого собрания является большое разнообразие оттенков кобальтовой раскраски. Мы можем наблюдать широкую гамму тонов от бледно-серого до ярко-синего и черного цветов. Этим харахотинские фрагменты заметно отличаются от более однотонных минских изделий XVI—XVII вв. Это разнообразие оттенков связано, вероятно, с первыми шагами мастеров, овладевавших новой для них техникой. Несомненно важное значение, как уже говорилось выше, имело происхождение употребляемого кобальта.

На ряде изделий можно видеть соединение двух различных приемов орнаментации: подглазурная роспись кобальтом и подглазурный рельефный орнамент по ангобу. В нашей коллекции это явление характерно для изделий высокого качества. Обычно это чашечки-вань с тонкими стенками и слегка голубоватой глазурью, где кобальтовый и рельефный орнаменты дополняют друг друга. Такое соединение двух различных приемов орнаментации встречается лишь на ранних кобальтовых изделиях и, вероятно, вскоре прекращается [16]². Наличие на некоторых ранних сосудах, расписанных кобальтом, подглазурного рельефного орнамента дало основание исследователям считать, что кобальтовый фарфор генетически связан с фарфором типа «кинцин» или родственным ему шуфу, изготовлявшихся в печах Цзиндэчжэня в XI—XIII вв.

На нескольких фрагментах больших толстостенных сосудов наблюдается любопытный технический прием: мастер, для того чтобы выделить прожилки на цветах или листьях, перед наложением кобальтовой краски процарапывал тесто. В результате в процарапанных местах получался более плотный и темный цвет. Вероятно, этот прием употреблялся лишь в период становления техники росписи кобальтом в подражание изделиям типа «цычжоу» и вскоре был оставлен.

Д. Поуп по материалам Ардебильского и Стамбульского собраний считает, что для кобальтовых изделий XIV в. характерна роспись резервом [26, 65—69]. Харахотинская коллекция оспаривает это утверждение. Роспись резервом наблюдается лишь на нескольких фрагментах. Можно предположить, что малое количество подобных вещей было связано с дороговизной кобальта, который либо привозился издалека, либо при добыче на месте требовал тщательной очистки.

Большая часть керамики из Хара-Хото состоит из небольших черепков, поэтому для изучения форм сосудов может дать сравнительно немного. Тем не менее то, что удалось выяснить, представляет интересную и в некоторых отношениях новую картину.

Среди кобальтовых изделий, привезенных из Хара-Хото, главное место занимают чаши диаметром 14—15 см с отогнутыми наружу краями, на невысокой круглой ножке диаметром 5—7 см, а также чаши с ровными, иногда фестончатыми краями, диаметром в среднем 15—18 см, достигающим до 22 см. Обломки сосудов этих типов составляют более половины изделий, расписанных кобальтом (примерно 235 фрагментов из рассмотренных 430, т. е. более 54%). Наряду с фрагментами больших чаш среди кобальтовых изделий встречаются и фрагменты чашечек-вань типа пиал с тонкими стенками (0,2 см) и диаметром по горлу 9—11 см. Таких изделий немного, и они занимают не более 3% общего количества (12 фрагментов).

Значительную группу (24% — 105 фрагментов) составляют бутылевидные сосуды и фляги. На основании существующего материала дать

² Б. Грэй считает, что это явление характерно лишь для первой половины XIV в. [22].

четкую классификацию форм в этой группе очень трудно. Можно выделить сосуды с туловом, близким к шаровидному, и с длинным горлом, часто с кольцевидными утолщениями и небольшим раструбом. Иногда горло бывает фестончатое. Часто встречаются фрагменты тыквообразного сосуда — хулу, иногда круглого в сечении, иногда ребристого, диаметром 15—18 см. Характерным признаком сосудов этой группы является высокая ножка диаметром 4,5—8 см. С внутренней стороны ножка сосуда чаще всего выше, чем с наружной (соответственно 2 и 1,5 см).

В единственном экземпляре в коллекции представлен фрагмент плоской фляги, прямоугольной в сечении, с покатыми плечиками и маленькими ручками.

Фрагменты больших ваз типов мэпинь и гуань сравнительно многочисленны. Они составляют не более 8% (34 фрагмента). Эти сосуды диаметром тулова 23—28 см имеют толстые (до 2 см) стенки. У сосудов невысокая полукруглая в разрезе ножка диаметром примерно 15 см. У одного из фрагментов дно сосуда вырезано.

В рассматриваемой коллекции фрагменты блюд составляют не более 2% (8 образцов). В этой небольшой группе представляет интерес фрагмент блюда диаметром 24 см на невысокой прямоугольной в сечении ножке. Блюдо очень мелкое, и изгиб бортика почти незаметен. В отличие от известных нам ранних блюд XIV в. оно не имеет отогнутого края, а лишь утолщение.

Как единичные образцы встречаются фрагменты блюдец диаметром 8—15 см. Среди них можно упомянуть блюдца с отходящим наружу невысоким бортиком с отогнутым ровным, иногда фестончатым или ребристым краем. Встречаются фрагменты блюдец с невысоким перпендикулярным бортиком.

Характерным признаком харахотинской коллекции служит наличие сравнительно большого числа фрагментов маленьких сосудов и флаконов разнообразных форм. Среди них необходимо упомянуть небольшие сосуды с шаровидными туловом диаметром 8 см без ножки и слегка расширяющимся кверху горлышком. Число фрагментов таких сосудов достигает 7% общего количества (30 образцов).

Другие типы флаконов, представленные единичными экземплярами, — это квадратный в сечении, слегка суживающийся книзу, с круглым, слегка расширяющимся горлышком высотой 3,5 см.

Встречаются небольшие сосуды с ребристым туловом диаметром 8—9 см, слегка суживающиеся кверху; иногда с крышкой. Имеются и фрагменты сосудов с формой, близкой к шаровидной, диаметром 6—7 см, с выемкой по краю, вероятно, для крышки.

Единичным экземпляром представлена шестигранная подставка диаметром 9,5 см со следами ножек сосуда, вероятно курильницы (24, каталог, № 9).

Сравнивая формы кобальтовых изделий из Хара-Хото с формами сосудов из известных нам собраний, можно установить значительную разницу между ними. Главное место в таких значительных собраниях, как Стамбульское и Ардебильское, занимают большие блюда диаметром 40—50 см с крутыми бортиками и горизонтально отходящими краями. Далее по численности идут вазы гуань и мэпин, затем бутылевидные и тыквообразные сосуды — хулу и лишь за ними чаши [9].

Столь значительная разница в соотношении различных форм сосудов, отличающая харахотинские находки от состава известных нам коллекций, может быть объяснена несколькими причинами. Кобальтовые изделия из Хара-Хото, представляющие собой археологический материал, вероятно дают подлинное соотношение различных типов кобаль-

товой продукции Цзиндэжэня, бытовавших в провинциальном городе юаньского времени. Преобладание в западных коллекциях, и прежде всего в Стамбуле и Ардебиле, больших блюд и ваз, как это уже было отмечено Д. Поупом, свидетельствует лишь о том, что эти вещи были основными предметами экспорта из Китая. Кроме того, за шестьсот лет, прошедших после падения Юаньской династии, большая часть мелких хрупких изделий могла совершенно исчезнуть. Этим можно объяснить большое число фрагментов маленьких сосудиков, флаконов и блюдец в Хара-Хото, по-видимому совершенно не представленных в современных собраниях.

Набор орнаментальных мотивов (так называемая «грамматика декора», по выражению Б. Карлгрена) для ранних кобальтовых изделий XIV в. на материалах стамбульской и ардебильской коллекций рассматривался в вышеупомянутых работах Д. Поупом, по западным собраниям — Д. Гарнером, по китайским — Сун Ин-чжоу и по японским — К. Сайто [28].

Возникновение техники подглазурной росписи кобальтом было качественно новым этапом в развитии китайского фарфора. Мастера Цзиндэжэня осваивали новые приемы, связанные с многочисленными техническими трудностями. Как уже упоминалось ранее, привозной кобальт, обладая яркостью тона и плотностью окраски, после обжига часто расплывался, выходя за пределы рисунка или давая многочисленные точки — характерный признак многих кобальтовых изделий юаньского времени. Эти технические причины, вероятно, заставляли избегать сложных сюжетных сцен с людьми, столь характерных для минского времени.

Признаком, присущим юаньским изделиям с росписью кобальтом и хорошо иллюстрируемым материалом из Хара-Хото, является стремление помещать на сосудах большое число орнаментальных лент. Эти ленты, более широкие на тулове и узкие на горле и ножках сосуда, часто почти не оставляют свободного пространства. Число таких лент на некоторых сосудах достигает восьми.

Орнаментальных композиций на кобальтовых изделиях из Хара-Хото немного. Можно упомянуть мандаринских уток в пруду, заросшем цветами, букет цветов, перевязанных развевающейся лентой, драконов или фениксов среди облаков. Чаще всего орнаментальные ленты заполнены растительными или геометрическими мотивами.

Растительные мотивы составляют большую часть орнаментальных элементов рассматриваемой керамической группы. Господствующее положение среди них занимает лотос. Вариантов его изображения множество: от натуралистически изображенных растений, растущих в пруду, до сильно стилизованных завитков, заполняющих бордюры. Часто встречается и пион. Ветки пиона с пышными цветами рисуются на тулове больших ваз, помещаются в орнаментальных лентах и ламбрекенах. Далее можно упомянуть камелию, хризантему, виноград, водяную лилию, водяной орех, иву и стилизованный пятилепестковый цветок. В бордюрах сосудов часто помещены цветы цзывэй и шэгань. В изображении растительных мотивов наблюдается одна характерная деталь. Листья рисуются только анфас, и художник часто, рисуя цветы и листья, оставляет места, не заполненные краской.

Животный мир на кобальтовых изделиях из Хара-Хото не отличается большим разнообразием. Чаще всего встречаются мандаринские утки. Рисуются они в разной степени стилизации: от тщательно переданных птиц, плавающих на воде, до стилизованных изображений в форме запятых. Нередко встречается дракон, обычно парящий среди облаков. У него длинное змеевидное туловище и трехпалая лапа. Иног-

да на изделиях более низкого качества чешуя дракона передается сеткой. Фениксы обычно показаны парами, подобно драконам, в полете среди стилизованных облаков. Тело у них, как и у драконов, покрыто чешуей. Это перечисление можно закончить упоминанием о цилине и льве, частично сохранившиеся изображения которых встречаются на двух фрагментах.

Из геометрических элементов самый распространенный — это так называемый стилизованный лист лотоса. Внутри него обычно помещена спираль или стилизованный листок с пятачком или благие вещи символы (огненный язык, коралловая ветвь и т. д.). На туловах крупных сосудов часто изображен ламбрекен, обычно заполненный растительными мотивами. На дне нескольких чаш можно видеть ваджру. По краю часто рисуются пояски из овалов, меандров, завитков и стилизованных облаков. Часто употребляются и различные типы стилизованных волн: так называемый панцирь черепахи и стилизованные волны.

Необходимо сказать еще несколько слов о подглазурном рельефном орнаменте, соединенном на нескольких фрагментах с росписью кобальтом. На этих фрагментах видны облачные завитки и дракон с трехпалой лапой. На одном из них внутри стилизованного лепестка помещен иероглиф «юй» — нефрит. Это единственный иероглиф, введенный в орнаментацию этой значительной группы керамики из Хара-Хото.

Орнаментальные мотивы рассматриваемой группы в своей основной части относятся к широко распространенным традиционным элементам китайского искусства, наполненным глубокой символикой. Это прежде всего относится к таким древним благожелательным символам, как дракон, феникс и цилинь, широко бытовавшим с глубокой древности. Сюда же можно отнести и льва — теме, распространенной в китайском искусстве еще за много веков до создания рассматриваемой керамики. Сцена с мандаринскими уточками в лotosовом пруду навеяна, вероятно, живописными образцами. Символика изображения мандаринских уточек юаньяня, означающая пожелание счастливого брака, была хорошо известна в Китае со времени раннего средневековья. Обычно уточки юаньяня рисовались и ассоциировались с лotosами, так как и те и другие, находясь в мутной воде, остаются девственно чистыми.

Столь же традиционно изображены цветы. Это прежде всего относится к лotosу — растению, посвященному самой разнообразной символике. Сохраняя свою философскую и религиозную значимость, он употреблялся и как благожелательный символ лета. Традиционны и два других широко распространенных цветка — пион, связывающийся с осенью, и хризантема — с весной. Символическую нагрузку несут виноград, выражающий идею плодородия, и ива.

Некоторые из геометрических элементов отражают архаичную тенденцию, широко распространенную в китайском орнаментальном искусстве, начиная с сунского времени. Это относится к таким элементам, как меандр и пояска из овалов, копирующих декор древних бронзовых сосудов. Традиционным элементом в орнаментальном искусстве является и ламбрекен, связанный с древней космогонией и орнаментикой бронзовых зеркал [19]. Такие символы, как коралловая ветвь и языки пламени, часто встречались в средневековой орнаментике. Элементов, взятых из буддийского культового искусства, в росписи кобальтом немного. Можно упомянуть лишь ваджру — древний символ грома и света [29, 184—186]. Несомненный интерес для исследователя представляют различные типы стилизованных волн, характерные лишь для росписей юаньского времени.

Для рассматриваемой группы типичны смелые, часто грубоватые линии. В стиле отсутствует изысканность и изощренность, характерная для кобальтовых росписей более позднего времени. Найденные фрагменты относятся ко времени сложения основных методов и приемов, которые в дальнейшем развивались и совершенствовались.

Различные элементы орнамента позволяют установить возможную связь декора с живописью, тканями и ювелирными изделиями того времени.

При сравнении керамики из Хара-Хото с керамикой, найденной советско-монгольской археологической экспедицией в Каракоруме и ныне хранящейся в Эрмитаже, выявляется одно существенное различие: изделия, расписанные кобальтом, составляют, как уже говорилось выше, более четверти всей харахотинской керамики, в то время как в Каракоруме было найдено всего лишь несколько фрагментов [2, 248—249]. Это явление объяснить очень трудно. Можно лишь предположить, что находки из Хара-Хото в своей большей части относятся к XIV в.— времени, когда Каракорум давно перестал быть столицей империи и потерял свое важное значение. Что касается находок из Каракорума, то они, по всей вероятности, в основном относятся к XIII в.— периоду его расцвета. Таким образом, отсутствие кобальтовых изделий в Каракоруме может служить дополнительным подтверждением точки зрения, что производство кобальтовых изделий в большом количестве началось после 1300 г.

Надо надеяться, что изучение и публикация этой уникальной коллекции сможет продвинуть вперед наше представление об одном из самых сложных вопросов истории китайского фарфора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дай Си-чжан, Сися цзи, Пекин, 1924 (на кит. яз.).
2. Евтухова Л. А. Керамика Каракорума,— сб. «Древнемонгольские города», М., 1965.
3. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, М., 1948.
4. Кочетова С. М. Фарфор и бумага в искусстве Китая, М.—Л., 1958.
5. Сун Ин-чжоу, Во дуй цзаоци цинхуа Юаньляоды чутоканьфа (на кит. яз.),— «Вэньу», 1959, № 11.
6. Сун Ин-чжоу, Юань Мин Цин цыциды цзяньдин (на кит. яз.),— «Вэньу», 1965, № 1.
7. Фу Ян, Гуаньюй Гуаньчжоу гуму цинхуа цюоухоаньды дай вэньтиды шанцзюэ (на кит. яз.),— «Вэньу», 1956, № 6.
8. Фэн Сянь-мин, Синь Чжунго таоцы каогуды чжужао шоухо (на кит. яз.),— «Вэньу», 1965, № 9, 1966, № 3.
9. Фэн Сянь-мин, Юаньдай цинхуа цыци (на кит. яз.),— «Вэньу», 1969, № 9.
10. Хуан Вэнь-куань, «Гуаньчжоу Бэйсунму цзяньбао» пучун шомин (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
11. Чэнь Вань-ли, Во дуй «цинбайцыци» ды каньфа (на кит. яз.),— «Вэньу», 1959, № 6.
12. Чэнь Вань-ли, Чжунго лидай шоухо цыциды Чэнцзю юй тедянь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1963, № 6.
13. Шоу Минь-хао, Воэньдуй цзюэлунь Гуаньчжоу сяо Бэйсунму фань чутоу цинхуа цыцюань няньдай вэньти и цзянь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
14. Шэнь Цун-вэнь, Лунь фэн ишу, Пекин, 1959 (на кит. яз.).
15. Ян Ю-цзянь, Тань Гуаньчжоу сяо Бэйсунму шилунь (на кит. яз.),— «Вэньу», 1957, № 1.
16. Ayers J. Chinese Blue-and-White in the Museum of Eastern Art, Oriental Art, 1951, vol. III, № 4.
17. Bushell S. Oriental Ceramic Art,— Collection of W. T. Walters, New York, 1899.
18. Bushell S. Description of Chinese Pottery and Porcelain, Being a Translation of the Taoshuo, Oxford, 1910.
19. Samman S. China dragon robes, New York, 1952.
20. David P. Ying-ch'ing a plea for better item, Oriental Art, 1955, vol. I, № 2.

21. Garner H. *Oriental Blue-and-White*, London, 1954.
22. Gray B. *Chinese Porcelain of the Fourteenth Century III ch'ing-pai*,— *The British Museum Quarterly*, 1962, vol. XXV, № 1—2.
23. Julien S. *Histoire et fabrication de la porcelaine Chinoise*, Paris, 1856.
24. Ming, *Blue-and-White*, *Philadelphia Museum Bulletin*, vol. XLIV, № 223, Autumn, 1949.
25. Ozaki W. *Chinese literature on ceramics*, *Oriental Art*, 1957, vol. III, № 1.
26. Pope J. A. *Chinese Porcelain from the Ardebil Shrine*, Washington, 1956.
27. Pope J. A. *Fourteenth century blue-and white, a group of chinese Porcelains in the Topkapu Sarayi Muzese, Istanbul*, Washington, 1958.
28. Saito K. *The Yuan Blue-and-White and the Yuan Drame in the Middle of 14th century*, ко: бидзюцу, 1967, № 19.
29. Saunders E. D. *Mudra. A Study of Symbolic gestures of Japanese Buddhist sculpture*, New York, 1960.
30. Sayer J. *Ching-te-chen tao lu*, London, 1951.
31. Sommarstrom B. *Archaeological researches in the Edsengol region Inner Mongolia*, pt 1—2, Stockholm, 1956, 1958.
32. Stein A. *Innermost Asia*, vol. II, Oxford, 1928.

А. П. Терентьев-Катанский

ЛЕГЕНДА О «БЕЛОЙ ЗЕМЛЕ»

Предлагаемый читателям материал может пролить некоторый свет на малоизученный мотив «Белой земли» в фольклоре Востока.

В древних китайских книгах [4, 1—29; 10, 13] рассказывается о царстве Сиванму, царицы-волшебницы. Владения ее, согласно легенде, были расположены на Яшмовой горе хребта Куньлунь (Куэньлунь). Описание дороги в царство Сиванму изобилует фантастическими и реальными подробностями. Примером первых может служить «яшмовое» дерево, цветы которого приносят счастье, или «яшмовая» река. Наряду с этим дается описание природных условий, характерных для Центральной Азии,— дикие горы, где водятся огромные быки с длинной шерстью (яки). Сам Куньлунь считался у китайцев священным местом, куда якобы однажды спуускался с небес Шанди — верховный владыка всего живущего.

Царство Сиванму лежало ближе к тому месту, где горы граничили с областью Люша (Текучие пески). Под этим названием китайские авторы подразумевали великие пустыни Центральной Азии. Путь к Яшмовой горе был труден и опасен. Но преодолевший горные перевалы попадал в ровную, безопасную местность.

Сиванму, правительница таинственной страны, по одним версиям — страшное чудовище, по другим — прекрасная женщина кроткого и человеческого нрава. Правит она «по поручению Неба». Древние китайские ваны якобы ездили к Сиванму получать утверждение своих прав на престол. Позднее император династии Хань У-ди (140—85 гг. до н. э.), вполне историческое лицо, по преданию, также направил в эту страну посольство.

На большинстве рисунков, изображающих Сиванму, у ног ее помещен феникс. Прислужники обмахивают ее опахалом в форме птичьего крыла. Другой атрибут царства Сиванму — персиковое дерево, плоды которого даруют бессмертие.

В более реалистическом плане тема таинственной страны решена в новелле V в. н. э. «Персиковый источник» [9, 172—174]. Герой новеллы, рыбак, заинтересовавшись рощей персиковых деревьев на берегу реки, добирается до истоков последней — пещеры в скале. За грядой скал он находит долину с хорошо возделанными полями и благоустроенными жилищами. Местные жители, гостеприимно встретившие пришельца, рассказывают, что их предки бежали сюда от притеснений жестоких властителей.

Сам факт бегства целого народа вполне реален. В наши дни в Южном Китае нашли племя, которое некогда ушло в джунгли, опасаясь кары за убийство императорского чиновника.

Близка к интересующей нас теме индийская легенда о горе Меру, или Сумеру, центре мира и жилище богов. Известия о ней доходили даже до античных авторов — Страбона и Плиния. Теофраст, современник Александра Македонского, называет ее индийским именем Меру [3, 107]. Позднее эта легенда переходит в буддийскую космогонию, а гора Меру становится центром Джамбудвипа — материка, где якобы обитает человечество и откуда берет начало р. Ганг. В книге аль-Бируни «Индия» [1, 230, 617] говорится, что на горе Меру есть реки с пресной водой и золотые жилища, в которых обитают различные духовные существа. По версии монгольских буддистов, на этой горе живут тридцать три тенгрия — добрых духа — и земные существа, заслужившие блаженство добродетельной жизнью. По этой версии, гора Меру возникла на земле первой и в конце мира погибнет последней. О ее местоположении существуют разные мнения. Ее помещают то на Северном полюсе, то в северных Гималаях, то в Гиндукуше.

Позднее, в связи с усложнением у буддистов учения о воздаянии за добро и зло, получил широкое распространение культ будды Амиды. Согласно легенде, Амида дал клятву не впадать в нирвану до тех пор, пока не будут спасены все живые существа. Их спасению служит якобы в данном случае Сукхавати — «Белая» или «Чистая земля», расположенная далеко на западе, за пределами нашего мира [7].

«Белая земля» мыслится в легенде как нечто вполне материальное. Это страна, где земля плодородна и не знает засух. Ее поверхность очень ровная. С деревьев падают огромные цветы, устилающие землю благоуханным ковром. Вода блаженной страны приятна на вкус и целебна. Чудесные птицы разносят во все стороны светлого царства слова учения Будды.

Среди жителей «Белой земли» нет злых и несчастных. Ни у кого из них не наблюдается ни недостатка, ни избытка частей тела, в противоположность некоторым другим, многоруким и многоголовым персонажам буддийских легенд. Местные жители, как и обитатели горы Меру, делятся на тенгриев и людей. Но по красоте лиц и пышности одеяния они почти не отличаются друг от друга. Живут они в роскошных домах, полных прекрасной утвари. Их одежда и волосы, заплетенные на затылке в вертикально стоящую косу и ниспадающие по бокам на плечи, усыпаны драгоценностями. В стране Сукхавати существуют рождение и смерть; но живые существа рождаются из лотосов, а умирают без страданий. В буддийской иконографии Сукхавати изображается долиной, расположенной в гористой местности.

Секта последователей культа Амиды в Японии, Дзёдо, также представляла «Белую землю» местом, лежащим далеко на западе. По их представлению, лишь пройдя сто миллионов стран, можно упереться в «Восточную дверь», или «Восточный вход», в «Белую землю», к которой ведет белая дорога, пересеченная двумя реками — рекой Зла и рекой Зависти. «Белая земля» — страна счастья, богатства и полного покоя. В легенде упоминается волшебная птица, указывающая дорогу в блаженную страну.

Насколько сами японцы осознали связь версии о «Белой земле» с китайскими легендами того же цикла, видно из того, что в одном из их сочинений о «Белой земле» упоминается Сиванму.

К сказанию о «Белой земле» в какой-то мере примыкает тибетская легенда о Шамбхале, загадочной стране на западе, описанной в сочинении третьего панчен-ламы как вполне земное царство. Сохранились даже списки правителей.

Но буддисты-монголы придали Шамбхале еще большее сходство с «Белой землей». В легенде, записанной Пржевальским в Алашане.

говорится о счастливой земле Шамбалын, лежащей на «Северном море». В ней много золота, нет бедных, хлебные зерна вырастают необычайной величины. В будущем, во время страшной войны, туда должен уйти весь тибетский народ во главе с далай-ламой. Тогда святой государь Шамбалына разобьет подступивших к его земле врагов и распространит правую веру во всем мире. Геген, который в будущем должен будет воплотиться в святого государя, живет в Западном Тибете и время от времени посещает Шамбалын на каком-то «волшебном коне». Слуга, вздумавший однажды воспользоваться этим конем, был занесен к границам Шамбалына и даже сорвал ветку дерева, растущего только там [8, 158—159].

По-видимому, через Центральную Азию легенда о счастливой земле попала и к мусульманским авторам. Наиболее интересен вариант ее, данный в «Искендер-намэ» Низами [6, 210—215]. Согласно этой поэме, Александр Македонский, возвращаясь из Индии, попал в страну, расположенную в горах. Как только его воины пытались нанести ущерб посевам в этой стране, их поражали болезни. Местные жители раньше других приняли истинную веру. Они живут богато и счастливо. Степень их праведности столь велика, что они даже не охраняют имущество и поля — Небо делает это за них. Нечто похожее можно проследить и в таджикской легенде о «золотом кишлаке».

Все эти легенды объединяются двумя тенденциями. Первая — мотив социальной утопии, «страны всеобщего блага». Вторая — мотив таинственной страны на западе, там, где сходятся величайшие горные системы Азии — Тяньшань, Куньлунь, Гималаи и Гиндукуш.

Общими для большинства легенд данного цикла являются образы волшебных птиц и волшебного дерева, чаще всего персикового. На легенду о Шамбалыне, помимо всего прочего, оказало влияние буддийское представление об идеальном царстве будущего, описанном в «Вималакирти-нирдеша-сутра».

В X в. название «Белая земля» неожиданно появляется на карте Центральной Азии. Она входит в состав названия государства тангутов в двух вариантах: «государство Великого Лета Белых Ми» (т. е. тангутов) и «Высокое Белое государство».

Тангуты были ревностными сторонниками культа будды Амиды. Об этом свидетельствуют многочисленные иконы и сочинения, найденные в Хара-Хото. Можно предположить, что они назвали свое государство «Белым» в честь «Белой земли».

Однако в китайских источниках прямо упоминается «белый народ», живущий на западе [2, л. 52]. В одном из этих источников к этому народу применен термин «бэйфа» (покрытые волосами), который можно осмыслить и как «пифа» (распущенные волосы). Это сближает «белый народ» с предками тангутов, цянами, и с обитателями страны Сукхавати.

Согласно тангутским словарям, хранящимся в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук, слово «ми» — «тангуты» — может читаться как «мин» — «народ». Тогда «бай ми» означает «белый народ» [5, 34].

В том же названии тангутского государства встречаются слова «Да Ся» — название династии. Ван Цзин-чжу считает, что тангуты приняли это название в память китайской династии Ся. И. А. Невский, напротив, утверждает, что на территории, позднее занятой тангутами, гунн Хелянь Бобо основал когда-то государство Да Ся [5, 33—34].

Среди племен, плативших дань Китаю в X в. до н. э., упоминается племя Да Ся, относимое к «Западным варварам». От времен ханьского императора У-ди до нас дошло описание страны Да Ся, расположенной

к юго-западу от Ферганы [2, л. 53]. Некоторые отождествляют Да Ся с Бактрией.

Здесь мы опять встречаем смутные указания на страну в районе великих гор и пустынь Центральной Азии. Северо-восточная часть позднего Да Ся, греко-бактрийского царства, близко подходит к предполагаемому местонахождению «Белой земли».

Данное сообщение не претендует на окончательное решение вопроса. Собранный материал пока недостаточен для этого. Но исходя из того, что нам известно, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. В основе большинства легенд о «Белой земле» лежит социальная утопия, отражающая стремление народа к общему равенству.

2. Эта чисто фольклорная традиция была спроецирована на какую-то реальную географическую канву. Область в районе соединения великих хребтов Центральной Азии по неизвестным причинам пользовалась у местного населения репутацией таинственной земли.

3. Народные представления о волшебной стране впоследствии вливаются в буддизм, образуя один из самых мощных центральноазиатских культов — культ будды Амиды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль Бируни, Индия, Ташкент, 1963.
2. Гу цзин ту шу цзи чэн, Шанхай, 1934, цэ 22, цзюань 47 (на кит. яз.).
3. Ковалевский О. М. Буддийская космогония, Казань, 1837.
4. Му тяньцзы чжуань, Шанхай, 1937 (на кит. яз.).
5. Невский Н. А. Тангутская филология, т. I, М., 1960.
6. Низами Гянджеви, Искендер-намэ, Баку, 1953.
7. Подгорбунский И. А. Зерцало мудрости, Иркутск, 1895.
8. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, М., 1946.
9. Тао Юань-мин, Персиковый источник, — в кн.: Алехеев В. М. Китайская классическая проза, М., 1958.
10. Шанхайцзин (в кн. «Гу цзин и ши», т. 15—17), Шанхай, 1937, цзюань 2 (на кит. яз.).

Б. П. Полевой

СИБИРСКАЯ КАРТОГРАФИЯ XVII в. И ПРОБЛЕМА БОЛЬШОГО ЧЕРТЕЖА

Самый известный древнерусский географический памятник «Книга Большому чертежу» 1627 г. еще с XVIII в. вызывал живейший интерес у многих русских ученых, которым прежде всего хотелось по тексту этой книги попытаться восстановить внешний вид всех описанных в ней географических чертежей. Одновременно многие интересовались и самой историей создания этих чертежей. Уже первые исследования показали, что многое в тексте «Книги Большому чертежу» неясно. Поэтому еще в середине XIX в. отделение этнографии молодого Русского географического общества предложило организовать всероссийский конкурс для решения проблемы Большого чертежа. Как указывал историк А. И. Артемьев, члены общества надеялись, что в итоге «все недоумения о „Книге Большого чертежа“ найдут себе опытного и вооруженного эрудицею истолкователя и разъяснителя» [4, 135]. И хотя общество устанавливало дважды большие денежные награды за решение проблемы Большого чертежа, вплоть до середины нашего столетия она осталась нерешенной. И лишь недавно наконец удалось найти путь к правильному истолкованию основных вопросов этой важной проблемы. Здесь на помощь исследователям пришли новые данные из истории сибирской картографии XVII в. Особую роль в этом сыграла публикация в 1958 г. так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова [47] — атласа, который по своей структуре, по типу включенных в него чертежей резко отличался от двух других атласов С. У. Ремезова — от «Чертежной книги» 1701 г. [38] и более поздней его «Служебной чертежной книги», хранящейся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [1, 96—147].

Главной особенностью так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова было то, что она состояла из большого числа так называемых «чертежей с урочищи» — подробнейших многолистных путевых чертежей сибирских рек. Шесть лет спустя после публикации «Хорографической чертежной книги» в 1964 г. покойный член-корр. АН СССР А. В. Ефимов воспроизвел несколько аналогичных путевых чертежей XVII в. отдельных рек Сибири [3, карты №№ 35—40], благодаря чему стало очевидным, что С. У. Ремезов свои «чертежи с урочищи» делал явно по образцу уже ранее существовавших в Сибири путевых чертежей.

Внимательное изучение сибирских документов XVII в., как опубликованных, так и в большей степени неопубликованных, ясно показало, что этот тип путевых «чертежей с урочищи» был в ту эпоху самым

распространенным типом сибирских региональных географических чертежей. В сборниках документов уже неоднократно публиковалась [5, т. 2, 243—246; 15, 110—114] широко известная роспись части Енисея и нижней Ангары (Верхней Тунгуски) — от Енисейска до Ленского во-лока. Очевидно, что расписанные в ней чертежи были именно такими путевыми «чертежами с урочищи», сделанными на нескольких листах-столбцах. Такого же типа был и чертеж Лены, составленный в 1640 г. Курбатом Ивановым [5, т. 2, 246—248; 21, 46—47]. Наши дальнейшие изыскания показали, что и многие другие чертежи Курбата Иванова [21, 49—52; 34, 157], оказывается, имели тоже такой же характер. Во всяком случае, очевидно, что сделанный К. Ивановым чертеж пути, по которому ходили «люди Дмитрия Копылова» [21, 49], т. е. участники похода Ивана Москвитина — первого русского похода на Тихий океан, был путевым чертежом их маршрута. Многолистным путевым чертежом был и потопленный на р. Мае чертеж, составленный участниками первого русского похода по Амуру В. Д. Пояркова [19, 547, 24, 122]. Аналогичный путевой чертеж делался и во время путешествия по Вити-му в 1641 г. Еналея Бахтеярова [50, 59].

Путевым чертежом был и отправленный в 1655 г. с Анадыря Семеном Дежневым «реке Анадыре чертеж: с Аноя реки и за Камень на вершину Анадыря и которые реки впали в большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь» [8, 157; 16, 139]. Такой же характер носил и чертеж, который подал Михаил Стадухин в 1659 г. после своего возвращения в Якутск из похода с Анадыря на Пенжину и далее по Охотскому морю до р. Тауя, а затем и до р. Охоты [5, т. 4, 122]. Аналогичными были и чертежи верхнего Амура, составленные спутниками Я. П. Хабарова в 1649—1650 гг. Подобные же многолистные путевые чертежи «писал» И. Максимов — участник похода П. И. Бекетова от Байкала к верховьям Шилки до р. Нерчи [34, 196]. Перечень таких сибирских многолистных путевых чертежей можно было бы продолжить на нескольких страницах, и все равно этот список остался бы весьма неполным — так велико было в XVII в. число путевых чертежей, сделанных в Сибири. Немалое количество аналогичных чертежей было создано в XVII в. и в европейской части России, особенно на ее северных и южных окраинах. Голландский географ Н. Витсен в конце XVII в. также сообщал, что он располагал полученными из России «многочисленными неумело сделанными географическими чертежами каждой местности или реки» [27, 127; 49, предисловие]. Делались они обычно при путешествии по тому или иному маршруту, чаще всего по рекам. Поэтому мы их и называем путевыми или маршрутными чертежами.

При дальнейших изысканиях (и это очень важно отметить!) стало очевидным, что такого рода типичные для России XVII в. путевые чертежи весьма часто входили в состав чертежных книг, которые создавались в период проведения тех или иных обширных картографических работ. Установить существование подобной системы нам помогла упомянутая «Хорографическая книга» С. У. Ремезова. При ее изучении неожиданно выяснилось, что основную часть использованных в ней путевых чертежей С. У. Ремезов решил оформить в виде особой чертежной книги лишь из-за того, что он оказался не в состоянии включить все собранные им географические сведения в один большой настенный общий «чертеж части Сибири». Так, из-за «невмещения парчи» [47, 8] он счел нужным добавить к общему чертежу «части Сибири» в качестве «прилога» особую чертежную книгу с серией путевых «чертежей с урочищи» многих рек Сибири [подробнее см.: 30]. И именно поэтому С. У. Ремезов в Москве был «похвален паче иных протчих в

полности мастерства чертежей»¹. Теперь стало вполне понятным, почему С. У. Ремезов в данном случае употребил множественное число: ведь в «чертеж части Сибири» помимо сводного чертежа вошло множество путевых чертежей.

В последнее время исследователи смогли убедиться в том, что С. У. Ремезов, собрав большое число различных географических чертежей по Сибири и сопредельным странам, в технику картографирования, по существу, ничего нового не внес: оказалось, что он всегда использовал давно уже проверенные в России методы картографирования и делал свои чертежи по уже существовавшим образцам. А это говорило о том, что С. У. Ремезов и при создании своей «Хорографической чертежной книги» уже располагал в Тобольске каким-то чертежом, сделанным по такому же образцу: общий сводный чертеж + серия подробных путевых чертежей. Именно эта простая мысль заставила нас по-новому взглянуть на чертеж Сибири 1667 г., копия общего чертежа которого была приведена Ремезовым в его «Хорографической книге» [47, 4].

До 60-х годов XX в. исследователи никак не могли найти убедительного объяснения, почему между росписью чертежа Сибири 1667 г. и его общим чертежом существовали странные несоответствия. В росписи имелись десятки географических названий, которых не было на общем чертеже Сибири 1667 г. В ее московском «списке»-копии [52, 5—6] имелись условные обозначения, «знаки по чему в чертеже узнавать»², которые не использовались на общем чертеже. Упоминались крепости, которых не было на самом чертеже, а иногда не было даже изображения тех рек, на которых они должны были бы быть созданы. Сам общий чертеж Сибири 1667 г. поражал своей нарочитой примитивностью и был безусловно менее детален, чем многие другие сибирские чертежи, сделанные еще до 1667 г., например хотя бы чертежи Курбата Иванова 1640—1645 гг. [21, 46—52]. Поэтому совсем непонятным было, почему этому чертежу давали столь высокую оценку и С. У. Ремезов³ и голландский географ Н. К. Витсен [49, предисловие].

В «Хорографической книге» С. У. Ремезова имеется список условных обозначений в виде начальных букв [47, 30]. По списку условных обозначений в московской росписи чертежа Сибири 1667 г. («знаки по чему в чертеже узнавать») видно, что С. У. Ремезов заимствовал эту систему из чертежа Сибири 1667 г. Но если С. У. Ремезов использовал такие буквенные условные обозначения в своих «чертежах с урочищи», т. е. путевых чертежах-«прилогах», то логично допустить, что и в чертеже Сибири 1667 г. они также использовались в подобных же путевых «чертежах с урочищи». Приводя в «Хорографической чертежной книге» копию общего чертежа Сибири 1667 г., Ремезов особо говорит, что этот чертеж остался «без прилогов селищ и волостей и немирных землиц» [47, 4]. Само конкретное перечисление «прилогов», видимо, потребовалось Ремезову потому, что у чертежа Сибири 1667 г. были какие-то другие «прилоги», и логично предположить, что под этими «прилогами» подразумевались в первую очередь аналогичные «чертежи с урочищи» — путевые чертежи, в которых и были использованы «знаки по чему в чертеже узнавать», а на некоторых из них, видимо, и были изображены крепости, намеченные тобольским воеводой

¹ См. предисловие самого С. У. Ремезова к его «Чертежной книге Сибири 1701 г.» [38]. Та же формулировка дана и на листе 28 в «Служебной чертежной книге» [1, 100].

² Впервые упомянул об этих «знаках» в виде отдельных букв еще видный архивист Н. Н. Оглоблин [12, 6].

³ См. предисловие С. У. Ремезова к его «Чертежной книге Сибири 1701 г.», [а также: 18, 130—131; 22, 67—68; 45, 20—21]. Сам текст см. ниже (стр. 216).

П. И. Годуновым к строительству. Недавно удалось найти архивный документ о том, что летом и осенью 1667 г. был составлен один из таких путевых чертежей — чертеж Исети, на которой и планировал создать главные новые крепости П. И. Годунов [18, 124—126]. Следовательно, чертеж Сибири 1667 г. несомненно располагал целой серией подробных путевых чертежей. Такое простое решение проблемы сделало сразу понятным и многое другое в чертеже Сибири 1667 г. Например, выяснилось, почему в документах говорилось, что этот чертеж был «сбиран». Он действительно был собран из многочисленных путевых чертежей отдельных рек, а его весьма примитивный общий чертеж явно ставил своей задачей дать лишь общую схему тех рек и путей, которые были подробно отражены уже в путевых «чертежах с урочищи». Стало вполне ясно, почему в росписи упоминались во множественном числе «клейма» (или «круги»), в которых был дан текст отдельных «статей» росписи чертежа Сибири 1667 г.: очевидно, что каждое такое «клеймо» было сделано на особом путевом чертеже.

В свете всех этих данных получила совершенно новое значение и известная хвалебная характеристика, данная Семеном Ремезовым всему чертежу Сибири 1667 г. Как известно, С. У. Ремезов писал: «...в лето 7176-го повелено в Тобольску по грамоте великого государя всю Сибирскую землю описать грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинить чертеж. И се первое чертежное описание Сибири от древних жителей и сему чертеж учиниша и печати предаша, и по сему отчасти Сибирь означися. И о сём тогда всем сибирским жителям первое вново сибирский чертеж и великое удивление, яко много лет при житии их проидоша, и неведомы орды сосед жилища и урочища бежа и о сём древле неверием слуха одержими беша, еще им мало-проходно быша: еже нынешнее урочище пять поприщ имуще, они же тогда сто верст мнеша, а иде же день ходу, ту им неделю ездю и тогда им сосед жилища и урочища отчасти открылся: зане в вопросах не-искусни беша» [18, 130—131; 22, 67—68; 45, 20—21].

Ремезов здесь ясно указывает, что в 1667 (7176) г. был дан наказ «всему учинить чертеж», т. е. «и землям, и жилищам, и межам, и рекам, и урочищам». На известном однолистном схематическом чертеже Сибири 1667 г. не было весьма многих жилищ и рек, которые были упомянуты в росписи чертежа Сибири 1667 г. Не было и никаких «урочищ». Поэтому очевидно, что все это могло быть изображено лишь на дополнительных подробных «чертежах с урочищи». И только по этим подробным чертежам и можно было получить практически полезное представление о многих сибирских реках и о самых малых расстояниях, например, как указывает С. У. Ремезов, всего в «пять поприщ» (немногим более 3 верст) между поселениями. Не надо забывать и главного: схематический общий чертеж Сибири был полезен для сибиряков только как схема, позволяющая наглядно представить, как между собой соотносились путевые чертежи. Для практических же нужд больше всего нужны были, конечно, именно подробные путевые чертежи, что, к сожалению, часто забывают некоторые историки картографии.

Правильность этих выводов была также подтверждена и анализом некоторых других чертежей Сибири XVII в. При дальнейших изысканиях выяснилось, что аналогичную структуру имел и отчетный чертеж посольства Н. Г. Спафария 1675—1678 гг.⁴ Все это уже было подробно изложено нами в печати [17]. Здесь же напомним лишь главное.

⁴ Этот отчетный чертеж не следует смешивать с так называемой «Картой Н. Г. Спафария», найденной Л. С. Багровым в Берлине и опубликованной в «Imago Mundi» в 1947 г. [41, между стр. 68 и 69; 3, карта № 32; 17, 115, 122].

Внимательный анализ всех документов, связанных с проездом через Сибирь посольства Н. Г. Спафария, позволил установить, что русское правительство уже ожидало от участников этого посольства составления в Сибири нового чертежа с совершенно аналогичной структурой и с множеством подробных путевых чертежей. В самом деле, еще 23 февраля 1675 г. Н. Г. Спафарию была в Москве вручена «наказная память», по которой он должен был установить, «сколько от которого города и до которого города или улуса до улуса, верст или миль или дниц... и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже... А на Москве явиться и всему тому статейный список и описание Китайского государства и дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве подать чертеж в Посольском приказе...» [35, 152].

Несмотря на то что Посольский приказ отказался включить в состав посольства «живописца, который бы знал чертеж и землемерие и реки писать...» [2, 9], т. е. чертежника, который умел бы делать путевые чертежи рек, Н. Г. Спафарий уже с Самаровского яма (район устья Иртыша) сообщил царю Алексею Михайловичу, что он все-таки займется в пути составлением подробных чертежей сибирских рек: «А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертешка нет)...» [35, 168]. И действительно, уже тогда Н. Г. Спафарий отправил в Москву свой первый подробнейший путевой чертеж р. Иртыш [17, 117; 35, 40—50]. Позднее подробная роспись этого чертежа была включена им ввиду особой вставки в текст его знаменитого описания Сибири. Позже посольством Н. Г. Спафария были составлены аналогичные чертежи и росписи главнейших рек — Оби, Енисея [35, 68—71], Лены [35, 86—87], Амура [26] и оз. Байкал [35, 116—123]. Аналогичные работы участники проводили и за пределами Сибири. В конце второй главы своего сочинения «Описание первой части вселенной, именуемой Азией» Н. Г. Спафарий указывал, что он и его спутники «для лучшего уразумения не токмо писали в книге, какие люди живут около Китая и около большой стены, но и чертежи начертили до Китая, какие люди живут и какие реки и места суть и все именно и подлинно писанию предали, как в чертеже объявлено будет...» [17, 117—118]. Из этой фразы ясно видно, что в пути спутники Спафария чертили подробные путевые чертежи, намереваясь в дальнейшем включить их в свой сводный отчетный чертеж, сделанный в виде чертежной книги, в котором было дано изображение «рекам и горам и островам и протокам и городам и острогам и юртам татарским и остяцким и всем знатым местам и урочищам царства Сибирского от стольного града Тобольска даже до стольного китайского города Камбалыка...» [51, 350; 17, 118]. Совершенно аналогичную структуру также имели и чертежи Сибири 1673 г. [23, 86—87] и более ранний чертеж Сибири 1627—1628 гг.

Как показало изучение истории культуры Сибири XVII в., сибиряки чаще всего во всем пользовались образцами, созданными в Москве. Все это свидетельствовало, что в Москве несомненно должны были существовать чертежи аналогичной структуры. В связи с этим и родилась весьма простая мысль, которая ранее никогда не возникала у историков русской картографии: не могла ли «Книга Большому чертежу» тоже отражать главным образом содержание дополнительной чертежной книги, составленной в основном из подробных «чертежей с урочищи»?

Такой новый подход к проблемам «Книги Большому чертежу» (в дальнейшем — КБЧ) дал весьма полезные результаты. Известно, что в ней имеется множество подробнейших описаний различных путей —

шляхов и рек. Сравните все эти росписи с аналогичными росписями рек, составленными в Сибири, например с ранее упоминавшимися нами известными росписями водного пути от Енисейска до Ленского волока, или росписью верхней Лены до Усть-Кута, которую составил Курбат Иванов, или росписями главных сибирских рек, которые были составлены Н. Г. Спафарием и его спутниками, и вы убедитесь, что между этими росписями существует поразительное сходство. Сам Н. Г. Спафарий кое-что даже заимствовал из текста КБЧ, например, из описания Средней Азии [10, 92—95; 35, 49—50]. Но мы знаем достоверно, что в Сибири подробные «росписи против чертежу» делались лишь к подробным путевым чертежам рек и сухопутных дорог. Уже это одно говорит о том, что в КБЧ такие же росписи рек и шляхов также были сделаны к аналогичным путевым чертежам. Следовательно, в основной части ее тоже даны подробные росписи так называемых «чертежей с урочищи».

Нетрудно убедиться, что и в самом тексте КБЧ есть целый ряд формулировок, которые полностью подтверждают эту мысль. Известно, что первая, основная часть КБЧ посвящена описанию трех дорог, идущих через «поле» — через территорию, простиравшуюся от Москвы к Крыму. И в вводной части КБЧ сказано, что этот чертеж дьяки Разрядного приказа «велели сделать от царствующего града Москвы Рязанским и Северским и Польским городам: от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою муравским шляхом, дорогою кальмиюскою, среднюю дороною изюмскою против разрядные старые росписи, что зделана роспись в Розряде при прежних государех, от Ливен до Перекопи, и от Перекопи до Козлева и до Бакчисарая и Альма-сарая, и до Корсуни и до Кафы и до Крыма, и до Балыклея и до черкасов, что промеж Черного и Азовского моря остров Таурика, а ныне Крымская орда; теми тремя дорогами рекам и колодезям и на реках татарские перевозы и перелазы, которыми татаровя приходит в Русь и всяким полевым урочищам и до которых урочищ ездят из Белогорода станицы и кладут доездные памяти. А зделав всему тому чертеж и на том чертеже города, и реки, и всякие урочища, велели подписать порознь, подлинно, как было подписано всякому урочищу написано в старом чертеже» [10, 49—50]. Все выделенные нами в этом тексте слова ясно показывают, что тут идет речь, конечно, о путевых чертежах трех шляхов, сделанных в виде традиционных для той эпохи «чертежей с урочищи». Ведь здесь прямо сказано: чертежи сделать «тремя дорогами», да еще со «всякими урочищами!» И правильность этого вывода подтверждается документально. В хранящемся в ЦГАДА списке «делам, вынесенным из Розряда в пожар 1626 года», упоминаются «две росписи дорогам и полю, деланы против чертежей» [11, 44].

Вне всякого сомнения, здесь речь идет о той самой разрядной росписи [о ней см. 10, 50], по которой были реставрированы чертежи дорог «полю». И если ранее это были путевые чертежи, то очевидно, что их реставрировали тоже в виде путевых чертежей. Поэтому формулировка о составлении «чертежа тремя дорогами от Москвы до Перекопа», да еще со «всякими урочищами», могла означать только одно: что в КБЧ действительно были описаны такие подробные путевые чертежи.

Заслуживает внимания и особая оговорка относительно Крымской орды. Как видно из текста КБЧ, в ней особо была выделена Крымская орда, а это означает, что помимо подробных путевых чертежей трех дорог в комплекс чертежей «чертежа полю» входил еще и особый чертеж Крымской орды, вероятно похожий на аналогичный чертеж Крыма, опубликованный Н. Витсенем [49]. Так становится понятным,

почему данные о Крыме в КБЧ приводились дважды: сперва в последней части описания путевых чертежей «Кальмиуской» дороги [10, 65—66], а затем — в особо выделенном описании Крымской орды [10, 96].

Еще К. Н. Сербина [10, 43—45] и И. И. Старостин [36, 227—230] установили, что из всех списков КБЧ наиболее близок к протографу КБЧ список, хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в собрании В. И. Ундольского за № 1330. Именно в этом списке сохранился ряд фраз, которые позволяют лучше понять структуру чертежей, описанных в КБЧ. Приведем в качестве примера имеющиеся только в этом списке характерное пояснение относительно Днепра: «И река Днепр в книги сеи ниже устья реки Десны до Киева, до устья и до моря и в нее упалые реки и по ним города, и горы и пороги писаны в книги сеи; а с верху Днепра реки река Днепр описана по Вяземской дороге до Смоленска выше сего в книги сеи, а ниже Смоленска реки Днепр и реки, которые в Днепр пали до Киева писаны ниже сево под статью» [10, 96, 99].

Первоначально может показаться, что слова «в книге сеи» по ошибке повторяются дважды. Но такие повторения встречаются в тексте росписи № 1330 неоднократно, поэтому здесь нет ошибки: просто в одном случае идет речь о КБЧ, в другом же — об описанной в КБЧ чертежной книге, в которой наряду с чертежами иногда (вероятно, из-за отсутствия соответствующих чертежей) приводились в виде отдельных «статей» (росписей) описания отдельных рек, составленные по опросным данным. Поэтому по цитированному тексту можно заключить, что в КБЧ была дана роспись путевых *чертежей* от Киева до моря, а от Смоленска до Киева давалась просто «статья». Верховья же Днепра были изображены уже на путевом чертеже Вяземской дороги.

По списку № 1330 можно было привести еще ряд подобных примеров. Особенно ценен этот список тем, что при детальном анализе его текста можно определить даже ширину «путевой полосы» этих путевых чертежей. Но этот сложный вопрос еще будет рассматриваться нами подробно в особой работе. Здесь лишь укажем, что, по данным наших исследований, ширина этих путевых полос была лишь немногим уже ширины путевых полос в «чертежах с урочищ» в «Хорографической книге» С. У. Ремезова.

Список № 1330 ценен и тем, что в нем наиболее четко видно, в каком именно месте текста КБЧ началось описание чертежа Московского государства. И, перейдя ко второй части КБЧ, нетрудно было убедиться в том, что и в ней также даны росписи путевых чертежей. В 1967 г. [25, 128] мы уже показали, что в КБЧ есть описание путевого маршрутного чертежа Северного Поморья от устья р. Онеги до устья Печоры и что именно этот чертеж и лег в основу западной части известной карты русского Севера Исаака Массы, напечатанной в Голландии в 1612 г. [3, карта № 25; 44].

Только теперь стало впервые понятным, каким образом в текст КБЧ могло попасть курьезное утверждение: «Река Нева течет ис Котлина озера; пала против города Орешка, протоку 40 верст» [10, 156]. Вполне очевидно, что составитель этого текста А. И. Мезенцов, никогда сам не бывавший на Неве, писал это, глядя только на путевой чертеж, где Финский залив с островом Котлин был явно обрезан рамкой чертежа и потому был принят им ошибочно за «озеро», а Нева под его пером потекла вспять, потому что остальные реки этого путевого чертежа текли в сторону Волги. Если бы Мезенцов описывал этот район по сводному чертежу всей России, он, конечно, увидел бы изображение всего Балтийского моря и такой ошибки бы не допустил. Этот курьез в тек-

сте КБЧ служит еще одним подтверждением того, что все подробности в КБЧ описывались по путевым чертежам.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что основную часть КБЧ составляют подробные росписи путевых чертежей: сперва чертежей, входящих в состав «чертежа полю», затем чертежа Московского государства. Все эти путевые чертежи были объединены в единую чертежную книгу (атлас). То, что это именно так, доказывают недавно выявленные архивные документы об Афанасии Мезенцове, составителе и «нового чертежа» Московского государства, и самого текста КБЧ [37]. Из этих документов мы впервые узнали, что на последнем этапе работы — в октябре 1627 г. — А. И. Мезенцов был занят составлением «чертежной книги» (так в старину называли только атласы!) [37, 189—190].

Характерно, что путевые чертежи «чертежи поля» были составлены несколько подробнее, чем путевые чертежи Московского государства. И это становится совершенно понятным, если мы вспомним, что в конце КБЧ во многих списках прямо указано, что «чертеж полю» был выполнен в большем масштабе, чем чертеж Московского государства. Большинство исследователей считало, что между этими масштабами было соотношение 2,5:1. Но нетрудно убедиться, что в различных списках это соотношение было различным. Так, на воспроизведенной К. Н. Сербиной фотокопии двух «мер верстам» по списку QXXII 396, 10 верст в чертежах Московского государства занимают только 3 мм, а «полю» — 20 мм, 50 верст — соответственно 1,5 и 97 мм [10, 171], т. е. здесь масштаб оказался увеличенным в шесть раз! И тот факт, что роспись путевых чертежей «чертежа поля» была в несколько раз насыщеннее путевых чертежей Московского государства, ясно показывает, что приведенные в конце КБЧ две масштабные линейки относились именно к этим чертежам. Это важное новое положение со всей очевидностью показывает, что сводные общие чертежи и Московского государства и «чертежа поля» отнюдь не были такими гигантами, как это ранее полагали исследователи, ибо к ним эти масштабные линейки не имели никакого отношения. Подобно тому как и общие чертежи Сибири середины XVII в. имели весьма скромную нагрузку и носили схематический характер, точно так же и общие чертежи Московского государства должны быть, во-первых, неизмеримо меньшего размера, чем это ранее казалось исследователям, во-вторых, иметь и меньшую нагрузку. Все это и побуждает нас совершенно по-новому подойти к давно уже волновавшей исследователей проблеме: какое отношение к КБЧ имеет знаменитая карта России Гесселя Герритса 1613—1614 гг., на которой имеется особая оговорка, что она выполнена по автографу сына Бориса Годунова — царевича Федора Борисовича.

Еще академик К. М. Бэр выражал уверенность, что этот чертеж имеет какое-то отношение к КБЧ [42, 262—267]. Напомним, что в 1852 г. отделение этнографии Русского географического общества предложило исследователям определить, «в какой степени данные Большого чертежа согласуются или не согласуются с картою, приписываемой царевичу Федору Борисовичу» [4, 138]. Многим исследователям казалось, что К. М. Бэр ошибался: прямой связи между КБЧ и картой России Гесселя Герритса будто бы нет. Но когда нам стало очевидным, что сводный, «старый чертеж» Московского государства имел неизмеримо меньшую нагрузку, чем это ранее казалось исследователям, мы смогли убедиться в том, что общий сводный, «старый чертеж» Московского государства был *положен в основу карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг.* Дело в том, что в вводной части КБЧ [10, 49—50] имеется описание, явно относящееся к сводному общему чертежу «старого

чертежа» Московского государства (в списке КБЧ № 1330 оно дано не в общей вводной части КБЧ, а только в середине текста КБЧ [л. 168—171] в вводной части описания чертежа Московского государства) [см. также 10, 50].

Из этого текста мы узнаем, что северные пределы чертежей одни и те же: на западе — р. Тенуя (Тено-Йоки), на востоке — район устья Енисея. Это совпадение никак нельзя считать случайным. Восточная граница также совпадает. Много общего и на юге. Но, конечно, Гессель Герритс и его помощники кое-что исправили в русской карте. Так, очевидно, что северное побережье России ими было уточнено по картам голландских морских экспедиций 90-х годов XVI в. Сухона и Северная Двина даны более подробно на основании, с одной стороны, каких-то русских путевых чертежей этих рек (на самой карте указывается, что изображение этих рек дополнено «ex tabulis», т. е. по каким-то путевым чертежам), с другой — личного опыта лица, доставившего русский чертеж в Голландию, а им был скорее всего Исаак Масса, которому при возвращении из Москвы в Голландию, действительно, пришлось плыть по Сухоне и Северной Двине к Архангельску. Вся западная часть карты России Гесселя Герритса, очевидно, была дополнена по карте Меркатора 1595 г. и некоторым новым картам Польско-Литовского государства.

Все это, вместе взятое, и позволяет нам уверенно сделать вывод, что в основе карты России Гесселя Герритса, безусловно, лежал полусхематический общий «старый чертеж» Московского государства (он же — общий «чертеж Федора Борисовича»). И не случайно Николай Витсен в 60-х годах XVII в. после посещения Москвы стал называть карту Гесселя Герритса «oude kaert», т. е. «старым чертежом» [48, 335].

Правильность этого вывода неожиданно подтверждается и анализом плана Москвы, напечатанного в верхнем левом углу карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг. и тоже сделанного будто бы по «автографу Федора Борисовича».

Исследователи уже давно установили, что этот план Москвы был создан в 1597—1598 гг. [9, 15—16; 32, 66—77]. Но до сих пор не было известно, для какой цели он был составлен. Новая интерпретация текста КБЧ позволяет с полным основанием утверждать, что он был создан специально для «старого чертежа» Московского государства. В самом деле, в тексте списка КБЧ № 1330 имеется фраза: «А в чертеже написан в начале царствующий град Москва на реке Москве» [10, 55]. Это дает основание считать, что подобно тому как в чертежных книгах С. У. Ремезова вначале давалось изображение столицы («стольного града») Сибири — Тобольска, точно так же и чертежная книга «старого чертежа» Московского государства начиналась с плана «стольного града» — Москвы. Об этом в какой-то мере говорит и традиция западно-европейской картографии. Как раз в XVI в. в некоторых атласах Западной Европы тоже давались планы некоторых европейских государств.

Таким образом, неожиданно выяснилось, что многие исследователи совершенно напрасно сетовали на то, что «старый чертеж» Московского государства и аналогичный чертеж 1627 г. будто бы погибли, не оставив после себя никакого следа. Новые изыскания ясно показывают, что в изученных нами голландских чертежах очень многое заимствовано прямо из чертежей, входивших в общий комплекс чертежей так называемого «старого чертежа» Московского государства. Теперь уже вполне очевидно, что в основе голландской карты России Гесселя Герритса 1613—1614 гг. был положен схематический сводный общий «старый чертеж» Московского государства. В основе западной части чертежа русского Севера Исаака Массы 1612 г. лежал путевой чертеж рус-

ского Поморья от устья Онеги на запад, входивший также в «старый чертеж» Московского государства. В основу чертежа Москвы (он же — «Петров чертеж») также был положен чертеж Москвы, включенный в первую часть «старого чертежа» Московского государства.

Новое толкование позволило впервые дать ответ и на вопрос, который ранее вызывал полное недоумение: почему описание двух чертежей в объединенном виде получило название «Книга Большому чертежу» (*одному чертежу!*). Теперь все встает на свое место. Собранные в одной книге общий чертеж Московского государства, чертеж Москвы, серии путевых чертежей так называемого «чертежа поля» и остальной части России в объединенном виде, естественно, должны были получить общее название *одного* чертежа. Тот факт, что в списке КБЧ № 1330, наиболее близком к протографу, встречается [10, 55] после вводной части второй подзаголовок «Книга Большому чертежу, что зделан чертеж Московского государству по все окрестные государства 136-го году» (в первом заголовке стоит «135 г.»), дает основание предполагать, что именно отсюда в списке № 1330 началось описание самой чертежной книги и, видимо, оно повторяло ее название. И это вполне возможно, ведь теперь благодаря недавно найденным документам стало известно, что основные работы по копированию «старого чертежа» А. И. Мезенцов провел еще в «135 г.» т. е. до 1 сентября 1627 г., а уж чертежную книгу он делал в «октябре 136 г.» [37, 189—190]. Эти даты полностью совпадают с тем, что сообщается в списке КБЧ № 1330.

Новое толкование разрешает еще одно недоумение. Прежние исследователи КБЧ не делали попытки установить, в каком именно помещении хранились чертежи, описанные в ней. Между тем частично этот вопрос решается довольно просто. На опубликованном в Голландии «чертеже Кремлена города» [43], который делался в 1597—1598 гг. и также вошел в чертежную книгу «старого чертежа» Московского государства, имеется изображение небольшого двухэтажного П-образного здания, в котором тогда размещались Посольский и Разрядный приказы. По данным историка Москвы И. М. Забелина, Разрядный приказ занимал в этом здании всего 12 сажен нижнего этажа [7, 236]. Глядя на маленькие окна этого здания, стало понятным, почему работавшие в этом приказе подьячие жаловались на тесноту и на темноту. Но сразу же возник другой вопрос: если «старый чертеж» Московского государства был подробнейшим настенным чертежом, то как же в этом полутемном, тесном помещении можно было им практически пользоваться? Ведь надписи на нем должны были быть мелкими, трудночитаемыми. Новое решение проблемы внесло в этот вопрос полную ясность: конечно, здесь существовал лишь схематический общий настенный чертеж Московского государства, а все подробности уже рассматривались в помещении Разряда по чертежной книге, которой можно было пользоваться даже при свете свечи или лучины. Да и делать их было легче из-за того, что в России малоформатная бумага была неизмеримо дешевле и доступнее, чем крупные листы, которые стали широко употребляться на Руси лишь в Петровскую эпоху. Именно в свете этих данных и стало впервые понятным истинное значение сообщения КБЧ о том, что по «ветхому старому чертежу» Московского государства «впредь» уже «урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился» [40, 49]. Конечно, здесь не случайно говорилось именно об «урочищах», ибо современникам КБЧ хорошо было известно, что они изображались всегда на специальных подробных «чертежах с урочищи», которые часто собирались в чертежных книгах. Видимо, от частого использования листы такой чертежной книги могли «избиться», а сама книга в результате износа скрепляющей ее бечевы могла легко «розвалиться». Теперь стано-

вится вполне понятным и то, что казалось странным Е. К. Огородникову: почему многое в КБЧ давалось «по маршрутным линиям» и почему некоторые города и монастыри, находившиеся вне этих «маршрутных линий», оказались не отраженными в КБЧ [13, 128]. Очевидно, что все эти подробности отмечались в специальных подробных путевых чертежах — «чертежах с урочищи». Но эти чертежи отнюдь не охватывали всю территорию России. Многие оставались за их пределами. А сводные чертежи отражали только самое главное, и потому на них отсутствовали некоторые малые русские города или монастыри. Поэтому, очевидно, сводные общие чертежи Московского государства и чертежи «полю» безусловно должны были иметь неизмеримо меньшую нагрузку, чем это до недавнего времени казалось исследователям.

Таким образом, многое встало на свое место, стало соответствовать и текстологическому анализу КБЧ, и тексту недавно найденных документов о ней, разрешены главные недоумения, давно уже мучившие вдумчивых исследователей.

Но, естественно, возникает вопрос: почему же столь простое решение проблемы структуры чертежей, описанных в КБЧ, стало возможным только в наши дни?

Объясняется это комплексом причин.

Прежде всего исследователи раньше вообще не знали о существовании своеобразной системы составления чертежей, когда все подробности давались в дополнительной чертежной книге на так называемых «чертежах с урочищи». Открыть эту систему удалось только в результате внимательного изучения так называемой «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова, которая впервые была опубликована в 1958 г. Но зато исследователи XVII—XIX вв. хорошо помнили о существовании в Петровскую эпоху больших настенных чертежей. Поэтому многим казалось вполне естественным, что такие большие чертежи могли появиться на Руси еще задолго до Петра I. Вера в это ослепляла многих исследователей. Они не допускали, что на самом деле большие настенные чертежи смогли появиться в России в конце XVII в., после того как в русских городах стали строиться светлые присутственные помещения и возросла нагрузка общих чертежей. Но характерно: и в этот период при Петре I нагрузка общих чертежей так и не смогла достичь уровня насыщения большинства старинных путевых чертежей. Поэтому нагрузка в КБЧ, приходящаяся на линию того или иного маршрута, была бесспорно значительно выше, чем на общих чертежах Петровской эпохи.

Многих исследователей гипнотизировало и само слово «чертеж». Читая сообщения о том или ином «чертеже», они в этом названии видели непременно *однолистный* чертеж. И это мешало им в определенных случаях правильно понимать сообщения источников. Дело в том, что под «чертежом» в древней Руси могли подразумеваться и *однолистная* карта, и *многолистная*, и, наконец, даже *целый комплекс* чертежей — *чертежная книга* (атлас).

Дезориентировала многих и запись в росписи чертежей, хранившихся в Разрядном приказе в 1668 г.: «Чертеж большой, наклеен на полотно, прибит на скалу, а на нем подпись: чертеж польским городом и полю, а другая подпись в нем: зделан в Розряде в 135-м году» [14, 3, 15].

Вне всякого сомнения, здесь речь шла об *общем настенном* чертеже 1627 г., прибитом на бересту («скальце»). Но не следует забывать, что в таких перечнях обычно не указывались «прилоги» к чертежам. Вспомним известия о так называемом *настенном «чертеже части Сибири»* С. У. Ремезова 1697 г. и в знаменитой «Чертежной книге Сибири 1701 г.» С. У. Ремезова. Этот чертеж воспроизводился без вся-

кого указания на то, что к нему еще прилагалась особая чертежная книга, т. е. чертежная книга 1697 г. Об этом мы узнали только при внимательном изучении «Хорографической книги» С. У. Ремезова. Поэтому ясно, что в разрядной росписи 1668 г. просто не упоминались остальные «прилоги» к этому чертежу, в том числе и относившаяся к комплексу чертежей сама роспись чертежа — КБЧ. Вместе с тем в росписи 1668 г. особо оговаривалось, что у этого чертежа была и вторая надпись: «чертеж польским городом и полю». Раньше исследователи не могли логично объяснить, почему же такое странное пояснение могло появиться в росписи чертежей. Теперь при новом объяснении все встает на свои места: в чертежную книгу «Большого чертежа» действительно был включен в его первую часть так называемый «чертеж полю» со всеми входящими в него чертежами и росписями — «статьями».

Некоторые положения настоящей статьи были уже ранее (в 1966—1972 гг.) изложены в печати [20; 25; 29; 46]. Эти предварительные статьи были сочувственно встречены несколькими исследователями.

Еще в 1968 г. Е. В. Ястребов (московский историк картографии, автор нескольких статей о КБЧ) первым в печати отметил, что новая концепция о структуре чертежей, описанных в КБЧ, «заслуживает внимания» [40, 121]. 2 апреля 1971 г. на заседании отделения математической картографии Географического общества СССР новые взгляды были энергично поддержаны знатоком истории русской картографии Т. Н. Мельниковой. В том же, 1971 г. известный московский специалист в области картографии и топонимики Е. М. Поспелов писал: «Заслуживает самого серьезного внимания и точка зрения Б. П. Полевого (1967), который считал, что в книге описана серия типичных для XVII в. маршрутных „чертежей с урочищи“» [31, 103]. Но особенно ценной для меня была помощь большого знатока проблем КБЧ д-ра истор. наук К. Н. Сербиной, благодаря трудам которой смогло появиться лучшее, пятое издание КБЧ. Без этого капитального издания проведение наших исследований по этой книге было бы практически невозможным. К. Н. Сербина указала мне на ряд дополнительных данных, говоривших в пользу новых взглядов.

В 1971 г. на новое решение проблемы Большого чертежа обратил внимание также и член-корр. АН СССР А. В. Ефимов [6, 141]. В 1974 г. эти же новые положения поддержал и историк картографии В. Г. Чуркин. Он нашел их «интересными» и добавил, что основное новое в них «соответствует отмеченной нами ранее общей закономерности — первые атласы составляются для больших территорий, размеры которых не позволяют изобразить их с должной подробностью на одном листе удобного для пользования формата» [39, 19]. В том же, 1974 г. основную мысль новой идеи отметил в обзоре новейших работ по истории картографии и видный советский специалист в области картографии д-р техн. наук К. А. Салищев [33, 226].

Естественно, всякое новое решение проблемы, несовместимое с прежними представлениями, входит в науку далеко не сразу. Обычно делаются попытки опровергнуть новое. И на этот раз исключения не было: авторы двух диссертаций, многие положения которых оказались в свете новых данных несостоятельными, пытались оспаривать наши взгляды. Но вряд ли стоит полемизировать с теми, кто вместо вдумчивого разбора аргументов просто упрямо отрицает очевидные факты и притом порою прибегает к методам, совершенно недопустимым в науке. Между тем честная полемика по всем поднятым нами вопросам, безусловно, могла быть весьма полезной для всех серьезных исследователей.

В настоящей короткой статье были изложены лишь наиболее важные положения, позволившие решить главное в проблеме Большого чертежа. Эти новые данные ясно показали, что старинные русские чертежи, положенные в основу известных нам переработанных русских чертежей — карты Гесселя Герритса 1613—1614 гг., западной части карты русского Севера Исаака Массы, чертежа Москвы и чертежа «Кремлена города», — были составными частями одного русского рукописного атласа 1598—1600 гг., который впоследствии стал называться «старым чертежом» Московского государства. В 1627 г. именно по нему был воссоздан в виде нового атласа так называемый «новый чертеж» Московского государства. Поэтому теперь уже вполне очевидно, что многие исследователи серьезно заблуждались: «Книга Большому чертежу» отнюдь не отражала содержания какого-то одного чертежа-гиганта — «Большого чертежа». И «старый чертеж» и «новый чертеж» Московского государства, как и «чертеж полю», — это целый комплекс различных чертежей, главным образом путевых чертежей шляхов и отдельных рек. Их же сводные чертежи по своему размеру были сравнительно небольшими.

Таким образом, наши изыскания по истории сибирской картографии XVII в. привели к несколько неожиданному решению проблемы «Большого чертежа» — проблемы, которая так долго волновала многих членов нашего отечественного Географического общества.

Вместе с тем именно решение проблемы Большого чертежа позволило нам убедиться в том, что на сибирскую картографию XVII в., безусловно, весьма большое влияние оказала система составления чертежей, принятая в Москве еще в XVI в.

В дальнейшей разработке всех этих вопросов нам, советским исследователям, могут оказать существенную помощь голландские исследователи, которых заинтересовал вопрос происхождения некоторых голландских карт территории России XVII в. Нам приятно отметить, что этими проблемами уже стали заниматься современные голландские исследователи Пит де Бюк (карта России Гесселя Герритса и др.) и ведущий голландский историк картографии Корнелис Куман (чертежи Москвы и «Кремлена города»). Несомненно, совместными усилиями нам еще удастся существенно уточнить историю получения в Голландии русских чертежей, входивших в состав «старого чертежа» Московского государства.

В заключение важно отметить, что подробные исследования частных вопросов проблемы продолжают и в наши дни. И эти исследования еще раз убеждают нас в правильности основных положений, изложенных в настоящей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М.—Л., 1960.
2. Арсеньев Ю. В. Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария, — «Известия Оренбургского отделения РГО», 1896, вып. 9.
3. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв., М., 1964.
4. Двадцатипятилетие имп. Русского географического общества. 13 января 1871 года, СПб., 1872.
5. Дополнения к Актам историческим, изданным Археографической комиссией, т. 2, СПб., 1846; т. 4, СПб., 1851.
6. Ефимов А. В. Из истории великих географических открытий, М., 1971.
7. Забелин И. Е. История города Москвы, ч. 1, М., 1902.

8. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Сибирь в составе феодальной России, Л., 1968.
9. Клепиков С. А. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX веков. Под редакцией академика М. Н. Тихомирова, М., 1956.
10. Книга Большому чертежу. Подготовка и редакция К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.
11. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века, СПб., 1888, приложение IV.
12. Оглоблин Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова,— «Библиограф», 1891, вып. 6.
13. Огородников Е. К. Побережье Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа, СПб., 1875.
14. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 6, М., 1869, отд. II.
15. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Составлен Н. С. Орловой под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, М., 1951.
16. Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева (публикации Т. Д. Лавренцовой),— сб. «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.», Л., 1964.
17. Полевой Б. П. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1969, № 1.
18. Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1966, № 4.
19. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.),— «Изв. ВГО», 1958, № 6.
20. Полевой Б. П. К проблеме восстановления чертежа Оби 1598 г. О маршрутных чертежах, описанных в «Книге Большому чертежу»,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», 1966, вып. 13.
21. Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.),— «Изв. ВГО», 1960, № 1.
22. Полевой Б. П. К трехсотлетию «Годуновского» чертежа Сибири,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», 1968, № 17.
23. Полевой Б. П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнокартографии),— «Советская этнография», 1973, № 4.
24. Полевой Б. П. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.),— «Вопросы истории Сибири. Досоветский период», Новосибирск, 1973.
25. Полевой Б. П. Новое о «Большом чертеже»,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1967, № 6.
26. Полевой Б. П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре»,— Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома, Л., 1972.
27. Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витсена,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1973, № 2.
28. Полевой Б. П. О подлиннике «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1701 г. Опровержение версии о «румянцевской копии»,— «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», Иркутск, 1964, вып. 7.
29. Полевой Б. П. О структуре чертежей, описанных в «Книге Большому чертежу»,— Краткие тезисы докладов к годичной конференции Ленинградского отделения Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники (декабрь 1972 г.), Л., 1972.
30. Полевой Б. П. Существовала ли вторая «Хорографическая книга» С. У. Ремезова? — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», сер. общественных наук, 1969, № 1, вып. 1.
31. Поспелов Е. М. Топонимика и картография, М., 1971.
32. Румянцев В. Е. Вид Московского Кремля в самом начале XVII века.— Древности,— «Труды имп. Московского археологического общества», т. II, вып. 1, М., 1886.
33. Салищев К. А. История картографии,— сб. «Итоги науки и техники. Картография», т. 6, М., 1974.
34. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век, вып. 1, Улан-Удэ, 1960.
35. [Спафарий Н. Г.] Путешествие через Сибирь до Нерчинска и границ Китая,— «Зап. ИРГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882.
36. Старостин И. И. О рукописи «Книги Большому чертежу» № 1330 из собрания Ундольского,— «Вопросы географии», вып. 17, М., 1950.
37. Ураносов А. А. К истории составления «Книги Большому чертежу»,— «Вопр. истории естеств. и тех.», 1957, № 4.
38. «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году»,— изд. Археогр. комиссии, СПб., 1882.
39. Чуркин В. Г. Атласная картография, Л., 1974.
40. Ястребов Е. В. О времени составления одного из ранних чертежей Русского государства,— «Изв. АН СССР», сер. геогр., 1969, № 3.
41. Vagrow L. S. Sparwenfeld's map of Siberia,— «Imago Mundi», 1947, vol. IV.

42. Baer K. E. Die alte Reichskarte, Большой чертеж — Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der Angrenzen den Länder Asiens, Bd 16, Petersburg, 1872.
43. [Blau J.] La Géographie Blavianaë, vol. 2, Amsterdam, 1663.
44. Massa I. Descriptive regionum Siberiæ, Samojediar, Tingoësiar et itererum ut Moschis, Orientem et Aquilonem versus eo ducentium ut a Moschis hodie Frequentantur, Amsterdam, 1612.
45. Polevoi B. P. Commemorating the three hundredth Anniversary of the «Godunov map» of Siberia.— The Canadian Cartographer, vol. 8, № 1, June 1971.
46. Polevoi B. P. Major Russian Maps of the 16th—17th cc. in the light of recent researches.— V-th International conference on the History of Cartography, 13—17 September, 1973, Warsaw, Jadwisin.
47. Remezov S. U. Atlas of Siberia, facsim. ed., with an introduction by L. Bagrow (Imago Mundi, Suppl. I), 's-Gravenhage, 1968.
48. Witsen N. Moscovische reyse 1664—1665. Journaal en Aentekeningen. Uitgegeven door Th. J. G. Locher en P. de Buck, Deel III, 's-Gravenhage, 1967.
49. Witsen N. Noord en oost Tartarye, Amsterdam, 1692, 1705, 1785.

Архивные материалы

50. Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 21, оп. 4, кн. 30.
51. ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), ф. 62, кн. 3.
52. ЦГАДА, ф. 214, стлб. 867.

Л. А. Гольденберг

**СТАТЬЯ С. У. РЕМЕЗОВА
«О КАЛМЫКАХ КАК ВЕСЬМА ИЗВЕСТНОМ
В СИБИРИ НАРОДЕ»**

Во второй половине XVIII в. тобольским историком И. Л. Черепановым был составлен летописный свод сибирской истории, известный в научной литературе как Черепановская летопись [1, 308—323; 8, 254—261]. Ученый ямщик, используя для своей «Летописи Сибирской» разнообразные источники, обращался и к сочинениям выдающегося сибирского ученого Семена Ульяновича Ремезова, и особенно охотно к его «Истории Сибирской» [6; 10]. Кроме того, Черепанов часто не только ссылается на «Второе Ремезово описание», но приводит пространные выписки и цитаты из этнографо-географического произведения С. У. Ремезова «Описания о сибирских народах и граней их земель». Анализируя последнюю работу С. У. Ремезова, крупный знаток исторических источников Сибири XVII—XVIII вв. А. И. Андреев наметил пути реконструкции несохранившегося в целом труда тобольского картографа, географа и этнографа [2, 186—189]. Вслед за А. И. Андреевым нам удалось установить содержание большей части статей «Описания о сибирских народах» [3, 120—127].

Публикуемые ниже фрагменты статьи С. У. Ремезова о западных монголах (калмыках) внесены Черепановым в летопись под 1604 г., т. е. с того времени, когда этот народ впервые упоминается в его повествовании. Сведения, полученные Ремезовым о Джунгарии и калмыках, можно датировать также вполне определенно. Известно, что в течение XVII в. оживленные посольские и торговые связи России и Джунгарии принесли множество новых исторических, географических и этнографических данных о народах и племенах Южной Сибири и пограничной с ней территории [11, 260—265]. Несомненно, что С. У. Ремезов был хорошо знаком с этими материалами, так же как и с преданиями своей семьи, касавшимися Джунгарии. Его дед Моисей (Меньшой) Лукьянович возглавлял в 1640—1641 гг. русское посольство к джунгарскому хунтайджи Эрдэни Батуру, а его отец Ульян Моисеевич в 1660 г. ездил к Аблаю-тайше. Черепанов совершенно уверенно относит составление «Описания о сибирских народах и граней их земель» к 1698 г., а об интересующей нас части сообщает, что в ее основу положены различные повествования о Чингисхане и Александре Македонском. «О начале нижних калмык он (Ремезов.— Л. Г.) известие получил по отправленному в 206 году посольству, якобы по их историям калмыцким объявляется, что начало приняли они от Александра царя Македонского, когда были они в службе его для походу во вселенной и попленили Индией восточной большей, пасли коней Александровых полков... [14, л. 36 об.]. На основании этих слов Черепанова можно

считать, что запись о калмыках действительно сделана Ремезовым в 1706 г. (1697/98 г.) в период энергичного осуществления планов историко-географического и этнографического изучения Сибири, сборе разнообразных материалов, их систематизации, творческого освоения и обобщения. Именно в это же время им создавался первый географический атлас Сибири — «Хорографическая чертежная книга», предназначенная для Петра I [15]. В легенде к чертежу «Степь написана с урочищи» (или в авторском оглавлении: «Степь Калмыцкая с урочищи и с жильями калмытскими») Ремезов указал: «А написана степь по скаске посла калмыка Шарыша, толмачил Петрушка Григорьев» [15, л. 100].

Статья С. У. Ремезова состоит из нескольких частей. Вначале он приводит сведения о «свойстве и вере... калмыцких родов», затем переходит к описанию занятий хлебопашеством и скотоводством. Центральное место занимает запись тех повестей «калмыцких древностей», которые затрагивают вопросы этногенеза. В заключение описывает границы «земель».

Ойратские племена дербет (дурбэт), торгут (торгоут), хозут, чорос (чорос), принадлежащие по языку к западномонгольской ветви алтайской семьи языков, по религии — к буддистам-ламаистам, входили в состав военно-феодальной империи чингизидов, создав затем в Джунгарии самостоятельное ханство. К началу XVII в. они составляли объединение «Четыре ойрата» («Дербен-ойрат»), кочевавшее в районах верхнего течения Иртыша. Часть племен в 30-х годах XVII в. перекочевала в низовья Волги (предки современных калмыков). Сведения старинных калмыцких преданий Ремезов стремится привязать к знакомой ему этнографической номенклатуре XVII в. и к географическому размещению племен и народностей. В заключение рассказа о приключениях четырех братьев зайсанов (дворян), ставших родоначальниками «многих поколений», Ремезов перечисляет народности «калмыцких родов», указывает на современных ему джунгарских владельцев и калмыцких тайшей (князей) — хана Аюка, Бошокту-хана, Тархан-тайша, на места кочевий их подданных. Подобного рода этнографические и географические сведения, собранные Ремезовым, нашли почти полностью отражение на картах его чертежных книг (атласов) Сибири. Так, на чертеже р. Иртыша обозначены кочи тайшей Тархана, Аблая, Лаба-Уцюртина, Сенги¹. На многих картах чертежной и служебной книг Ремезова показаны владения и места кочевий его современника джунгарского хунтайджи Галдана Кегеня (Гегена), получившего от далай-ламы титул «благословенного» — Бошокту (Бошухту)-хана (1671—1697) [12, лл. 20, 21; 13, лл. 51об.—52]. Упомянутые в статье народности только частично согласуются с данными известной этнографической карты С. У. Ремезова, что косвенно подтверждает предположение о составлении карты в начале 70-х годов XVII в. [12, л. 23]. В 1700—1701 гг. эта карта была лишь переложена на новую географическую основу (1698 г.), но без изменения специальных этнографических показателей, которые к концу XVII в. устарели². На ней обозначены: земля Тангутская «многих калмыцких поименно тайш издавна на сих урочищах торгоута, кошеута, зонгора, дюрбета по них и доднесь со многими роды», земли Каракалпацкая, Аюкинская, Кучюмовская, Урлюковская, Нагайская, Саянская, мунгал белых, черных и желтых, Кутумская. Более точные совпадения можно проследить на картах, составленных в 1697—1698 гг., хотя и здесь некоторые известия архаичны

¹ Конечно, некоторые из этих имен для чертежа 1697 г. устарели: например, Сенга-тайша, как известно, погиб в 1671 г. и т. п. [15, л. 98].

² Об архаизмах этнографического чертежа [9, 315—319; 16, 137—142].

и относятся к середине XVII в. В числе последних, например, запись об хунтайджи Эрдэни (1635—1654) на «Чертеже земли Тарского города»: «От Иртыша путь належит степью к калмыцкому Ердени-контайше, а ходу до него летом на лошадях и на велбудах в шесть недель и больше. А осенним и зимним путем от него, контайши, до Тарского города ходу двенадцать недель. А водяного пути от реки Иртыша к нему нет» [12, л. 3]. На этом же чертеже вблизи озера Чаны надпись: «А на сих реках кочуют калмыки кокон, а летом над рекою Карасун и на Чане озере на островах». Кроме аналогичной надписи («а около Чаны кочует кокон») на «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи» отмечены «кочевья калмыцкие», «стель земля калмыков», «на вершине Оби и Катуня кочевья калмык», «Аблаевы юрты», «живут мугалы», кочи Тархан-тайши, «дорога Большая Калмыцкая от Аюки», а также места расселения алтырцев и юргенцов [12, л. 20]. Земли Калмыцка и Дюрбетска, каракалпаки и кочевья Аюкины показаны на «Чертеже земли Тобольского города», а на карте земель Иркутска «около Косогула и по рекам — жилья мугальских людей» [12, лл. 2, 18]. Наконец, на обзорном «Чертеже всех сибирских градов и земель» обозначены: карагайцы, каракалпаки, желтые мугалы, Мугальская земля, нагаи, алтырцы, амудуны, кочевья калмыцкие [12, л. 21]. Только четыре «рода» (из 21), упомянутых в статье (по Черепановской летописи), нам не удалось отыскать на картах ремезовских атласов. Это — данжины, етисанцы, оленцы, чюранцы. Можно предположить, что в этом случае И. Л. Черепановым или позднейшими переписчиками были допущены транскрипционные описки или ошибки. В опубликованной нами недавно ремезовской классификации сибирских народностей к «степным» отнесены: «калмыки 4 рода, тайши надо всеми Лаба, торгоут, кошеут, зонгор, дюрбет, саян, тангут»³.

Статья С. У. Ремезова в передаче И. Л. Черепанова публикуется впервые.

* * *

«О калмыках, как весьма известном в Сибири народе, при сем от них посольстве от второва Ремезова описания здесь положить рассудилось.

Калмыки, которые прежде уйрята назывались, они во время Чингисхана, где и киргизы, также близ Амура кочевали, тогда имели они у себя хана Тохабегу, которой с обоими своими сыновьями и налци и тауранцы (так в тексте.— Л. Г.) долго Чингисхану противились, но понеже они от Чингиса побеждены были, тогда они, калмыки, в то время были под властью мунгальскою, потом они разделились на три главных поколения, которые по-калмыцки называются элет, тергет и хошот. И после взятия Сибири несколько времени те отродки около рек Иртыша, Ишима и Тобола жили.

По описанию Ремезову о их свойстве и вере всех тех калмыцких родов показано, что закон у всех у них от Индей тангутской. Грамоту и слог письмен по своему свойству имеют. Богослужение их подобно языческому: в кумирнях ставят идолов в одеянии, подобном еврейскому, и изображают ими свои главные добродетели. Так же в подобие христианских церквей при кумирнях своих имеют колокола для звону и разделение при них приходов, а от языческого закону тем только разнятся, что исповедуют бога небесного в троице, монахов мужескаго и женскаго полу имеют; посты содержат и к женам воздержание похваляют.

³ При неточном прочтении малоразборчивого оригинала слово «зонгор» ранее было передано нами как «гонтар» и ошибочно отождествлено с созвучными последнему: «гондыри» и «гондири» [3, 168, 231].

А по закону своему более жен двух не содержат. И по чтению писания своего охотны; мертвых своих не хоронят, но сожигают их огнем. В братстве и в дружестве приятны, в соседстве постоянны, а против неприятеля своего воюют на конях, а бесконному сражению так необыкновенны, что совсем его не знают. Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, копья и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни. В сражении с первого напуску весьма жестоки, а ежели так сперва не удастся одержать победу, тогда уж будут весьма уступчивы и к сражению не ревнительны...»⁴.

Об их хлебопашестве в той же статье Ремезова описано, что «хлеб сеют при реках и речках на покатных местах и в наволоках. И за реткобывающими дождями для жаркого там климату те речки несколько запруживают и тем воду зводят; во время же сухости по пахотным местам по нарочно копаным малым и частым канальцам ту воду ис прудов пускают и тем свои пашни как полевом волгостны устроят. Жито у них родится всего больше яровое, а озимей не бывает; по большей части ячмень, проса, полба, пшеница, овес, горох и конопля. А из овощей: ретка, репа, морковь, огурцы, дыни, арбузы и бобы. Домовой их скот, в котором состоит их главное богатство, а именно кони, верблюды, коровы, бараны, козлы, также их степи содержат несколько диких и лесных зверей, то есть козы, сайги, маралы и кабаны, также хотя и плохих, но несколько находится лисиц, куниц, бобров, выдр, горносталей, корсоков и тарбаганов, змей, ядовитых в камени, черепах, ползушек разных родов и ядовитых червей, также и пиявиц весьма довольно, как от птиц, так и от рыб того весьма мало.

Их калмыцкие древности повествуют происшествие их предков и разделение их на разные поколения так, что когда Александр Великий царь Македонский завоевал на востоке большую Индию и у того индийского хана были в зайсанах четыре родные брата. Первого звали Цонгор, другого Торгоут, третьего Кошеут, а четвертого Дюрбет. И по счастью, сим зайсанам случилось быть в службе у Александра Великого, которых он, великий Александр, определил их в свои конские табуны надзирателями. И по некоторому времени они, зайсаны, согласясь между собою и подговоря своих служащих, со всеми конскими табунами от Александра убежали, а армию его оставили всю пешу, но как страх их плутовства гонил, то они большим поспешением в дальние степи бежали, даже до вершин реки Иртыша, остановясь у озера, чрез которое Иртыш течение свое имеет, они назвали его Саин-нор, то есть хорошее озеро. В тех местах кочевать и стали, потому что те места были порозжие и людьми ненаселенныя. Потом как расплодился их роды, то уже распространились по всей той степи до Алтая камене до Ишима и Еика рек. Расположение их земли от Сибири в самом полудни, под жарким и сухим климатом, по большей части сухих безводных и пещаных мест там находится немало.

Потомки тех калмыцких зайсанов четырех братьев в последующие времена так расплодился, что четыре славные роды так сильно умножились, что оне сильное государство Зенгорское составили, а от тех многие поколения от различных тайшей произошли.

От первого тайши Цонгара роды: цонгарцы, саянцы, каракалпаки, кучумовы, кутумы, амудуны, карагайцы, алтырцы и белые мунгалы трех родов, облаевы, данжины. Изо всех тех родов произошел потом главным владельцем Бушухту-хан и кочевал со своими подданными по Мунгальской линии.

⁴ Далее И. Л. Черепанов поместил заметку о пленении шведа Рената и оружейного мастера сибиряка Зеленовского [7, 105—136].

От другаго брата, тайши Торгоута, произошли роды торгуты, етисанцы, нагайцы, урлюковы, кучумцы. У сих поколений потом главной владелец произошел Аюка и имел свое жилище по рекам Еику и Тоболу по линии Российской.

От третьего брата, тайши Кошеута, произошли поколенья их или роды кошеуты, юргенцы, коконцы, оленцы. У них потом произошел владелец контайша и кочевал со своими подданными на вершинах рек Оби, Иртыша и Ишима по линии Сибирской.

От четвертого брата, тайши Дюрбета, произошли роды дюрбетцы, чюранцы. И большая часть сих родов осталась жить в ведомстве у Бушухту-хана и у контайши, а у чюрянцов потом были владельцы Тархан-тайши.

Историк Ремезов Семен, от которого более положено здесь известие о калмыках, описал он и вокруг их земли все границы, а именно:

С вершины реки Гангеса, идучи к западу с полуденной стороны, межевая грань с Индейскою землею с юргенцами и ташкецами, с Бухариею по Гюртинское⁵ море. И оттуда поворот к северу; смежны с западной стороны с народами с Казачьею Ордою по Талаш и по Чуйскую рекам и чрез камень Улутау (в тексте «Улутай». — Л. Г.) и чрез реку Кынырбау по реке Кындырлику чрез большой камень по озеру Аксакалсан в межах с народами аксакалским, копчагайским и с нагайским. От запада на восток по северной их линии вершины рек Еика, Тобола в межах с башкырцами. И вниз по Тоболу до речки Утяку с чюдским народом, и с Утяку прямая линия чрез реку Ишим на Нижней бурлук и вверх по Бурлуку чрез Лебежье озеро, и чрез вершины реки Оши на Камышловку-реку, и вниз по Камышловке в межах с Туралинскою, Саргацкою и с Ялынской землями, и оттуда чрез реку Иртыш степью на вершины реки Сартлана в межах с барабинскими татарами. И с вершины Сартлана на Катуню-реку по Туралинскому болоту; и вверх по реке Катуни в межах с Алтырскою землею; и вверх по реке Чюю чрез камень на озеро Косогуль с народом мунгальским, и оттуду на помянутую реку Гангес ея вершины. С восточной стороны им в межах государство китайское».

ЦГАДА, ф. 196, № 1542, лл. 123—126 об.—подлинник; Гос. библиотека им. В. И. Ленина, рук. отдел. № 2214, лл. 181 об.—186 —копия.

⁵ Искаженная транскрипция древнего названия Каспийского моря. Правильно следует читать: Гирканское или Гурганское [4, 95; 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. И. Черепановская летопись, — «Исторические записки», т. 13, М., 1942.
2. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век, М., 1960.
3. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — Сибирский картограф и географ (1642—1720), М., 1965.
4. Жило П. В. О названиях Каспийского моря, — «Известия АН Азерб. ССР», серия геол.-геогр. наук, № 4, 1960.
5. Заходер Б. Н. «Маре Нугсапит» в арабской географии IX—X вв., М., 1960.
6. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками, СПб., 1880.
7. Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год, — «Записки Русского географического общества», серия общей географии, т. XI, 1886.
8. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVIII в.), Кемерово, 1963.
9. Потанин Г. Н. Чертежная книга Сибири, — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 227, 1883.

10. Сибирские летописи, СПб., 1907.
11. Слесарчук Г. И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России.— Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961.
12. «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.», СПб., 1882
13. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел. Эрмитажное собрание, № 237.
14. Центральный государственный архив древних актов, фонд 196, № 1542.
15. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile Edition with an Introduction by Leo Bagrow,— «Imago Mundi», Supplement 1, 's-Gravenhage, 1958.
16. B a d d e l e y J. F. Russia, Mongolia, China, vol. 1, London, 1919.

М. Ф. Розен

ВЕРШИНА РЕКИ ОБИ И ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО НА ПЕРВЫХ ЧЕРТЕЖАХ И КАРТАХ СИБИРИ

До сих пор в литературе еще недостаточно полно освещена история создания карты весьма интересного района Сибири — Алтая, в горах которого берет начало одна из крупных сибирских рек — Обь. Поэтому и возникла мысль дать в настоящей статье: во-первых, общий обзор наиболее ранних чертежей и карт, на которых была показана вершина Оби, а во-вторых, проследить на основе этих карт историю возникновения ее раннего, ошибочного, изображения, на исправление которого ушло три столетия.

Видимо, впервые река Обь была изображена на карте Московского государства, составленной Антонием Видом в 1542 г. На ней р. Обь похожа на морской залив, далеко вдающийся в пределы суши [23]. Север на карте Вида находится с левой стороны, и поэтому Обь оказалась в левом верхнем углу. Надо полагать, что Вид располагал сведениями о широкой Обской губе и нарисовал такой же широкой и всю реку до ее вершины. В нижней части карты Вида приводятся некоторые пояснения с датой 1555 г. на латинском языке и более краткое — с датой 1542 г. на русском. Многие надписи на карте сделаны на русском языке.

Несколько иначе, чем Вид, изобразил р. Обь Сигизмунд Герберштейн в 1549 г. на своей карте Московии. О районе нижней Оби, который тогда уже входил в состав России, он мог получить некоторые достоверные данные. О верхнем же течении Оби и, особенно, ее вершине в то время имелись лишь самые туманные представления. Но, видимо, Герберштейн слышал о каком-то озере в вершине Оби и нарисовал Обь, вытекающую из огромного озера, которое назвал *Kithay lacus* — «Китайским озером».

Словам Герберштейна о том, что в вершине р. Оби расположено весьма большое озеро, поверили многие картографы. На карте англичанина А. Дженкинсона (1562) из сибирских рек, как и у Герберштейна, была показана только река Обь с «Китайским озером» в ее вершине. На карте изображено, что в это озеро впадает большая река, берущая начало в пределах Средней Азии. У вершины этой реки имеется надпись «Ташкент». Из этого следует, что под «Китайским озером» Дженкинсон, вероятно, подразумевал Аральское море.

Река Обь, якобы вытекающая из большого «Китайского озера», изображалась западноевропейскими картографами и на других картах Сибири XVI—XVII вв. [3; 7; 8]. М. П. Алексеев [1] отмечает, что с легкой руки Герберштейна название «Китайское озеро» прочно вошло в западноевропейскую литературу и картографию. Оно упоминается в

ряде сочинений и изображается на картах вплоть до начала XVIII в. Любопытно отметить, что мифическое озеро в вершине Оби у Герберштейна связывалось еще и с рассказом о черных людях, ведущих немую торговлю с соседними народами и погружающихся на всю зиму в спячку. Эта легенда не одинока, известно и другое древнее сказание, в котором упоминается о сказочном озере вверху великой Оби и о немой торговле у его берегов, но ни в одной из этих легенд о размерах озера ничего не говорится. Герберштейн в своих «Записках» сообщил, что Обь достигает ширины до 80 верст и, видимо, по его соображениям, такая мощная река должна была вытекать и из огромного озера [14, 69—70].

Район верхней Оби и территория Алтая осваивались русскими значительно медленнее, чем обширные пространства севера и востока Сибири. Этот процесс затянулся здесь до второй половины XVIII в. Первая попытка освоить северную часть Алтая относится к 1633 г. В этом году, а затем в 1642 г. к Телецкому озеру из Кузнецка посылались отряд казаков под предводительством Петра Собанского. И так как, согласно сообщению историка И. Фишера [19, 456—461], в то время о соединении оз. Алтын (Телецкого) с р. Обью русские имели сведения только по слухам, то Собанскому поручалось добыть об этом необходимые данные, что он и выполнил. Таким образом, начиная с 1633 г. район Телецкого озера вошел в сферу влияния России. Попытки же проникнуть в более отдаленные места Горного Алтая не предпринимались довольно продолжительное время.

Первое наиболее четкое изображение вершины Оби появилось на «Общем чертеже Сибири» 1667 г. Река Обь на этом чертеже показана хотя и схематично, но в основном довольно правильно, с двумя вершинами, из которых правая берет начало из озера «Тележского», но размеры Телецкого озера очень преувеличены. Оно изображено самым большим озером Сибири [2]. Следовательно, и у русских картографов того времени существовало мнение, что в вершине р. Оби расположено очень большое озеро.

К чертежу Сибири 1667 г. была также составлена роспись, в пункте 16 которой сообщались кое-какие подробности о вершине Оби, Телецком озере и о народах, кочующих вблизи него. Эта роспись дает достаточно ясное представление о тех сведениях, которые имелись в то время по району вершины Оби. Считаю уместным привести полностью текст упомянутого пункта [4]:

«От Нарыму до Томского города вверх по Обе и по Томе рекам ходу 10 ден. А от Томского до Кузнецкого острогу вверх же по Томе реке ходу 10 ж ден. Да от Томского ж города вниз по Томе реке до Оби и вверх по Обе реке до усть Бии и Катуня рек ходу дошаником 10 недель. И на усть тех обеих рек есть красной яр. А в том де месте угодно быть великого государя городу или острогу, потому что места пашенные и всякого зверя, соболей и лисиц и бобровых речек много, и прибыль великим государем будет не малая¹. А Бия река течет из озера Телесского и вдоль по тому озеру в легком малом судне ездю 5 ден, а поперег день. И около тех мест кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусцы, кайманцы, таутелеуты, яумундуссы, учюги, карагайцы, а

¹ Сведениями об удобном положении участка у устья Бии и Катуня русские располагали значительно ранее. Еще в 1633 г. томскому сыну боярскому Федору Пушину было приказано с 60 казаками идти вверх по Оби на Бию и ставить там острог. Пушин отправился в путь водой, но дошел только до р. Чумыша, где был остановлен отрядом теленгутов и калмыков и после пятидневного сражения принужден был отступить [11, 84].

Острог вблизи слияния рек Бии и Катуня (в будущем г. Бийск) был заложен лишь в 1709 г.

ясаку великим государям не платят. И от усть Бии и Катуня рек степью до Китайского царства ходу 2 месяца, да от том скаж, промеж Контайшины и Мугальские улусы х каменью ход вправо есть, а сколько ходу до камени про то ведомцев нет. А до мунгал от Томска пол-2 месяца, а до Контайшинных улусов 2 месяца. А от Контайшинных улусов до Тангуцкого города 2 месяца».

Б. П. Полевой [12] приводит соображения, что общий чертеж Сибири 1667 г. является лишь обобщающей схемой, а все подробности, по которым была составлена роспись, давались на региональных чертежах, которые, однако, до нашего времени не сохранились. На одном из таких чертежей, к которому относится роспись пункта 16, видимо, была показана вершина Оби.

Другие тексты второй половины XVII в. существенно нового к описанию, данному в росписи чертежа 1667 г., не прибавили.

Из карт, опубликованных на Западе, на которых показана Сибирь, представляют значительный интерес карты Витсена и Идеса.

Николай Витсен посетил Россию в 1664—1665 гг. и собрал материалы для своей карты Азии («Татарии»). Карта была напечатана в Голландии в конце XVII в. Она датирована 1687 г. Примерный масштаб карты 75 верст в дюйме [21, 297]. Река Обь и ее вершина показаны на карте с очень большими искажениями, но на карте имеются и весьма любопытные данные, проливающие свет на мифическое «Китайское озеро». На своей карте Витсен сделал надпись, что это озеро следует считать Телецким. Таким образом, Витсен первый из западноевропейских географов рассеял миф о «Китайском озере»².

М. П. Алексеев [1] указывал, что многие из современных авторов высказывали различные предположения о «Китайском озере» первых картографов. Некоторые также его сопоставляли с Телецким. Сравнительно недавно Д. М. Лебедев [9] писал, что имеется серьезное основание полагать, что под «Китайским озером» могло подразумеваться оз. Нор-Зайсан, из которого вытекает Иртыш, или оз. Убсу-нор.

Вершина Оби, изображенная на карте Витсена, имеет мало общего с действительностью и не похожа на то, что изображено на чертеже Сибири 1667 г. На последнем вершина Оби в схеме показана более правильно, чем у Витсена. На карте Витсена в верхнем участке Оби нарисовано несколько притоков с неизвестными нам названиями. В том числе имеются две реки Катуня, одна впадает в Обь слева, а другая справа. У устья «Katuni», впадающей в Обь с правой стороны (там, где, вероятно, следовало бы ожидать устья Чумыша), имеется надпись «S ouste bu», т. е. «с устья Бии». Из этого совершенно ясно, что у Витсена были какие-то чертежи и материалы с русскими надписями. Вблизи устья Бии на ее правом берегу показан какой-то город или острог «Katounaon». На самом деле на этом месте острог Биякатунский (или Бийской) был построен лишь в 1709 г. Не исключено, что Витсен учел здесь годуновский проект 1667 г. постройки у устья Катуня и Бии (катунского) острога.

Другой западноевропейский картограф, Эвер Избрант Идес на составленной им карте изобразил вершину Оби иначе, чем Витсен³. Это изображение несколько напоминает общий чертеж Сибири 1667 г. Телецкое озеро на карте Идеса имеет очень внушительные размеры, и названо оно почему-то «Kapqisan». К северу от озера показан г. Кузнецк «Kusnesko», расстояние от которого до озера всего лишь в 1,5 раза

² Подлинником карты Витсена мы пользовались в Отделе картографии Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

³ Карта Идеса была опубликована в 1704 г. Ее примерный масштаб 300 верст в дюйме. Карта была воспроизведена В. А. Кордтом [8, карта XXVI].

больше среднего диаметра озера. Идес сам побывал в Сибири в конце XVII в., но в вершине Оби он не был.

Таким образом, вершина р. Оби на первых картах западноевропейских картографов изображалась малоправдоподобно и более путано, чем на чертеже 1667 г. Менее правильно, чем на этом последнем чертеже, вершина Оби показана и на «Общем чертеже Сибири», который А. И. Андреев относит к 1673 г. [3, 41, прил.]. Обь на этом чертеже показана с тремя вершинами, средняя из которых вытекает из оз. Телецкого. Та же ошибка вкралась в текст дневника Николая Спафария, побывавшего в Сибири в 1675 г. Спафарий пишет [13, 69]: «А вершины реки Оби начинаются первая от большого озера Тележского... А другие вершины есть 2: одна Биа, а другая Катуня». (На самом деле из Телецкого озера вытекает р. Биа, которая ниже, после слияния с Катунью, образует Обь.) Сам Спафарий в вершине Оби не был, но он несомненно пользовался упомянутым выше чертежом 1673 г.

На чертеже Сибири, который многие приписывают Спафарию⁴, как и у Витсена и Идеса, Телецкое озеро очень большое, оно лишь в 2 раза меньше, чем на том же чертеже Байкал.

Несколько слов следует сказать и о Телецком озере на чертеже Сибири 1673 г. Хотя этот чертеж выполнен очень грубо, но его достоинство в том, что Телецкое озеро на нем показано уже не самым большим, как на чертеже 1667 г. На «Общем чертеже Сибири» 1684—1685 гг.⁵ оно изображено раза в 2—3 меньше Байкала.

Таким образом, на всех чертежах русских и западноевропейских картографов Телецкое озеро продолжает изображаться значительно больше своего действительного размера. Большим Телецкое озеро изображалось и на чертежах С. У. Ремезова, составленных в последние годы XVII и в начале XVIII в. Даже В. Н. Татищев [17] в своем географическом описании Сибири, составленном в 1736 г., писал, что главное озеро всей Сибири — Байкал, затем следует озеро Чаны и «третье из великих Телесское озеро, ис которого Обь происходит»⁶.

* * *

Следующий этап в развитии сведений о географии Сибири, и в частности района вершины р. Оби, был связан с работами тобольского картографа С. У. Ремезова. По сравнению со всеми предыдущими материалами его чертежи значительно совершеннее и содержат больше различных подробностей. Среди картографических материалов конца XVII — начала XVIII в. они заняли особое место.

Общей характеристике чертежей С. У. Ремезова в литературе уделено достаточное внимание, особенно в книге Л. А. Гольденберга [5]. Поэтому мы перейдем непосредственно к рассмотрению чертежей Ремезова, не касаясь истории их создания. Все даты изготовления чертежей заимствованы из упомянутой книги.

Изображение вершины Оби имеется на следующих чертежах С. У. Ремезова:

⁴ Так называемый чертеж Спафария был опубликован Л. С. Багровым в «Imago Mundi» в 1947 г. В дальнейшем он был перепечатан в ряде русских изданий, но в уменьшенном виде. В том числе чертеж напечатан в упомянутой выше книге А. И. Андреева.

⁵ Этот чертеж Сибири имеется в упомянутой книге А. И. Андреева [2, 56—57].

⁶ Телецкое озеро расположено в горах среди высоких скалистых берегов в сравнительно узкой впадине тектонического происхождения, поэтому сколько-нибудь заметных изменений площади его водной поверхности, связанных с климатическими причинами, происходить не могло.

Истинные размеры озера следующие: длина 73,0 км, ширина от 1,3 до 5 км, средняя ширина 3,2 км. Общая площадь зеркальной поверхности озера 230,8 км².

1. «*Чертеж всех сибирских градов и земель*». Этот чертеж изготовлен на ткани размером 4×3 аршина и в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Чертеж был закончен в Москве в конце 1698 г.

2. «*Чертежная книга Сибири*» (атлас). Книга состоит из 23 чертежей и была подготовлена С. У. Ремезовым к 1701 г. В 1882 г. «Чертежная книга» была опубликована фотолитографическим способом в размере подлинника [20]. Район верхней Оби в этом атласе представлен с наибольшими подробностями на двух чертежах: на «Чертеже Кузнецкого города» (12-й номер по авторскому оглавлению, 14-й лист изданного атласа) и на «Чертеже земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (20-й лист по авторскому оглавлению и 22-й изданного атласа). Этот чертеж был составлен к 3 марта 1697 г. и является первым чертежом Ремезова, отправленным в Москву [2, 102].

Вершина р. Оби на этих двух чертежах показана неодинаково, что говорит о различных источниках, послуживших для ее изображения. Подробнее на этом остановимся несколько ниже.

3. «*Хорографическая чертежная книга*». Этот атлас был составлен С. У. Ремезовым в период 1697—1711 гг. Опубликован он был за границей в 1958 г. Л. С. Багровым [22]. Вершина Оби представлена в атласе на листах 128 и 129 (каждый лист размером 17×23 см), а также на «Чертеже грани Кузнецкого города с уездами» (л. 168). Этот чертеж в основном тот же, что «Чертеж Кузнецкого города» из «Чертежной книги Сибири».

4. «*Служебная чертежная книга*». Книга не опубликована и хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Эрмитажное собрание № 237). Ее составление относится к 1702—1730 гг. Она была окончена сыновьями С. У. Ремезова. Книга содержит 116 листов 20×31 см. В развернутом виде размер чертежей 29×38 см. Район верхней Оби представлен на «Чертеже земли Кузнецкого города» (лл. 81 об.—82), имеющем много общего с чертежом с таким же названием из «Чертежной книги Сибири 1701 г.». Вершина Оби также показана на «Чертеже всех с камней потоки рек имени наличия снискательно бывальцы и уроженцы» (лл. 51 об.—52). Этот последний чертеж близко соответствует листу 22 «Чертежной книги Сибири», названному там «Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи». Это позволяет считать, что основные данные по району верхней Оби для этих чертежей были получены до 1701 г.

Сведения для составления чертежей вершины Оби и ее притоков Ремезов получал из различных, видимо, часто противоречивых источников. Вероятно, это одна из основных причин, заставившая его изображать вершину Оби на различных чертежах несколько по-разному.

Отсутствие ясности в изображении вершины Оби имеет старую историю. На «Общем чертеже Сибири 1667 г.» Обь имеет две вершины (Бия, вытекающая из Телецкого озера, и Катунь). На чертеже, условно отнесенном к 1673 г., появляются три вершины. О трех вершинах Оби, как отмечалось выше, писал в 1675 г. также Н. Спафарий.

На «Чертеже земли Кузнецкого города» из «Чертежной книги Сибири» Ремезов также показал три вершины Оби. На этом чертеже р. Обь (средняя вершина) изображена вытекающей из Телецкого озера, в нее впадает справа р. Бия и несколько ниже слева — р. Катунь. Ремезов, видимо, предполагая возможную ошибку, между устьями Бии и Катунь все же надписал «Отсель Обь», хотя выше до Телецкого озера река тоже названа Обью.

Совершенно четко о том, что р. Бия вытекает из Телецкого озера,

было сказано в росписи к чертежу 1667 г. Неясно, почему Ремезов пре-небрег этим.

О том, что р. Бия вытекает из Телецкого озера, было известно еще со времени походов к озеру Петра Собанского. В 1642 г. Собанский спустился из Телецкого озера вниз по Бии и хорошо представлял, что в р. Бию ниже озера впадает р. Лебедь. Он предлагал заложить острог «у реки Лебеди, которая с восточной стороны впадает в Би, для того, что там земля просторна и съестные припасы легко достать» [19, 456—461]. Но, составляя «Чертеж Кузнецкого города», Ремезов не знал о сообщении Собанского и р. Лебедь на нем показал в качестве одной из вершин Бии.

«Чертеж земли Кузнецкого города» из «Служебной чертежной книги» имеет много общего с только что разобранным чертежом, но это не его копия. Река, вытекающая из Телецкого озера, на данном чертеже правильно названа Бией. Река же на предыдущем чертеже, названная Бией, надписана у устья и в вершине «река Клык», а Лебедь показана как одна из вершин р. Клык (в действительности р. Клык — это одна из речек в бассейне Лебеди).

В другом варианте представлена р. Обь с притоками в «Хорографической чертежной книге» (лл. 128—129). На этом чертеже правильно изображены две вершины Оби: р. Бия, вытекающая из Телецкого озера, и р. Катунь. Этот чертеж отличается значительными подробностями, показаны и надписаны многие притоки Бии, Телецкого озера и Катунни (см. список в приложении). Но на этом чертеже место слияния Бии и Катунни ошибочно оказалось ниже устья Чумыша, а Чумыш показан притоком Бии. По этой причине часть притоков Оби нарисована впадающими в Катунь, которая в нижнем течении названа на чертеже рекой «Ирмень» (может быть, так называли реку какие-нибудь кочевавшие здесь племена?).

На «Чертеже всей безводной и малопроездной каменной степи» место слияния Бии и Катунни изображено правильно. Этот чертеж весьма похож на «Чертеж всех с каменей потоки рек...» из «Служебной чертежной книги», но не является его полной копией.

Пожалуй, наиболее правильно в схеме вершина Оби изображена на «Чертеже всех сибирских градов и земель». Река Обь на нем показана с двумя вершинами: левой «р. Катунниа» и правой — Бией с озером «Альтын» (Телецким). Последнее показано вытянутым с юга на север. Размеры его примерно такие же, как оз. Зайсан-нор на том же чертеже. Пояснительных надписей на этом чертеже значительно меньше, чем на других, упомянутых выше. Надо отметить, что на этом чертеже верно надписана р. Лебедь и показано, что эта река впадает в Бию несколько ниже Телецкого озера.

Из всего сказанного ясно видно, что Ремезов при изображении вершины Оби пользовался разными источниками и поэтому составил чертежи в нескольких вариантах. Побывать на месте и проверить полученные сведения у него не было возможности. Нельзя также забывать, что Ремезов проделал огромный труд, собрав сведения по всей Сибири. Чертежи же с вершиной Оби составляют лишь небольшую часть его общей работы, но каждый из них — это результат кропотливых исканий.

Несколько слов следует сказать об изображении Ремезовым Телецкого озера. На каждом из его чертежей форма озера рисовалась по-разному. На всех чертежах оно нарисовано хотя и больше действительного размера, но все же увеличено не в такой степени, как это делали некоторые картографы до Ремезова. Если в росписи к чертежу 1667 г. длина Телецкого озера указывалась «в легком судне плыть 5 ден, а поперег день», то на чертежах Ремезова длина озера указы-

зается «лодкой 3 дня, а поперег день». Вместе с тем на чертежах всей Сибири Ремезов показывает Телецкое озеро еще очень большим. Он рисует его лишь немногим меньше Байкала или почти одинакового размера с ним.

Несмотря на ряд неточностей, чертежи Ремезова все же давали достаточно ясное представление о вершине Оби и той территории, которая находилась еще за пределами влияния России. Большим преимуществом чертежей Ремезова перед всеми предшествовавшими материалами было наличие на них многочисленных подробностей и надписей, имеющих большое практическое значение. На них показаны дороги с указанием дней конного пути, названы реки, озера и отдельные горы, показаны и надписаны многочисленные кочевья различных племен и родов. На берегу Телецкого озера вблизи устья «р. Чюлушман» отмечен условный знак города и сделана надпись «царство Алтырско» [20, л. 22]. Видимо, в конце XVII в. здесь находилась ставка алтырских князей.

В приложениях нами приводится перечень географических названий, этнографических и других пояснительных надписей, имеющих на чертежах Ремезова. Названия рек и озер в бассейнах Бии и Катуня часто не соответствуют названиям на современных картах. Но далеко не всегда в этом можно видеть ошибки. Не исключено, что некоторые из кочевавших здесь племен давали рекам и озерам свои названия, которые могли попасть на чертежи Ремезова. Возможно, для части этих имен будут найдены объяснения.

Для Телецкого озера приводятся следующие названия: Тележское, Алтын и Теленба. Это последнее имя как будто не отмечалось в других источниках. Не упоминается оз. Теленба и в работе С. Г. Лепневой по топонимике района Телецкого озера [10].

У вершины Телецкого озера Ремезов показывает кочевья «Телен орды». С этим этнонимом связано и название озера — Теленба⁷.

Имевшийся к началу XVIII в. картографический материал по Алтаю был все же весьма схематичен и не мог удовлетворить возраставшие государственные интересы, особенно связанные с освоением горных районов Алтая и разработкой вновь открытых в его западной части рудных месторождений. Поэтому, видимо, не случайно первой картой, составленной русскими геодезистами в Сибири, явилась «Ландкарта Кузнецкого уезда», на которой была изображена значительная часть Северного и Западного Алтая (до широты 51°). Масштаб карты 20 верст в дюйме, ее автор Петр Чичагов⁸. Составление карты относится к 1729 г. [18]. С этого времени начинается новый период в картографии Алтая с участием геодезистов и применением геодезических инструментов.

Телецкое озеро на карте П. Чичагова впервые принимает форму и размеры, приближающиеся к истинным. Однако, как это ни удивительно, в литературе еще более ста лет давались преувеличенные размеры его. Так, в «Сибирском вестнике», издававшемся Гр. Спасским

⁷ А. П. Дульзон [6] полагает, что многие гидронимы, оканчивающиеся на *ба* и сохранившиеся местами до наших дней в южной части Западной Сибири, южносамодийского происхождения. Это окончание соответствует южносамодийскому слову *бу*, *бы* 'река, вода', которое русскими передавалось как *ба*. На основании этого можно считать, что Теленба южносамодийского происхождения. Название же озера — Телецкое (Телеское, Тележское) — было дано русскими по этнониму *телес*.

⁸ Полное название карты следующее: «Ландкарта Сибирской губернии от Тобольской провинции города Кузнецка з дистриктом к новозаведенному Воскресенскому заводу». Она хранится в рукописном отделе библиотеки АН СССР в Ленинграде, арх. № 473. Там же имеется хорошо выполненная ее копия под названием «Ландкарта реки Бии», арх. № 112.

[16, 135], длина озера указана 126 верст, а ширина 84 версты. Те же размеры озера указывает П. А. Словцов в своем сочинении «Историческое обозрение Сибири» [15, 186].

Трудно пока сказать, какие причины заставляли считать, что в вершине Оби находится очень крупный водоем — вначале мифическое «Китайское озеро», затем Телецкое с размерами, во много раз превышающими действительные.

Возможно, что многие картографы доверяли в какой-то степени авторитету Герберштейна и поэтому продолжали изображать озеро в вершине Оби весьма больших размеров. Потребовалось очень много времени, чтобы наконец окончательно ликвидировать это ошибочное представление.

История создания карты района вершины Оби — это небольшая, но любопытная деталь в картографии Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв., Иркутск, 1941.
2. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I—XVIII в., М., 1960.
3. Atlas географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII—XVIII вв., М., 1964.
4. Гольденберг Л. А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г.,— «Труды Института истории, естествознания и техники АН СССР», 1962, т. 42, вып. 3.
5. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, М., 1965.
6. Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири,— «Вопросы географии», 1966, № 70.
7. Кордт В. Материалы по истории русской картографии, вып. I, Киев, 1899.
8. Кордт В. Материалы по истории русской картографии, вторая серия, вып. I, Киев, 1906.
9. Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV—XVI веков, Л., 1956.
10. Лепнева С. Г. К топонимике Телецкого озера. Исследование озер СССР, вып. 3, Л., 1933.
11. Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 2, М.—Л., 1941.
12. Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.,— «Известия АН СССР», серия геогр., 1966, № 4.
13. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева,— «Записки Русского географического о-ва по отд. этнографии», 1882, т. 10, вып. I.
14. Рсзен М. Легенда о большом озере,— сб. «Алтай», Барнаул, 1972.
15. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, СПб., 1844.
16. Спасский Г. Географическое и статистическое описание Сибири. Землеписание,— «Сибирский вестник», 1824, ч. 1.
17. Гатищев В. Н. Избранные труды по географии России, М., 1950.
18. Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии,— «Вопросы географии», 1950, № 50.
19. Фишер И. Е. Сибирская история, СПб., 1774.
20. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году, СПб., 1882.
21. Шибанов Ф. А. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в.,— «Ученые записки ЛГУ», № 104, серия геогр. наук, вып. 5, 1949.
22. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remesow. Facsimile Edition with an Introduction by Leo Bagrow,— «Imago Mundi», Supplement 1, 's-Gravenhage, 1958.
23. Michow H. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525—1631 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Mitteil. d. Geogr. Gesellsch. in Hamburg, B. XXI, Hamburg, 1906 (в приложении карта Вида).

Б. А. Вальская

**ДИСКУССИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
О РУССКОМ СЛОВАРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ Я. В. ХАНЫКОВА (1847 г.)**

Выдающийся географ и картограф Яков Владимирович Ханьков внес большой вклад в изучение России и сопредельных восточных стран. Настоящая статья посвящена 150-летию со дня рождения этого замечательного ученого.

К концу 40-х годов XIX в. было собрано значительное количество материалов по географии России и сопредельных восточных стран; на очередь встала задача их научной обработки и систематизации. В отчетах Географического общества подчеркивалось, что разработка географической терминологии была важнейшим условием развития теории географии, необходимость в которой ощущалась многими учеными. В эти годы Общество было единственным географическим учреждением в России. Оно пользовалось большим авторитетом, и ему было под силу решить этот важный вопрос.

В 1847 г. Ханьков внес в Совет Географического общества предложение о разработке и составлении русского словаря географической терминологии, что должно было содействовать решению важных методологических проблем географии.

5 февраля 1847 г. на общем собрании Географического общества Ханьков сказал: «Совет общества пригласил меня развить и разъяснить в настоящем собрании предположение мое о составлении Русского словаря географической терминологии. Вместе с тем я узнал с радостью, что мысль эта нашла себе защитника в одном из почтенных сочленов наших — Густаве Федоровиче Стефане, который одновременно со мною представил подобное же предложение Совету. Это ободряет меня и заставляет надеяться, что те неполноты и промахи, которые несомненно встретятся в моем объяснении, будут пополнены и исправлены г. Стефаном» [40, 1847 г., л. 1].

Полковник Генерального штаба Густав Федорович (Карлович) Стефан, о котором упоминает Ханьков, с 1834 по 1844 г. был профессором военной географии в Военной академии. Его записка в Совет Общества сохранилась в архиве [там же, лл. 16—20].

В докладе Ханьков сказал, что для пользы науки необходимо «определительно выражать свои исследования о ней и точно понимать результаты чужих изысканий». Он обратил внимание на то, что в географической науке отсутствуют многие важные термины, а имеющиеся не уточнены. Причинами этого были незначительность научной деятельности в этой области, «невыработанность и неполнота русского ученого языка» и то обстоятельство, что «география должна при-

нимать множество местных названий общепотребительных и известных лишь на одном, часто небольшом пространстве». В целом «неточность и неполнота русского географического языка были следствием необработанности географической теории вообще» [там же, л. 1].

В качестве примера Ханыков привел неточность употребления понятия «цепь гор», следствием чего явился «произвольный рисунок» горных цепей и хребтов земного шара. В трудах Ф. Бюаша «воображаемые хребты гор» тянулись из Средней Азии и Африки в Европу и Америку. Ж. Л. Бюффон доказывал, что горы тянутся по меридианам и параллелям. Его последователь И. Гаттерер предлагал даже «определять горами широту и долготу». П. С. Паллас представлял горные цепи в форме «остова животного».

Ханыков писал, что честь уничтожения этих «несообразностей, столь много вредивших успехам географии», принадлежала А. Гумбольдту и Л. Буху. Но Ханыков считал, что нельзя было включать горы в одну систему, основываясь только на «направлении или геогностическом строении их». И Гумбольдт был неправ, соединяя в одно целое Урал и Устюрт. «В географическом смысле,— писал Ханыков,— т. е. по характеристике местности, нет ничего общего между киргизскими степными возвышенностями и лесисто-каменными толщами Урала» [там же, л. 3].

Ханыков считал, что в состав предполагаемого словаря должна войти не «географическая номенклатура, т. е. имена собственные, а лишь названия родовые или видовые». В качестве примеров он приводил термины, характеризующие рельеф местности,— «гора, хребет, долина, лощина», а также такие важные понятия в географии, как «степь, тундра». Он подчеркивал, что «задача словаря не ограничиться одним приисчислением наиболее соответствующих названий уже готовым и установленным понятиям, но сверх того будет иметь предметом точнейшее определение и объяснение не вполне выработанных и развитых частей географической теории, и словарь будет в некотором смысле энциклопедией ее» [там же, л. 4].

Касаясь непосредственно содержания словаря, он указал, что оно определится «предметом географии и согласно с этою наукою должно подразделиться на три главные части: математическую, физическую и топографическую». Ханыков дает свою классификацию географических наук, называя их «разрядами понятий». Понятия физической географии он делит на четыре разряда: орографические, гидрографические, климатологические и понятия, «выражающие свойства местности». К последнему разряду относятся «понятия о разных родах почвы, болотах, лесах, степях, солонцах, т. е. вообще признаки геогностической и ботанической характеристики местности».

Наиболее многочисленным Ханыков считал разряд топографических понятий. Его он подразделял «на два главных вида: термины этнографические, как, например, племя, род, поколение, аймак, тюбья», и статистические, относящиеся к разным видам «проявления жизни народной, или народного быта, например понятия о городах, селах, деревнях, погостах, дорогах, каналах».

Ханыков обращал внимание членов Общества на важность отбора географических терминов и отграничения их от смежных наук: математической географии от астрономии; терминов, выражающих свойства местности от геогнозии и ботаники, «не имеющих непосредственного географического значения».

Ханыков считал, что при определении терминов различных отраслей географической науки необходимо учитывать особенности их паз-

вения. «Определение терминов математической географии,— писал он,— представит наименее затруднений по установившейся уже точности их значения».

Что касается разряда климатологических понятий, то «многие,— по словам Ханыкова,— могут усомниться о правах понятий, в него входящих, на получение места в географическом словаре, но исчисление различных воздушных явлений, как, например, бурь, разного рода ветров и т. д., столь неизбежно во всех изложениях путешествий и даже систематических землеописаний, что кажется необходимо хотя в известной мере допустить климатологическую терминологию в предполагаемый словарь».

Ханыков предупреждал, что при выборе этнографических и статистических (экономико-географических) терминов «потребуется особая осмотрительность для избежания всяких излишеств, так как иначе по разнообразию предметов, входящих в топографическое описание местности, размеры словаря могут слишком увеличиться».

В физико-географических, этнографических и экономико-географических понятиях очень важно, писал Ханыков, различать «названия общие и местные; первые укажутся теоретическим изучением географии, вторые — местными изысканиями».

Кто же мог составить русский словарь географической терминологии? Ханыков писал, что от Академии наук невозможно было «ожидать подобного труда», она, «если бы и могла войти в объяснение всех подробностей географической терминологии, не вправе решать задач географической теории». Отдельный ученый не смог бы справиться с этой задачей, так как словарь, «будучи выражением мнения частного человека, не достиг бы главной цели, т. е. установления однообразной терминологии и в общем употреблении». Выполнить эту большую работу могло только Географическое общество, «где соединены почти все пишущие на русском языке о географии и даже занимающиеся у нас этой наукой» [там же, 1847 г., л. 4].

В результате критики авторитетов у Ханыкова появились противники, тормозившие осуществление его идеи. В протоколе общего собрания Географического общества от 5 февраля 1847 г. было отмечено, что Ханыков «изложил словесно свои мысли о необходимости словаря географической терминологии», а В. Ф. Одоевский «сообщил свое мнение о способе составления подобного словаря» [42, 1847 г., л. 104].

Обсуждение предложения Ханыкова продолжалось с февраля по май — на четырех ежемесячных общих собраниях, а после летних каникул возобновилось уже в комиссии, созданной для установления географической терминологии, подготовки документов и для рассылки их любителям географии.

Важно отметить, что помощник председателя Общества Ф. П. Литке на собрании 8 января 1847 г. предложил членам Общества провести широкую дискуссию. Он сказал, что для придания собранию «большей жизни и большего значения весьма полезно было бы: если б по примеру почти всех подобных нашему Обществ завелся у нас обычай общественных рассуждений во время самого заседания» [42, 1845 г., л. 93].

Очень скоро дискуссия о словаре географической терминологии вышла за пределы Общества. Редактор газеты министерства иностранных дел, издававшейся в Петербурге на французском языке, А. Б. Рихтер опубликовал в ней отчет о докладе Ханыкова [38].

А. Б. Рихтер (1809—1859) был дипломатом. После окончания Царскосельского лицея он служил старшим секретарем при русской миссии в Дрездене. С 1843 г. состоял членом Главного управления цен-

зуры министерства иностранных дел, с 1847 по 1855 г. он управлял третьей экспедицией Особенной канцелярии при этом министерстве, а в 1856 г. был назначен чрезвычайным посланником в Бельгию.

Рихтер был активным членом Географического общества по отделению статистики, интересовался географической терминологией.

В отчете, опубликованном в «Journal de Saint-Peterbourg», Рихтер писал, что в первую среду февраля Географическое общество провело свое второе ежемесячное заседание, которое было довольно многолюдным. В начале заседания секретарь Общества сделал краткий обзор деятельности Совета и отделений Общества и подробно остановился на подготовке экспедиции на Северный Урал. После этого выступил Я. В. Ханыков, привлекая внимание членов Общества к необходимости составить новый словарь научных терминов, встречающихся в математической географии, физической географии, статистике, этнографии, а также в орографии и гидрографии. Ханыков указал на трудности, возникающие при составлении словаря, вследствие того, что русский научный язык еще не оформился и часто одни и те же термины употребляются в различных значениях.

Рихтер приветствовал предложение Ханыкова и согласился с тем, что на пути его осуществления стоят большие трудности. Но он возражал против методов составления словаря, предложенных Ханыковым. Вместе с этим Рихтер выразил сожаление, что на собрании члены Общества не высказались по существу предложения Ханыкова. Это объяснялось тем, что присутствовавшие не были подготовлены к обсуждению предложения Ханыкова. Рихтер выразил уверенность, что обсуждение вопроса о географической терминологии будет продолжено.

«Санкт-Петербургские ведомости» напечатали информацию о докладе Ханыкова значительно позднее. Корреспондент отметил, что Ханыков «изложил в краткой речи мысли свои о необходимости установить в русском языке географическую терминологию, т. е. условиться о значении родовых и видовых названий географических понятий, например слов: долина, хребет, ключ, бор, мочажина, степь, гора, ущелье, лощина, ложбина, залив, губа, река, ручей, русло и проч., и дополнить ученую терминологию, усвоив ей слова, имеющие местное употребление, но не получившие ученого характера по своей неопределенности или малоизвестности, например сырт, буран, пал, копань ерик, отпрядыш и др.» [31].

Далее корреспондент отметил, что Ханыков считал полезным, чтобы Географическое общество «составило Русский словарь географической терминологии. Подобное издание от имени Общества, в коем соединены большая часть лиц, пишущих у нас по географии, получило бы у нас достаточный авторитет, чтобы принятое в словаре определение названий вошло бы во всеобщее употребление» [31]. Но о дискуссии в этой статье ничего не говорилось.

Еще 7 февраля 1847 г. Ханыков переслал в Совет Общества свой доклад и ответы на замечания членов Общества, высказанные в частных беседах и в печати. Все эти материалы сохранились в Архиве Общества.

Возражая против взглядов о бесполезности и невозможности осуществления его предложения об издании словаря, Ханыков писал: «Чтобы объяснить, в какой степени это возражение основательно, считаю достаточным напомнить главную предполагаемую цель словаря, т. е. установление возможно однообразного точного употребления географических терминов. Находить это ненужным в географии значило бы то же, по моему мнению, что доказывать бесполезность усилий, дабы в ботанике под названием дуб некоторые не разумели березы, в

зоологии под понятие о слоне многие не подводили тигра или собаку, дабы в математической географии меридиан для всех означал полуденную линию, а не экватор или эклиптику для некоторых. Подобное утверждение казалось бы, конечно, странным в поименованных науках,— смею думать, что оно равно не основательно и в географии» [40, 1847 г., л. 7].

Противники Ханыкова отрицали возможность классификации географических предметов и явлений; по их мнению, нельзя было «установить разделение гор на высокие, средние и малые потому, что если принять за минимум первого класса 10 000 футов, то возвышения, имеющие 9999 футов безусловной высоты, должны быть отнесены ко второму разряду, хотя и представляют ничтожнейшую разницу с предыдущим». Признавая общее неудобство всякого определительного разграничения, Ханыков в то же время доказывал, что «странно было бы утверждать на этом основании невозможность и бесполезность разграничения», например, Европы и Азии, потому что на самих рубежах между ними не существует «разнохарактерности».

Что касается классификации горных районов, то Ханыков считал, что разделять горы по «одной безусловной высоте» не всегда правильно, «гораздо удобнее было бы сортировать их по изохолмления земной поверхности по переходам их за снежную линию и границам разных видов растительного царства» [там же, л. 9].

А. Б. Рихтер писал, что предложение Ханыкова имеет две главные цели: введение новых терминов, недостающих в нашем языке, и точное определение тех, которые существуют в нем. Первую цель Рихтер считал «важнейшею, но неисполнимою», так как «ученые Общества не вправе создавать новых слов и все опыты их в этом роде были неудачны, как свидетельствует, например, усилие русской Академии заменить некоторые перешедшие к нам из чужих языков выражения вновь составленными словами». По мнению Рихтера, «языки обогащаются только займами у наречий, что может быть сделано лишь без всяких усилий, медленно и народным употреблением» [там же, л. 11].

В ответ на это Ханыков писал, что в его предложении «не было и речи о создании новых слов,—говорилось лишь о дополнении ученой терминологии, разумея под этим преимущественно усвоение ею слов, или имеющих только местное употребление, но не получивших еще учебного характера по недостаточной определительности своей». Говоря о создании новых терминов, Ханыков считал, что их «потребуется весьма немного, а посему этого и нельзя назвать важнейшей частью предполагаемого труда, сверх того, сего никак нельзя сравнивать с попыткою русской Академии: там дело шло о замене, по желанию некоторых лиц, новыми словами выражений, уже укоренившихся и общеупотребительных; здесь же о введении в язык названий понятиям, которые не только не имеют еще у нас имени, но даже не существуют в народе, и о введении—посредством согласия $\frac{9}{10}$ лиц, занимающихся кругом знаний, к коему означенные понятия исключительно относятся» [там же, лл. 11—12].

На общем собрании 5 марта 1847 г. в защиту предложения Ханыкова выступил член Географического общества, петрашевец А. П. Бала-согло. Его речь в основном была посвящена методам изучения России усилиями всех членов Общества. Он поддержал предложение Ф. П. Литке, высказанное в январе 1847 г., о проведении в Обществе широкой дискуссии по проблемам науки. Выступление Литке он воспринял так: «с наших уст снята свинцовая печать молчания. [Мы] выразили ясно и крупно, что мы постигаем свое призвание. Мы начали с методы».

На этом собрании Ханьков не присутствовал, так как был по служебным делам в Риге; он оставил своим представителем Н. А. Милютин — начальника городского отделения хозяйственного департамента министерства внутренних дел, автора ряда работ по статистике и экономической географии [7]. О том, как дальше разворачивалась дискуссия в Обществе, рассказывает Баласогло, речь которого сохранилась в Архиве Общества. Он сказал, что один из членов Общества (возможно, что это был В. Я. Струве) «высказал со всею полнотою, скажу даже, всею увлекательностью» свое убеждение в том, что нужно считаться с предложением только такого автора, который может его осуществить сам, и лишь тогда его труд, «а не слова и фразы, станет переходить от члена к члену... совершенствоваться... и совершаться без слова» [43, л. 3]. Против этого высказывания, в защиту Ханькова выступили Н. А. Милютин и Н. И. Надеждин. Они «объяснили, за отсутствием Ханькова, существо самого предложения и оправдали его и как мысль, и как поступок». Милютин и Надеждин доказывали, что таким путем, как предлагали противники Ханькова, «невозможно, или не всегда возможно, или, наконец, неуместно и несвойственно члену Общества приступать к исполнению своей мысли».

Баласогло считал, что это было «основным положением, общемою темою, очевидною внутренней пружиною столь жарких прений всего того вечера, и в течение самого заседания, и еще более после заседания, когда собрание, раздвинув стулья, рассыпалось по комнатам и стало сходитья в нетерпеливые, переменчивые, волнующиеся кружки».

Из проходившей в Обществе дискуссии Баласогло сделал важный вывод о том, что «самый первый жизненный вопрос всякого общества есть всеобщий вопрос разума и методы». Это положение он считал неоспоримым. «Это факт действительности, который повторяется всегда и везде и будет повторяться вечно». Отвечая на вопрос: «какую же из методов принять нам в начало? Ту ли, которая говорит „сперва действуй!“; или ту, которая возражает „нет, сперва говори!“» — Баласогло считал, что, «очевидно, не первую», так как по первой методе «будет действовать не общество, а один член, могущий вовсе не знать ни духу, ни направления, ни желаний своего общества, и, следовательно, действовать, может быть, совершенно напрасно и непременно неудачно, так как один человек всегда впадает в односторонность... Вы, как общество,— подчеркивал Баласогло,— должны действовать сперва на поприще отыскания методы, а значит,— говорить, говорить, говорить!» [там же, л. 4].

Баласогло дал уничтожающую критику «молчальной методы». «Не стговорись мы сначала,— писал он,— все и пойдет само по себе: моя мысль — сама по себе, а поправки моего друга — сами по себе; дополнения третьего — сами по себе, а вывод четвертого — сам по себе... И, наконец, выйдет то, что наше общее детище явится миру уродом».

Касаясь непосредственно предложения Ханькова, Баласогло сказал, что оно, «сошедшееся с мыслью Стефана, есть именно то, чем действительно должно заняться прежде всего каждое разумное общество, которое хочет сохранить свое достоинство, а след[овательно], и существование, нам прежде всего предстоит необходимость, установить, по крайней мере, в главных пределах наш научный язык... В этом нет никакого сомнения! Если некоторые из нас затруднились обязать нас своим сочувствием, скажу более, даже как бы старались набросить на предложение г. Ханькова пред целой Европой невыгодную тень ничем не объяснимых сарказмов,— это, конечно, произошло от недора-

зумения и вследствие той системы, которая любит приниматься за дело без слова, ни с кем не посоветовавшись и не развеяв наперед всех последствий своего замысла» [там же, л. 14].

Говоря о членах Общества, старавшихся набросить на предложение Ханыкова «невыгодную тень», Баласогло, возможно, имел в виду А. Ф. Миддендорфа, не согласившегося с мнением Ханыкова о том, что его словарь «мог бы предупредить на будущее время несообразности, которые нередко встречаются в географических сочинениях, даже у известнейших ученых, например Гумбольдта, который Урал начинает Устюртом». Известно, что Миддендорф через Милютину попросил Ханыкова представить ему доказательство того, что Гумбольдт действительно причисляет Устюрт к системе Уральских гор.

Баласогло пишет, что выступление противников Ханыкова было «разрушено сильною и столь спокойною по своей силе благородной речью» Милютина, что им оставалось использовать последнее средство — «ухватиться за обыкновенный вопрос — вопрос уличенного неблаговоления: все это хорошо; но как это привести в исполнение? Мы видим теорию, но не видим практики... И опытная энергическая логика г. Надеждина, — писал далее Баласогло, — довела объяснение дела до самых первоначальных, так сказать, азбучных очевидностей его простоты и удобоисполнимости! Я не знаю, что еще можно сказать против этого предложения?» [там же, л. 14].

Часть своей речи Баласогло посвятил критике тех членов Общества, которые говорили: «Как нам понять, чего именно хочет ваше предложение? Покажите нам на деле хоть образчик, чего именно вы хотите?» С таким требованием к Ханыкову обратился В. Я. Струве.

Баласогло писал, что «никто в мире не откажется пояснить свою мысль», при условии что эти объяснения «требуют не для того, чтобы на них же основывать отрицание и утверждение самой мысли. Всяк будет рад представить образчик задуманного им труда». Но это условие Баласогло ни в коем случае не считал правилом.

«Как представить образчик, — писал он, — например, какой-нибудь экспедиции, которую кто-либо из нас желал бы предложить Обществу на его уважение? Как представить образчик карты той местности, которую кто-либо другой еще желал бы только составить карту при пособии Общества?.. Как сделать образчик той книги, тому изданию, которого необходимость хотел бы доказать третий и которого исполнение невозможно, даже в виде образчика, без совокупного труда всех или почти всех членов Общества?»

Баласогло считал, что предложение Ханыкова подходило под последнюю категорию. Но образец в две-три страницы «определений технических слов», по мнению Баласогло, ничего бы не дал. Принципы составления словаря «вырабатываются совокупною думою целого Общества или, по крайней мере, особого комитета, представителя всего Общества, при соображении всех возможных обстоятельств, которые может обнаружить только само дело, когда оно поднято на ноги и пущено в самый полный и широкий ход» [там же, л. 18].

«Я не знаю, — писал далее Баласогло, — как понимает самый ход совершения этого предприятия г. Ханыков; я слышал только то, что он в чем-то не соглашается относительно этой стороны предмета с кн. Одоевским, который предлагал ему свой способ; и я [понял, что] способ г. Надеждина, совершенно непохожий на средства кн. Одоевского. Кто знает, может быть, есть и еще мнения, невысказанные, не успевшие или не хотевшие высказываться вдруг, по краткости ли времени или по неблагоприятным для них предзнаменованиям?»

Глубокий и принципиальный подход Баласогло к организации на-

учной работы Общества привел его к правильному выводу о том, что: «образчики труда, как *труда*, а не мысли, совершенно бесполезны там, где дело идет пока именно еще только о мысли, о зачатии, и о разуме дела, а не о самом деле. Кто не может или не хочет видеть идеи в ее естественной первоначальной форме, в слове, тот решительно ничего не увидит в мертвых лоскутках бумаги». Баласогло считал, что к образчику «легче можно привязаться, чем к общей мысли предприятия, и, заманив таким образом эту общую мысль в незримый его капкан тесной частности, где ей негде развернуться, тут же ее и прищелкнуть авторитетным сарказмом» [там же, л. 18].

Баласогло задал собранию справедливый вопрос, почему ни один из «преследователей мысли» Ханыкова не потребовал образчика от Ф. П. Литке, который предложил подготовить к печати популярное издание «Географический ежегодник». Это предложение было гораздо труднее для выполнения, чем предложение Ханыкова, потому что, по мнению Баласогло, «словарь — дело самое обыкновенное в научной литературе, а ряд статей общенародного заманчивого и, следовательно, живописного изложения — еще задача современного искусства словесности».

В заключение Баласогло сказал: чтобы «не оставлять и последнего убежища недоразумению, я должен отвечать и на последний аргумент гг. противников осязательной мысли г. Ханыкова». На собрании кто-то сказал, что «предлагающий обязан представить свою мысль в труде еще именно для того, чтобы со стороны не подумали, что предлагающий хочет только навязать труд другим». По этому поводу Баласогло заметил, что нужно спрашивать, разумна ли предложенная мысль, а не то, будет ли исполнять ее сам предложивший, и если мысль принята к исполнению; «автор может хоть умирать: его мысль будет исполнена, без всякого с его стороны содействия».

Баласогло писал, что нельзя упускать из виду «общежительную природу человека», которая развивает его таланты и способности. «Один имеет дар мыслить — пусть он намыслит что-нибудь здоровое и откроет нам; другой имеет дар намечать, пусть он изложит нам данную мысль; третий имеет дар сообразить мысль с действительностью — пусть он сообразит и покажет нам, как ее привести в исполнение; четвертый имеет дар совершать принятую мысль, пусть он совершает! Все же мы будем всем им содействовать, а не заглаживать каждую порознь, в его роли, переводя его роль в чужую, ему совершенно несвойственную» [там же, лл. 19, 20]. Эти мысли Баласогло об использовании людей по способностям актуальны и в наши дни.

Из своего выступления Баласогло сделал важный вывод: «Общество должно сперва рассуждать, а потом действовать, — рассуждать тем более, чем более оно хочет действовать, сегодня рассуждать, завтра рассуждать, рассуждать каждый день, пока не совершится тот волшебный круг, из которого возлетит на очевидность всем его общая мысль, прекращающая все недоумения и споры».

Выступление Баласогло в Обществе не получило никакого отражения в протоколе собрания, где было только отмечено, что Н. А. Милютин и Н. И. Надеждин «сообщили изустно соображения свои по поводу предложения, сделанного действительным членом Я. В. Ханыковым о составлении словаря географической терминологии».

В материалах о дискуссии в Обществе, опубликованных в «Journal de Saint-Petersbourg», редактором этой газеты А. Б. Рихтером имя Баласогло тоже не упоминается. В отчете Рихтера о заседании Общества 5 марта 1847 г. отмечена важность для науки дискуссии о географической терминологии.

Касаясь непосредственно доклада Ханыкова, Рихтер писал, что «первоначальное предложение, которое мы осмелились признать нецелесообразным, вышло сильно измененным в речи Милютинина и еще более в речи Надеждина». Он считал необходимым продолжить в печати обсуждение вопроса о географической терминологии.

По поводу предложения В. Я. Струве «дать образец такого издания, которое хотят осуществить», Рихтер заметил, что не лучше ли было бы «достичь цели более прямым путем?». Он предложил членам Географического общества установить премию за лучший труд по разработке географической терминологии и напечатать его за счет Географического общества. Тогда обсуждаемый вопрос перестанет быть «камнем преткновения».

При составлении словаря географической терминологии он отдавал предпочтение коллективному труду ученых и писал: «Воодушевите их всевозможным способом, предложите им свое содействие, но верьте в такой коллектив, как наше Общество — существо с сотней умов». Рихтер взял на себя обязательство составлять отчеты о заседаниях в Обществе, чтобы привлечь внимание публики и вызвать интерес к его трудам. «И если мы,— писал Рихтер,— разрешаем себе иногда дать свои комментарии, то это потому, что находим их на кончике своего пера». Редактор газеты выражал надежду, что его отчеты будут приемы для Общества.

Прочитав статью Рихтера в «Journal de Saint-Petersbourg», Ханыков 28 марта 1847 г. писал Н. А. Милютину: «С удовольствием заметил, что редактор его начинает находить возможным и небесполезным точное определение географических терминов; только я не понимаю,— писал далее Ханыков,— в чем состоит различие моего и вашего воззрений, о которых глухо говорится в отчете? Сколько помню, я знаю из протокола заседания, мы во всем с вами совершенно согласны; если же А. R[ichter] называет изменения моего предположения, то что он сам ознакомился с ним теперь — тогда кажется, он не вполне прав».

В этом письме Ханыков горячо благодарил Милютинина и Надеждина за то, что они восстановили «истинный смысл» его предложения. Узнав о том, что Милютинина как его представителя на собрании в Обществе В. Я. Струве и А. Ф. Миддендорф высказали свои возражения, Ханыков в этом интересном письме подробно отвечает на них. До Ханыкова дошли сведения, что Миддендорф «назвал себя уполномоченным целой партией. Признаюсь, я не ожидал,— писал Ханыков,— чтобы мирное предложение мое могло породить партию в нашем Обществе, и доселе приписываю слова г. Миддендорфа неточности выражения, будучи убежден, что вместо противной партии он хотел сказать противного мнения».

Ханыков считал, что замечания Миддендорфа не имели никакого отношения к существу его предложения, но он спешил ответить на них, чтобы показать свое уважение к замечаниям, сделанным его сочленами, как бы «незначительны они ни были». Повторяя сказанное им на собрании 5 февраля 1847 г., Ханыков писал: «Излагая превосходство теории классификации гор Гумбольдта сравнительно с системами Бюаша, Бюффона и Палласа, я присовокупил, что она однако же не вполне удовлетворяет требованиям географии как науки, ибо ведет иногда к соединению в одну группу гор, возвышенностей, географически совершенно разнородных, а в доказательство привел известное сочинение Гумбольдта *Asie Centrale* [37], где к системе Урала причислены высоты к востоку и югу от Яика лежащие, а именно Уркач, Караэйдир, Джамбукарган, Муходжары и Устюрт, которые совершенно отличаются, по моему мнению, от Уральского хребта наружным образованием, рав-

но как своеобразным влиянием на историческое развитие народов, и должны составлять особый разряд изхолмлений» [45, л. 30].

Для подтверждения этого Ханыков не только привел большое количество цитат из книги Гумбольдта «Центральная Азия», но и сослался на личную встречу с этим ученым в апреле 1844 г. «Гумбольдт не только не отвергал верности понимания мною его статьи об Урале,— писал Ханыков,— но даже удостоил меня некоторых словесных изъяснений, почему соединил в одну систему Урал и Устюрт».

Переходя к замечанию В. Я. Струве, Ханыков писал, что при всем его «глубоком уважении к авторитету» этого ученого он выражал сомнение в том, «будто Общество должно устаивать внимания делаемые ему предложения лишь в тех случаях, когда автор их докажет, что *умеет и может сам исполнять предлагаемое*. Такая предосторожность понятна, если кто просит какого-либо пособия от Общества для задуманного предприятия, но когда дело идет лишь о том, что бы оценить, полезно или нет для науки и возможно ли осуществление данной мысли, нет никакой надобности входить в оценку способностей и знаний лица, предлагавшего мысль. Сколько ученых-изобретателей наведены были на важные открытия безграмотными работниками» [там же, л. 34].

Получив письмо Ханыкова, Н. А. Милютин вместе со своим братом, профессором военной географии Военной академии Д. А. Милютиным, Н. И. Надеждиным и Г. Ф. Стефаном стали готовиться к продолжению дискуссии на очередном общем собрании 9 апреля 1847 г. Они составили обширную записку о разработке географической терминологии, которую представили в Совет Общества за подписью Д. А. Милютина.

В этой записке основные положения Ханыкова по поводу разработки географической терминологии получили поддержку и дальнейшее развитие. По мысли авторов записки, Общество должно было возглавить работу по сбору географических слов, «употребляемых в различных местностях».

«Если наука,— указывалось в записке,— соберет все подобные термины, анализируя частные признаки и характеризующие **каждый вид** географических понятий, то, идя далее, может раскрыть и **законы**, какими обуславливается и самое образование этих различных видов. Таким-то постепенным процессом от простого собирания слов народных наука восходит сперва к понятиям частным, потом к **общим и, наконец**, к выводу самих законов. Таким-то образом, с **накоплением материалов** проясняется теория, а вместе с нею устанавливается и терминология» [40, 1847 г., прил. 1, л. 18].

В специальном заявлении эти ученые писали, что предложение об установлении географической терминологии занимает **Общество** в последние два заседания. Оно заслужило одобрение **большинства**, но было «до сего времени предметом одних только **рассуждений словесных**, а потому не получило еще окончательного решения». Надеждин, Стефан и Н. А. Милютин «нашли нужным в письменном **изложении** развить этот вопрос во всех подробностях, указав **самые средства** практического исполнения предположенной работы» [40, 1847, л. 22]. Они просили Совет Общества обсудить записку Д. А. Милютина на ближайшем общем собрании.

9 апреля 1847 г. к этой просьбе присоединился профессор истории Военной академии И. П. Шульгин, который на собрании Общества в этот день «изъявил желание» нескольких человек, чтобы записка Милютина была «сообщена общему собранию». К этому же дню Ханыков через Н. А. Милютина переслал в Общество свою записку под заглави-

ем: «Разрешение вопроса: причисляет ли Гумбольдт возвышенности Устюрта к системе Уральских гор», которая сразу была передана А. Ф. Миддендорфу.

«Так как эта статья,— писал Миддендорф,— представлена в ответ на предложенный мною вопрос, то я имею полное право заключить, что г. Ханыков обвиняет Гумбольдта в несообразности в том отношении, что сей последний соединяет Устюрт с Уралом. Но это мнение было известно всем членам Общества, и, слыша со стороны г. Ханыкова обвинение на Гумбольдта, я никак не мог понять, какая находится связь между предложением Ханыкова об издании Географического словаря и мнением берлинского географа... каким образом предполагаемый г. Ханыковым словарь мог бы устранить подобного рода несообразности, [так как] такого рода ошибки поправляются только розысканиями на месте, а не терминологическими словарями, написанными в кабинете ученого» [41, 1847 г., л. 80].

Воспользовавшись отсутствием Ханыкова на собрании 7 мая 1847 г., где вновь был поставлен вопрос о составлении словаря, Миддендорф попросил секретаря Общества А. В. Головнина довести до сведения членов Совета его желание, чтобы записка Ханыкова «не была читана в общем собрании, но чтобы она была выложена на столе для просмотра гг. членам, обращающим на этот предмет особенное внимание» [там же, л. 75].

К записке Ханыкова «Разрешение вопроса: причисляет ли Гумбольдт возвышенности Устюрта к системе Уральских гор?» Миддендорф приложил свою записку, которую мы цитировали выше, а также оттиск статьи «Уральская экспедиция, предпринятая Русским географическим обществом», где разбирались высказывания Гумбольдта о связи Урала и Устюрта и критиковались «высочки и сидни» в науке за непонимание мыслей берлинского ученого.

Сам Гумбольдт в этом споре встал на сторону Ханыкова. Позднее Гумбольдт писал, что он уже «воспользовался многими драгоценными указаниями» Ханыкова, продолжительное пребывание которого в Оренбурге было «весьма полезно для ближайшего ознакомления с южной оконечностью Урала и степями, простирающимися на восток и юго-восток к Аральскому морю». Ссылаясь далее на карту Ханыкова [33], Гумбольдт писал, что Ханыкову принадлежит «важное для геологии замечание об отсутствующей горной цепи, которая бы соединила южную оконечность Мугоджарских гор Уральского хребта с северо-восточной оконечностью Устюрта. Горные хребты оканчиваются у северных истоков Чеган, а утесы чинка начинаются гораздо южнее» [14]. Такое же мнение об отсутствии связи между южной оконечностью Урала и Устюртом было у Е. П. Ковалевского, исследовавшего на месте этот район в 1839—1840 гг. [6].

7 мая 1847 г., как отмечено в протоколе общего собрания, В. И. Даль прочел статью о русских пословицах. За два месяца до этого собрания, 10 марта 1847 г., Даль обратился в Совет Общества с заявлением, в котором писал, что статья готова для обсуждения в Обществе, но он просит, чтобы эта беседа не попала в печать ранее, чем будет издана статья, и не вызвала бы кривотолков. Скорее всего Даль имел в виду отчеты Рихтера в «Journal de Saint-Petersbourg» [37] по поводу дискуссии в Обществе, где Рихтер критиковал Академию наук за неудачную попытку создать новые слова (например, ходырка вместо аллея или тихогром вместо пианино), которая проводилась по инициативе ее президента А. С. Шишкова и была направлена против языковой реформы Карамзина.

Даль, как известно, тоже занимался словотворчеством и включил

впоследствии в свой словарь ряд изобретенных им слов, например мироколица [атмосфера], небозем [горизонт] и др.

По заявлению Даля Совет Общества принял решение: предложить Обществу в ближайшем собрании «принять за правило, что гг. члены, желающие печатать свою статью о беседах и чтениях Общества, сообщали ее предварительно Совету».

9 апреля на общем собрании М. Н. Мусин-Пушкин от имени Совета объявил, что поскольку «заседания Общества не публичные и занятия в оных не подлежат обнародованию неограниченному, но находя полезным, чтобы о трудах Общества сообщались точные публике сведения, положил предложить Обществу, не угодно ли будет, для отстранения недоразумений, принять за правило: чтобы гг. члены, желающие помещать в газетах и журналах свои статьи о занятиях Общества в ежемесячных его заседаниях, сообщали их предварительно Совету» [42, 1847 г., л. 121].

Совет указал, что если это правило не будет принято общим собранием единогласно, то необходимо поставить его на тайное голосование. Но последнее не дало желаемых для Совета результатов. Общее собрание решительно выразило свой протест против попытки ограничить деятельность Общества его стенами.

В Архиве Географического общества сохранилось письмо Мусина-Пушкина, представляющее собой ответ Рихтеру на его вопрос, может ли он продолжать писать отчеты о заседаниях в Обществе. Мусин-Пушкин писал, что Литке, уезжая из Петербурга, передал ему письмо Рихтера «касательно помещения в ведомостях статей о заседаниях Географического общества, и вследствие этого» он уведомлял Рихтера, что Общество «считает весьма полезным отчетливое и добросовестное изложение своих занятий и с удовольствием будет видеть оное в печати от всякого своего сочлена» [41, 1847 г., л. 70].

7 мая 1847 г. на общем собрании Милютин читал записку об установлении географической терминологии. «Разработка ученой терминологии,— сказал он,— в сущности есть одно и то же, что и разработка самой науки». А так как «усовершенствование терминологии есть результат усовершенствования теории, то оно входит само собой в общие цели ученого общества, которое и содействует ему в том же смысле, как вообще содействует движению вперед самой науки».

Милютин обосновал необходимость коллективной работы членов Общества важностью накопления материалов для словаря и тем, что знания географические «более других требуют содействия Общества». Никакая деятельность индивидуальная, подчеркивал он, «не может достигнуть того, что легко совершается Обществом». Особенное внимание Милютин уделил проблеме изучения народных географических терминов, которые должны были стать «достоянием науки».

«С новыми терминами,— сказал Милютин,— вольются в науку новые понятия, которые обогатят ее материалом для разработки самой теории». Милютин предложил опубликовать в газетах специальное объявление о сборе географических терминов и для их изучения создать комиссию в составе 3—5 человек, а затем опубликовать в специальных томах «Записок Русского Географического общества» с приложением алфавитного указателя терминов.

Милютин подчеркнул, что на «новое издание не должно вовсе смотреть как на труд временный... Оно должно войти в круг постоянных занятий Общества: запас слов будет обогащаться бесконечно... предлагаемое Обществу предприятие будет постоянно способствовать движению вперед самой науки, не стесняясь в своем развитии никакими пределами, никаким сроком» [40, 1847 г., прил. I, л. 27].

21 мая 1847 г. записка Милютина обсуждалась на заседании Совета Общества, в присутствии помощника председателя М. Н. Мусина-Пушкина и членов Совета: М. П. Вронченко, В. Я. Струве, П. И. Кеппена, Г. П. Гельмерсена, А. И. Левшина, Э. И. Ленца и М. Н. Муравьева. На заседании рассматривался также проект объявления в газетах «об установлении терминологии».

Что касается терминологической комиссии, то 24 мая 1847 г. М. Н. Мусин-Пушкин писал Д. А. Милютину следующее: «Совет Русского географического общества, обратив внимание, что в записке, прочитанной Вами от имени нескольких членов в прошедшем собрании Географического общества, изложено желание, чтоб для занятий по известному предложению установить терминологию была учреждена особая комиссия, определил: пригласить Вас и гг. членов В. В. Григорьева, Н. А. Милютина, Н. И. Надеждина, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. Ф. Стефана соединиться в комиссию для работы по сему предприятию». Ханыков почему-то не был включен в состав комиссии. Возможно, что члены Совета не согласились с его критикой авторитетов и отстранили его от этого дела. А может быть, его не включили по той причине, что он в это время находился в Риге.

В состав комиссии вошли крупные ученые, работавшие в различных отраслях географической науки: выдающийся географ и этнограф Н. И. Надеждин, видные востоковеды П. С. Савельев и В. В. Григорьев, военные географы Г. Ф. Стефан и Д. А. Милютин и выдающийся географ-экономист В. С. Порошин. Позднее в работе комиссии участвовал полковник М. Н. Богданович.

Руководящую роль в комиссии играл Н. И. Надеждин. Чернышевский писал, что Надеждин — один из «замечательнейших людей в нашей истории литературы, человек необычайного ума и громадной учености... человек, какого не являлось между нашими учеными со времени Ломоносова» [2, 145]. В 27 лет Надеждин стал профессором теории искусства и археологии Московского университета и редактором журнала «Телескоп». Деятельность Надеждина на этом поприще, продолжавшаяся всего 5 лет, оставила глубокий след в науке. В октябре 1836 г., как писал сам Надеждин, в его судьбе «произошел решительный поворот». За опубликование «Философического письма» П. Я. Чаадаева он был отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, а позднее в Вологду. «Это, — писал Надеждин, — разорвало меня окончательно с эстетикой и археологией. Я перенес мои занятия на другое поприще, а именно на поприще географии и этнографии, сверх того, на сотрудничество в издаваемом тогда Энциклопедическом лексиконе. Я обратился к истории вообще и отечественной в особенности» [24, 66]. Во время «чаадаевской истории» министр народного просвещения Уваров сообщал Бенкендорфу, что Белинский «самое доверенное лицо Надеждина» [32].

В 1838 г., после отбытия ссылки, Надеждин выехал в Одессу. В 1841 г. по поручению Одесского общества древностей он совершил путешествие по славянским странам, а через год получил предписание министра внутренних дел Л. А. Перовского прибыть в Петербург на службу в это министерство. В письме к Григорьеву по поводу этого назначения Надеждин писал, что его одели в мундир, как в «погребальную плащаницу».

С 1842 г. до самой смерти Надеждин был редактором «Журнала Министерства внутренних дел», где опубликовал большое количество статей по экономической и физической географии и по этнографии, но без подписи автора. Савельев писал, что Надеждин «на каждую доставленную статью смотрел как на сырой материал, который следовало обработать, чтобы придать ему ученую и литературную форму. Не бы-

ло в журнале... ни одной страницы, которой бы не коснулось перо Надеждина» [24, 69].

В 1846 г. по рекомендации К. И. Арсеньева и В. И. Даля Надеждин был принят в члены Географического общества и вскоре выступил в Обществе с чтением статьи «Об этнографическом изучении народности русской» [23].

Григорьев писал, что эта статья «составляет едва ли не драгоценный перл... голос одной из самых систематических голов, какие только производила природа в последнее время» [11, 154].

Этот труд Надеждина имеет важное значение и для географии, которую он определял следующим образом: «География должна описывать „землю“ или, правильнее, „земной шар“, нами обитаемый. Что же она делает, чтобы выполнить свою задачу? Берет в рассмотрение все особенности, разнообразящие земную поверхность, представляя их, как они есть, там, где есть в местной раздельности, в то же время или, лучше сказать, тем самым освещает их большее или меньшее между собою соотношение и связь, так что все они укладываются под свои виды, виды под роды, и в заключение все бесчисленное разнообразие местных дробностей является чинным и мерным составом одного великого целого, именуемого „земным шаром“» [23, 153].

Заведующим работами комиссии был избран видный востоковед, нумизмат и археолог П. С. Савельев, связанный большой дружбой с Надеждиным и Григорьевым. После окончания филологического факультета Петербургского университета Савельев вместе с Григорьевым поступил в Институт восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел. Но уже через год оба они переключились на литературную работу для Энциклопедического лексикона Плюшара и «Библиотеки для чтения», где опубликовали большое количество статей по географии, этнографии, истории и истории культуры Востока.

В 1839 г. Савельев сблизился с акад. Х. Д. Френом и по его совету стал готовиться к экспедиции в Среднюю Азию, которую предполагалось отправить под руководством Е. П. Ковалевского. И хотя «по политическим причинам» Савельев не был включен в состав экспедиции, он изучил огромную литературу и написал много работ о Средней Азии. В декабре 1846 г. по рекомендации Н. И. Надеждина, К. И. Арсеньева и В. В. Григорьева Савельев был принят в члены Географического общества. В 1848 г. Савельев опубликовал в изданиях Общества превосходную статью «Средняя Азия» [29], в которой, как писал Семенов, призывал «молодых русских ученых к путешествиям и исследованиям в глубине Азиатского материка» [30, 52].

В. В. Григорьев после усовершенствования в восточных языках в Петербургском университете уехал в Одессу, где с 1838 по 1842 г. преподавал восточные языки в Ришельевском лицее. После неудачной попытки перевестись в Московский университет Григорьев переехал в Петербург и поступил на службу в министерство внутренних дел, где стал помощником Надеждина по редактированию «Журнала Министерства внутренних дел».

В 1847 г. Григорьев был назначен членом комиссии для изучения быта чернорабочих Петербурга и членом Статистического комитета министерства внутренних дел. В этом же году он опубликовал без подписи автора важную для истории районирования России статью под названием «Опыт статистического распределения губерний и областей империи» [12]. В нашей литературе [3] было высказано мнение, что эта статья была написана Арсеньевым, так как трудно было предположить, что востоковед Григорьев мог интересоваться экономическим:

районированием России. Статья Григорьева была подвергнута справедливой критике Н. П. Огарева, высказывания которого по экономическому районированию не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Григорьев был избран членом Географического общества в январе 1846 г. и вскоре после этого приступил к публикации серии статей, связанных с путешествием по России А. Гакстгаузена для изучения русской общины, но был вынужден прекратить эту работу. «Цензурные отношения,— писал он П. И. Кеппену,— не позволяют мне продолжать печатание отчета о превосходном труде прусского путешественника» [44 л. 2].

На первом заседании комиссии для разработки географической терминологии 4 июня 1847 г. было решено составить инструкцию для сбора географических терминов. Надеждин сообщил, что он отправляется по России для сбора народных терминов. Григорьев обязался для этой цели пересмотреть «Архангельские губернские ведомости». Савельев взялся собрать местные термины из других повременных изданий, а также обещал передать в Общество рукописный сборник беломорских слов, собранных его братом А. П. Савельевым (адъюнкт-профессором Казанского университета) во время путешествия на Новую Землю и Канин полуостров. Савельев сказал, что он будет вести переговоры с некоторыми моряками, которые, «как ему известно, собирали подобные слова». Г. Ф. Стефан обещал передать в Общество свою коллекцию географических терминов. Члены комиссии высказали желание ознакомиться с коллекцией географических терминов П. И. Кеппена.

7 июня 1847 г. на первой странице «Санкт-Петербургских ведомостей» была опубликована небольшая статья «От Географического общества». Оригинал ее, написанный рукой Н. И. Надеждина, сохранился в Архиве Общества. «В простом обыкновенном употреблении во всех краях и у всех народов,— писал он,— находится много слов для означения географических предметов, т. е. вида, объема, состава, качества и вообще всех свойств местностей, коих исследованием занимается география» [22].

В качестве примеров Надеждин приводит слова, которые существуют для «означения разных видов понижения земной поверхности: дол, долина, суходол, овраг, буерак, балка, ров, яма»; для «означения разных видов возвышенностей: гора, горка, пригорок, горище, угор, бугор, высь, холм, курган»; а для «означения разного способа и рода жительства» Надеждин приводит такие слова, как «город, пригород, местечко, предместье, посад, кочевье».

Много подобных слов, указывал Надеждин, уже вошли «в ученое употребление и тем обогатили географический язык, но большая часть их остается неизвестною, и потому для выражения какого-либо предмета или свойства изобретаются иногда неудачные новые слова или употребляются слова иностранные». Географическое общество обращалось «ко всем любящим отечественное просвещение» сообщать местные географические слова и выражения [22].

Первым на призыв Географического общества откликнулся петербургский мещанин Михайло Иванов. 27 июня 1847 г. он прислал объяснение 30 местных слов Ярославской губернии. Вместе с этим Иванов передал в Географическое общество атлас 1737 г. [1] и астрономический чертеж. В приложенном письме Иванов писал: «Любя науки и радуясь о всяком учреждении, приносящем честь и пользу отечеству, каково есть Географическое общество, принявшее на себя великий сей труд, [и] усмотрев из Полицейской газеты потребность объяснений

предметов, относящихся к географии, приступаю к описанию оных, как бы пояснению одних и тех же предметов, двояко называющихся, не распространяясь обширностью, но только по Ярославской губернии».

Географические «предметы», которые объяснил Иванов, связаны с городскими и сельскими поселениями Ярославской губернии, а также с ее поверхностью, реками, озерами, болотами, полями и лесами. Вот несколько примеров из его записки. Город Иванов определяет не численностью населения, а тем, что он имеет «уезд, уездные присутственные места и казначейство». Пригород, слобода пригорода или предместье—это «отдельные кварталы от центра города». «Упраздненный или заштатный» город не имеет ни уезда, «ни присутствий», но имеет ратушу. Слобода или посад иногда бывают отделены от города несколькими верстами, «управляются ратушей, жители все мещане».

Ям, или ямская слобода,—селение, где живут ямщики, и должен быть «станционный дом». Селом называют такое селение, «где находится дом помещика, но сие,—пишет Иванов,—несправедливо. Селом следует называть [селение], где есть церковь, хотя и нет господского дома». Сельцо—это такое селение, где «есть дом помещика, но церкви нет». Приселок «такое селение, где есть господская запашка земли и скотный двор, но помещик жительство не имеет, особого дома для его приезда нет». И, наконец, «деревни,—пишет Иванов,—все населены крестьянами разных ведомств, казенными, государственными, экономическими, свободными хлебопашцами и помещичьими» [40, 1847 г., прил. 2, л. 258].

Материалы Иванова представляют большой интерес для характеристики населенных пунктов дореформенного периода. Тип сельских поселений в этот период зависел от повинностей, которые несло крестьянское население по отношению к помещику или государству.

Для поощрения таких добросовестных корреспондентов Общества, как Иванов, комиссия для разработки географической терминологии признала полезным «объявлять изредка во всеобщее известие имена подобных вкладчиков». П. С. Савельев по поручению комиссии опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью о сообщении Иванова, где было отмечено, что Географическое общество, «с благодарностью приняв сообщение Иванова, признало полезным о таком ревностном участии его в деле науки довести до всеобщего сведения».

Второе заседание комиссии для разработки географической терминологии состоялось 26 сентября 1847 г. К этому времени было получено 200 местных географических терминов. Изучение их показало членам комиссии «недостаточность первоначального объявления о цели комиссии», поэтому было признано «необходимым сделать новое пояснение инструкции и для того проект ее сообщить впредь каждому из гг. сочленов для просмотра; окончательную же редакцию инструкции утвердить в следующее заседание» [40, 1847 г., прил. 1, лл. 53—54].

В Архиве Географического общества сохранилось 4 экземпляра инструкций с замечаниями членов комиссии. В первом варианте во вводной части инструкции подчеркивалась важность «обработки терминологии или языка, употребляемого наукой», для совершенствования самой науки. Язык географии как науки, писали члены комиссии, «почти весь существует уже в живом общеупотребительном языке людей. Тут нет такой необходимости, как в других науках, прибегать к составлению новых искусственных терминов. Географические предметы вообще так крупны и наглядны и притом столь близки и неизбежно прикосновенны к людскому быту, что для них везде придуманы местные наименования, точные и выразительные, как все, что выходит из уст

народа, под непосредственным влиянием живого созерцания действительности» [там же, л. 1].

Из этого «обширного запаса живых народных языков» географы используют термины «без критики, без системы». Вот почему Географическое общество решило «посвятить особые труды» на сбор и разработку географической терминологии. Географическое общество обращалось ко всем «любящим просвещение соотечественникам» с просьбой доставлять в Общество местные слова и выражения, относящиеся «к географическим предметам». Сюда авторы проекта инструкции относили «наименования различных видов, очертания, направления, состава и свойства земной поверхности, как сухой, так и покрытой водами [предметы физико-географические, орографические, гидрографические], названия особенных явлений природы, свойственных местностям, [предметы метеорологические, климатические — вообще фенологические], наименования разных видов расселения людей и всех вообще особенностей их быта, характеризующие разные местности [предметы этнографическо-статистические]» [там же, л. 3].

В Архиве Географического общества есть два экземпляра этой инструкции, почти сплошь исписанные пометами и замечаниями членов комиссии для установления географической терминологии. Н. И. Надеждин, по-видимому основной автор инструкции, написал: «С моей стороны нахожу удовлетворительным». Милютин предложил во многих местах инструкции вставить примеры, чтобы пояснить идеи, выраженные в инструкции «совершенно абстрактно». Он считал, что сбор местных географических слов и выражений не следовало ограничивать только пределами России. По мнению Г. Ф. Стефана, можно было обойтись без примеров, предлагаемых Милютиным. «Предмет наш,— писал Стефан,— давно обращал внимание на себя мыслящих людей, а от таких мы должны ожидать содействия». В. С. Порошин находил инструкцию неудовлетворительной, а Григорьев, соглашаясь с замечаниями Милютина, находил инструкцию «совершенно удовлетворительной». Он считал нужным, «не теряя времени на примирение мелочных разногласий, пустить это объявление в ход как можно скорее» [там же, л. 33].

К вводной теоретической части инструкции Д. А. Милютин сделал важное дополнение. В том месте, где говорилось, что «для многих географических понятий не оказывается приличных слов, тогда как они есть. Поэтому самые понятия не проясняются во всей полноте их оттенков... и остаются потерянными для знания». Милютин предложил вставить: «географическая наука еще не признала некоторых видовых оттенков, которые, однако ж, в языках народных имеют даже особые собственные наименования и, следовательно, стоило бы только подслушать эти народные выражения, чтобы вместе с ними внести в самую науку и новые понятия, обогатив ее новыми данными».

Новая инструкция комиссии для разработки географической терминологии теперь уже адресовалась к другой категории корреспондентов Общества. Для большего успеха своих предложений комиссия нашла нужным обратиться с просьбой «к людям специально образованным» и просила их собирать и доставлять местные, употребительные в народе слова и выражения, относящиеся к «географическим предметам».

В инструкции подчеркивалось, что Обществу нужны были «не одни слова, а вместе и точное их значение. Поэтому, чем подробнее будет описан предмет, означаемый словом, чем яснее указаны будут все отличительные его признаки и свойства, тем услуга Обществу будет важнее и полезнее» [там же, л. 44].

11 декабря 1847 г. Совет Географического общества утвердил в со-

кращенном виде представленную комиссией инструкцию и циркуляр «для лиц, кои пожелали бы содействовать ее трудам». Циркуляр был напечатан в количестве тысячи экземпляров, а инструкция — 5 тыс.

В декабре 1847 г. Ф. П. Литке предложил членам комиссии от своего имени вопрос: «как выразить по-русски Erdkunde? Каждый из нас,— писал он,— понимает все значение этого слова и согласится, что география, землеописание и пр. значит не то. Землезнание, землеведение ближе, но не клеется. Дарование такого слова русскому географическому языку было бы прекрасным дебютом комиссии» [там же, л. 55]. Можно считать, что сам Литке и «подарил» русскому географическому языку термин «землеведение». Против введения его в науку, но по разным причинам, выступили Д. А. Милютин и Г. Ф. Стефан.

Д. А. Милютин писал, что в слове Erdkunde не было надобности, так как уже имелись слова для «обозначения каждого вида или сферы знаний относительно земной поверхности и целого земного шара. Сведения о поверхности земной и ее внешнем виде в данный момент» Милютин называл географическими. «Сведения теоретические о самих законах устройства земного шара как тела физического» Милютин называл геологическими. «И, наконец,— писал он,— если еще теснее хотим выразить исследование о коре земной, то называем геогнозию. Для чего же еще нужно слово Erdkunde?».

Эти высказывания Милютина вполне согласуются с его взглядами на географию, которые он высказал в книге «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» [20]. Милютин неправильно считал, что география не является наукой и она «всегда останется сборником одних данных» о земной поверхности, ибо в ней, «как в общем резервуаре, находят себе место все сведения о поверхности земной, без разбора целей и намерений, с коими сведения эти собираются, без различия отраслей наук, к которым они могут относиться» [20, 33—34].

Более глубокий ответ на вопрос Ф. П. Литке дал Г. Ф. Стефан. Он писал: «Слова „землезнание“, „землеведение“ не могут быть признаны соответствующими слову Erdkunde, во-первых, потому, что заключают в себе некоторую двусмысленность или сомнение в том, относится ли это знание или ведение до качеств различных родов земель в химическом или агрономическом отношении или до земли в смысле земного шара, и, во-вторых, потому, что слова „знание“ или „ведение“ не означают науки, как того требует немецкое слово Kunde; по этой же причине не удовлетворяет требованию и ближе подходящее слово познание земли (Erdkenntnis), если не присовокупить к нему условия как наука. Это ведет к заключению, что предлагаемое слово может равносильно переведено быть только составным выражением „наука познания земли“» [40, 1847 г., прил. 1, л. 58].

Из этого интересного высказывания Стефана видно, что при переводе слова Erdkunde у него возник вопрос, отнести ли это слово к региональной географии или почвоведению. В отличие от Милютина Стефан считал географию наукой и предлагал отразить это в переводе слова Erdkunde, что, по его мнению, означало: наука познания земли. Оно подходит к современному понятию «наука о земле». Здесь важно отметить, что в те годы между членами Географического общества существовали серьезные разногласия по методологическим проблемам географической науки, что не могло не влиять и на географическую терминологию.

А теперь вернемся к предложениям Ханькова. Ханьков писал, что объяснение терминов не только окажет влияние на усовершенствование географического языка, но и «поведет к объяснению важнейших

географических вопросов, откроет обществу случай и возможность не ограничиваться одним расширением фактической географии, но, выходясь до той степени, на которую возвели ее Гумбольдты и Рихтеры, упрочит права ее на место в кругу наук, что еще доселе отрицается, к сожалению, многими» [там же, л. 6].

Среди «многих» Ханыков имел в виду прежде всего Д. А. Милютина — его взгляды на физическую географию. Что же касается статистики (экономической географии), то она, по мнению Милютина, «имеет полное право называться наукой, имея свой определенный предмет, объем и цель, тогда как география есть сборник данных отдельных, без всякой взаимной связи, без всяких выводов» [20, 34—35].

У Ханыкова по этому вопросу было совершенно другое мнение. В то время, писал он, как статистика страдала «от неумеренной заботливости о развитии и усовершенствовании методологической части ее, география терпела... от того, что все внимание занимавшихся ею поглощено было фактической стороной науки... чем разъяснением основных географических понятий» [40, лл. 1—2]. Накопление географических данных без «систематического обрабатывания» Ханыков считал бесплодным, пренебрежение к географической теории вредным, а «ложное направление этой теории» губительным для науки [34, 7].

Летом 1848 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована еще одна статья о работе комиссии по установлению географической терминологии, написанная ее членом, профессором политической экономии и статистики С.-Петербургского университета В. С. Порошиным, автором оригинальной работы «Критическая исследования об основаниях статистики» [26]. В этой работе он писал, что статистика (экономическая география) изучает отношения между землей и человеком, а предметом географии является земля. На лекциях в университете Порошин знакомил студентов с учением Фурье. У петрашевца А. В. Ханыкова — младшего брата Я. В. Ханыкова — во время следствия по делу петрашевцев найдены были записи лекций Порошина по курсу политической экономии, составленные студентом А. Якубовским.

Статья «Деятельность Русского географического общества», написанная Порошиным для широкого круга читателей, начинается с определения главного термина науки: «Что есть география?» «География,— пишет Порошин,— есть точное знание живых урочищ, их свойств внешних и внутренних. Предмет ее — шар земной или известная часть его; познание начинается с частей и стремится обнять целое».

Термин «урочище» Порошин определяет с помощью народных слов и выражений. Оно происходит от слова «урок»: «дать урок в книге или в поле». Пределы уроков, пишет Порошин, «указываются внешними знаками, перстом или шестом, отсюда понятие знака. В народе говорится: „оспа изурочила его“, т. е. оставила знаки на лице его, ямы и бугры...». Порошин пишет, что слово «урочище» широко применялось в межевании, которое всегда было тесно связано с географией, где «живыми урочищами» называли «естественные предметы, как ручей, овраг, край болота, холм и проч. ...Означение границ есть главная при этом цель; и потому, все что может служить знаком и мерою пространства, способствует межеванию» и районированию в географии — можно добавить сейчас.

Урочище, по Порошину,— «это громады Кавказа, уединенный Вайгач, система вод Днепра или Рейна». Они существуют в «естественной, самобытной своей целостности». Задача географии заключается в том, чтобы «узнать и определить их свойства, связь и соотношение, разга-

дать их влияние на человека». Такое определение географии для 40-х годов XIX в. было выдающимся событием в науке.

Далее в статье Порошин, опираясь на народное творчество, обосновывает необходимость коллективной работы членов Географического общества. «У славян,— пишет он,— есть пословица, выражающая мысль, что истина познается общими силами». Пословица эта состоит из трех слов — «все знают все». Она, по мнению Порошина, может служить девизом Географического общества, цель которого собирать, обрабатывать и распространять географические сведения о России и сопредельных странах.

«Россия обширна,— писал в заключение Порошин,— на таком пространстве местности очень разнообразны, а географический язык беден и бледен; нельзя же допустить, чтобы народ не заметил и не отметил живым словом местных различий» [27].

Взгляды Порошина на географию близки к взглядам другого выдающегося ученого-энциклопедиста — Н. И. Надеждина, которого, как мы уже отмечали, высоко ценил Чернышевский. Еще в 1837 г. Надеждин писал, что «содержание географии составляют местности. Местностями называются все отличающиеся друг от друга предметы... Эти предметы созданы или самою природой, или руками людей. Поэтому местности разделяются на природные и рукотворные. К первым принадлежат все так называемые живые урочища: моря, озера, реки, болота, горы, долины, ущелья, поля, леса, степи — все физические видоизменения пространства. Ко вторым относятся места, озаменованные пребыванием и работою людей,— города, села, деревни, укрепления, курганы, валы, окопы, дороги, мосты, перевозки» [21, 37].

Надеждин считал, что «это различие местностей принимается во внимание для разделения географии на физическую и политическую». То, что Надеждин относил к политической географии, сейчас мы относим к экономической географии. Интересное определение Надеждина дал и в обращении ко всем любителям просвещения для сбора географических терминов. «География,— писал он,— занимается изучением всех свойств местностей — их вида, объема, состава, качества». Такое определение географии не потеряло своего значения и до настоящего времени.

Другой член комиссии по установлению географической терминологии, Г. Ф. Стефан, внес в Совет Общества конкретное предложение, как изучать местности. Он предложил учредить при Отделении географии России особый топографический комитет, который бы комплексно исследовал земную поверхность. При этом сведения о природе, населении и хозяйстве, «письменные и графические», нужно было собирать только такие, которые «относились бы до характеристики родов местных предметов, а не индивидуально до каждого вида».

Сельскохозяйственные угодья Стефан рекомендовал изучать «по степени совершенства сельского хозяйства и по средствам края». При изучении рельефа местности, например, в отношении долин нужно было учитывать, «где они меловые, где углубленные *Auswaschungsthäter*, подъемные *Erhebungsthäter*, и таким порядком при каждом топографическом предмете исследовались бы его родовые признаки». «Такое воззрение на предмет топографии,— писал Стефан,— отличаясь резко от сведений, доставляемых топографическими съемками и картами, имело бы пользу не только в ближайшем познании России, но и в самом производстве съемок, ибо было бы средство устранить неопределенность многих ныне употребляемых условных знаков» [40, 1847 г., л. 17].

По существу, Стефан предлагал новый метод детального изучения территории на основе широкого использования материалов топографи-

ческой съемки, который давал возможность исследовать развитие типов местности. Новый метод мог помочь и в изучении «свойств почвы», и в том, чтобы найти путь «к сближению однородных предметов для указания характеристики каждого» [там же].

В 1847—1849 гг. в комиссию для разработки географической терминологии поступило большое количество терминов из Астраханской, Воронежской, Иркутской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Ярославской губерний, а также с Камчатки, с берегов Северного Ледовитого океана, Белого и Каспийского морей и с Украины.

«Бумаги», поступившие в комиссию, сохранились в архиве Общества. Они записаны Савельевым в особый список под номерами 1—54. Среди материалов имеются местные географические термины, присланные географами и путешественниками, историками и любителями географии. Географические термины, употребляемые в Саратовской губернии, и «Опыт простонародного языка, в алфавитном порядке изложенный» прислал член-корр. Статистического отделения министерства внутренних дел А. Леопольдов, автор интересных работ о Саратовском крае [18; 19].

«Термины географические, употребляемые в Сибири» доставил Н. С. Шукин, автор статьи «Географическая и этнографическая терминология Восточной Азии» [36]. Член-сотрудник Географического общества П. Ф. Кузмищев, автор статей о морской географической терминологии [15; 16], прислал «особенные слова, употребляемые жителями Архангельской губернии, [и] слова сибирские и камчатские».

Известный путешественник, географ, этнограф и ботаник А. И. Шренк передал в Общество географические термины, собранные им в 1837 г. во время путешествия по северу Европейской России, совершенного по поручению Ботанического сада Академии наук.

В примечании к статье «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии» [35] Шренк писал, что уже после ее написания он познакомился с «собранием провинциализмов северного наречия», опубликованным жителем Архангельской губернии Кузмищевым в «Архангельских губернских ведомостях». Собрание Кузмищева как «долголетнего жителя северного поморья,— писал Шренк,— содержит в себе гораздо более слов, нежели сколько собрано их мною» [там же, 121].

Свою статью Шренк рассматривал как дополнение к работе Кузмищева. Из опубликованных в «Записках Географического общества» 350 областных слов и выражений Архангельской губернии Шренк отобрал географические термины и передал их в Географическое общество, где они сохранились в материалах комиссии. [40, 1847 г., прил. 2; лл. 116, 163].

Для примера приведем объяснение слова «тундра», взятое из материалов Шренка. «Тундра,— писал он,— слово, ныне вполне усвоенное русским языком, происходит от финского тунстури, которым означаются высокие плоские вершины гор, по возвышенному своему положению не производящие лесов, но покрытые мхами и поростами, сменяющимися низкими подгорными травами, а инде мелким кустарником, как в верхнем безлесном севере все равнины принимают свойства этих возвышенностей, то русские отнесли к ним общее название тундры. Самоедскому языку слово это совершенно чуждо» [там же, л. 138].

Важно отметить, что в статье «Областные выражения русского языка в Архангельской области» Шренк высказывает свои соображения по поводу дискуссии в Географическом обществе о словаре географической терминологии А. В. Ханькова. Шренк предлагал составить

русский географическо-терминологический лексикон, который должен был стать сборником «всех выражений, употребляемых русскими в различных частях государства для обозначения местностей».

Главное внимание в этом лексиконе необходимо было обратить на «областные выражения всех стран России, их объяснение и производство, ибо,— писал Шренк,— что такое гора, это едва ли кому неизвестно, и значение этого слова русскому человеку не вздумается отыскивать в географическом лексиконе; но что такое хибен или варака, многие из нас не узнают, не наведя справки». Только для «означения скалы,— писал далее Шренк,— в русском языке северного приморья имелось семь слов: „корга, подводница, поливуха, пахта, стальник, луда, щерлопы“».

Шренк считал, что издание лексикона будет полезно, «и не для одних русских, а для иностранцев, занимающихся географическими или даже историческими исследованиями какого-либо отдельного края России. Но этот географический лексикон,— писал далее Шренк,— специально русский составит только малую часть того, что я понимаю под значением общего для России географического словаря. Этот последний будет содержать в себе изъяснение выражений, до местностей относящихся, употребляемых отдельно каждым народом России...» [35, 122, 123].

Шренк отметил важность лексикона и для картографии и топонимики. На картах, писал он, названия урочищ «до невероятности искажены и составляют ныне мертвое скопление букв, часто варварского звука и не имеющего для нас ни малейшего значения, не возбуждающее никакой мысли; если же мы будем понимать знаменование географических терминов народа той страны, то карта перед взором нашим оживится и понятные названия породят в уме идеи, которые поведут к розысканиям» [там же].

Предложение Шренка о составлении географическо-терминологического лексикона не снимало с повестки дня вопроса об издании словаря географической терминологии Я. В. Ханькова, главной задачей которого была разработка географической теории. Словарь Шренка мог бы помочь выполнению этой задачи, так как в словарь должны были войти географические термины не только русского, но и других народов России.

Важно отметить, что в материалах комиссии для разработки географической терминологии встречается и имя В. И. Даля, автора четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» [13], удостоенного впоследствии высшей награды Общества.

30 декабря 1847 г. Даль обратился в комиссию для разработки географической терминологии с просьбой «о присылке ему на просмотр получаемых комиссиею статей» [40, 1847 г., прил. 3, л. 61].

Из материалов, поступивших в комиссию, видно, что в январе 1849 г. Даль передал в комиссию 273 слова «на обмен слов, не имеющих в его собраниях». О работе Даля над словарем и его связях с Географическим обществом можно получить некоторое представление из воспоминаний писателя и переводчика В. М. Лазаревского и его переписки с Далем, опубликованных сыном В. М. Лазаревского [17].

Личное знакомство Лазаревского с Далем произошло при следующих обстоятельствах. В 1847 г. Лазаревский при содействии своего брата Ф. М. Лазаревского, служившего попечителем киргизов в Орской крепости, был принят на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. В это время в ссылке в Орской крепости находился Т. Г. Шевченко, друзья которого в Петербурге через В. М. Лазаревского доставили

украинскому ссыльному поэту и художнику «карандаши, краски, сигары, книги».

Уезжавшему обратно в Петербург в том же, 1847 г. В. М. Лазаревскому Шевченко передал свою просьбу: «освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский, у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий» [17, 545].

По приезду в Петербург Лазаревский сразу написал Далю, который в связи с просьбой Шевченко ответил так: «Умные люди о таких вещах по городской почте не пишут». При содействии Даля Лазаревский получил место чиновника в Особенной канцелярии министерства внутренних дел. Чтобы занять вакантную должность, Лазаревский по приказанию министра внутренних дел Л. А. Перовского должен был написать конкурсную записку об освобождении крестьян.

С 1841 по 1849 г. Особенную канцелярию возглавлял Даль. Лазаревский пишет, что последний год службы Даля в этой канцелярии до его отъезда в Нижний Новгород он сидел с Далем «стол-о-стол». «Даль,— писал Лазаревский,— был бесспорно первый человек в министерстве... Унаследовал ему Надеждин, но только по научной стороне деятельности графа [Перовского]. Деловая интимность его сосредоточивалась [за отъездом Ханькова] на Н. А. Милютине, на которого исключительно работал Надеждин».

Большой интерес представляют воспоминания Лазаревского о служебных занятиях Даля, который в эти годы получал большое количество посылок с «местными словами» по циркулярам разных управлений, и в особенности от директоров гимназий. «Все это,— писал Лазаревский,— списывалось в канцелярию в азбучном порядке, на лентах, ленты назывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по городам. Были полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т. п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду» [17, 249].

Лазаревский пишет, что «самый воздух этой канцелярии был до того пресыщен русскою филологией», что скоро и он втянулся в это дело и стал составлять «Малороссийско-русский словарь», который, по мысли Даля, должен был стать частью полного словаря «отечественного языка». С отъездом в июне 1849 г. Даля в Нижний Новгород в качестве управляющего Удельной конторой канцелярия «осталась трупом». С этого времени между Далем и Лазаревским завязалась оживленная переписка.

В октябре 1849 г. Даль писал Лазаревскому: «Занимаюсь пословицами, хочу их кончить; тогда уже за словарь. Ради бога, устройтесь таким образом, чтобы ваш словарь не мог сгинуть; это уложило бы меня до времени в могилу».

Из этого письма видно, что Даль хотел приступить к работе над своим словарем примерно в то же самое время, когда комиссия по разработке географической терминологии решила приступить к систематизации собранных ею материалов.

В марте 1850 г. Даль писал Лазаревскому: «За труд Ваш в словаре не смею и благодарить: вы работаете для дела, как и я, и каждому из нас придется своя доля признательности общей, если мы успеем в начатом» [17, 553]. Даль по-прежнему интересовали материалы, собранные комиссией для разработки географической терминологии. Он в шутилом тоне просит Лазаревского передать поклон писцу Географического общества Шварцу и обещает, «если он не пришлет подачки из Географического общества, прижать до слез брата его, который вступает на службу в контору» Даля.

В июле 1850 г. Даль опять просил Лазаревского прислать материалы из Географического общества. Он писал: «Начал разработку языка по наречиям и зимою, вероятно, кончу. Если вам работа надоела, пожалуйста, пришлите как есть, все-таки труда вашего много и много спасибо. Да нельзя ли хоть выписать слова, поступившие после меня в Географическое общество? Вот этим бы крайне одолжили; поговорите с Шварцем. Ведь общеизвестные не нужно, с выбором, и потому работы было бы не очень много, — а?».

В это время активность комиссии для разработки географической терминологии резко упала. В апреле 1849 г. было арестовано восемь членов Общества, замешанных в деле петрашевцев, в том числе и Баласогло, сосланный под секретный надзор в Петрозаводск. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» [25], основные статьи которого были написаны М. В. Петрашевским, был почти полностью конфискован, а Петрашевский отправлен в бессрочную каторгу в Сибирь.

Возможно, что в связи со всеми этими обстоятельствами Савельев вынужден был написать, что в 1850 г. «терминологическая комиссия ровно ничего не сделала, ни на волос не подвинула дела вперед». В январе 1851 г. из состава комиссии вышел Порошин, уволенный за несколько лет до этого из Петербургского университета за свое прогрессивное мировоззрение. В письме к секретарю Географического общества Н. К. Гирсу Порошин в начале 1851 г. писал, что он чем мог содействовал «прекрасной цели» комиссии, а ныне просит Совет уволить его от этого звания.

Последнее заседание комиссии состоялось 17 марта 1851 г. Надеждин предложил соединить вместе географические термины, вошедшие в лучшие русские словари. На Ханыкова, назначенного в начале 1851 г. секретарем Общества и членом комиссии для разработки географической терминологии, была возложена работа по систематизации всех собранных материалов.

Но активная деятельность Ханыкова в Обществе продолжалась недолго. В начале 1852 г. в связи с назначением его на должность Оренбургского гражданского губернатора Ханыков вынужден был оставить Общество и выехать в Уфу.

В это же время, по случаю отъезда в Оренбург, прекратилась деятельность в комиссии и Григорьева. В январе 1852 г. накануне отъезда в Уфу Ханыков сообщил Совету Общества, что закончена выборка географических терминов из Академического словаря. Эту работу выполнял Лазаревский.

Ханыков не случайно привлек к составлению словаря географической терминологии ближайшего сотрудника Даля — Лазаревского. Даля и Ханыкова связывала давняя дружба, начавшаяся еще в Оренбурге, где с 1836 по 1841 г. они служили под начальством Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского. Даль, как известно, был членом-учредителем Географического общества. Через два месяца после основания Общества он предложил вместе с Г. П. Гельмерсеном избрать членами Общества Я. В. и Н. В. Ханыковых и В. В. Григорьева. И, конечно, Ханыков обсуждал с Далем программу Русского словаря географической терминологии и ход дискуссии о нем в Обществе.

В письмах к Лазаревскому, о которых шла речь выше, Даль дважды упоминает Ханыкова. В первый раз он писал, как был обрадован тем, что Ханыков нашел его дневник Хивинского похода, а второй раз просто спрашивал Лазаревского: «Что Ханыков?». В начале 1852 г., не имея возможности продолжать работу над словарем из-за отъезда в

Уфу, Ханыков с согласия Совета просил В. А. Милютин передать все материалы комиссии для разработки географической терминологии Лазаревскому для систематизации и обработки.

Лазаревский работал над материалом комиссии около года, а затем результаты своей работы передал для окончательного завершения Дально. Получив 8 декабря эти материалы, Даль писал Лазаревскому следующее: «На письмо ваше, Василий Матвеевич, от 3 ноября не хотел отвечать до получения словаря, который прибыл 1 декабря, а там дней пяток я прихворал. Наперед всего, искреннее спасибо за этот труд, я вовсе не думаю вскоре окончить этой работы — досугу и здоровья мало; но предполагаю, что и вам едва ли будет время заниматься им и окончить. Я желал или предпочитал синицу в руках журавлю в небесах. И так спасибо» [17, 556]. Через три дня Даль опять писал Лазаревскому, предполагая, что он «прогневался», и просил прислать «Малороссийский словарь».

15 января 1853 г. секретарь Географического общества В. А. Милютин по поручению Совета обратился к Лазаревскому с просьбой передать ему на время все географические термины, собранные комиссией для разработки географической терминологии. Вместе с этим Милютин просил Лазаревского сообщить Совету, «в каком положении находится ныне эта работа и можно ли ожидать скорого ее окончания» [40, 1847 г., л. 74].

Отвечая на этот вопрос, Лазаревский писал: «Если Совету угодно будет дозволить мне воспользоваться возвращаемыми теперь материалами, для некоторых при работе справок и дополнений, я мог бы надеяться окончить помянутый свод в продолжение шести месяцев сего года» [там же, л. 75]. Обратного материалов из Общества Лазаревский не получил. По-видимому, Совет Общества ему не доверял и вообще считал несвоевременным издание русского словаря географической терминологии ввиду тяжелых цензурных условий, в которые было поставлено Общество после разгрома петрашевцев.

Еще в 1850 г. Д. А. Милютин, А. П. Заблоцкий-Десятовский и К. С. Веселовский внесли в Совет Общества предложение об издании географическо-статистического словаря России, в который можно было вместить «разнообразные факты без подчинения их тому или другому направлению» [5, 395]. С этого времени в Обществе началась работа по подготовке к печати «Географическо-статистического словаря России», завершившаяся в 1886 г. изданием его пятого, последнего тома.

Хотя материалы дискуссии в Географическом обществе о Русском словаре географической терминологии Я. В. Ханыкова не были опубликованы, они оказали большое влияние на дальнейшую деятельность Географического общества и развитие географической науки.

Во время дискуссии были обсуждены важнейшие вопросы географической теории, доказаны преимущества коллективной работы членов Общества над основными проблемами географической науки, обоснована необходимость обобщения народного опыта изучения географии и сбора географической информации через любителей географии в различных районах России. Осуществление на практике одобренных на дискуссии методов работы позволило Географическому обществу внести большой вклад в изучение России и стран Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг, СПб., 1737.
2. Берлинер Г. Чернышевский о Белинском,— «Литературное наследство», М., 1936, т. 25—26.
3. Вальская Б. А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. до 1861 г.,— «Вопросы географии», 1950, сб. 17.
4. Вальская Б. А. История составления и издания Географическо-статистического словаря России П. П. Семенова,— «Вопросы географии», 1951, сб. 24.
5. Вальская Б. А. Первые попытки описания России Географическим обществом,— «Вопросы географии», 1953, вып. 31.
6. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.
7. Вальская Б. А. Николай Алексеевич Милютин. Отечественные экономико-географы, М., 1957.
8. Вальская Б. А. Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока, М., 1960.
9. Вальская Б. А. Проблемы изучения географических названий в истории Географического общества СССР,— «Повідомлення Української ономастичної комісії», в. II, Київ, 1967.
10. Вальская Б. А. Яков Владимирович Ханьков,— «Страны и народы Востока», 1970, вып. X.
11. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. Составил Н. И. Веселовский, СПб., 1887.
12. Григорьев В. В. Опыт статистического распределения губерний и областей империи,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1847, ч. XIX.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1863—1866.
14. Завьялов В. В. Успехи развития азиатской географии в последние пятнадцать лет,— «Оренбургские губернские ведомости», ч. неоф., 6.XII.1852.
15. Кузмищев П. Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном океане и в Восточной Сибири,— «Записки гидрографического департамента Морского министерства», 1846, т. IV.
16. Кузмищев П. Дополнение к собранию беломорских слов,— «Записки гидрографического департамента Морского министерства», 1848, т. VI.
17. Лазаревский В. М. Из бумаг В. М. Лазаревского,— «Русский архив», 1894, вып. 8.
18. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края, М., 1848.
19. Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1860, ч. XII, кн. 6.
20. Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики, СПб., 1846.
21. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии Русского мира,— «Библиотека для чтения», 1837, т. 22.
22. Надеждин Н. И. От Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 7.VI.1847.
23. Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской,— «Записки Русского географического общества», 1849, кн. I—II.
24. Надеждин Н. И. Автобиография,— «Русский вестник», 1856, т. II.
25. [Петрашевский М. В.] Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, вып. II, СПб., 1846.
26. Порошин В. С. Критические исследования об основаниях статистики, СПб., 1838.
27. Порошин В. С. Деятельность Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 22, 23.VI.1848.
28. Р. И. В собрании Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 27.III.1847.
29. Савельев П. С. Средняя Азия. Обзорные географические открытия и путешествий, совершенных в Средней части Азии с древнейших времен до наших дней. Карманная книжка для любителей земледения, издаваемая от Русского Географического общества, 1848, СПб., 1849.
30. Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, СПб., 1896.
31. Собрание Русского Географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 22.II.1847.
32. Соколов Н. А. Надеждин и Белинский, Л., 1948, [Тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук].
33. Ханьков Я. В. Карта земель киргизов Внутренней и Малой орды,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1845, ч. 10.

34. Ханыков Я. В. Географические очерки Оренбургского края,— «Оренбургские ведомости губернские», ч. неоф., 1853, № 1.
35. Шренк А. И. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии,— «Записки Русского Географического общества», 1850, кн. IV.
36. Шукин Н. С. Географическая и этнографическая терминология восточной Азии,— «Вестник Русского географического общества», 1856, ч. 17.
37. [Humboldt A.] *Asie Centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée* par A. Humboldt, vol. 1—3, Paris, 1843.
38. [Richter A. B.] *Société Geographique*,— «Journal de Saint-Petersbourg», 14/26II. 1847.
39. [Richter] A. *Société Geographique*,— «Journal de Saint-Petersbourg», 12/24.III.1847.
40. АГО (Архив Географического общества СССР), ф. I, оп. I, № 5.
41. АГО, ф. I, оп. I, № 2.
42. АГО, ф. I, оп. Ia, № 1.
43. АГО, р. 110, оп. I, № 218.
44. ЛОААН (Ленинградское отделение архива Академии наук СССР), ф. 30, оп. 3, № 70.
45. ЦГИА (Центральный Государственный исторический архив), ф. 869, оп. I, № 1102.

Н. А. Кисляков

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПАТРОНИМИЯ»

Термин «патронимия» за последние два десятилетия широко вошел в научный обиход советских этнографов. Его можно встретить во многих работах, посвященных социальным отношениям и пережиткам родового строя различных народов.

Термин этот в советской этнографии введен М. О. Косвенем, посвятившим вопросу о патронимии ряд своих исследований, начиная с его ранних трудов 30-х годов и кончая специальной книгой «Семейная община и патронимия», одной из последних публикаций этого видного исследователя [15, 93]. Поскольку эта монография является как бы итоговой работой М. О. Косвена по патронимии, мы в данной статье будем обращаться непосредственно к ней.

М. О. Косвен на стр. 94—96 своей книги приводит солидный список советских авторов, которые выявили и частично исследовали патронимию у различных народов Советского Союза и других стран. Это обстоятельство свидетельствует о том, что термин «патронимия» оказался очень популярным и получил признание многих исследователей.

Мы позволим себе здесь привести дословно общее определение патронимии, данное М. О. Косвенем: «Патронимия — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» [там же, 97]. В данном определении под патриархально-родовым строем следует, видимо, понимать последний этап первобытнообщинного строя или первобытнообщинной социально-экономической формации, другими словами, эпоху упадка, распада этой формации, смены ее классовыми отношениями. Об этом М. О. Косвен недвусмысленно говорит тут же, вслед за приведенной цитатой: «патронимия возникла и складывается в условиях патриархально-родовых отношений и сохраняется в последующих (классовых.— Н. К.) формациях».

Но приведенное определение оставляет неясным следующее обстоятельство. Если патронимия образуется в результате разрастания и сегментации патриархальной семейной общины, то могут ли возникающие семьи вновь превращаться и превращаются ли в патриархальные семейные общины или же нет? Судя по тому, что в приведенном определении говорится «о больших или малых семьях», входящих в патронимию, а также исходя из дальнейших высказываний автора [там же,

118] видно, однако, что на каком-то определенном этапе (по выражению автора, «архаические») патронимии снова приводят к образованию больших семей, и только позднее, на следующем этапе, они состоят уже исключительно из малых семей. Правда, автор, говоря о больших семьях, умалчивает о том, были ли это большие семьи просто по численности или патриархальные семейные общины.

В данной статье мы будем пользоваться в основном работами тех авторов, на которых ссылается в своей книге М. О. Косвен.

Бросается в глаза, что не все авторы считают, по-видимому, возможным отчетливо говорить об образовании «патронимических» групп как о результате сегментации больших патриархальных семей. Особенно хорошо это видно на материале кавказских народов. Чтобы не быть голословным, остановимся здесь на некоторых примерах.

Так, Ш. Инал-Ипа пишет, что у абхазов в результате естественного разложения или путем сегментации нередко из рода выделяется часть его и она становится самостоятельной родственной группой в экономическом, общественном и идеологическом отношениях; это роды вторичного происхождения, или «фамилии». Каждая более или менее многочисленная фамилия «аешъара» подразделялась на отрасли, или колена; такие отрасли или колена — совокупность ближайших родственных семей — образуют «патронимии», называвшиеся «абипара». То, что фамилии не являлись большесемейными общинами, а именно частями рода, видно из того, что фамилии существовали синхронно с абипара: каждое семейство, по словам автора, независимо от того, к какой бы патронимии оно ни принадлежало, несло определенные обязанности по отношению к целой фамилии. Далее автор пишет, что в XIX в. общественный организм в Абхазии составляли малая и большая семьи (атааца — наименьший родственный коллектив, элементарная клеточка общества; патронимия же — это более широкая группа, состоящая из нескольких ближайших родственных семей [11, 266—267]). О собственно больших семьях (по-видимому, патриархальных общинах) автор говорит совсем в другом месте [11, 325—326], совершенно не упоминая о связи их с патронимией; большие семьи носили название «атдзы» и сохранялись лишь пережиточно в виде совместного проживания 3—4 родственных поколений.

О существовании патронимии, именованной «лъэпкъ», у кабардинцев сообщает А. И. Першиц. Она, по его словам, в XIX в. являлась наиболее широкой структурной ячейкой распавшегося кабардинского рода, пережиточной формой патриархально-родовой организации, воплощавшей реликтовое единство некогда существовавшего отцовского рода. О соотношении патронимии с семейной патриархальной общиной ничего не говорится [18, 177—180].

Лакцы, по словам Л. И. Лаврова, сохраняют пережитки родового деления, которое сейчас не играет сколько-нибудь заметной роли в общественной жизни. Патронимия обозначалась у лакцев термином «усурсу», что значит «брат и сестра». Усурсу — это группа малых семей, близкородственных и имеющих тесное общение друг с другом; родственники, не имеющие такого общения, несмотря на близость существующего между ними родства, не входят в одно усурсу. Следов большой семьи, говорит автор, уже не сохранилось, но в народе помнят об одной большой семье, насчитывавшей до 150 человек. Усурсу объединяются в «фамилии», а фамилии в роды, о чем речь еще будет ниже [16, 172—173].

У курдов Армении XIX в., согласно А. Авдалу, патронимией являлась социальная группа, известная под названием «бар». Говоря о пережитках родового строя, автор сообщает, что наиболее крупной:

родственной группой был габил — род, который делился на бары, а последние состояли из семей. Бар был довольно многочисленной, крупной единицей, в него входило до 60 больших и малых семей, габил же состоял из 5—10 баров. Из описания видно, что нередко по значению и по своим функциям бар стоял почти что наряду с габил; в частности, перечисляя существовавшие в Армении и Закавказье габилы и бары, он дает их попеременно, что, с одной стороны, по-видимому, показывает отсутствие четкого деления между ними, а с другой — значимость самих баров. О больших семьях автор ничего не сообщает, упоминая их как входящие наряду с малыми семьями в бар [2, 150—152].

Как видно из сказанного, у некоторых народов, перечисленных М. О. Косвеню, как носители патронимии, последняя не связывается с патриархальной семейной общиной, а входит в систему других пережиточных «родо-племенных» объединений. Мы сейчас не ставим перед собой задачу характеризовать ту родо-племенную организацию, которая сохранилась, в частности, среди народов России вплоть до Октябрьской революции. Советские этнографы давно пришли к выводу, что эта родо-племенная организация имеет мало общего с классическим первобытнообщинным архаическим родом, что она отражает интересы классового общества, подчинена им и в значительной степени основана на легендарной генеалогии.

Чтобы быть кратким, позволю себе ограничиться той характеристикой, которая дана для кочевников Средней Азии, но может быть отнесена и к народам оседлым и полuosедлым. «Родо-племенная организация у кочевников Средней Азии не выступала перед нами во всех случаях в качестве реальной общественной структуры; чаще всего она представляла собой идеальную схему. Это не исключало сохранения определенного значения родственных связей, а также и некоторых сторон общности экономической жизни более крупных коллективов, которые, однако, никак нельзя было уподоблять родам. Решающее значение во всех этих объединениях кочевников, начиная с более крупных, типа племени, и кончая так называемыми „родами“, включавшими в себя во многих случаях тысячи людей (а иногда и семей), играл классово-политический элемент» [1, 155].

Слов нет, что в этом отношении нельзя все народы, сохранявшие такую организацию, ставить на одну доску: у одного народа она сохранялась более стойко, роды и племена были более четко выражены, у другого — слабее, наконец, у третьего вообще сохранились лишь отдельные пережиточные элементы, лишь отдаленно напоминающие о былом родо-племенном делении. Однако весьма характерной для всех подобного рода объединений и организаций является таксономическая нечеткость, крайне запутанная классификация отдельных звеньев всей системы (племя, отделение, род, подрод, колено и т. п.); нередко и сами представители того или другого народа для одного подразделения или группы употребляют несколько терминов, не говоря уже об исследователях, оперирующих этими терминами.

Естественно, что у авторов, изучающих патронимию, как мы это отчасти видели на приведенных выше примерах, она попадает в какое-либо из звеньев этой цепочки родо-племенной организации.

Уже говорилось о соподчинении у курдов Армении рода — габил и патронимии — бар и известной нечеткости деления между ними. Ко всему этому автор прибавляет, что в курдском языке сохранились и другие термины, отражающие кровнородственные отношения и группировки, а именно тохум (семья, поколение, происходящее от одного предка), дж'нс (род, поколение), тайфа (родственная группа), аширати (племя, большая группа родичей) и т. п. Таким образом, возможно,

что под патронимию скорее подходила бы какая-либо иная группа, менее значительная, чем бар [2, 152]. Точно так же из приведенного выше материала видно, что абхазские патронимии (абипара) по существу очень близки к роду «вторичного происхождения», как его называет Ш. Инал-Ипа, т. е. к «фамилии» (аешъара). Он говорит, что нередко в «фамилию» входило всего лишь две патронимии; о близости этих двух объединений свидетельствуют слова автора о том, что абипара «отвечала общей ответственностью перед другими частями фамилии за поведение каждого родича с теми же обязанностями взаимной защиты, мести и т. п. Иными словами, каждое семейство, к какой бы патронимии оно ни принадлежало, несло определенные обязанности по отношению к целой фамилии» [11, 266—267].

Об известной близости патронимии и рода у адыгов говорится следующее: адыги селились компактно — родовыми кварталами или ущельями, каждый квартал или каждое ущелье населял особый род, состоявший из нескольких патронимий; патронимии устраивали сходы для решения различных вопросов, но наиболее важные вопросы выносились на усмотрение рода [14, 115—119]. А. И. Першиц сообщает, что у кабардинцев кроме патронимии иногда удавалось установить более широкую группу родственников, «которую мы вслед за М. О. Косвенном можем назвать фамилией второго порядка, для нее характерно отсутствие материальной взаимопомощи, но сохранение строгой экзогамии и обязанности кровомщения» [18, 179]. У дагестанских лакцев существовали следующие подразделения: тохум (род), кк'ул (фамилия) и усурсу (патронимия). Тохум приходит на помощь своим членам только в важных случаях, обычно же этим занимается усурсу [16, 172; 15, 189—190]. Какова роль фамилии, по-видимому все же ближе стоявшей к усурсу, чем род, не говорится; может быть, ее также надо рассматривать как патронимию второго порядка.

Примерно так же обстояло дело и в Средней Азии, в частности у туркмен. В отношении туркмен-мурчали Д. М. Фезов пишет, что их насчитывалось десять родов — «тире»; каждый род, в свою очередь, делился на разделы. Родовые ячейки состояли из всех близких родственников по отцовской линии с дальнейшими мелкими подразделениями: якын гарындаш — близкий, кровный родственник и баш гарындаш — далекий кровный родственник, ведущий свое происхождение от общего памятного предка. Все происходившие от такого предка помнили свое происхождение, совместно решали вопросы о выборе девушек для замужества и о выплате калыма, обсуждали вопросы кровной мести. Все мелкие подразделения родов, по словам автора, являлись патронимиями. Однако родственная группа у мурчали — понятие не точно очерченное. Так, на кладбищах мурчали «соблюдалось правило — хоронить по родственным группам, т. е. на кладбище каждая патронимия имела свой участок: например, в с. Мурчи южная часть принадлежит роду юзбаши и добаша, северная — авшарцам и др., вновь умерших, принадлежащих к той или другой патронимии, клали возле них» [17, 246—247]. Из этого описания трудно заключить, хоронили ли по патронимическому или по родовому признаку, а из всего сказанного выше остается неясным, где все же были пределы патронимии, в частности, к какому подразделению рода (якын гарындаш или баш гарындаш) следует применять этот термин. Поскольку роды у мурчали были очень невелики по числу их членов, то возникает мысль, нельзя ли считать и самый род (может быть, в несколько более отдаленном прошлом) также патронимией.

Примерно аналогичная картина вырисовывается и в отношении соседнего с мурчинцами племени нохурли. Нохурли делились на 22 рода,

при этом указывается, что «термины, относящиеся к родо-племенной организации туркмен, до сих пор не имеют единообразного толкования». У нохурли понятие «род» обозначалось термином «тире», а подразделения рода — «гарындаш», включавшие всех близких родственников по отцовской линии. Роды нохурли были невелики по своей численности, но в то же время являлись более реальным и определенным подразделением, чем, например, у текинцев; члены каждого нохурского рода объединялись общностью происхождения: в недалеком прошлом они имели и общую родовую земельную собственность, общие пастбища. «Род, объединявший родственников по мужской линии, включал в свой состав более мелкие подразделения (гарындаш), связанные единством происхождения от общего реального предка» [4, 178]. Г. П. Васильева, называя гарындаш патронимией, указывает, что каждый гарындаш объединен рядом признаков (на летовке ставили юрты рядом, совещались в случае женитьбы, выдачи замуж девушек, помогали друг другу в уплате калыма). Однако и родовое объединение, как мы видели, было в недалеком прошлом не менее тесным, а поэтому, если уже пользоваться термином «патронимия», то, по-видимому, в данном случае он может быть применен и к роду — тире (во всяком случае, в недалеком прошлом).

Из среднеазиатских народов остановимся еще на вопросе таксономии у каракалпаков, среди которых глубокое и скрупулезное исследование родо-племенных отношений было проведено Т. А. Жданко. Родо-племенная структура каракалпаков делилась на два крупных подразделения (арыс): арыс он-торт-уру и арыс конград. Внутри первого из них существовала следующая таксономическая структура: арыс, племя (местного названия не дано), род (уру), крупное родовое подразделение (тире), мелкое родовое подразделение (коше). Последнее звено, коше, видимо, подходит под определение патронимии по терминологии М. О. Косвена. Вместе с тем отмечается, что у каракалпаков подразделения конград родо-племенная структура несколько более сложная: здесь мы находим не пять звеньев, как у он-торт-уру, а нередко шесть или, напротив, четыре; так, например, структура каракалпакского «жаунгыр» состоит из четырех звеньев: арыс, отделение арыса, род и родовое подразделение — тире или коше [8, 77—78, 81—82; 9, 192—196]. Таким образом, и здесь термин «патронимия» может быть отнесен в ряде случаев к более высокой таксономической единице, что не дает возможности его точной локализации в цепи звеньев родо-племенной структуры.

Позволим себе остановиться еще на одном примере — арабах Северной Аравии. А. И. Першиц пишет, что в ряде случаев патронимия явственно существует наряду с родом и даже иногда ему противопоставляется. Система племени шаммар в Неджде состоит из следующей таксономической цепочки: племя, подплемя, род, фракция, подфракция, семья. Фракция, носящая название «хамула», по словам автора, является патронимией. Она хранит воспоминание об общем родоначальнике, ее единство выступает в порядке кочевания и лагерного расположения, хотя иногда кочуют родами и родами же останавливаются у колодцев. Во главе хамула стоит шейх, иногда в хамула наблюдаются переделы земли, но землю получают от стоящего выше звена; кроме того, члены хамула объединены обычаями взаимопомощи и кровомщения. Однако эти связи все больше ослабевают, в частности в области взаимопомощи и кровомщения: члены хамула очень неохотно помогают в сборе выкупа для своего сородича, так же неохотно помогают ему, если он потерпел какой-либо материальный ущерб (например, если у него угнали скот и т. п.). В то же время отмечается, что более вы-

ское звено — род владел некоторыми видами коллективной собственности, члены его, хотя и в меньшей степени, чем члены фракции, также были объединены традициями взаимопомощи и взаимответственности; каждый род имел свою тамгу, военный клич, а часто и единое, расположенное в районе летовки родовое кладбище [19, 70—71, 83—87].

При просмотре изложенного материала невольно создается впечатление о некоей как бы «скользящей» форме патронимии. Естественно, что по мере увеличения численности населения в обществе, где сохраняются пережитки родо-племенной организации, отпочковываются все новые и новые группы кровных родственников, в которых хозяйственное и идеологическое единство выражено ярче, чем в более обширных звеньях, стоящих как бы над этими более мелкими группами; но совершенно четко прослеживается, что эти, назовем их «более старшие», группы постепенно теряют единство, касается ли это взаимопомощи в хозяйственных делах, или вопросов композиции по линии кровной мести или же совместного проведения праздников и т. п. Но ясно также, что когда-то, может быть совсем не так давно, эта старшая группа была наделена теми же патронимическими функциями, которые в настоящее время свойственны младшей группе.

Получается что-то вроде перманентной патронимии. Уже выше, при рассмотрении патронимии у кабардинцев, мы видели, что А. И. Першиц говорит вслед за М. О. Косвенom о патронимиях «второго порядка». Действительно, мы находим у М. О. Косвена следующее высказывание: «Сложная патронимическая структура, примеры которой мы привели, остается все же по существу неисследованной. Мы лишь условно предлагаем обозначить меньшие и большие сложные патронимии, как патронимии первого и второго порядка» [15, 104]. Иногда автор говорит и о «большой патронимии» [там же, 105]. Как далеко могут завести исследователя эти патронимии первого, второго и прочих порядков, мы еще будем говорить ниже.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что из ряда приведенных выше примеров как будто вытекает, что образование патронимий не имеет сколько-нибудь заметной связи с патриархальной семейной общиной, с ее распадом, с ее сегментацией. Во многих приведенных нами примерах патронимия скорее противопоставляется роду, родовому подразделению, но никак не патриархальной семейной общине. Например, при характеристике отдельных звеньев родо-племенной цепочки у арабов-кочевников Северной Аравии (см. выше) прямо отмечается, что «в целом для кочевников большая семья была нетипична» [19, 69; 22, 59—65].

А между тем «разрастание и сегментация патриархальной семейной общины», как видно из определения патронимии М. О. Косвенom, является одним из ее существенных и неотделимых признаков.

Теряя связь с большой патриархальной общиной, патронимия становится довольно неопределенным социальным институтом. Нами не случайно в начале статьи был поставлен вопрос о том, должно ли рассматриваться становление патронимии как окончательное **распадение** больших патриархальных общин, или же она еще в силу социально-экономических условий может вновь воссоздавать патриархальные семейные общины, другими словами, происходит ли возникновение патронимии на той стадии (более поздней), когда патриархальная семейная община уже изжила себя (т. е. когда совершился переход от семейно-родовой к частной или личной собственности), или же на той стадии (более ранней), когда еще имеются все условия для нового возникновения патриархальных семейных общин. Иначе говоря, имеем ли мы дело с распадением семейной общины только лишь в результате того,

что она непомерно разрослась и совместное проживание очень большого числа ее членов, скажем так, просто практически невозможно, или же в результате того, что социально-экономические условия, условия становления и утверждения личной собственности органически делают распад патриархальной общины неизбежным. А ведь это в какой-то мере определяет место патронимии в общем процессе распада первобытно-общинных отношений.

Но это было бы еще полбеды. Судя по материалам, приводимым как М. О. Косвеню, так и его последователями в области теории патронимии, последняя вообще имеет огромный стадийный «размах». Что же касается конечной стадии ее существования, то она доживает до того периода, когда у того или другого народа уже не сохранилось буквально ничего от патриархально-родового строя. В частности, мы находим ее у русских поселенцев Севера в виде так называемого «печища», у украинцев — «сябры», у белорусов — «дворища», где, как нам представляется, речь идет о выделении из семей женатых сыновей и создании все новых и новых ячеек, близко селящихся к своему основному жилищу и образующих (по М. В. Витову) на Севере «гнездовой» тип поселений [5, 27—40], а на Украине — «концы» большого села [21, 75—83]. Все это происходит, повторяем, в условиях, когда уже нет никаких следов патриархально-родового строя, да и существование больших патриархальных семей в значительной степени проблематично. В частности, М. В. Витов, интересовавшийся в основном типом поселений на Севере, отмечает, что процессы заселения и расселения не совпадают со взглядами на расселение патронимии М. О. Косвена, и, во всяком случае, если на русском Севере патронимия и имела место, то она распалась очень быстро [5, 37, 38]. У отдельных исследователей вызывает сомнение существование патронимии у древних славян, реконструируемой на основании такого источника, как «Русская правда». Ю. М. Рапов в своей большой статье, посвященной этому вопросу, говорит, что в период раннего средневековья на Руси существовала обособленная семья, а не патриархальные общины и не патронимии и что понятие «вервь» имеет совсем другое значение: [20, 106—117].

Однако отвлечемся на время от указанного стадийного «размаха» патронимии и будем условно считать, что речь идет о группе кровнородственных малых семей, образовавшихся в результате сегментации патриархальной семейной общины, т. е. фактически о последней ячейке распавшихся патриархально-родовых отношений. Все же, если говорить о патронимии, то это наиболее реальная, живая, осязаемая ее разновидность. О ней еще будет речь впереди, но сейчас нас интересует одна из ее особенностей, с нашей точки зрения весьма характерная — была ли она экзогамна или эндогамна.

М. О. Косвен следующим образом отвечает на этот вопрос: «Патронимия по общему правилу была экзогамной, т. е. брак между членами одной патронимии не допускался. У некоторых народов, например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамной. Явление патронимической эндогамии еще не получило удовлетворительного объяснения» [15, 116].

Действительно, среди рассмотренных нами выше народов и групп народов мы видим, что на Кавказе адыго-черкесская группа в своих низших кровнородственных звеньях (равно как и более высших) сохраняла экзогамию, о чем говорят материалы по абхазам, адыгам, кабардинцам, равно как и материалы по горским евреям.

Но рассмотрение другой группы народов Кавказа говорит об обратном. Если обратиться к народам Дагестана (что, как мы видели, отметил и М. О. Косвен), то лакцы, например, «не чуждаясь экзогам-

ного брака, все же предпочитают эндогамию» [16, 171], у лезгин браки «в прежнее время заключались предпочтительно среди родственников» [16, 116]. Тохум у агулов «по общему правилу был эндогамен, брак вне тохума был очень редким явлением». Об агулах мы находим очень интересное замечание, а именно что при разделе семьи сестры, хотя бы давно вышедшие замуж, получали половину одной земельной доли и часть движимого имущества.

Относительно арабов мы встречаемся с весьма любопытным материалом, говорящим о предпочтительности и даже обязательности ортокузенного брака между детьми двух братьев, являющегося, конечно, явным нарушением патриархально-родовых традиций. «Специфическим, но весьма существенным видом патронимической взаимопомощи является у арабов ортокузенный брак, поныне широко распространенный во всех арабских странах и среди всех, исключая горожан, групп населения. Согласно этому порядку, обязательными супругами считаются у арабов ибн амм (сын дяди с отцовской стороны) и бинт амм (дочь дяди с отцовской стороны). Таким образом, девушка остается в пределах патронимии» [19, 35—36].

Обратимся к народам Средней Азии. Девушек у туркмен-ата берут непосредственно из своего мелкого кровнородственного подразделения — топар, чтобы не выносить имущества за его пределы. «Родовой экзогамии у ата уже не было, на смену ей пришла родовая эндогамия, связанная с необходимостью удержать имущество в своем роде» [3, 435]. У туркмен-нохурли вследствие их немногочисленности, с одной стороны, и далеко зашедшего классового расслоения — с другой, частыми были браки с двоюродными сестрами по отцу, т. е. между близкими родственниками. Таким образом, как и у других туркменских племен, у нохурцев не сохранилось экзогамии [4, 194]. Об эндогамных браках среди мелких подразделений, даже близких родственников, у других туркменских племен сообщают различные авторы, здесь также мы находим близкие кузенные браки. Относительно эндогамных браков в пределах даже самых мельчайших делений пишут и исследователи семейных отношений у узбеков, как оседлых, так и кочевых и полукочевых в прошлом [10, 399; 23, 141—143]. Аналогичную картину мы видим среди таджиков, в частности среди припамирских таджиков, здесь также весьма распространенными были как кросскузенные, так и ортокузенные браки в обоих их вариантах [12, 64 и сл.]. У белуджей СССР очень распространены были браки между сыновьями и дочерьми двух братьев [6, 157].

У трех других крупных, в прошлом кочевых и полукочевых народов, а именно каракалпаков, казахов и киргизов, еще сохранялась экзогамия как среди больших, так и среди мелких родовых подразделений. Однако и здесь уже быстрыми темпами шел процесс отпадения экзогамных норм и замены их эндогамными и близкими кровнородственными браками; наблюдалась весьма четко выраженная тенденция к непрерывному сокращению числа поколений, среди которых брак был запрещен. В качестве примера отмечается, что у киргизов, где действовал поколенный принцип брачных запретов, на Тянь-Шане совершались браки между потомками в шестом и даже пятом поколении, в Чуйской долине встречались браки уже в четвертом поколении, а в некоторых районах Южной Киргизии мы встречаемся уже с полной утратой существовавших ранее брачных запретов [1, 140—141].

Как уже говорилось выше, М. О. Косвен наделяет патронимию обоими признаками — и экзогамией, и эндогамией, при этом подчеркивает, что эндогамия не получила еще удовлетворительного объяснения. На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот. Ведь мелкие

кровнородственные группы (патронимии) порождены распадом родовых коллективов (в частности, распадом большой патриархальной семьи), что является следствием смены натуральных отношений товарно-денежными, общинно-родовой собственности — частной, сложившейся уже или складывающейся имущественной дифференциацией, становлением классовых отношений. Отсюда появление тенденции к удержанию имущества в своей семье, в своей кровнородственной группе, состоящей из сравнительно небольшого числа близких в родственном отношении семей. Поэтому-то внутригрупповая эндогамия, нередко проявляющаяся в браке детей двух братьев, становится правилом и должна рассматриваться как более характерная особенность для такой небольшой кровнородственной группы. Напротив, скорее следует рассматривать как исключение такие группы, где еще имеет место экзогамия и где, по-видимому, общая тенденция все же направлена к ее изживанию. Так, в частности, в отношении адыгов говорится, что даже при «родовой» экзогамии таковая все же в ряде случаев нарушалась, несмотря на общественное осуждение [14, 117].

Таким образом, если придерживаться определенной стадияльной локализации и считать, что группы кровнородственных семей (патронимий) являются результатом распада (сегментации) патриархальных семейных общин, то, на наш взгляд, характерной для них следует считать эндогамию, а отнюдь не экзогамию, которая не типична для таких образований.

Поэтому представляется, что критика Ю. И. Семеновым М. О. Косвена в отношении патронимии не имеет существенного значения. По словам Ю. И. Семенова, М. О. Косвен употребил термин «патронимия» в двух, тесно связанных, но тем не менее различных смыслах. Когда М. О. Косвен определяет патронимию как группу семей, то он имеет в виду патронимическую локальную хозяйственную группу; когда же М. О. Косвен говорит о «хранении всеми членами патронимии отчетливого сознания единства своего происхождения, следовательно, родства», то он имеет в виду патронимическую генеалогическую группу. Но если патронимия не экзогамна, а эндогамна, то тогда, естественно, указанные критические доводы должны отпасть [20а, 80—81].

Но один упрек Ю. И. Семенова М. О. Косвену все же остается. Это фраза о том, что точно так же он подходит к вопросу, «когда определяет род как совокупность родственных патронимий» [там же, 81]. И действительно, хотим мы этого или не хотим, мы должны растаться в целях внесения большей ясности в понятие «патронимия», с «отвлечением» от стадияльного «размаха» этого термина и вновь вернуться к нему, хотя бы потому, что теория М. О. Косвена о патронимии как широком стадияльном явлении нашла себе последователей, пошедших в этом отношении значительно дальше самого М. О. Косвена. Говоря о соотношении рода и патронимии, М. О. Косвен всячески оговаривается, что патриархальный род нечто совершенно отличное от классического материнского рода, в частности что в патриархальном роде распадаются основные начала рода — общественно-экономическое единство и коллективизм; что он не является единой общественной, а тем более хозяйственной группой, а представляет собой «скорее лишь выражение различных форм и отношений *родового строя*. Реконструируя структуру патриархального общества, мы, говоря скорее теоретически, считаем, что родственные между собой патронимии образуют в совокупности патриархальный род» [15, 119].

В 1969 г. вышла в свет книга А. Д. Давыдова «Афганская деревня» [7]. В ней дана очень глубокая и интересная характеристика общинных и феодальных отношений у ряда народов, населяющих Афга-

нистан,— таджиков, хазарейцев, чораймаков и афганцев. Автор продолжительное время работал в Афганистане и собрал большой и разнообразный материал по указанным вопросам. Книга, безусловно, заслуживает внимания исследователей, в ней подняты многие вопросы, связанные с патриархально-феодальными отношениями, которые иллюстрируются большим конкретным материалом. Однако в рамках данной статьи мы не будем на них останавливаться подробно.

Сейчас нас интересует то, что А. Д. Давыдов выступает в качестве первооткрывателя нового *патронимического строя*, пришедшего на смену первобытнородовому или первобытнообщинному. Его научное кредо изложено в предисловии к книге [там же, 8—11], а затем неоднократно повторено и в различных главах основного текста, особенно в главе, посвященной афганцам. В процессе изложения его теории мы постараемся не затруднять читателя цитатами, однако без некоторых из них нам не обойтись.

А. Д. Давыдов отмечает, что теория М. О. Косвена о патронимии и разработка ее советскими учеными внесла значительную ясность во многие трудные вопросы. «Становится вполне очевидным, что, во-первых, патронимия любого порядка отнюдь не является первобытным родом, а представляет собой третью стадию развития родственных институтов: от (1) рода через распадение его на (2) отдельные патриархальные семьи к разрастанию последних в (3) патронимии. Во-вторых,— говорит автор,— становление патронимии совпадает со становлением классового общества, и, в-третьих, патронимии возникали и возникают у многих народов вплоть до сегодняшнего дня» [там же, 8].

Однако автор, следуя в значительной мере за М. О. Косвенем, далее говорит, что на примере народов Афганистана было установлено, что «по мере разрастания патронимий отдельные составляющие их семьи могут давать начало новым патронимиям, от последних, в свою очередь, могут отпочковываться еще патронимии и т. п. При определенных исторических условиях патронимии первого, второго, третьего и т. п. порядка, объединяясь, образовывали более крупные этнические общности, которые обычно именуется племенами» [там же, 6].

«Качественное отличие первобытного рода,— говорит далее автор,— состояло в том, что он был самостоятельной хозяйственной единицей, объединенной коллективным трудом его членов и коллективным присвоением ими продуктов труда. При *патронимическом строе* (курсив наш.— Н. К.) мельчайшей самостоятельной хозяйственной ячейкой одинаково для всех патронимий является отдельная семья, обладающая частной собственностью на все или некоторые орудия и средства производства. Благодаря этому отдельная семья, входя в состав родственного коллектива — патронимию, одновременно является членом другого, в своей основе неродственного, а территориального объединения — сельской соседской общины» [там же, 10].

То, что отдельные кровнородственные группы семей у многих народов Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока входят в «неродственные» объединения — сельскую общину, давно известно и может быть подтверждено огромным числом фактов. Таким именно путем и образуется соседская сельская община, в которой кровнородственные связи постепенно теряют свое значение и заменяются соседскими, причем немалую роль в этом процессе играет миграция населения — поселение на территории данной общины новых пришельцев, уход или обезлюдение отдельных семей и т. п. Однако по этому же образцу А. Д. Давыдов стремится создавать не только соседские общины, а новые патронимические большие объединения, вплоть до племен и союза племен. Правда, он оговаривается, что в этих патроними-

ческих объединениях, в отличие от первобытнообщинных родов и племен, роль основной ячейки играет семья, а сами эти образования представляют собой сельские общины.

Каким же путем идет процесс сложения патронимических племен (отметим, кстати, что, по А. Д. Давыдову, все патронимические объединения — от мелких ячеек до племен — эндогамны), например, у афганцев? А. Д. Давыдов на это отвечает, что если квартальная патронимия — хель второго или третьего порядка образуется внутри деревни, где она представляет собой совокупность младших патронимий, то, чтобы возникла патронимия более высокого порядка, необходим фактор переселений, которые могут происходить в силу тех или других причин. Скажем, если несколько семей данной патронимии выселились из родной деревни в другую, а еще одна группа в третью, то в конечном итоге образуются уже три родственные между собой патронимии, составляющие в совокупности патронимию более высокого порядка. Эта патронимия, представленная группами более низшего порядка в трех деревнях, где ее члены живут рядом с семьями других (чужеродных) патронимий, постепенно может ассимилировать их, в результате чего возникает единое целое [там же, 168—170]. Самые крупные звенья афганской патронимической структуры являлись племенами; они представляли собой военно-территориальные объединения конгломератного типа, включавшие в себя многие, самые разнообразные по своему этническому происхождению патронимии разных порядков, которые были связаны общим генеалогическим преданием [там же, 172].

Охарактеризованная нами концепция показывает, как далеко может завести ученого понятие «патронимия». Мы не беремся здесь исследовать позднейший патриархальный род — это особая тема. Выше уже была приведена краткая его характеристика для кочевников. Однако представление о процессе развития общества в виде разложения рода до мельчайшей кровнородственной ячейки — патронимии, а затем разрастания этой отдельной ячейки снова в роды и племена кажется нам малоубедительным.

* * *

Советские исследователи, особенно полевые этнографы, в частности исследователи, изучающие многочисленные народы Средней Азии, Казахстана, а также Кавказа, столкнулись с реальными остатками былых родовых отношений в виде кровнородственных групп, носящих у различных народов разные наименования: каун, элат, тайфа, тохум, коше, гарындаш и др.; нередко это более сложные названия типа «одного отца дети», «от одного огня разошедшиеся» и т. п. Эти группы состояли из отдельных семей, имеющих друг с другом более или менее выраженные хозяйственные и идеологические связи. Сейчас большинство советских ученых пришло почти к единодушному мнению, что группы эти представляют собой не что иное, как продукт распада больших патриархальных общин, позднейшую модификацию этих общин в процессе перехода от большой семьи к малой [1, 152—156; сводку по этому вопросу см.: 13, 29—34].

Именно эти группы кровнородственных семей некоторые исследователи, имевшие с ними дело, иногда непосредственно, а иногда с известными оговорками склонны называть «патронимиями». Однако уже, например, С. М. Абрамзон отмечает, что хотя такая группа родственных семей напоминает патронимию М. О. Косвена, но последнее понятие не дает отчетливых границ круга родственников, объединенных этой группой, и носит несколько расплывчатый характер (группа больше семьи и меньше рода); он предлагает называть такие объединения «се-

мейно-родственными группами» — название, безусловно более соответствующее сущности этих объединений.

Подводя итог сказанному в настоящей статье о термине «патронимия», мы предпочитаем воздерживаться от его употребления, основанием чего являются две причины:

1. То, что понимается под «патронимией первого порядка», является, по существу, пережитком, сохранившимся реликтом родовой организации, для которого нет необходимости вводить в научный обиход новое понятие, новый термин.

2. Термин «патронимия» получил у многих авторов слишком всеобъемлющий, а вследствие этого расплывчатый характер, он трактуется различными авторами по-разному, что не помогает, а скорее мешает установлению правильной научной классификации позднейших этапов первобытнообщинного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, — сб. «Родовое общество, труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 14, М., 1951.
2. Авдал А. Патронимия у курдов Армении в XIX в., — «Советская этнография», 1959, № 6.
3. Васильева Г. П. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции, т. I, 1952.
4. Васильева Г. П. Туркмены-нохурли, — «Труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 21, 1952.
5. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере, — «Советская этнография», 1955, № 2.
6. Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР, Л., 1969.
7. Давыдов А. Д. Афганская деревня, М., 1969.
8. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков, — «Труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 9, 1950.
9. Жданко Т. А. Работа каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., — «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959.
10. Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, — «Труды Хорезмской экспедиции», вып. 1, 1952.
11. Инал-Ипа Ш. Абхазы, Сухуми, 1960.
12. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков, — ТИЭ, т. 44, М.—Л., 1959.
13. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1969.
14. Коджесау Э. Л. Патронимия у адыгов, — «Советская этнография», 1962, № 2.
15. Косвен М. О. Семейная община и патронимия, М., 1963.
16. Лавров Л. И. Лакцы, — «Народы Дагестана», М., 1955.
17. Овезов Д. М. Туркмены-мурчали, — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. IX, Ашхабад, 1959.
18. Першиц А. И. Фамилия — Лъэпкъ у кабардинцев в XIX в., — «Советская этнография», 1951, № 1.
19. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в., — «Труды ИЭАН СССР», т. 69, 1961.
20. Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской правды» патронимией?, — «Советская этнография», 1969, № 3.
- 20а. Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, — «Советская этнография», 1968, № 4.
21. Симоненко И. Ф. Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области, — «Советская этнография», 1947, № 1.
22. Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община, Тбилиси, 1961.
23. Шаниязов К. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964.

А. Г. Шпринцин

ОБОЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ «СРЕДНЯЯ АЗИЯ» И «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Предлагаемая статья составлена с намерением привлечь внимание исследователей, пишущих, в частности, на иностранных языках, к филологической стороне топонимических терминов, географическое содержание которых с большей или меньшей полнотой сообщают существующие справочники.

Для характеристики рассматриваемой темы приведу достаточно обстоятельную, на мой взгляд, формулировку, в которой с энциклопедической лаконичностью, компактно, но с передачей всего существенного изложена географическая суть вопроса:

«Средняя Азия — часть азиатской территории Советского Союза, которая простирается от Каспийского м. на З. до советско-китайской границы на В., от государственной границы на Ю. до Арало-Иртышского водораздела с включением Балхашского бассейна на С. В политико-административном отношении понятие „С. А.“ несколько суживается — под среднеазиатскими республиками понимают Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую и Киргизскую советские социалистические республики, тогда как в физико-географическом отношении в С. А. включают центральную и южную часть Казахстана, представляющую непосредственно продолжение территории, занятой среднеазиатскими республиками. До революции было распространено название „Туркестан“, которое после национального размежевания в 1924 году стало вытесняться другим — „Средняя Азия“, в отличие от Центральной Азии, под которой принято понимать страны, лежащие на В. от Памира. В 19 в. все внутренние области Азиатского материка, не имеющие стока в океан, в том числе и Туркестан, считали Центральной Азией. В зарубежной географической литературе и в настоящее время не различают понятий Средней и Центральной Азии» [2, 374].

Предвидя возможные нарекания в малозначительности выбранной темы либо же, наоборот, в недостаточно глубокой ее разработке, позволю себе прежде всего сослаться на довольно частые случаи, когда мелкие, но ошибочные определения или названия закреплялись в литературе потому, что их считали не заслуживающими специального разбора. Что же касается объема и детальности исследования, то филологический аспект действительно составляет лишь небольшую часть всей проблемы, основание которой складывается из различных физико-географических, историко-географических и историко-культурных представлений о соответствующих районах Азии, об их расчленении и соотношении между собой. В той мере, в какой это казалось необходимым для рассмотрения вопроса о названиях, мы, естественно, привлекали и

историко-географические данные, вполне сознавая при этом желательность и даже необходимость параллельного историко-географического исследования проблемы.

* * *

Частями света принято называть крупные географические области, обозначаемые общими словосочетаниями¹, где в качестве определяемого выступает наименование данной части света, а определением служат прилагательные, например «северный», «южный», «центральный» и т. д. Не для всех частей света число таких, в сущности, условных географических областей совпадает, и не во всех языках их названия идентичны. Применительно к Азии в специальной литературе (географической, геологической, исторической, социально-экономической, филологической) и в публицистике принято говорить об Азии Северной, Северо-Восточной, Восточной, Юго-Восточной, Южной, Западной, Юго-Западной, Средней, Центральной, Внутренней, Передней, Высокой, Малой, Муссонной. Если добавить сюда Дальний Восток, целиком принадлежащий к Азии, и в значительной своей части Ближний и Передний Восток, то общее число областей Азии превысит полтора десятка.

Для нас, однако, важно не количественное разнообразие историко-географических и физико-географических областей Азии, а разнობой в их обозначении на разных языках. Так, в английском языке отсутствует название «Передняя Азия», принятое помимо русского языка еще в немецком (*Vorderen Asien*) и французском (*L'Asie Anterieure*). В английской литературе широко используется название *Middle East* — Средний Восток, охарактеризованное в географическом словаре *Webster'a*, изданном в 1964 г. в США [15, 702], как термин британского происхождения — неопределенный, неофициальный и не принятый в практике государственного департамента США.

Сюда же относятся и названия «Центральная Азия», «Средняя Азия», так как этим двум разделяющим обозначениям в русском языке соответствует полная аналогия в немецком языке (*Zentralasien, Mittelasien*), колеблющееся словоупотребление во французском (*Asie Centrale, Moyenne*) и всего лишь одно название (*Central Asia*) в английском языке. Это сказалось и на языках, пользующихся иероглифической письменностью. Прилагательные «средний» и «центральный» передаются по-китайски и по-японски в одном и том же иероглифическом выражении — чжун (яп. т:ю) — средний и чжун'ян (яп. тю:о) — центральный. Что же касается названий «Средняя Азия», «Центральная Азия», то здесь китайский язык следует русской практике, обозначая их разными словосочетаниями: Чжун ясия — Сре́дняя Азия; Чжун'ян ясия — Центральная Азия, тогда как японцы следуют практике английского языка и передают оба названия одним и тем же словосочетанием тю:о адзия (Центральная Азия).

Поскольку предметом нашего анализа является сопоставление терминов «Средняя Азия» и «Центральная Азия», то хронологическими рамками исследования, естественно, будут примерно последние сто пятьдесят лет, прошедшие со времени введения в географическую терминологию словосочетания «Центральная Азия». Появление термина «Центральная Азия» принято связывать с именем А. Гумбольдта, опуб-

¹ Под частными названиями имеются в виду названия областей, специфические для данной части света; такие единичные названия не входят в систему, не имеют параллелей в других частях света, а в качестве определения в этих названиях выступают самые разнообразные признаки, например Латинская Америка, Экваториальная Африка, Муссонная Азия (*Monsoon*) и т. п.

ликовавшего книгу под таким названием в двух изданиях — французском (1843 г.) и немецком (1844 г.)². Само же словосочетание «Центральная Азия» (в русском тексте со строчной буквой «ц») существовало и до публикации этой книги А. Гумбольдта, пользовавшегося в своих более ранних работах термином *Inner Asien* — Внутренняя Азия [14]. В изданной в 1837 г. в переводе на русский язык книге Гумбольдта о его путешествии в Сибирь в 1829 г. имеется следующее любопытное примечание автора: «Я имею в виду две страницы рукописи под названием „*Ареґґи des hautes chaînes des montagnes de l'Asie Centrale*“, сообщенное мне г. Клапротом в 1828 году до путешествия моего в Сибирь» [8, 43].

В замечательной книге И. В. Мушкетова «Туркестан» [7] дана следующая оценка роли Гумбольдта в создании термина «Центральная Азия»: «С 1830 года, благодаря трудам русских ученых убедились в совершенной непригодности старого термина (Высокая Татария. — А. Ш.). А. фон-Гумбольдт, основываясь на новейших изысканиях, устанавливает для внутренних частей термин Центральной или Средней Азии, который благодаря авторитету великого ученого вскоре делается популярным. Термин этот, в сущности, старый, но заслуга Гумбольдта заключается в том, что он придал ему более определенное значение, чем это было до него, когда название Центральной Азии употреблялось в весьма растяжимом и неопределенном смысле» [7, 3].

Как известно, Гумбольдт выделил обширную область Центральной Азии исходя из географо-геологических признаков. Не вдаваясь в рассмотрение этих критериев и определяемых на их основе границ Центральной Азии, отмечу то опять-таки общеизвестное обстоятельство, что уже через несколько десятилетий после опубликования работы Гумбольдта исследования многих путешественников, прежде всего русских (Пржевальский, Певцов, Потанин и др.), показали недостаточность и неточность определения Гумбольдта. Об этом писал в 80-х годах прошлого столетия И. В. Мушкетов в книге, изданной Географическим обществом [7]. Это же говорил по прошествии еще шестидесяти лет акад. В. А. Обручев в своем докладе «Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии» на втором Всесоюзном географическом съезде в 1947 г. Позволю себе привести небольшую выдержку из этого выступления, поскольку то, о чем упоминал В. А. Обручев, имеет непосредственное отношение к теме настоящей статьи. «Приступая к своему докладу о вкладе русских ученых в исследование Центральной Азии, порученному мне Советом Всесоюзного географического общества, — говорил В. А. Обручев, — я должен сначала определить, какую область обширного материка Азии я считаю центральной, чтобы сразу наметить рамки этого доклада. В русской географической литературе понятие „Центральная Азия“ установлено со времени путешествий последней четверти XIX в. достаточно прочно, согласно точному определению Рихтгофена 1877 г., а не более раннему, но расплывчатому определению Риттера и Гумбольдта» [11, 90—91]. Перечисляя затем районы, не включаемые Рихтгофеном в область Центральной Азии, В. А. Обручев отмечал, что «в русской географической литературе эти страны объединяются в большинстве случаев под названием „Средняя Азия“, но во французской литературе они очень часто описываются под термином „Центральная Азия“, что создает недоразумения в библиографии» [там же, 91].

В немецкой литературе название *Mittelasien* отмечено по меньшей

---

² Русский перевод книги вышел в 1915 г. с обстоятельными вступительными статьями Д. Н. Анучина и В. А. Обручева [4].

мере в 60-х годах прошлого столетия, тогда как в русской литературе название «Средняя Азия» встречается много раньше, в самом начале XIX в.³ При всем том вплоть до 20-х годов нашего столетия географы считали это название расплывчатым по содержанию и в силу этого малопригодным.

Это подчеркнуто в уже упоминавшейся книге по истории изучения Туркестана, в которой не менее десяти страниц первой главы уделено определению терминов «Центральная» и «Средняя Азия»⁴: «...первые сведения о ней (Средней Азии.— А. Ш.) в Европе сообщили историки-ориенталисты, заимствуя их из древнейших литератур китайской, греческой и арабской; но так как сведения эти из вторых рук, во многом были неполны и даже непонятны, то очевидно, что и название „Средняя Азия“, как термин географический, употреблялось в крайне неопределенном значении» [7, 3].

Придерживаясь основного принципа, заключающегося в отсутствии или присутствии стока воды к открытому морю, И. В. Мушкетов допускал разделение материка Азии, помимо островного пояса, только на две главные части, резко различающиеся по своему положению, физическому характеру и происхождению. Одну из них И. В. Мушкетов называл «Периферической», или «Окраинной Азией», а другую — «Внутренней», или «Средней Азией». Под Внутренней, или Средней Азией Мушкетов понимал совокупность всех (разрядка моя.— А. Ш.) замкнутых областей материка Азии, не имеющих стока к открытому морю. Он не называл эту территорию Центральной Азией, оставляя за этим термином то значение, которое придавал ему Рихтгофен, и подчеркивая, что Центральная Азия Рихтгофена есть лишь часть Внутренней, Азии. «Таким образом,— заключал Мушкетов,— в состав Внутренней, или Средней Азии главным образом входят следующие три большие области: Центральная Азия Рихтгофена с частью Тибета, Иран с частью Малой Азии и Туркестан с частью Арало-Каспийской области» [7, 12—13]⁵.

Нетрудно видеть, что такое всеохватывающее понимание термина «Средняя Азия» сильно отличается от современных представлений, по которым к Средней Азии относится лишь последняя из трех географических единиц (Туркестан с частью Арало-Каспийской области), включаемых в это понятие И. В. Мушкетовым.

Поскольку предметом нашего внимания является вопрос о наименовании областей, выделяемых во внутренних районах Азии, то, оставаясь на почве только историко-филологической, можно высказать следующие предположения о путях развития соответствующих названий.

В первой половине XIX в. в географической литературе ряда стран, в том числе и в русской, было распространено название «Внутренняя

³ В книге В. В. Бартольда [1, 260] упоминается, что «в 1813—1814 гг. в Коканд уже при Омар-хане ездил из Петропавловска переводчик Филипп Назаров; результатом этого путешествия были „Записки о некоторых народах и землях средней части Азии“» (курсив мой.— А. Ш.).

⁴ И. В. Мушкетов [3; 13] в I томе этой работы дает общий подзаголовок «Обзор исследований Туркестана с древнейших времен по 1912—1914 гг.». Разумеется, И. В. Мушкетов исходил в своих определениях из физико-географических критериев, но он привлекал также историко-филологические данные.

⁵ И. В. Мушкетов в цитируемой работе на стр. 13 в сноске делает весьма любопытное для филолога примечание: «Мне кажется, что название Внутренняя Азия более правильно, нежели Средняя, так как последнее невольно заставляет предполагать, что область эта находится в середине материка, чего на самом деле нет; с другой стороны, название Средняя Азия сделалось так популярно, что изменить его мне кажется невозможно; во всяком случае, я употребляю его как синоним Внутренней Азии».

Азия», встречающееся и сейчас, хотя и не закрепившееся в качестве общепринятого географического термина⁶. Вероятно, несколькими десятилетиями раньше в русском языке появляется название «Средняя Азия». Последнее применяется прежде всего как специальный термин для обозначения обширной физико-географической области, хотя в повседневной практике того времени пользуются предпочтительно названиями соответствующих государственных образований, этнических общностей, культурно-исторических областей (Бухара, Коканд, Хива, Хорезм, Туркестан). Затем в конце первой половины XIX в. с публикацией известной книги А. Гумбольдта в географическую литературу, в частности русскую, входит термин «Центральная Азия». Все последующее время характеризуется сосуществованием в русском языке названий «Средняя Азия» и «Центральная Азия» при изменчивом во времени соотношении в объемах того и другого понятия. Бесспорно, что на функционировании обоих названий сказалось столь существенное обстоятельство, как синонимичность слов «средний» и «центральный».

В XIX в. эта синонимичность способствовала употреблению названий «Центральная Азия» и «Средняя Азия» как взаимозаменяемых обозначений, примером чего могут служить отклики на выход книги А. Гумбольдта⁷.

Можно полагать, что именно синонимичность слов «средний» и «центральный» способствовала свободному использованию этих слов для образования географических терминов с одним и тем же значением⁸. При этом словосочетание «Средняя Азия» в силу давности своего существования в русском языке и прозрачной смысловой структуры явно преобладало и было в первой половине XIX в. наиболее часто употребляемым общим названием обширных внутренних областей Азии. Так, в известном многотомнике Иакинфа Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданном в 1851 г., т. е. всего 7 лет спустя после опубликования книги Гумбольдта «Центральная Азия», понятие «Средняя Азия» рассматривается очень широко. В те годы это, видимо, не вызывало недоумений, но спустя ровно сто лет при переиздании работ Бичурина потребовало специальных оговорок и разъяснений во вступительных статьях Н. В. Кюнера и А. Н. Бернштама⁹. В столь же широком географическом диапазоне пользуется термином «Средняя Азия» и продолжатель работы Иакинфа академик В. П. Васильев.

Ближе к нашему времени, в середине 80-х годов такого же широкого понимания термина «Средняя Азия» придерживался, как уже упоминалось выше, географ И. В. Мушкетов, а уже в начале нашего столетия — историк В. В. Бартольд, видимо, не без влияния построений И. В. Мушкетова, второе издание книги которого В. В. Бартольд до-

⁶ Широко пользуется этим термином Э. Мурзаев [5, 10], считающий его обобщенным обозначением Средней и Центральной Азии.

⁷ Так, библиографическая заметка, опубликованная в 1843 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (т. 38, отд. 7, стр. 31) гласила: «В Париже вышло новое сочинение знаменитого Гумбольдта о „Центральной Азии“. Вот краткий очерк этого творения». Однако в том же, 1843 г. в журнале «Отечественные записки» (т. XXX, отд. II) это «самое новое, только что появившееся в Европе творение Гумбольдта» именуется, как и вся статья о нем, «Средняя Азия».

⁸ Б. А. Вальская [10, 219] отмечает, что в географических работах Я. В. Ханькова и его современников там, где упоминается Средняя Азия, часто речь идет о Центральной Азии.

⁹ Н. В. Кюнер отметил, что обширная территория Средней Азии «в понимании нашего прославленного сиолога включает не только Центральную Азию, но и прилегающие области Сибири и современной Средней Азии, а также Маньчжурию с Приамурьем и Приморьем».

полнил в исторической части. Во всяком случае, в книге В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» термин «Центральная Азия» вообще отсутствует, и, даже говоря о книге Гумбольдта, Бартольд называет ее «книгой о Средней Азии» [1, 158].

Следует вместе с тем иметь в виду, что в последней четверти XIX в. в результате исследований русских путешественников и публикации соответствующих описаний и отчетов (Пржевальский, Певцов, Потанин, Роборовский, Козлов и др.) в литературе все шире распространяется название «Центральная Азия» в его ограниченном географическом значении. И не случайно в самом начале XX в. Энциклопедический словарь Брокгауза в статье, хотя и опубликованной под общим заглавием «Средняя Азия (Центральная Азия)», разграничивает физико-географическое содержание обоих терминов в понимании, приближающемся к современному¹⁰. И, наконец, после национального размежевания 1924 г. прочно устанавливается, но в большей мере политико-административное, нежели физико-географическое, содержание термина «Средняя Азия», формулировка которого приведена в начале предлагаемой статьи¹¹. Что же касается названия «Центральная Азия», то, судя по определениям современным справочников¹², им сейчас обозначают обширную природную зону Азии, расположенную преимущественно, если не целиком [5, 9—10], за пределами Советского Союза. Вместе с тем в течение нескольких последних лет термин «Центральная Азия» в историко-культурном значении стал широко применяться в общей и специальной научной литературе нашей страны для обозначения обширного района Азии, в исследовании истории культуры которого, начатом в международном масштабе ЮНЕСКО, приняли активное участие советские ученые. При осуществлении программы ЮНЕСКО в состав этого региона включаются не только страны и области Средней и Центральной Азии в упомянутом выше значении указанных терминов, утвердившемся в русской советской научной терминологии, но также и восточная часть Ирана (прежде всего Хорасан), Афганистана и северная часть полуострова Индостан.

* * *

В литературе на западных языках названия типа «Средняя Азия», «Центральная Азия» встречаются уже в самом начале XIX в. [9, 183], но в современной практике, как уже упоминалось, парные соответствия наличествуют полностью только в немецком языке, частично во французском и отсутствуют в английском языке, где имеется лишь одно название *Central Asia*, используемое для передачи двух русских названий — Центральная Азия и Средняя Азия.

Минусы передачи двух географических наименований различного содержания одним (*Central Asia* по-английски и *Asie Centrale* по-французски) очевидны. Такая передача создает недоразумения в библио-

¹⁰ «В настоящее время все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка называют чаще всего Внутренней Азией, причем восточной части этой огромной области, лежащей к востоку от Памира, придают по-прежнему название Центральная Азия, а западной, занимающей Туркестан, часть Арало-Каспийской низменности и Иран,— Средняя Азия. В более узком смысле под Средней Азией разумеют Туркестанский бассейн...» [12, 35]. В т. XXXVIII (75) того же словаря (1903 г.) имеется отсылка: «Центральная Азия — см. Средняя Азия».

¹¹ Сравним с самой последней формулировкой из Энциклопедического словаря географических названий: «Средняя Азия — часть азиатской территории СССР от Каспийского моря на западе до границы с Китаем на востоке и от Арало-Иртышского водораздела на севере до границы с Ираном и Афганистаном на юге» [13, 620].

¹² «...Центральная Азия — внутриматериковая часть Азии... Пл. около 6 млн. км²...» [13, 732]; «...Центральная Азия, включающая Тибетское нагорье Джунгарию, Кашгарию, Внутреннюю Монголию и МНР» [3, 282].

графии, на что еще четверть века тому назад указывал В. А. Обручев [11]. Она затрудняет понимание текста читателем, а от исследователя то и дело требует специальных оговорок и пояснений. Существующий разнобой в определении топонимов «Средняя Азия», «Центральная Азия» тормозит также составление различных справочников, словарей и пр. и требует пристального внимания лексикологов и топонимистов.

В советских изданиях наряду с *Central Asia* постепенно закрепляется и название *Middle Asia*. Спрашивается, нужно ли вводить это написание в норму, т. е. сделать обязательным для употребления, помещать в русско-английских словарях и т. д.? Ответу на этот вопрос должно предшествовать рассмотрение некоторых относящихся сюда внеязыковых обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925.
2. БСЭ, т. 40, изд. 2.
3. БСЭ, т. 1, изд. 3.
4. Гумбольдт А. Ф. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии, т. I, М., 1915.
5. Мурзаев Э. В далекой Азии, М., 1956.
6. Мушкетов И. В. Туркестан, изд. I, СПб., 1885.
7. Мушкетов И. В. Туркестан, изд. II, Пг., 1915.
8. [Неронов И.] Барона Гумбольдта А. путешествия в 1829 году по Сибири к Каспийскому морю. Перевел с подлинника И. Неронов, СПб., 1837.
9. Риттер К. Землеведение Азии, СПб., 1832.
10. Страны и народы Востока, т. X, М., 1971.
11. Труды второго Всесоюзного географического съезда, т. I, М., 1947.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза, т. XXXI (60), 1900.
13. Энциклопедический словарь географических названий, М., 1973.
14. Gumboldt A. *Über die Bergketten und Vulkane Inner Asien*, Berlin, 1830.
15. Webster, *New International Dictionary*, Springfield, Mass. USA, 1964.

Т. К. Шафрановская

**Г. И. СПАССКИЙ — ИЗДАТЕЛЬ
«СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА»
И «АЗИАТСКОГО ВЕСТНИКА»**

В 1818—1827 гг. в Петербурге печатались журналы «Сибирский вестник» и его продолжение «Азиатский вестник». Журналы издавались Григорием Ивановичем Спасским — известным историком и археологом Сибири.

Спасский родился в 1784 г. Он происходил из духовного сословия, закончил Московский университет, был знатоком горного дела и выполнял обязанности горного инженера на протяжении ряда лет. Трудовая деятельность Спасского началась очень рано. Еще к 1799 г. относится просьба Спасского о зачислении его по «собственному желанию» подканцеляристом Московского губернского правления. Некоторое время он совмещал обязанности подканцеляриста с занятиями в университете.

В Московском губернском правлении Спасский работал недолго. В 1800 г. он перешел в Берг-коллегию, откуда уволился в 1803 г. Однако связь с горным делом он не порывал. В том же, 1803 г. Спасский получил назначение в Томскую губернию, где приступил к упорному и разностороннему изучению Сибири, ее прошлого и настоящего. Интерес к ней сохранялся у Спасского на протяжении многих лет.

В 1804 г. Спасский получил дальнюю командировку для сбора топографических и хозяйственных сведений в Красноярск и Кузнецк. В 1806 г. он работал с П. Я. Потоцким, собирая ему материалы по Китаю. Затем в конце того же года Спасский стал земским начальником в г. Кузнецке. Подобное назначение едва ли было удачным, по видимому, поэтому в 1809 г. Спасский оставил эту должность и «по желанию своему и склонности зачислен в штат Колывано-Воскресенских заводов с переименованием из губернских секретарей в соответствующий горный чин берггешворена» [14, 178]. До 1817 г. он продолжал напряженно работать в качестве горного инженера преимущественно на Змеиногорском руднике.

Большое событие в жизни Спасского произошло в 1817 г. Он сопровождал караван, перевозивший серебро в Петербург, и после этого уже не вернулся в Сибирь, поступив в Горную экспедицию Кабинета его величества, находившуюся в столице. Именно с этого времени началась большая и очень интенсивная научная деятельность Спасского, продолжавшаяся до его смерти.

Но незабываемый памятник создал себе Спасский изданием в 1818—1827 гг. двух журналов: «Сибирский вестник» и «Азиатский вест-

ник» [18; 1]¹. Эти издания сохранили научное значение до наших дней. В журналах в числе других материалов печатались статьи Спасского, написанные им во время работы и путешествий по Сибири.

Существует мнение, что прекращение издания «Азиатского вестника» было вызвано увлечением Спасского новыми занятиями. Он принимал участие в деятельности Географического общества и напечатал в «Вестнике РГО» статью «Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии» [20]². При содействии Московского общества истории и древностей российских Г. И. Спасский опубликовал «Список с чертежа Сибирские земли» (1673) [21], а также заново издал географический памятник XVII в. «Книга, глаголемая Большой Чертеж» [10].

Спасский ушел в отставку в 1838 г. С этого года он мог полностью отдавать все свое время научным занятиям. Он со страстью отдался изучению древностей Черноморского края и для этого даже переехал в Одессу. В итоге этих занятий Спасским были напечатаны серьезные работы, в числе которых можно отметить «Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно» [3] и в особенности «Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями» [19].

Несмотря на усиленную работу по истории и археологии и печатание многочисленных работ, Спасский не оставлял полностью и своей профессии горного инженера. Он поместил несколько статей в «Горном журнале», а в 1841—1843 гг. выпустил составленный им «Горный словарь» в трех томах [5]. Только одна эта трудоемкая работа над словарем могла, казалось бы, занять ряд лет жизни составителя.

Григорий Иванович Спасский умер в Москве 29 апреля (ст. ст.) 1864 г. Он при жизни был признан как ученый, знаток истории и археологии Сибири. Он был действительным членом Географического общества и Московского общества истории и древностей российских, членом-корреспондентом Археолого-нумизматического общества, членом Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств. В 1810 г. Спасский был избран Петербургской Академией наук членом-корреспондентом по разряду восточной словесности и древности. Три раза он выступал на страницах изданий, выпускавшихся Петербургской Академией наук [6; 9; 24].

Труды Спасского по истории и археологии Сибири составили целую эпоху в ее изучении. Громадная работа в целом, выполненная Спасским, по ее разнообразию и размерам кажется даже непосильной для одного человека. Но Спасский был очень одаренным, талантливым ученым. К этим данным присоединялась совершенно исключительная трудоспособность. Особенно отчетливо это видно при анализе журнала «Сибирский вестник»³. По существу, весь журнал делал Спасский. При

¹ Нельзя не обратить внимания на то, что возникновение «Сибирского вестника» относится к 1818 г. В том же году был основан Азиатский музей Академии наук. Никакой непосредственной связи между журналом и научным учреждением Академии не было. Но одновременное появление журнала и основание музея свидетельствуют о пробудившемся в то время интересе к Востоку.

² Новые данные о «Сказании о великой реке Амуре», сокращенный вариант которого и опубликовал Г. И. Спасский под названием «Сведения русских о реке Амуре в XVI столетии», см. в статье Б. П. Полевого «Новое о происхождении „Сказания о великой реке Амуре“» [12].

³ «Сибирский вестник», до 1823 г. выходил четыре раза в год. С 1823 г. по два раза в неделю. Подписка на журнал принималась «...у самого издателя, бергмейстера 8 класса Григорья Ивановича Спасского, живущего близ Аничкова моста по Троицкому переулку в доме г. действительного статского советника Дубянского под № 3, в газетной С.-Петербургского почтамта экспедиции и в книжных лавках: Глазуновых, Плавильщикова, Свешникова и Заикиных» (в Петербурге и Москве).

внимательном рассмотрении содержания видно, какие разнообразные материалы Спасский включал в «Сибирский вестник». В последних книжках журнала перед новым годом Спасский несколько раз печатал подробные объявления о подписке и помещал в них основные сведения об издании. Например, такое объявление напечатано в последней книжке журнала за 1819 г. следующего содержания: «I. Сибирские древности и достопамятности. Наблюдения и сочинения, касательно древнего состояния и истории Сибири; летописи сибирские. II. Изображения обитателей Сибири. Описание некоторых коренных или первобытных жителей Сибири. III. Путешествия по Сибири. Новейшие ученые и живописные путешествия по сему краю. IV. Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с нею. Сочинения и переводы ученого содержания и в особенности полезные для путешествующих по Сибири и тамошних жителей и проч. V. Смесь. Известия, какие будут доходить до издателя о новейших в Сибири происшествиях... всякие общепользные и любопытные статьи, не относящиеся ни к которому из предыдущих отделений».

Другое объявление о подписке в конце 1823 г. объясняет в какой-то степени происшедшую через два года перемену названия журнала, когда в 1825 г. вместо «Сибирского вестника» стал выходить «Азиатский вестник», издававшийся, как и прежде, Спасским. В объявлении 1823 г. говорилось об очень большом количестве материалов, собранных издателем не только о Сибири, но и других странах Азии. Тематику журнала предполагалось расширить. «Хотя при сем новом положении Сибирского вестника,—говорилось в объявлении 1823 г.,—можно бы и наименовать его Азиатским вестником, но издатель решается удерживать прежнее для него название потому боле, что в состав сего журнала войдут в 1824 г. статьи, касающиеся почти до одних только стран, которые сближаются с Сибирью по торговле или по другим отношениям». Таким образом, уже в 1823 г. было ясно, что «Сибирский вестник» перерастает в издание, посвященное Азии в целом.

Планы Спасского были вообще обширны. В том же объявлении 1823 г. сообщалось: «Кроме готовых уже многих статей для наполнения Сибирского вестника, издатель будет пользоваться иностранными книгами и журналами, в коих содержатся любопытные сочинения о восточных странах, и надеется поместить переводы с самих восточных языков, которые, если он признает нужным и возможным, будут печататься иногда вместе с подлинниками».

Первый отдел журнала стал теперь называться «История, география и статистика» (Сибири и стран Азии). Другой отдел получил также общее наименование «Этнография и народонаселение». В общем, издание Г. Спасского вполне соответствовало трудам специального учреждения, занимающегося востоковедением.

Все же у издателя возникали и определенные опасения. В том же объявлении 1823 г. он просил подписываться в сентябре—ноябре для «предварительного распоряжения в печатании потребного числа экземпляров». В конце же объявления говорилось, что в случае «малого числа подписавшихся или каких-либо других препятствий, могущих остановить сие издание, возвращены будут полученные деньги по принадлежности». Небезынтересно отметить, что для удобства читателей «Сибирский вестник» печатался таким образом, что страницы каждой статьи начинались с новой пагинации. Многие статьи печатались с продолжениями. Следовательно, статью с продолжениями можно было вырезать и переплести в виде отдельной книжки. Это и было разъяснено в специальном уведомлении (1819, ч. I). После этого в конце книжек журнала не раз помещались напечатанные титульные листы для наи-

более значительных статей и их оглавления. Ими следовало пользоваться при переплете статей в виде отдельных книжек.

Несомненным достоинством журнала было и то, что многие статьи иллюстрировались гравированными рисунками⁴: виды Сибири, изображения костюмов местных народов (киргиз в летнем и зимнем платье, киргизская женщина и девушка в обыкновенном платье), рисунки амулетов и др.; некоторые рисунки раскрашивались от руки (изображения одежды). Любопытно, что многие гравированные рисунки подписаны буквами «Г. С.». Возникает предположение: не гравировались ли они самим Спасским? Но такое предположение требует, конечно, подтверждения.

Иллюстрации «Сибирского вестника» в экземпляре библиотеки АН СССР сохранились далеко не все. Даже полного комплекта журнала (без пропуска отдельных книжек) нет в библиотеке Академии наук СССР. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина также нет полного комплекта журнала.

В первом разделе журнала, называвшемся «Сибирские древности и достопамятности», предполагалось печатать сибирские летописи. В нем удалось опубликовать впервые такие важнейшие исторические памятники, как Строгоновская летопись, летопись Саввы Есипова, отрывки из Черепановской летописи. Таким образом, Г. И. Спасскому принадлежит очень большая заслуга в издании важнейших источников по истории Сибири. К историческим работам этого же раздела журнала относилась работа «Поход Ермака», напечатанная в начале первой книжки журнала 1818 г. с портретом Ермака, вызвавшим письмо А. Н. Оленина.

А. Н. Оленин, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, человек очень эрудированный, прислал письмо, опубликованное в «Сибирском вестнике». Он писал, что на изображении Ермака к статье в «Сибирском вестнике» оказали влияние одежда и вооружение средневековых рыцарей Западной Европы, а это неверно. Поэтому Оленин предложил свой рисунок возможного портрета Ермака в одежде, соответствовавшей данным летописей и вооружению русского воина. Рисунок Оленина был воспроизведен в следующем номере «Сибирского вестника». Позднее рисунок был использован скульптором М. М. Антокольским при создании статуи Ермака, находящейся в Русском музее.

В том же, первом разделе помещалась целая серия статей по археологии Сибири. Археологические статьи писались Спасским и содержали совершенно новые для своего времени данные. Перечислим главные из них: «О древнейших сибирских начертаниях и надписях», «О сибирских древних курганах», «О древних развалинах Сибири», «Памятники древности Сибири северной и восточной», «О чудских копиях в Сибири».

Особый раздел журнала был назван «Изображение обитателей Сибири». К нему относились такие работы: «Народы, кочующие в верховьях реки Енисея», «Киргиз-кайсаки большой, средней и малой орды», по запискам капитана Андреева с дополнениями П. К. Фролова и Спасского, «Забайкальские тунгусы», «Телеуты, или белые калмыки», «Камчатские обычаи», «Нечто о жизни кочующих в Сибири народов». Эти работы содержат очень много сведений об образе жизни и быте народов Сибири.

⁴ В одном объявлении о подписке на журнал (1825 г.) сообщалось, что «в нем будут помещаться не только гравированные, но и литографированные иллюстрации. Характерное явление для времени смены гравюры литографией, победоносно прокладывавшей себе путь в печатном деле».

В разделе «Путешествия по Сибири» печатались описания путешествий самого Г. И. Спасского: «Путешествие по Тигиринским белкам», «Путешествие по южным Алтайским горам в 1809 году».

Наряду с описаниями своих путешествий Спасский печатал в журнале труды лиц, работавших по описанию и изучению Сибири, например «Отрывок из путешествия г. Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамута», «Путешествие М. М. Геденштрома по Ледовитому морю и островам оною, лежащим от устья Лены к востоку», «Путешествие геодезиста Пшеницина и промышленника Я. Санникова по островам Ледовитого моря», «Описание Байкала» с интересной картой. К этому же отделу относилась и «История плавания россиян из рек Сибири в Ледовитое море».

Очень много места уделялось «Сибирским вестником» публикации и материалам, касавшимся отдела «Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с нею». Это были «Путешествие в Китай казака Ивана Пеглина в 1620 году», «Путешествие Ф. И. Байкова в Китай с 1654 по 1658 год», «Дневные записки переводчика Путинцева в приезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжа и обратно в 1811 году», «О начале торговых и государственных сношений России с Китаем», «Об езунитах в Китае», «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию», перевод с китайского С. В. Липовцева, «Посольство из Тобольска к Бутухту-хану зюнгарскому», «Обозрение Зюнгарию», «Обозрение Монголии» А. В. Игумнова, «Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 году», из записок горного чиновника Бурнашева, «Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году» И. П. Шангина, «Путешествие армянского царя Готума к Батыю и Мансу-хану», текст был напечатан армянским шрифтом с параллельным русским переводом.

Таким образом, в «Сибирском вестнике» были опубликованы многочисленные материалы, имеющие первостепенное значение для изучения сопредельных с Россией стран Азии и истории сношений с ними.

В журнале появился еще новый раздел, которого не было в его первых книжках: «Собрание сведений по части наук и искусств». В нем была опубликована переписка о Сибири Карла Линнея с Эриком Лаксманом и Лаксмана с Линнеем и А. Л. Шлецером. Примечания составлены Г. И. Спасским.

На страницах «Сибирского вестника» была опубликована рукопись неизвестного автора: «Повествование о Сибири, переведенное с латинской рукописи XVII столетия». Через несколько лет историкам удалось выяснить, что это была рукопись Юрия Крыжанича.

В 1825 г. «Сибирский вестник» был переименован в «Азиатский вестник». Произошли ожидавшиеся уже ранее изменения. Интенсивность выпуска издания была снижена. «Сибирский вестник» выходил в виде двухнедельного издания, «Азиатский вестник» же за время своего существования (1825—1827) вышел лишь 6 раз.

Журнал «Азиатский вестник» выходил под длинным заглавием: «Азиатский вестник, содержащий в себе избранные произведения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения».

«Азиатский вестник» значительно отличался от своего предшественника. В нем были широко представлены материалы из западноевропейской литературы, посвященной Азии; помещалась критика иностранной литературы о странах Востока; говорилось о деятельности обществ по изучению Азии во Франции и в других странах (статья «Об азиат-

ских обществах»). Материал делился в журнале на следующие отделы: «Нации и искусства», «Путешествия», «Восточная словесность», «Азиатские новости и смесь».

Ряд статей в новом издании продолжал традиции «Сибирского вестника»: «Новейшее описание великой Бухарии», «Странствования Габайдулла Амирова по Азии — Бухара, Персия», «Письма из Сибири» с интересными сведениями о сибирских рудниках и заводах.

Совершенно новым был раздел «Восточная словесность». В нем печатались переводы произведений художественной литературы народов Востока. Встречались отдельные оригинальные переводы с персидского языка на русский. Но чаще всего печатались переводы из вторых рук — с переведенных уже текстов на французский язык.

Спасский умел подбирать интересный материал, например: «Рассмотрение историков азиатских», составленное по сочинению Юлия Клапрота «Memoires relatifs à l'Asie», напечатанному в Париже в 1824 г., «О изобретении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга», «О российской духовной миссии в Пекине».

В «Азиатском вестнике», как и в «Сибирском вестнике», печатались объявления о подписке на следующий год. В таком объявлении в конце 1825 г. было сказано: «Из вышедших книжек Азиатского вестника в 1825 году просвещенная публика видела, какой успех имело сие новое и довольно трудное предприятие. От внимания и одобрения ее зависит будущие труды издателя и самый жребий сего издания». Может быть, не только увлечения Спасского новыми для него темами и вопросами, но и недостаточное «внимание и одобрение» со стороны читателей были виной прекращения журнала.

В первом томе «Сведений о русском государстве и граничащих с ним стран Азии», изданном К. М. Бэрром и Г. Г. Гельмерсенем в 1839 г., было сказано: «Давно уже не выходило какого-либо журнала, посвященного изучению России и сопредельных стран Азии. Между тем в Западной Европе с нетерпением ждут такого издания. Однако даже и на русском языке после прекращения „Сибирского вестника“ нет подобного журнала» [23, 1].

В 1890 и 1891 гг. в «Этнографическом обозрении» были помещены два библиографических указателя А. А. Ивановского [7; 8]. В них приведены сведения об этнографических статьях, напечатанных в «Сибирском вестнике» и в «Азиатском вестнике».

Г. И. Спасский называл себя издателем журналов. Вероятно, правильнее было бы называть его также составителем и редактором. Он собирал материал и редактировал все статьи. Нередко он сопровождал их примечаниями. Оба журнала были целиком и полностью результатом труда талантливого и неутомимого Григория Ивановича Спасского. Значение и актуальность его научного наследства трудно переоценить. Последнее подтверждается тем, что о деятельности и трудах Г. И. Спасского мы находим и в наше время целый ряд научных работ и статей [15; 16; 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азиатский вестник», СПб., 1825—1827.
2. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, М.—Л., 1960, вып. I XVII в.
3. Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы отчасти Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изд. Г. Спасским, М., 1850, in folio с картой, 7 табл. монет и политипажными рисунками. (В этот

- сборник вошли статьи: Де Боза, гр. Поточского, акад. Келлера и самого издателя — Г. И. Спасского).
4. Б у д ы л и н а М. Г. И. Спасский (К 75-летию со дня смерти), — «Известия Географического общества», М.—Л., т. 71, вып. 8, 1939.
  5. Горный словарь, т. 1—3, 1841—1843.
  6. Замечания хозяйственные и до климата относящиеся, учиненные в 1811 и 1812 году в Барнауле корреспондентом Академии наук Г. Спасским, — «Технологический журнал, или собрание сочинений и известий, относящиеся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое имп. Академией наук», СПб., 1814, т. II, ч. 4.
  7. И в а н о в с к и й А. А. Указатель этнографических статей и заметок, помещенных в сибирских газетах от начала их издания, — «Этнографическое обозрение», М., 1890, № 2.
  8. И в а н о в с к и й А. А. Указатель этнографических статей, содержащихся в сибирских периодических изданиях от начала их существования, — «Этнографическое обозрение», М., 1891, № 4.
  9. Известие об убитом в Сибири неподалеку от Змеиногогорского рудника тигре и о каменном шегле, — «Умозрительные исследования», СПб., 1815, т. 4.
  10. Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению имп. Общества истории и древностей Российских Г. И. Спасским, М., 1846.
  11. М е ж о в В. И. Сибирская библиография, СПб., 1891, т. II.
  12. По л е в о й Б. П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре», — «Рукописное наследие древней Руси», Л., 1972.
  13. П ы п и н А. Н. История русской этнографии, СПб., 1892, т. 4.
  14. Русский биографический словарь, СПб., 1909, т., Смеловский—Суворина.
  15. Сергеев А. Деятельность Г. И. Спасского на Алтае (1803—1817 гг.), — в кн.: Е м е л ь я н о в И. П. (сост.) Родная природа. Сб. статей, очерков, рассказов и стихов о природе Алтая, Барнаул, 1968.
  16. Сергеев А. Д., Г. И. Спасский и А. М. Горохов, — этнографы алтайцев, — «Известия Алтайского отделения ГО СССР», 1969, вып. 9.
  17. Сергеев А. Д. Г. И. Спасский как археолог Алтая, — «Известия Алтайского отделения ГО СССР», 1970, вып. 13. Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса, ч. I.
  18. «Сибирский вестник», СПб., 1818—1824.
  19. С п а с с к и й Г. И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями, М., 1846.
  20. С п а с с к и й Г. И. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии, — «Вестник РГО», СПб., 1853, ч. 7, отд. 2.
  21. Список с чертежа Сибирские земли, заимствованный из рукописного сборника XVII в. и объясненный примечаниями имп. Московского общества истории и древностей Российских членом Г. И. Спасским, — «Временник общей истории и древностей российских», М., 1849; то же, отд. оттиск, М., 1849.
  22. Т и т о в А. А. Сибирь в XVII в., М., 1890.
  23. Beiträge zur Kenntniss der Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Herausgegeben von K. E. v. Baer, und v. Helmersen, St. Pbg., 1839, Ankündigung.
  24. Tungusische Wörtersammlungen von A. F. Middendorf, G. I. Spassky und M. G. Gerstfeld — M. A. Castren's. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wiss. Herausgegeben von A. Schiefner, St. Pbg., 1856.

Названия рек, озер и гор на чертежах Ремезова
(Район вершины Оби)

Название на чертежах	В каком месте сделана надпись	На каком чертеже*	Современное название
1. оз. Кан	в вершине Катуня	16, 2, 36	см. прим. 1
2. р. Катуня		1а, 16, 2, 3а, 36	р. Катунь
3. р. Бирюза-Ахай	левый приток Катуня в ее вершине	16, 2, 36	?
4. р. Чуй	правый приток Катуня в ее верхнем течении	16, 2, 36	р. Чуя
5. р. Чарас	левый приток Катуня в ее среднем течении	16, 2, 36	?
6. р. Аир	правый приток Катуня в ее среднем течении	16, 2, 36	?
7. р. Таржа	левый приток Катуня в ее нижнем течении	16, 36	?
р. Таежа	то же	2	
8. р. Найма	правый приток Катуня	1а, 16, 2, 3а, 36	р. Майма
9. р. Иша	то же	1а, 16, 2, 3а, 36	р. Иша
10. оз. Алтын, или Телецкое	надпись у Телецкого озера	1а, 3а	оз. Телецкое по-алтайски Алтын-кель оз. Телецкое
11. оз. Теленба	надписано Телецкое озеро	36	
12. Курья	у восточного берега Телецкого озера	1а, 3а	залив Камга
13. Звоз	в том месте, где дорога из Кузнецка подходит у Курьи к Телецкому озеру	1а, 3а	
14. р. Чулушман	приток Телецкого озера	1а, 16	р. Чулушман
р. Чюлушман	то же	2, 3а, 36	?
15. р. Каратан (с притоком р. Ачи)	< >	2, 36	?
р. Каратан	< >	16	
16. р. Караташ	< >	16, 2, 36	?
17. р. Черна	< >	2, 36	
р. Черная	< >	1а, 3а	р. Кыга (?)
18. гора Ик	у берега Телецкого озера	1а, 3а	см. прим. 2
19. р. Бия		1а, 16, 2, 3а	р. Бия
р. Биша		36	
20. Камень Алтын Кадасун	с правой стороны Бии у ее выхода из Телецкого озера бассейн р. Бии	16, 2, 36	см. прим. 3
21. р. Клык	то же	2а, 16, 2, 3а, 36	р. Клык
22. р. Багор	то же	16, 36	р. Байгол
р. Багур	< >	1а, 3а	
23. р. Лебедь	то же	1а, 2, 3а	р. Лебедь
24. р. Неня	< >	1а, 2, 3а	р. Неня
р. Нея	< >	16, 36	
25. р. Битемир	< >	1а, 2, 3а	р. Бехтимир
р. Витерми	< >	16	
26. р. Ирмень	нижняя часть Катуня	2	?
27. р. Обь		1а, 3а	р. Обь
28. отсель Обь	у устья Катуня	1а, 3а	

Название на чертежах	В каком месте сделана надпись	На каком чертеже	Современное название
29. Вершина р. Оби	вблизи устья Катуня	16	?
30. р. Кунчюр	левый приток Бии	1а, 3а	?
31. р. Алис	левый приток Оби ниже устья Катуня	1а, 3а	р. Алей; см. прим. 4
р. Алии	то же	2	то же
32. р. Чарашы	« »	1а, 3а	р. Чарыш; см. прим. 4
р. Шарашы	« »	2	то же
33. р. Дюля	« »	1а, 3а	р. Ануй (?) см. прим. 4
р. Дюли	« »	2	
34. р. Касмели	левый приток Оби ниже устья Катуня	1а, 2а, 3	р. Касмала, см. прим. 4
35. р. Бороноур	то же	2а, 2, 3а	р. Барнаука см. прим. 4
36. р. Тюрюк	правый приток Оби ниже устья Катуня	1а, 3а	?
37. р. Ичары	то же	3а	?
38. р. Туры	« »	1а	?
39. оз. Иккуль нижнее	на правом берегу Оби ниже устья Бии	1а, 3а	оз. Иткуль
40. р. Сарычюмыш	правый приток Оби	1а, 3а	р. Чумыш

* Приняты следующие обозначения чертежей:

1а — чертеж земли Кузнецкого города из Чертежной книги Сибири;

16 — чертежи земли всей безводной и малопроездной каменной степи из Чертежной книги Сибири; 2 — вершина Оби из Хорографической чертежной книги; 3а — чертеж земли Кузнецкого города из Служебной чертежной книги; 3б — чертеж «всех камней потока рек имени наличия снискательно бывальцы и уроженцы» из Служебной чертежной книги.

Примечания

¹ По притокам Катуня в верхнем ее течении известно несколько сравнительно небольших озер. Возможно, одно из них раньше называлось оз. Кан.

² Гора Ик, видимо, никуда — «жертвенная гора».

³ Возможно, что «камень Алтын» это гора Алтынту — «золотая гора», которая, однако, находится не в северной, а в южной части Телецкого озера.

⁴ Левые притоки Оби ниже устья Катуня надписаны на чертежах не в том порядке, в котором они расположены в действительности. На чертеже «Вершина Оби» из Хорографической чертежной книги эти реки показаны впадающими в нижнюю часть Катуня, которая названа здесь р. Ирмень.

**Этнографические и другие надписи
на чертежах Ремезова**

Содержание надписи	В каком месте чертежа сделана надпись	На каком чертеже (см. прил.1)
1. На вершине Оби и Катуня ко- чевья горных калмыков	у вершины Катуня	16
2. У(рочище) Долон, Калтан Улус Долон	у Чуи, правый приток Катуня	2, 36
3. Комляши	то же на правой стороне среднего течения Катуня	16 16, 36, 2
4. Волость Комляши Таутелеуты	то же по правой стороне Катуня у рек Наимы и Иши	1а, 3а 1а, 16, 2, 3а, 36 16
5. Гарамунулы Шаракматулы (?) Шармунулы	у Иши « » « »	2 36
6. Тайша Тархан	на правой стороне нижнего течения Катуня	16, 2, 36
7. Карабитцы	на левой стороне верхнего течения Катуня	16
8. Карабатцы Тайша Ламаши	то же на левой стороне среднего течения Катуня	2, 36 16, 2, 36
9. Манжи Тархат	на левом берегу Катуня против устья Иши	16, 2, 36
10. Урочище Карагай	по левой стороне нижнего течения Катуня	16, 2, 36
11. Карасагалцы	то же	16, 2, 36
12. Карагайцы	вблизи устья Катуня	1а, 3а
13. Тележцы	по левой стороне Катуня	2
14. Алтыри	у восточного берега Телецкого озера	16, 2, 36
15. Царство Алтырско (на чер- теже 16, 2 — условно знак — город)	то же « »	16 16, 2, 36
16. Саянцы	у вершины Телецкого озера	1а, 16, 2, 3а, 36
17. Телен орда	у вершины Телецкого озера	16, 2, 36
18. Теленбуты	то же	16, 2, 36
18. Волость Кергеси	у нижнего конца Телецкого озера	1а, 3а
20. Волость Кертенска	на правой стороне Бии	16, 2, 36
21. Волость Карсапалы	то же	1а
22. Волость Шалкалы	по правой стороне Бии (район р. Лебедь)	1а, 16, 2, 36
23. Волость Шаркалы	то же	3а
24. Куманда	по правой стороне Бии	16
24. Волость Верхняя	то же	1а, 3а
25. Волость Нижняя	« »	1а, 2, 3а, 36
26. Куманда Черные калмыки	на левой стороне Катуня вблизи ее устья	1а, 3а
27. Белые калмыки Шадаевы	на левом берегу Оби ниже устья Катуня	1а, 3а
28. Белые калмыки Табуновы	на левом берегу Оби ниже устья Бороноура (р. Барнаулки)	1а, 3а
29. Телеуты	на правом берегу Оби ниже устья Сарычюмыша (Чумыша)	1а, 3а
30. Оз. Алтын Тележское в длину водою в лотках по 3 дни. А поперег день Кузнецкого до него коннова х{ода} 6 дней	у Телецкого озера	1а

Содержание надписи	В каком месте чертежа сделана надпись	На каком чертеже
31. Дорога от устья Бии и Катуня до Кузнецкого конем 5 дней	у устья Бии	3а
32. Езду около Теленбы вдоль 3 д[ни] поперек 1 де[нь]	у Телецкого озера	16, 36
33. Тут самоцветное каменье	между Телецким озером и вершиной Абакана	2, 36
34. Руски золотой прикол	вблизи Телецкого озера на правой стороне Бии	16, 2, 36

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Александра Васильевича Королева	5
Ю. Д. Дмитриевский. Некоторые проблемы экономического районирования развивающихся стран	10
В. С. Ягья. Размещение хозяйства и некоторые политико-географические процессы в «третьем мире»	17
Г. И. Чуфрин. Развивающиеся страны Азии во внешнеэкономических связях Индии	24
И. В. Сахаров. Бенгальцы в Ассаме (Этнодемографический анализ языковых данных переписей населения)	33
С. А. Маретина. Основные задачи изучения горных народов Северо-Восточной Индии	44
В. А. Пуляркин. Хозяйство кочевников Южной Азии (географический очерк)	53
А. Д. Дридзо. Положение индийцев Тринидада (вторая половина XIX — начало XX в.)	67
Ю. В. Маретин. Этно-национальное развитие Индонезии и проблема централизации и автономии	91
Н. Г. Краснодембская. О религиозно-культурной системе сингалских буддистов	106
В. А. Ромодин. Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана	116
А. Н. Козлова. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана	125
П. П. Бушев. Путешествие иранского посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека в Москву в 1690—1692 гг.	135
Т. А. Шумовский. «Великие острова» в морской энциклопедии Ахмада ибн-Маджида (XV в.)	173
Г. П. Михалевич. Персидский энциклопедический трактат XII в. (К истории ремесла и быта в странах средневекового Ближнего Востока)	180
В. С. Стариков. Из истории возникновения городов в Маньчжурии	189
Е. И. Лубо-Лесниченко. Фарфоровые изделия из Хара-Хото	199
А. П. Терентьев-Катанский. Легенда о «Белой земле»	209
Б. П. Полевой. Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа	213
Л. А. Гольденберг. Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе»	228
М. Ф. Розен. Вершина реки Оби и Телецкое озеро на первых чертежах и картах Сибири	234
Б. А. Вальская. Дискуссия в Географическом обществе о русском словаре географической терминологии Я. В. Ханькова (1847 г.)	242
<u>Н. А. Кисляков.</u> О сущности понятия «патронимия»	269
<u>А. Г. Шпринцин.</u> Обозначения топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках	281
Т. К. Шафрановская. Г. И. Спасский — издатель «Сибирского вестника» и «Азиатского вестника»	288
Приложения к статье М. Ф. Розена	295

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

вып. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *З. Д. Кастельская*
Младший редактор *И. А. Бодячская*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *Л. М. Кольцина*

Сдано в набор 22/IX 1975 г. Подписано к печати 17/III 1976 г. А-06530. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага № 1. Печ. л. 18,75. Усл. п. л. 26,25
Уч.-изд. л. 26,58. Тираж 2000. Изд. № 3640
Зак. 757. Цена 3 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

